

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

Б.Г.Алиев, А.О. Муртазаев

**ФЕДЕРАЦИЯ ДАРГИНСКИХ СОЮЗОВ
СЕЛЬСКИХ ОБЩИН АКУША-ДАРГО
В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.:
Вопросы социально-экономической
и политической истории**

Махачкала 2008

ББК 63.3 (2 Рос-Даг)

УДК 94 (470.67)

А-50

*Рекомендована к изданию решением ученого совета
Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
научного центра РАН (протокол № 13 от 26 декабря 2008 г.)*

Ответственный редактор:

А.Р. Шихсаидов, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:

Н.А. Магомедов, доктор исторических наук, профессор

Д.С. Кидирниязов, доктор исторических наук

А.Г. Мансурова, кандидат исторических наук

А-50 Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX вв.: Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2008. – 400 с.

ISBN 978-5-98390-042-4

Монография посвящена одному из самых известных, больших и сильных федераций союзов сельских общин даргинцев Акуша-Дарго, состоявшей из 5 верхнедаргинских союзов. Работа написана на основе многочисленных архивных материалов страны и стран СНГ, имеющей кавказоведческой литературы и большого историко-этнографического материала. Впервые в монографии подробно изучаются все вопросы социально-экономического, политического и культурного развития Акуша-Дарго. Показано положение и роль федерации в период народно-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни 20-50-х годов XIX в.

ББК 63.3 (2 Рос-Даг)

УДК 94 (470.67)

*Авторы выражают благодарность за издание книги Президенту
Благотворительного фонда им. шейха Абдурахмана-хаджи ас-Сугури
Гамзату Магомедовичу Гамзатову.*

ISBN 978-5-98390-042-4

© Алиев Б.Г., Муртазаев А.О., 2008

© ИД «Эпоха», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА..... 5

§ 1. История изучения вопроса 5

§ 2. Источники 24

Раздел I. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие федерации Акуша-Дарго (с древнейших времен до середины XIX в.).

ГЛАВА I. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

О ДАРГИНЦАХ 30

§1. Ранние сведения о даргинцах 30

§2. Образование союза верхнедаргинцев Акуша-Дарго 48

§3. Историческая география Акуша-Дарго 68

ГЛАВА II. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ АКУША-ДАРГО 78

§1. Земледелие 79

§2. Садоводство и огородничество 87

§3. Скотоводство 92

§4. Сельскохозяйственный календарь 99

§5. Домашние промыслы и отходничество 104

§6. Торговля и торговые пути 111

ГЛАВА III. ЗЕМЕЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ...121

§1. Формы земельной собственности и землепользования 121

§2. Социальный состав населения 145

§3. Место институтов патриархально-родового строя
в социальной жизни Акуша-Дарго 163

ГЛАВА IV. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ

УСТРОЙСТВО АКУША-ДАРГО 176

§1. Состав федерации в XVII – начале XIX в 176

§2. Органы власти и управления союзов обществ
и федерации 180

§3. Генеалогия акушинских кадиев и их роль в системе
управления федерации Акуша-Дарго 196

§4. Военная организация 199

ГЛАВА V. КУЛЬТУРА АКУША-ДАРГО205

Раздел II. Акуша-Дарго в системе политических структур

Дагестана и его внешнеполитическое положение

(XVII – первая половина XIX в.).

ГЛАВА I. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

АКУША-ДАРГО221

§1. Взаимоотношения с феодальными владениями и
союзами сельских общин Дагестана221

§2. Роль Акуша-Дарго в борьбе народов Дагестана
с Надир-шахом231

§3. Участие Акуша-Дарго в политических событиях
второй половины XVIII в..... 246

§4. Акуша-Дарго во главе борьбы против колониальной
политики России в Дагестане в начале XIX в261

ГЛАВА II. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

АКУША-ДАРГО277

§1. Акуша-Дарго в борьбе народов Дагестана с ирано-турецкой
агрессией в XVII – начале XVIII в277

§2. Взаимоотношения Акуша-Дарго с Россией в XVII –
первой трети XVIII в. и вхождение его в состав России303

**ГЛАВА III. АКУША-ДАРГО И НАРОДНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРЦЕВ**

ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ в 20-50-х гг. XIX в 331

§1. Акуша-Дарго и начальный этап народно-освободительной
борьбы народов Дагестана и Чечни 331

§2. Акуша-Дарго в народно-освободительной борьбе народов
Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в343

ЗАКЛЮЧЕНИЕ361

БИБЛИОГРАФИЯ367

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ398

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

§ 1. История изучения вопроса.

В изучении истории народов Дагестана отечественная историческая наука за последние годы достигла значительных успехов. Тем не менее, имеется еще ряд периодов и вопросов, не ставших предметом специального исследования. Одним из таких неосвещенных вопросов является проблема социально-экономического и политического строя союза сельских общин Акуша-Дарго.

До присоединения к России на территории Дагестана находилось от 60 до 90 объединений различных сельских обществ¹, в которых проживало более половины населения Дагестана. «Вольные» общества занимали всю территорию высокогорного, а также часть среднего и Южного Дагестана.

Особенностью общественного строя «вольных» обществ являлось переходное состояние их от родоплеменного к классовому обществу и связанная с этим многоукладность.

В социально-экономическом развитии «вольных» обществ было много общего – хозяйственная деятельность населения, формы земле-владения и землепользования, структура политического управления, существование джамаата и тухума, недоразвитость классовых отношений по сравнению с оформившимися феодальными владениями Дагестана, наличие стойких пережитков родоплеменного строя и т.д.

Конкретное исследование социально-политической истории любого из союзов сельских общин даст возможность проследить закономерности их развития, имеющиеся специфические особенности, объясняемые как внутренними, так и внешнеполитическими причинами, а также общность и различия с феодальными владениями Дагестана. Исследование же группы союзов, составляющих единую и цельную политическую систему, дает возможность сопоставить ее с феодальными образованиями и показать ее роль в сложной политической системе Дагестана.

Именно поэтому нами избрана в качестве исследования проблема

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 369; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1960; Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999.

социально-экономической и политической истории одной из больших и сильных федераций союзов «вольных» обществ даргинцев – Акуша-Дарго.

Актуальность изучения поставленной темы определяется не только тем, что она имеет научно-познавательное, но и важное практическое значение. Достаточно сказать, что не изучив социально-экономический строй так называемых «вольных» обществ, вообще и их федераций нельзя сколько-нибудь верно написать историю народов Дагестана в целом.

История союзов сельских общин Дагестана и в частности федерации союзов даргинских общин (Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Усишинский и Мугинский), объединенных в союз Акуша-Дарго во главе с наследственным кадием, давно привлекала внимание исследователей. Во многих работах, посвященных истории Дагестана, затрагивается и историческое прошлое даргинских союзов.

Самой ценной и наиболее интересной как по времени написания, так и по кругу охваченных вопросов является работа И.-Г. Гербера.¹ В ней наряду с другими политическими образованиями Дагестана дается описание «Территории Акуша»; при этом имеются в виду все союзы Верхней Даргинии во главе с сел. Акуша, почему часто верхнедаргинцы выступают под именем акушинцев, а их территория – как территория Акушинского союза.

Сведения «Известий» И.-Г. Гербера касаются географического положения Акуша-Дарго, заселенности территории и населения его, занятий жителей, взаимоотношений их с другими народами Дагестана, политического управления, воинских сил.²

Хотя многие вопросы в сочинении И.-Г. Гербера даны в самых общих чертах и не со всеми утверждениями автора можно согласиться (например, что жители Акуша-Дарго занимались только овцеводством, или что они были «народом совсем вольным»), это первая работа, в которой охвачен такой большой круг вопросов социально-экономического и политического положения верхнедаргинцев в первой трети XVIII в.

1 Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, июль-октябрь 1760; См. также: История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

2 Там же. С. 111; 101-102.

Некоторые сведения, имеющие отношение к истории Акуша-Дарго, содержатся в работе Ф.И. Вольфа, который в 1722-1724 гг. состоял на русской службе в прикаспийской зоне Кавказа и на основе виденного и собранного им материала около 1734 г. составил краткое описание некоторых областей Кавказа. «Описание» Ф.И. Вольфа вошло в состав «Путешествия»¹ врача русской государственной службы И.Я. Лерха, совершившего в 40-х годах XVIII в. поездку в Персию при русском посольстве. Затрагиваются здесь и отдельные вопросы истории верхнедаргинцев: занятия населения, взаимоотношения с Кайтагским уцмийством и с Россией и т.д.²

Внимание к Дагестану особенно усиливается с конца XVIII в. «С этого времени начинается период научного кавказоведения в противоположность предыдущему периоду, который можно назвать периодом накопления сырого материала и первичной его обработки».³

В 1770-1773 гг. побывал на Кавказе, в том числе в Дагестане, акад. И.А. Гильденштедт. В его сочинении, изданном посмертно, освещаются такие вопросы, как территория Акуша-Дарго, его состав, численность населения, отдельные отрасли хозяйства, рассматриваются взаимоотношения Акуша-Дарго с соседними феодальными владениями.⁴

С.М. Броневский в начале XIX в. написал работу,⁵ в основу которой положены документальные архивные и литературные материалы и сведения по истории и этнографии, собранные им в различных местах Кавказа. С.М. Броневский больше, чем предшественники, обратил внимание на общественные отношения в Дагестане, в том числе у даргинцев. Он отмечает три формы правления в Дагестане: монархическую, аристократическую и демократическую. К демократическому, или народному, правлению он относит и «Акушинские общества», а Цудухар – к числу «лезгинских федеративных республик».⁶ В работе С.М.

1 Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 гг. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. 52.

2 Там же. С. 74

3 Зевакин Е.О. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII-XVIII вв. // Краткие сообщения института этнографии, 1946. № 1. С. 84.

4 Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 130-131.

5 Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1-2.

6 Там же. С. 40.

Броневского содержатся сведения о населении Акушинского союза (отмечается его многочисленность), его политическом положении, взаимоотношениях с другими народами Дагестана¹ и т.д. Но в ней, наряду с архаизацией общественного строя даргинских и других союзов, имеются ошибочные утверждения, как например, о том, что акушинцы и дженгутаевцы говорят на одном языке.²

Хотя С. Броневский преувеличивал остатки патриархально-родовой демократии в союзах сельских общин, значение его труда в том, что здесь сделана первая попытка в дореволюционной историографии дать общую характеристику их общественного строя.

Именно со времени С.М. Броневского в кавказоведческой литературе для оценки общественного строя союзов сельских общин Дагестана и их федераций, как и других народов Кавказа, стали распространены употребление в различных вариантах и формулировках термины «вольное общество», «республика», «республиканское управление», «демократическое управление», «федеративная республика».

Более полно, чем у предшествующих авторов, вопросы по истории Акуша-Дарго подняты в работе П. Зубова «Картина Кавказского края».³ Здесь показано географическое положение Акуша-Дарго, говорится о численности его населения, политическом управлении, взаимоотношениях даргинских союзов с феодальными владениями, дорогах, связывающих их с другими союзами и владениями Дагестана и т.д.⁴

Ряд вопросов истории союза Акуша-Дарго затронут в работе О. Евецкого.⁵ Общества верхнедаргинцев автор называет «вольными» и подразделяет их на «даргинские и акушинские» и вместе с сюргинцами перечисляет в составе «лезгинских племен».⁶ В работе подчеркивается развитость скотоводства в союзе, говорится об управлении, наличии большой власти и уважения у акушинского кадия, роли народного собрания, на котором решались «главные дела».⁷

О политическом положении Акуша-Дарго, многочисленности, административном управлении говорится в работе Н. Данилевского.⁸ Но

1 Там же. С. 59.

2 Там же.

3 Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835. Ч. 3.

4 Там же. С. 223, 235, 241-242, 247-248, 249, 251, 252, 253.

5 Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.

6 Там же. С. 30.

7 Там же. С. 55, 90, 91, 230.

8 Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 157-158.

она, как уже отмечено исследователями,¹ содержит много ошибок и нелепостей, вроде того, что Дженгутай, Кубачи, Утемыш, Каркашей (?), Берекей, Великент, Маджалис входили в состав Акуша-Дарго, а Цудахар – в Казикумухское владение. Не понятно, что за Даргинское «вольное» общество, когда дано Акуша-Дарго.²

В работе А.А. Неверовского³ имеется краткое описание хозяйства, взаимоотношений Акуша-Дарго с уцмийством Кайтагским и Россией, положения союза после похода Петра I в Дагестан, которое дополняет описания аналогичных вопросов, поднятых в работах предшественников.

Во второй половине XIX в. делается попытка более глубокого исследования общественного строя народов Дагестана. Однако и в работах этого периода их авторы не пошли дальше своих предшественников в оценке уровня социально-экономического развития верхнедаргинских союзов.

Среди работ, изданных в это время, следует прежде всего указать на «При-Каспийский край» А. Берже,⁴ где автор останавливается на комплексе вопросов социально-политической истории народов Дагестана, в том числе даргинцев. Автор говорит о присоединении Акуша-Дарго к России, описывает территорию и дороги, показывает состав союза, административное устройство, занятия населения (земледелие, садоводство, домашние промыслы, торговля), перечисляет базары, количество населения в основных селах и т.д.⁵ Хотя работа А. Берже и содержит ряд неправильных утверждений, это первый труд с охватом такого широкого круга вопросов, почему и представляет большой интерес.

В 60-е годы XIX в. А. Комаров характеризовал «вольное» общество как объединение, основанное на родоплеменных отношениях.⁶ В то же

1 Кавказ. 1847. № 14. С. 56; Козубский Е. Опыт библиографии Дагестанской области // Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 54; Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. 1. М., 1955. С. 338.

2 Данилевский Н. Указ. соч. С. 122, 186.

3 Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

4 Берже А. При-Каспийский край // Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856.

5 Там же. С. 121, 136, 137, 278, 285, 287-288, 294-298, 303-307, 316-318, 323, 326-327, 331-332, 335, 336, 338, 339.

6 Военный сборник. 1863. № 8. С. 387.

время в работах А. Комарова затронуты такие вопросы истории Акуша-Дарго, как состав союзов, их названия, названия должностных лиц, власть акушинского кадия и других представителей духовного управления, судопроизводство и т.д.¹

Большой интерес представляет трехтомная работа П.Г. Буткова.² С 1791 по 1803 год П.Г. Бутков служил на Кавказе и имел возможность знакомиться и собирать важные исторические документы, на основании которых и написан его труд. В первом томе работы П.Г. Буткова затронуты в основном те же вопросы социально-экономической и политической истории Акуша-Дарго, что и в приведенных выше трудах. Вместе с тем, в ней впервые среди изданных работ встречаются имена отдельных акушинских кадиев, сведения о совете старейшин как органе, существующем при главном кадии союза и т.д.

Наиболее видное место среди дореволюционных исследователей занимают работы известного кавказоведа М.М. Ковалевского. Собранный большой фактический материал по истории, этнографии и обычному праву горцев Дагестана, в том числе и даргинцев, М.М. Ковалевский обобщил его в своем капитальном двухтомном труде,³ в котором сделана попытка всесторонне исследовать общественное устройство народов Кавказа. Однако в своих интерпретациях М.М. Ковалевский ошибочно считал тухум «родовой организацией», составляющей «основу общественного быта дагестанских горцев».⁴ Он писал, что словом «тухум» «выражают понятия рода, как общее правило: и в Табасаране, и в Кайтаге, и в Даргинском округе, и в Кюринском, и во всех горных аулах, занятых лезгинской народностью».⁵ В результате он пришел к выводу, что в Дагестане в XIX в., **разумеется, в том числе и в Акуша-Дарго, господствовал родовой строй.**⁶

1 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. (Материалы для статистики Дагестанской области) // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I; Его же. Списки населенных мест Дагестанской области: Сборник статистических сведений о Кавказе // ИКОИРГО. Тифлис, 1869 Т. I; Его же. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОРГО. Тифлис, 1873. Т. VII.

2 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1-3.

3 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе: В 2-х т. М., 1890.

4 Там же. Т. II. С. 159.

5 Там же. С. 146-147. См. также: Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., 1888. Т. 29. Кн. 3. С. 532.

6 Там же. С. 131, 146, 516.

В целом ошибки М.М. Ковалевского были связаны с тем, что он акцентировал внимание лишь на тех нормах жизни горцев, которые были характерны для родового строя, и не учитывал того обстоятельства, что многие из них, сохранив старые формы, в условиях XIX в. **изменили свое содержание**. Как писал В.К. Гарданов, М.М. Ковалевский, как и другие дореволюционные исследователи, преувеличивал «реальное значение патриархально-родового уклада в общественном строе» народов Кавказа «и, увлекшись изучением пережитков архаических общественных форм», склонен был «не замечать того, что они скрывали за собой по существу уже феодальные отношения».¹

В работе М.М. Ковалевского имеются и конкретные примеры по различным вопросам социально-политической истории даргинских союзов: он останавливается на структуре тухума и джамаата, происхождении тухумов, родственных связях и степенях родства, функциях власти акушинского кадия, сельских старшин и старшин акушинского джамаата, выборности их из одних и тех же фамилий, судопроизводстве и т.д.²

Ряд вопросов социально-экономической и политической истории даргинских союзов затронут также в работах Н. Дубровина, В. Вилльер де Лиль-Адама, Ф.И. Леонтовича, Д.Н. Анучина, Ф. Щербины, В. Потто, П.К. Услара, Е.И. Козубского, П.В. Гидулянова, С. Эсадзе,³ в которых также архайзируется дагестанский тухум. Так, С. Эсадзе считал тухум «родовым союзом» в самом широком значении этого слова.⁴ Он писал, что общества Акуша-Дарго управляются «своими родовыми кадиями

1 Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. С. 13.

2 Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. II. С. 160-163.

3 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. I; Вилльер де Лиль Адам В. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1882-1883. Ч. 1-2; Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. СПб., 1884. Т. XX. Вып. IV; Щербина Ф. Общественный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. Кн. 1; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. Т. I. Вып. I; Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892; Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области за 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895; Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 1-3; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом: В 2-х т. Тифлис, 1907.

4 Эсадзе С. Указ. соч. Т. I. С. 169.

и избираемыми старшинами ежегодно под главною зависимостью акушинского кадия».¹

Большое место даргинским обществам уделено и в трудах, посвященных движению горцев северо-восточного Кавказа под руководством Шамиля. Это работы А. Юрова,² А. Ржевусского,³ Н.А. Волконского⁴ и др. В работах этих и других авторов того времени показана позиция даргинских союзов в те или иные периоды по отношению к движению горцев, затронут ряд вопросов социально-экономической и политической истории союзов Акуша-Дарго, таких, как: влияние акушинского и цудахарского кадиев на народ, взаимоотношения верхнедаргинцев с другими народами Дагестана, влияние Акуша-Дарго на происходившие в Дагестане события, власть акушинского кадия, занятие населения союза, народонаселение и т.д.

Несмотря на архаизацию общественного строя даргинских союзов, как и союзов сельских общин Дагестана в целом, работы перечисленных выше авторов, и в особенности труды М.М. Ковалевского, не утратили и до сих пор своего научного значения. Во многих из них подняты важные вопросы истории союзов Акуша-Дарго, обращено внимание на их социально-экономическое развитие и административно-политическое устройство. Кроме того, в них содержатся ценные фактические материалы, многие из которых не дошли до нас.

В целом же дореволюционная дворянско-буржуазная историография архаизировала уровень социально-экономического и политического строя даргинцев. Эта ошибочная концепция являлась результатом анализа лишь внешних форм быта горцев. В оценке сущности социально-экономического строя союзов сельских общин они, как правило, руководствовались пережиточно сохранившимися институтами родового строя.

Как писал М.О. Косвен, «от представления о подлинном состоянии и характере родовых форм и отношений, существовавших у народов Кавказа в ту эпоху, русские наблюдатели того времени были довольно

¹ Там же. С. 179.

² Юров А. 1843 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI; Его же. 1844 год на Кавказе // КС. Т. VII. Тифлис, 1883.

³ Ржевусский А. 1845 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI.

⁴ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847 год. Осада Гергебили и взятие Салты // КС. Тифлис, 1882. Т. VI.

далеки, что глубокий распад родового строя, наличие в общественных отношениях, даже самых отсталых народов Кавказа глубокого социального расслоения, проникновение уже в ту пору в самые глухие ущелья кавказских гор классовых отношений, – все это осталось недоступным методологически и идеологически не вооруженному взору наблюдателей той эпохи».¹

Дореволюционные исследователи не замечали классовых противоречий, существовавших в союзах сельских общин, видимость свободы и демократизма принимали за действительность.² Они не учитывали также конкретные исторические и естественно-географические условия, которые наложили отпечаток на характер и своеобразие социальных отношений, и проводили параллели с развитыми феодальными государствами.

Следует отметить, что только в результате учета местных специфических условий и особенностей можно определить и характер социального строя. Указывая на это обстоятельство, К. Маркс писал, «что один и тот же экономический базис – один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влиянием и т.д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств».³

Кроме того, не будучи непосредственно на местах происходивших событий, не живя более или менее продолжительное время среди местного населения, авторы многих работ искажают действительное состояние вещей. Поэтому эти работы требуют к себе критического подхода.

Отдельные вопросы исторического прошлого союзов Акуша-Дарго были подняты и в ряде работ, изданных на иностранных языках. Это работы Г. Эллиса, Г. Валя, Я. Рейнегтса, Ю. Клапрота, Ф. Боденштедта, Р. Эркерта.⁴ Среди них особо необходимо отметить немецкого лингвиста

1 Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., Л., 1955. № 1. С. 374.

2 Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Наука, 1961. С. 238.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. Ч. 2. С. 354.

4 Ellis G. Memoir of a map of the countries comprehended between the Black Sea and the Caspian; with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London, 1788. P. 14, 40-42; Wahl G. Altes und neues Vorder und Mittel-

Ю. Клапрота, который дает разносторонние сведения по Акуша-Дарго: о составе союза, численности населения, хозяйстве, политическом устройстве, взаимоотношениях с шамхальством Тарковским и уцмийством Кайтагским. Однако при всей значимости этих сведений Ю. Клапрот архаизирует уровень общественного развития союза и стоит на тех же позициях, на которых стояли дворянско-буржуазные исследователи России.

Дореволюционная местная историография представлена только работами А.-К. Бакиханова¹ и Г.-Э. Алкадари.² Хотя в них и не затронут вопрос об уровне социально-экономического развития верхнедаргинских союзов, они представляют определенный интерес, так как авторы их останавливаются на ряде вопросов по истории Акуша-Дарго: политическое положение, отношение с феодальными владениями, особенности административного управления, роль духовенства и т.д.

Подлинно научное освещение истории народов Дагестана, в том числе и верхнедаргинцев, дали лишь советские и российские исследователи. Они проделали большую работу по изучению социально-экономического и политического строя Дагестана в целом и особенностей развития союзов сельских общин. Однако и советские историки не сразу пришли к правильному решению вопроса, к правильной оценке уровня общественного развития союзов сельских общин Дагестана в целом и верхнедаргинских в частности.

В 20-е годы П. Кушнер (Кнышев) писал, что «роды... составляют доселе основу общественного быта дагестанских горцев».³ Совершенно нельзя согласиться с мнением М. Плисецкого о том, что «союзы вольных обществ» являлись тухумами, «которые управлялись на родовых началах кадиями и выборными старшинами».⁴

Asien, oder pragmatisch-geographische, physische und statistische Schilderung und Geschichte der Persischen Reichs. Leipzig, 1795. S. 462; Reineggs I. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St. Peterburg, 1796. S. 99-103; Klaproth I. Geographisch-historische Beschreibung des Ostlichen Kaukasus. Weimar, 1814. S. 137-138; Ero же. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique de Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris: Leipzig, 1827. P. 60-61, 92, 140; Bodenstedt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855. S. 317; Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887, S. 189, 206-211.

1 Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

2 Алкадари Г.-Э. Асари Дагестани. Махачкала, 1929.

3 Кушнер П. (Кнышев). Первобытное и родовое общество. М., 1925. С. 277.

4 Плисецкий М. Горцы Дагестана. М., 1929. С. 3.

По мнению некоторых исследователей, разложение родоплеменных и зарождение феодальных отношений в Акуша-Дарго началось в начале или даже в конце XIX в. Так, проф. С. Юшков писал, что в Даргинском и в Цудахарском союзах «в большей уже степени проявился процесс разложения доклассового общества и ... следовательно, в большей степени наблюдаются признаки зарождения феодализма».¹ Между тем этот процесс в Акуша-Дарго начался давно и в XIX в. эта федерация представляла собой одну из сильных политических единиц Дагестана с наследственным кадием во главе.

Противоречивы высказывания М.В. Саидовой о союзах сельских общин даргинцев. В 1947 г. она писала, что в союзах сельских общин Дагестана «...общинно-родовые отношения были ведущими»,² «села и общины «делились на роды – тухумы»».³

В то же время, говоря об Акушинском союзе, она считала, что он «не являлся родовым союзом, т.е. союзом, основанном на связях родственников, владевших коллективно имуществом».⁴ Отметив превращение власти старшин и кadies в наследственную, М.В. Саидова писала: Это «значит, что дифференциация этих общин шла быстрыми темпами ... выделение из их (узденской. – Авт.) среды более состоятельных тухумов и богатых семей началось, вероятно, задолго до начала XIX в.»⁵ Далее она делает вывод, что «Акушинский союз не являлся еще феодальным, но был на грани этого перехода», его «к началу XIX в. надо рассматривать как общинный, стоящий на грани перехода к феодальным отношениям»,⁶ что в даргинских общинах «родовые связи имеют еще существенное значение. В конце XIX в. они представляли собой последний этап переходного периода от архаической формации».⁷

Ошибочно также мнение М.В. Саидовой о том, что «табуны» являлись ничем иным, как общинами, состоящими из отдельных семей»,⁸ в то время как известно, что этот термин применялся наравне с такими терминами, как *хлуреба* и *бутла*, и означал союз сельских общин.

1 Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского госпединститута. Вып. I (исторический). Свердловск, 1938. С. 66, 67.

2 Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс... канд. ист. наук. М., 1947. С. 52.

3 Там же. С. 53.

4 Там же. С. 103.

5 Там же. С. 107.

6 Там же. С. 110.

7 Там же. С. 111.

8 Там же. С. 105.

Другой советский исследователь П.А. Брюханов, критикуя С.М. Броневского, что тот не прав, включая в число федеративных республик Анди, Цудахар, вместе с тем сам утверждал, что «Даргинский же союз безусловно надо признать союзом обществ или федеративным объединением, хотя с наследственным кадием».¹ Но в то же время он писал: «Впрочем, можно считать, что в этом союзе обществ правление было смешанное – олигархическое и республиканское, потому что главный кадий общества Дарго был наследственным, а остальные органы власти, в частности в обществах или магалах Цудахара, Мекеги и др., кадии – старшины были лицами выбираемыми».²

В качестве доказательства того, что союзы сельских общин верхнедаргинцев, являлись демократическими республиками, П.А. Брюханов приводит примеры предоставления ими права убежища политическим преступникам. Не прав автор также, когда писал, что кадии – это старшины, и что они в Цудахаре и Мекеги были выборными. Известно, что власть цудахарского кадия, как и акушинского и сюргинского,³ являлась наследственной. Старшины (хулелы) этого союза выбирались только из одних и тех же тухумов, а старшины Мекеги – только из определенных кварталов.⁴

Наиболее правильно вопрос об общественно-экономическом и политическом развитии союзов сельских общин Дагестана, в том числе и даргинских, освещается в исследованиях 50-80-х годов. Именно в эти годы более серьезное внимание было обращено на ключевые вопросы общественного строя союзов сельских общин Дагестана, в связи с чем много места стало уделяться и социально-политической истории союзов Акуша-Дарго. В трудах этого периода дается более глубокий анализ имеющихся материалов, привлекается много новых источников, на основе чего и делаются научно обоснованные выводы об уровне социально-экономического и политического развития союзов сельских общин. И глав-

1 Брюханов П.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сборник трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь, 1947. Вып. I. С. 165.

2 Там же.

3 Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. С. 12; Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 128; Козубский Е.И. Указ. соч. С. 11.

4 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 121; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 204.

ное, что стало характерно для работ советских исследователей этих лет, – это поиски причин, объяснение особенностей социально-экономического и политического развития союзов сельских общин.

«Неравномерность в развитии производительных сил, – писала Е.Н. Кушева, – вела к неравномерности развития социальных отношений в разных районах Дагестана. Основной линией процесса, явно выступающей по источникам XVI-XVII вв., да и более ранних веков, было складывание классовых феодальных производственных отношений, своеобразных, осложненных патриархально-родовыми пережитками».¹

Среди работ советских исследователей, в которых поднят и изучен большой круг вопросов по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин Верхней Даргинии, следует прежде всего указать на работы проф. Р.М. Магомедова.² Наибольший интерес среди них представляет изданное в 1957 г. монографическое исследование, посвященное общественно-экономическому и политическому строю Дагестана в XVIII – начале XIX веков. В нем на основе имеющихся источников и литературы, а также собранного автором большого историко-этнографического материала дана и социально-экономическая и политическая история даргинцев XVIII – начала XIX веков. В специальной главе исследования «Общественно-экономический и политический строй даргинцев», посвященной союзам общин даргинцев и главным образом союзам Акуша-Дарго, разбирается территориальное устройство их, структура тухума и джамаата, показано место тухума в общественном устройстве, дается обстоятельный анализ форм землевладения и землепользования, на конкретном материале показан фактический распад общества на различные социальные слои («С возникновением крупного землевладения ясно обозначилась грань между общинной знатью и основной массой сельского населения»),³ дается оценка уровня общественных отношений, подчеркивается различная степень их развития.

Вместе с тем нельзя согласиться с рядом утверждений автора относительно XVIII-XIX вв., в частности о тухуме, распространенности и роли

1 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 41-42.

2 Магомедов Р.М. К вопросу о семейной общине в Дагестане // Труды второй научной сессии Дагестанской Базы Академии наук Союза ССР. Махачкала, 1949; Его же. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957; Его же. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала. 1961. Вып. I.; 1968. Вып. II.

3 Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С. 131.

тухумной собственности,¹ в оценке уровня общественного развития союзов сельских общин даргинцев, охарактеризованных им для указанного периода только как «зарождающиеся феодальные отношения».² Следует особо отметить по широте затрагиваемых вопросов и глубине их освещения фундаментальную монографию Р.М. Магомедова,³ первая в своем роде, посвященная изучению политической истории даргинцев с древнейших времен до середины XIX в., основанная на широком круге архивных материалов и литературных источников. Начиная с древнейших времен наряду с другими политическими образованиями даргинцев, детально освещается история и Акуша-Дарго, показаны ее роль и значение в дагестанских политических событиях в исследуемый период.

Большое внимание изучению союзов сельских общин Дагестана XIX в. уделил в своих работах Х.-М.О. Хашаев.⁴ Им впервые поставлен вопрос о классовом развитии Акуша-Дарго. По его мнению, не было особой разницы в общественном развитии даргинцев и других народов Дагестана, в частности жителей Аварского и Казикумухского ханств. «... Акушинские и сюргинские даргинцы, – писал он, – находились на такой же стадии общественного развития, на какой находились аварцы и лакцы, т.е. здесь тоже к началу XIX в. господствующими были феодальные отношения, переплетавшиеся со значительными пережитками патриархально-родового быта».⁵

В своих работах Х.-М.О. Хашаев освещает такие вопросы по истории даргинских союзов, как состав федерации Акуша-Дарго, административное управление, занятия населения союза, отношения его с уцмийством Кайтагским и шамхальством Тарковским, земельные отношения, социальная и имущественная дифференциация и т.д.⁶

Но в монографиях Х.-М. О. Хашаева «Общественный строй Дагестана в XIX веке» имеется ряд утверждений, с которыми невозможно согласиться. Не ясно, какие акушинские наследственные кадии встали

1 Там же. С. 124.

2 Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 235.

3 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. 1-2.

4 Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1956 Т. I.; Его же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

5 Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 172.

6 Там же. С. 41, 57, 72, 91, 127, 167-172.

во главе восставших в Даргинском округе в 1877-1878 гг.,¹ когда давно уже не было наследственных кадиев. Не прав автор, когда пишет, что «у акушинских даргинцев... вплоть до 1820 г.» сохранились вассальные отношения к шамхальству», о наличии в прошлом «Акуша-Сюргинского союза», что «Акушинский и Сюргинский союзы – это единственные в Дагестане союзы «вольных» обществ, где официально вся светская власть была сосредоточена в руках духовенства».²

Большое внимание союзам сельских общин в целом и даргинским в частности уделено в работах проф. В.Г. Гаджиева. Еще в кандидатской диссертации, защищенной в 1956 г., наряду с другими союзами он писал об Акуша-Дарго (состав, роль в политической жизни Дагестана, управление – судопроизводство, наследственность власти кадиев, сосредоточение в их руках духовной и светской власти).³

В монографиях, одна из которых посвящена роли России в истории Дагестана,⁴ а другая анализу сочинения И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся»,⁵ В.Г. Гаджиевым поднят широкий комплекс вопросов по социально-экономической и политической истории Акуша-Дарго: территория, ее заселенность, состав, численность населения, хозяйство, соотношение земледелия и скотоводства, аренда пастбищ, социальное и административно-политическое устройство, вступление в подданство России, взаимоотношения с уцмийством Кайтагским и шамхальством Тарковским, тип общины. В работе сделан вывод, что «акушинский кади обладал властью, очень схожей с властью других феодальных владетелей Дагестана»⁶ и что «власть акушинского кади была очень схожа с теократической властью, при которой, как известно, в руках духовенства сосредоточено одновременно и духовная и светская власть».⁷

На основе анализа имеющихся источников В.Г. Гаджиев охарактеризовал уровень общественного развития союза Акуша-Дарго. Вправе ли

1 Там же. С. 72.

2 Там же. С. 127, 167, 171.

3 Гаджиев В.Г. Присоединение Дагестана к России и его историческое прогрессивное значение: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 99-100.

4 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

5 Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

6 Там же. С. 146.

7 Там же. С. 147.

мы считать по-прежнему Акуша-Дарго «вольным» обществом или даже «союзом сельских общин, – писал он. – Не вернее ли будет характеризовать Акуша-Дарго как государственное объединение (типа других владений Дагестана), во главе которого стоял сосредоточивший в своих руках светскую и духовную власть акушинский кади».¹

Нельзя не согласиться с таким мнением. Оно схоже с мнением Х.-М.О. Хашаева, который, как было отмечено выше, ставил общественный строй Акуша-Дарго в один ряд с общественным строем лакцев и аварцев.

Вместе с тем, признавая экономическую зависимость Акуша-Дарго от шамхальства, нельзя согласиться с предположением о политической зависимости его, которая выражалась в том, что «акушинцы принимали участие в военных предприятиях шамхала».² Известно, что верхнедаргинцы участвовали в «военных предприятиях шамхала» только за плату, и поэтому вряд ли это являлось показателем зависимых отношений. Напротив, известен ряд фактов, когда верхнедаргинцы, недовольные шамхалом, прекращали свое участие в походах и даже угрожали ему убийством и разорением владения.

Ряд вопросов истории Акуша-Дарго затронут В.Г. Гаджиевым и в статье «Союзы сельских общин Дагестана. (Проблемы, история изучения, перспективы)».³

Определенное место уделено верхнедаргинским союзам сельских общин и в коллективных трудах – «Очерки истории Дагестана»⁴ и «История Дагестана».⁵ В первом из них верхнедаргинские общества упоминаются вместе с другими союзами вскользь. В главе, посвященной пореформенному периоду, приведен материал по организации управления после присоединения Дагестана к России. Вместе с тем в «Очерках» бездоказательно утверждается, что союзы сельских общин даргинцев «были непрочными и очень часто из-за внутренних междоусобиц попадали под власть уцмиев и других феодальных владетелей».⁶ Другим

¹ Там же.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 39.

³ Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана. (Проблемы, история изучения, перспективы) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII –нач. XIX в. Махачкала, 1981.

⁴ Очерки истории Дагестана: В 2-х т. М., 1957. Т. I. М., 1958. Т. II.

⁵ История Дагестана: В 4-х т. М., 1967. Т. I. М., 1968. Т. II.

⁶ Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 98.

недостатком «Очерков» является отрицание наличия кадиев у верхнедаргинцев, кроме как в Цудахарском союзе.¹

В первом томе «Истории Дагестана» затронуты хозяйственная деятельность населения Акуша-Дарго, земельные отношения, образование союза, значение его в политической жизни Дагестана, вопросы союзного и сельского управления.² В целом правильно решая все эти вопросы, вместе с тем в работе неверно говорится, что союз Акуша-Дарго образовался только в середине XVII в.³ Акуша-Дарго названо союзом сельских обществ,⁴ в то время, как известно, это объединение союзов. Допущены неточности при описании состава союзов.⁵

Во втором томе «Истории Дагестана» приведены только некоторые сведения по отдельным отраслям хозяйства, земельным отношениям и организации управления в Акуша-Дарго после присоединения к России.⁶ Изучаемые нами вопросы истории Акуша-Дарго также нашли отражение в работе «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М.: Наука, 1988. Т.I).

Занимался исследованием союзов сельских общин Верхней Даргинии и Б.Г. Алиев. Этому вопросу посвящена его кандидатская диссертация «Акуша-Дарго в XVII-XVIII вв.»⁷ В ней изучены такие вопросы, как образование союза верхнедаргинских обществ, занятия населения, формы земельной собственности, социальный состав населения, место институтов патриархально-родового строя в социальной жизни союзов, состав союза в XVII-XVIII вв., **органы власти и управления, военная организация и взаимоотношения Акуша-Дарго с феодальными владениями и другими союзами сельских общин Дагестана.** В работе сделан вывод, что Акуша-Дарго находилось на стадии развивающихся

1 Там же. С. 107.

2 История Дагестана. Т. I. С. 236, 244, 249, 255, 314, 328.

3 Там же. С. 249.

4 Там же.

5 Там же. С. 328.

6 Там же. Т. II. С. 26, 32, 52-53, 71, 76.

7 Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII-XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966; Его же. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т.XII (серия историческая). Махачкала, 1964; Его же. Социальные отношения в Акуша-Дарго в XVII-XVIII вв. // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т.XVI (серия историческая). Махачкала, 1966; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

феодалных отношений. Основываясь на имеющихся материалах, автор подтверждает правильность высказанного еще в 50-е годы мнения В.Г. Гаджиева о том, что особенностью общественного строя Акуша-Дарго было сходство власти акушинского кадия с теократической властью, при которой и светская и духовная власть была сосредоточена в руках духовенства.¹

В первых своих работах автор статьи также допустил отдельные неточности. Неправильно один из параграфов первой главы диссертации назван «Образование союза верхнедаргинских сельских обществ», в то время как было бы вернее назвать его «Образование союза верхнедаргинских обществ», имея в виду под обществами союзы сельских общин: Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Мугинский и Усишинский, которые и составляли союз или федерацию Акуша-Дарго.

Ряд вопросов истории союзов верхнедаргинских общин в связи с исследованием политических взаимоотношений союзов, сельских общин Дагестана в XVII-XVIII вв. затронут М.-С.К. Умахановым.² Это состав Акуша-Дарго и союзов даргинских общин, политические взаимоотношения их между собой, с рядом других союзов сельских общин и феодалными владениями Дагестана. Широкое освещение политических взаимоотношений Акуша-Дарго с государственными образованиями Дагестана в XVII – начале XIX в. получило и в диссертационной работе М.-С. К. Умаханова,³ посвященной исследованию экономической, политической и культурной интеграции народов Дагестана.

В 1989 г. в Институте истории, языка и литературы ДФ АН СССР была проведена Всесоюзная научная конференция посвященная «Народно-освободительному движению горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.», на котором Б.Г. Алиев и М.-С.К. Умаханов выступили с докладом «К вопросу об участии даргинцев в народно-освободительном движении горцев»⁴, где на конкретном материале показали то участие, которое приняли жители Акуша-Дарго в этом движении.

1 Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII-XVIII вв. С. 269-270.

2 Умаханов М.-С.К. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII-XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII-XIX в.: Махачкала, 1981.

3 Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – начале XIX в.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994.

4 Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. К вопросу об участии даргинцев в народно-освободительном движении горцев // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция. 20-22 июня 1989 г.: Тез. докл. и сообщ. Махачкала, 1989. С. 23-26.

В 1993 г. состоялась Международная научная конференция «Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни», где они же выступили с другим докладом «К вопросу об участии даргинцев в начальный период борьбы горцев Дагестана и Чечни»¹, и также показали какое участие приняли жители федерации Акуша-Дарго в движении горцев в период первого имама Дагестана Газимухаммеда.

Изучением социально-экономического и политического развития Цудахарского союза сельских общин в XVIII – первой половине XIX вв. занималась А.Г. Мансурова. Результаты ее исследований опубликованы в материалах научных сессий ИИЯЛ им. Г. Цадасы по итогам экспедиционных исследований 1978-1981 гг., а также III, IV, V конференций молодых ученых Дагфилиала АН СССР, проведенных в 1980, 1982 и 1985 гг. Большим вкладом в изучение истории Акуша-Дарго, в частности Цудахарского союза сельских общин явилась монография А.Г. Мансуровой, посвященная всестороннему исследованию социально-экономической и политической истории Цудахарии в конце XVIII – первой половины XIX в.² Широко освещаются роль и место Цудахарского союза сельских общин в народно-освободительном движении горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. чему посвящена отдельная глава монографии А.Г. Мансуровой.

Много вопросов и ценный материал по истории Дагестана содержится в совместном труде Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова,³ в котором особое внимание заслуживает раздел, посвященный исторической географии Акуша-Дарго, где подробно освещены вопросы социально-экономического и политического положения Акуша-Дарго. Всестороннему анализу союзов сельских общин Дагестана посвятил свою работу Б.Г. Алиев⁴. В работе наряду с другими союзами сельских общин Дагестана автор поднимает различные вопросы и по Акуша-Дарго такие как:

1 К вопросу об участии даргинцев в начальный период борьбы горцев Дагестана и Чечни // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Материалы Международной научной конференции 13-14 октября 1993 г. Махачкала, 1993. С. 127-136.

2 Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половины XIX вв.). Махачкала, 1995.

3 Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX вв. Махачкала, 1999. Кн. 1.

4 Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999.

земельные и социальные отношения, структура власти и управления, экономика.

Таковы основные работы, в которых в той или иной степени изучены вопросы социально-экономической и политической истории союзов сельских общин верхнедаргинцев. Они свидетельствуют о большом интересе исследователей к истории даргинских союзов Акуша-Дарго. В работах отечественных исследователей изучена социально-экономическая и политическая история верхнедаргинских союзов, которые рассматриваются как своеобразные формы территориальных общественно-политических и хозяйственных организаций, развивавшихся по пути феодализации. В них прослежены закономерности и особенности исторического развития союзов сельских общин, показана беспочвенность мнения, архаизирующего их общественный строй в целом и даргинских союзов в частности.

§ 2. Источники.

В разработке поставленной нами проблемы использовано также большое количество документальных материалов центральных и местных архивов: Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного исторического архива Республики Грузии (ЦГИА РГ), Государственного Учреждения «Центральный Государственный архив Республики Дагестан» (ГУ «ЦГА РД»), Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН).

Основная часть архивных материалов состоит из официальных документов: разнообразных донесений командующих кавказской армией, докладов, приказов, рапортов, писем, жалоб, переписки русского командования с местными феодальными правителями, просьб последних к командованию русской армией.

Наиболее ценные данные имеются в документах XVIII в., связанных с Каспийским походом Петра I, которые хранятся в РГАДА.

Здесь имеются не только материалы, характеризующие внешне политическое положение Акушинского союза, отношение его к Персидскому походу Петра I, но также и ряд сведений, проливающих свет на внутреннее положение и его политическое устройство.

Большое значение для нашей темы имеют материалы РГВИА. Здесь хранится обширный материал по истории Дагестана XVIII-XIX вв. Не-

смотря на то, что в своем большинстве эти документы позднего происхождения, в них содержатся важные сведения и по более раннему периоду. Они касаются территории и состава союза верхнедаргинских «вольных» обществ, времени его образования, взаимоотношений с феодалными владениями Дагестана (шамхальством Тарковским, уцмийством Кайтагским и другими), хозяйства, военной организации и т.д.

В материалах АВПР, извлеченных В.Г. Гаджиевым, находится ряд сведений о положении союза Акуша-Дарго после Каспийского похода Петра I.

Для изучения ряда вопросов, особенно политического устройства и земельно-правовых отношений в Акуша-Дарго, весьма важными являются материалы, собранные в Даргинском округе в XIX веке комиссией для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края Военно-народного управления, которые хранятся в ГУ «ЦГА РД».

Кроме того, в монографии использованы публикации: «Сношения России с Кавказом», составленные С.А. Белокуровым,¹ «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», составленный Н.И. Веселовским,² «Акты Кавказской археографической комиссии»,³ «Материалы по истории Дагестана и Чечни»⁴; «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.», составленный Р.Г. Маршаевым⁵; «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.»⁶, «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.»⁷, «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.»⁸, «Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.»⁹.

1 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I (1578-1613 гг.). М., 1889.

2 Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. М., 1889. Т. I-III.

3 Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1866-1904. Т. I-XII.

4 Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под редакцией С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. 1.

5 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

6 Русско-дагестанские отношения в XVIII– начале XIX вв. / Сост. В.Г. Гаджиев и др. М., 1988.

7 История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

8 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Гаджиев. Махачкала, 1959.

9 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965.

В этих сборниках содержится не только богатый материал по истории русско-дагестанских отношений XVI-XIX вв., но и сведения, которые имеют отношения непосредственно к изучаемой нами проблеме.

Однако необходимо отметить, что при всей ценности документов указанных архивов страны, а также опубликованных сборников, они недостаточны для раскрытия всех вопросов нашего исследования и в особенности социально-экономических отношений Акуша-Дарго. Кроме того, они имеют и ряд существенных недостатков. Многие из них, являясь документами официальной переписки, описаниями, произведенными по заданию русского правительства, дневниками участников военных походов и экспедиций, тенденциозны и односторонни.

В силу всего этого, для исследования поставленной нами проблемы большое значение имеют местные источники. К ним, прежде всего, относятся надписи на полях арабских книг. Несмотря на малочисленность этих источников, в них содержатся очень ценные сведения по ряду вопросов социально-политической истории Акуша-Дарго.

Особое место среди местных источников занимают адаты даргинцев,¹ которые в условиях отсутствия других материалов, являются основным историческим материалом для изучения социального строя союза Акуша-Дарго не только XIX века, но и XVII-XVIII вв.

Адаты возникли еще в условиях первобытнообщинного строя. Нормы обычного права передавались из поколения в поколение в устной народной традиции почти без изменений. В виду такой консервации, адаты, «несмотря на изменения социально-экономических условий, обусловивших их возникновение, в течение нескольких столетий почти без изменений продолжали бытовать в обществе».² Поэтому, хотя они и записаны в XIX в., их можно использовать для XVII-XVIII вв. и воссоздать картину хозяйственного и административного быта горцев, ибо они фиксируют общественные отношения, восходящие на многие века назад до их записи.

Но и адаты имеют свои недостатки, заключающиеся в том, что преобладающее место в них занимают вопросы уголовного и процессуо-

1 Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1-128; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1889. С. 67-265; Адаты и обычаи даргинцев // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35; Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28.

2 Омаров А.С. Правовые памятники Дагестана XVI-XVII вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.

нального права, которые были необходимы в практике властям Военно-народного управления.

В работе использованы также данные лингвистики, топонимики, эпиграфических памятников и историко-этнографические материалы, собранные нами во время многократных поездок по даргинским и смежным с ними лакским и аварским районам Дагестана,¹ в результате чего нам удалось собрать немало важных исторических сказок, легенд и преданий о союзе Акуша-Дарго и даргинцах вообще, о взаимоотношениях их с другими народами Дагестана. Хотя точная датировка многих историко-этнографических материалов и трудна, но путем сопоставления с фактическим материалом, мы можем использовать их по исследуемому нами периоду. Не использовав их, тем более в условиях крайней малочисленности местных письменных источников, невозможно написать прошлую историю даргинцев. Как писал А.М. Горький, «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества».²

Историко-этнографический материал порою является единственным источником по тем или иным вопросам. Как справедливо писал А. Кауфман, «сами документы очень часто только становятся понятными, когда мы их интерпретируем при помощи исторического предания»³. Особенно это касается тех периодов, по которым мало или недостаточно письменных источников. «Устная история, – писал акад. Е.М. Жуков, – имеет особое значение для народов, не имеющих своей письменности. Данные об историческом прошлом этих народов часто сохраняются в изустных преданиях переходящих из поколения в поколение»⁴.

Особое значение историко-этнографический материал имеет для изучения периода феодализма. Как писал Х.П. Стродс, «история периода феодализма, реконструированная только на базе письменных источников, в определенной степени оказывается неполной и односторонней»⁵. В свете сказанного трудно согласится с теми, кто считает, что анализ

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375; Полевой материал, собранный нами в 1962-1966 гг.

2 Горький А.М. О литературе. М., 1953. С. 703.

3 Кауфман А.К. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1904. С. 54.

4 Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. С. 224.

5 Стродс Х.П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М.: Наука, 1977. С. 42.

этнографических источников – это дело только одних этнографов. Эти источники представляют большой интерес и для историков. Причем, историко-этнографический материал в условиях малочисленности, а порою отсутствия исторически конкретных письменных источников по ряду вопросов проблемы, имеет решающее значение. Поэтому вряд ли можно согласиться с существующим мнением, что устные исторические источники относятся к «материалу второстепенного сорта».

В ряде случаев историко-этнографический материал имеет даже преимущество перед письменными источниками. Отмечая это, проф. Р.М. Магомедов писал: «Устные источники во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты местных социальных и экономических отношений, правовых норм». В них «отражены наиболее характерные черты местных особенностей в культурной и бытовой сфере (обычаев, пережитков, поверий и т.п.), являющихся драгоценным материалом для исторической этнографии и позволяющих реконструировать порой весьма древние общинные формы и отношения»¹.

Бесценно значение историко-этнографического материала по изучению хозяйства, форм земельной собственности и землепользования, характера и типа общины, структуры тухума и джамаата, пережитков архаических отношений и роли их в жизни общества XVIII – XIX вв. и т.д. Именно поэтому в нашей работе широко использован полевой историко-этнографический материал, собранный авторами в течение более 30 лет в различных районах Дагестана.

Полевые этнографические материалы используются в комбинации с письменными источниками, они дополняют последние и помогают нам в проверке их достоверности.

Надо отметить, что и в целом письменных источников по Акуша-Дарго исследуемого периода, как и по истории других политических образований Дагестана, в особенности союзов сельских общин, недостаточно. Поэтому тема нашего исследования потребовала использования ряда материалов позднего периода. Документы второй половины XIX в. могут быть использованы для характеристики социально-экономических отношений, существовавших в более ранний период потому, что так называемые «вольные» общества, вследствие сравнительно низкой экономики и замкнутости сельских обществ вообще, очень медленно про-

¹ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977. С. 10.

грессировали в своем внутреннем развитии. Поэтому в XIX в. действовало немало норм и институтов, происхождение которых относилось к более раннему времени и которые в силу этого по своей сущности были характерны и для исследуемого нами периода.

Используя сведения XIX в., мы сопоставляем их с имеющимися у нас документами, относящихся непосредственно к исследуемому периоду. Кроме того, данные более позднего периода анализируются и сравниваются с характерными источниками-легендами, народными преданиями и т.д. Отдельные материалы по федерации Акуша-Дарго анализируются в сравнительном плане с документами и данными, характеризующими социально-экономическое положение других политических образований Дагестана XVII-XIX вв.

Все это помогает глубже и полнее исследовать поднятые в работе вопросы.

**Раздел I. Социально-экономическое, политическое
и культурное развитие федерации Акуша-Дарго
(с древнейших времен до середины XIX в.).**

**ГЛАВА I. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
О ДАРГИНЦАХ.**

§ 1. Ранние сведения о даргинцах¹.

Даргинцы – одна из больших по численности населения народностей многонационального Дагестана. Согласно переписи 2002 г. даргинцев насчитывается 510 тыс. человек. Из них в Дагестане проживает 425,5 тыс. в России и странах СНГ – 84,6 тыс.² Живут даргинцы компактно в пяти районах республики – Акушинском, Дахадаевском, Кайтагском, Левашинском и Сергокалинском. Кроме того, отдельные даргинские селения расположены в Буйнакском, Каякентском, Агульском, Хасавюртовском и Гунибском районах. Живут даргинцы также во всех городах Дагестана.

Территория расселения даргинцев расположена в основном в среднем Дагестане между приморской полосой на востоке и бассейном реки Казикумухское Койсу на западе. На юге даргинцы граничат с табасаранами и агулами, на севере и востоке – с кумыками, на западе – с лакцами и аварцами.

В дореволюционной историографии утверждалось, что территория расселения даргинцев, как и весь горный Дагестан вообще, не была заселена в древности людьми, что она не могла быть заселена добровольно и лишь внешняя опасность заставила искать в горах убежище. Отрицалась аборигенность народов Дагестана, которые, согласно данным языка и антропологии, являются родственными между собой и относятся к общекавказскому, т.е. местному типу. Нельзя допустить и мысли, – писал А.А. Неверовский, – «чтобы горы были заселены добровольно. Одна опасность могла заставить искать убежище в неприступных местах».³

1 Ряд вопросов древней истории даргинцев рассмотрен в работах Р.М. Магомедова «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков». Махачкала, 1957 и А.И. Алиева «Из исторического прошлого даргинцев» // УЗ ДГУ им. В.И. Ленина. Историко-филологический факультет. Махачкала, 1960. Т. IV; Р. М. Магомедова «История Дагестана». Махачкала, 1961; Его же «Даргинцы в дагестанском историческом процессе». Махачкала, 1999. См. также. Даргинцы. Народы Дагестана. Изд-во АН СССР. М., 1955;

2 Дагестанская правда. 2008. 14 мая. № 138.

3 Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 1.

Далее, говоря о многонародности Дагестана, он писал, что это результат того, что «не одно племя, загнанное и лишенное возможности спуститься на равнины, навсегда поселилось в горах».¹

Другие представители дворянско-буржуазной историографии утверждали, что горцы, в том числе и даргинцы («лезгины, разделившиеся на множество Дарго») – это остатки истребленных народов, изгнанных преступников, разбитых ополчений и беглецов.²

Такого же мнения придерживался о заселении Дагестана Д.Н. Анучин. «Дагестан, по характеру своего рельефа и почвы, – писал он, – должен был представлять мало привлекательного для первобытных эмигрантов».³ Заселение его людьми, – писал далее Д.Н. Анучин, – «произошло уже в довольно позднюю эпоху, когда в окрестных странах уже было известно употребление металлов».⁴

Получили распространение подобные мнения о происхождении даргинцев и в местной дореволюционной историографии.⁵

Исследования отечественных историков, проведенные за последние годы, полностью опровергают эти по существу ничего общего не имеющие с исторической правдой версии.

Археологические памятники показывают, что современная территория даргинцев была освоена еще в каменный век.⁶ На территории Акушинского района обнаружено 5 нижнепалеолитических местонахождений, которые «впервые для северо-восточного Кавказа документируют проникновение вглубь гор отдельных групп первобытных людей, происходившее в конце ашельской эпохи».⁷ Однако следует отметить, что последние археологические исследования, проведенные на территории Акушинского района, позволяют утверждать, что территория расселения даргинцев была заселена задолго до ашельской эпохи. Раскопки, произведенные Северокавказской палеолитической экспедицией Института археологии

1 Там же. С. 2.

2 Ровинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 522; РГВИА. Ф. ВУА. Колл. 414. Д. 300. Л. 88.

3 Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Известия ИРГО. Т. XX. Вып. 4. С. 449.

4 Там же.

5 Тарихи Дербент-наме / Под редакцией М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 33; Бакиханов А.-К. Гулистан-Ирам. Баку, 1926. С. 14; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 12.

6 Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

7 Котович В.Г. Археологические работы в горном Дагестане. Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II. С. 9.

РАН в 2006-2007 гг. недалеко от сел. Акуша, наглядно это доказывают. Материалы стоянок Айникаб I и Мухкай I позволяют говорить впервые со всей определенностью, что в Юго-Восточной Европе, а конкретно, на территории юга России отсчет исторического процесса нужно начинать не с ашельской, а с предшествующей – олдувайской эпохи¹. Новые данные из Центрального Дагестана (Акушинский район) позволяют определить время, когда первоначальное заселение Северного Кавказа уже произошло. Пока оно устанавливается в достаточно широких рамках от 1,2 млн. лет назад до 1,8 млн. лет назад. Полученные материалы раскопок в Акушинском районе служат надежным подтверждением концепции каспийского пути, как одном из направлений первоначального заселения Евразии, и, прежде всего, Юго-Востока Европы со стороны Западной Азии².

Стоянка каменного века обнаружена и на территории Левашинского района в окрестностях селения Мекеги, на хуторе Тарлан-как.

В Акушинском районе обнаружены также 15 памятников последнего периода каменного века – неолита (**V-IV тыс. лет до н.э.**).

Все эти памятники, обнаруженные на небольшом пространстве Акушинского и Левашинского районов являются «убедительным свидетельством интенсивного характера человеческой деятельности в данном микрорайоне» на всем протяжении каменного века.³

На изучаемой нами территории выявлены также памятники энеолита или медно-каменного века (**IV тыс. до н.э.**).

В горном Дагестане наиболее ярко неолитическую культуру представляют материалы Мекегинского и Гапшминского селищ, которые показывают, что жители данной территории издревле занимались земледелием и скотоводством и вели оседлый образ жизни.⁴

В этот период в связи с открытием металла – меди и бронзы, развитие производительных сил особенно ускорилось. Начиная с **IV тысячелетия** до н.э. орудия труда, оружия, украшения стали делать не только из камня, кости и глины, но и из бронзы.

1 Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М., 2007. С. 23.

2 Там же. С. 24.

3 Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. С. 169-173.

4 Котович В.Г., Котович В.М. Отчет о работе I-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 году // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80. Л. 7-14; Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 283-286.

Памятники эпохи бронзы обнаружены на территории даргинских селений Муги, Гапшима, Усиша и Мекеги.¹

Причем изучение материалов этих памятников показывает, что культура эпохи бронзы сформировалась на базе предшествующей энеолитической культуры.²

С освоением железа, когда, по словам Ф. Энгельса, появился плуг с железным лемехом с домашним скотом в качестве тягловой силы, сделавшим возможным расчистку пашни широких лесных просторов, дав ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которого не мог производить ни один камень, ни один из известных металлов. Началось более активное развитие земледелия, скотоводства и других отраслей производства в широких размерах и в целом неограниченное увеличение для тогдашних условий жизненных припасов³.

Памятники эпохи железа на территории Дагестана выявлены сравнительно недавно. На территории даргинских районов пока таких памятников обнаружено немного и в основном они относятся к заключительному этапу железного века, называемому албано-сарматским (III в. до н.э. – III в.н.э.). Но имея в виду общность культуры эпохи железа на всей территории Дагестана, уходящую своими корнями в предшествующие эпохи, мы можем судить об эпохе железа на современной территории даргинцев на основании материалов раскопок, проведенных в других районах Дагестана.

Материалы археологических раскопок показывают, что в это время широко употреблялись различные железные изделия: кинжалы, ножи, шилья и др. Из бронзы изготавливались различные украшения.⁴ Как и в других местах, на территории даргинцев существовала металлообработка, о чем говорят и находки копей по разработке железной руды, расположенных в пяти км. к юго-востоку от селения Муги. Народное предание также говорит, что здесь в древности добывали руду и плавляли железо.⁵

1 Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте). Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. I; Мунчаев Р.М. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 году // КС ИИМК. М., 1958. № 71. С. 49-50; Котовичи В.Г., В.М. Отчет о работе I-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80. Л. 19.

2 Котович В.Г., Н.Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1960. Т. VIII. С. 339 (ссылка на А.П. Крупнова).

3 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.

4 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 21.

5 Исаков М.И. Указ. соч. С. 227.

Находки глиняных пряслиц в женских погребениях свидетельствуют, что в эту эпоху население Горного Дагестана помимо металлообработки и изготовления керамики, занималось ткачеством.¹

А находки земледельческих орудий² и костей животных говорят о преэкономности форм хозяйства, основой которого и в эту эпоху являлись земледелие и скотоводство, получившие дальнейшее развитие в связи с появлением железных орудий.³

В связи с интенсивным развитием производительных сил в эпоху железа, усилился процесс распада первобытно-общинного строя и имущественного расслоения общества, который начался еще в конце эпохи поздней бронзы. Надо полагать, что в этот период складываются союзы родственных племен, чему немало способствовали как межплеменные столкновения, так и необходимость противодействия вторжениям извне.⁴

На территории расселения даргинцев обнаружено также большое количество памятников раннего и начала позднего средневековья (III–XI вв.). Среди них наиболее яркими являются Гапшминский⁵ и Акушинский,⁶ вместе с другими памятниками этой эпохи характеризующие культуру раннесредневекового Дагестана, которая, будучи связана с предшествующими периодами, в то же время являлась дальнейшим ее развитием.

Таким образом, археологические исследования, проведенные на территории расселения даргинцев и в частности верхнедаргинцев, показывают, что данная территория является одной из самых древне заселенных частей Дагестана. Выявление большого количества памятников, начиная со стоянок раннего палеолита и кончая средневековыми поселениями, говорит о непрерывности исторического процесса Дагестана в целом и на территории расселения даргинцев в частности.

Мы не располагаем сведениями письменных источников о названиях древних племен Среднего Дагестана, где живут ныне даргинцы. По наиболее ранним сведениям, которые дает историк I в.н.э. Страбон в своей

1 Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 21.

2 Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. 1961. Т. IX. С. 288.

3 Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Указ. соч. С. 353.

4 Там же.

5 Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II. С. 273–282.

6 Марковин В.И., Твердохлебов А.М. Акушинский могильник // КС ИИМК. М., 1955. Вып. 60. С. 150–154.

«Географии», племена Дагестана выступают под названием «леги».¹ По предположению исследователей под этим этнонимом скрываются племена Горного Дагестана (леки, лезги, лезгины),² где жили предки и современных даргинцев.

Однако, как утверждают исследователи, даргинские племена являлись жителями не только среднего, но и равнинного Дагестана. Об этом говорили еще дореволюционные исследователи.³

Изучая древнюю и средневековую историю народов Дагестана проф. С.В. Юшков также пришел к выводу, что «территория по побережью и внутрь страны, примерно до современного Буйнакса занималась даргинцами».⁴

Особенно убедительно говорила об этом исследователь истории и этнографии кумыков С.Ш. Гаджиева. Помимо данных языка, приводимых в монографии С.Ш. Гаджиевой «Кумыки»,⁵ особого внимания заслуживают данные топонимики. На территории, где в настоящее время проживают южные кумыки (Каякентский и часть Кайтагского районов), до сих пор многие места носят даргинские названия.⁶

На основании изучения всех этих материалов С.Ш. Гаджиева пришла к выводу, что «аборигены говорили на языке близком к современному языку, т.е. нет сомнения, что под кумыкским языком населения этой полосы территории лежит даргинский субстрат».⁷

Не отрицая значительной роли тюрко-язычных племен, антропологи отмечают, что в этногенезе современных жителей равнинного Дагестана, в частности указанной выше территории, определяющая роль принадлежала аборигенам. Результаты исследования кумыков, даргинцев и ногайцев показали, что кумыки в антропологическом отношении ближе к даргинцам, чем к ногайцам. «Таким образом, – отмечала Н.И. Миклашевская, – несомненно, что если процесс перехода предков кумыкского народа на тюркскую речь и был следствием переселения в Дагестан

1 Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Страбон. География // ВДИ. 1947. № 4. С. 222, 226.

2 Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 23.

3 Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки КОРГО. Тифлис, 1873. Вып. VIII. С. 22; Гиудулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и лезгинская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № I.

4 Юшков С.В. Рукопись по истории Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 54.

5 Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 42-43.

6 Там же.

7 Там же. С. 44.

тюркских народов, то количество этих переселенцев, судя по антропологическим данным, было совершенно ничтожно по сравнению с местным населением. Последнее и определило антропологический состав кумыков».¹

Дагестанский антрополог А.Г. Гаджиев также говорит об антропологическом сходстве даргинцев и южных кумыков. Он пишет, что «кайтаги, географически и исторически наиболее близкие из даргинских групп к кумыкам, обнаруживают во многих признаках сходство с восточным» или «прикаспийским вариантом».²

Вещественным доказательством сказанного являются памятники материальной культуры.³ Говорят об этом также народные предания.⁴

Первым политическим образованием, известным по письменным источникам, куда входили предки современных даргинцев, являлась древняя Кавказская Албания.

По вопросу о северной границе Кавказской Албании и о вхождении в ее состав предгорной и в особенности горной части Дагестана среди ученых высказывались различные мнения. Однако большинство исследователей склонно включать Дагестан в состав Кавказской Албании.⁵ О вхождении в нее народов Дагестана, прежде всего, говорит многоплеменность Албанского союза, Страбон насчитывал здесь 26 различавшихся по языку племен и притом настолько многочисленных, что они могли выставять 60000 пеших и 22000 конных воинов.⁶ А Моисей Хоренский указывал, что в Албании была 31 провинция.⁷

1 Миклашевская Н.Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана // КСИЭ. 1953. Вып. XIX. С. 72.

2 Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана. (По данным антропологии). Махачкала, 1965. С. 47.

3 Котович В.Г. Отчет о работе Приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1960 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375.

5 Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. М., 1937. Т. I. С. 129-148; Ямпольский З.И. Из истории древней Кавказской Албании. М., 1949; Котович В.Г. Дагестан в составе Кавказской Албании // Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 22-29; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л., 1959; Атаев Д.М. Дагестан и Кавказская Албания // Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 40-42.

6 Страбон. География // ВДИ. 1947. С. № 4. 220.

7 Моисей Хоренский. Армянская история с кратким географическим описанием Армении. СПб., 1809. Т. II. С. 223.

Все это говорит о том, что предки даргинцев, занимавшие приморский и средний Дагестан, входили в Албанский союз. Об этом говорит и родство даргинского языка с удинским языком, который сохранился сейчас в селениях Нидж и Варташен в Азербайджане и в одном селении – Октомбери в Грузии, но «исторически имел значительно большее распространение, представляя собой один из пережиточно сохранившихся языков древней Кавказской Албании».¹ В словарном составе даргинского и удинского языков много слов, имеющих общий корень.

Даргинские племена были связаны с другими племенами союза, о чем свидетельствует красная ангобированная керамика, а также башни албанно-сарматского времени, обнаруженные в Мекегинском ущелье.² Выявленная здесь керамика говорит о существовании развитого гончарного производства, что вообще связывается исследователями с закавказским влиянием, обусловленным вхождением Дагестана в состав древней Кавказской Албании.³ Этот факт указывает на возросшую роль обмена, в которую втягивались даргинцы так же, как и другие народы Дагестана.

В первых веках н.э., как показывают материалы археологических раскопок, на плоскости и в горах Дагестана имела место значительная дифференциация, что говорит о глубоких изменениях, происшедших в социальной структуре общества той эпохи.⁴

В III в. н.э. Албания распалась. На территории Северного Азербайджана возникло государство Агвания, которое попало в зависимость от государства Сасанидов, возникшего в середине III в. н.э. на развалинах Парфянского царства в Иране. На территории современного Дагестана возник ряд политических образований – «царства» Лакз, Табасаран, Хайдак, Гумик, Зирихгеран и др. По письменным источникам они известны только с VI-VII вв. Поэтому не представляется возможным говорить о каком-либо конкретном политическом образовании, куда бы входили даргинцы сразу же после распада Кавказской Албании, об их социально-экономическом положении в III-V вв.

1 Чикобава А.С. Введение в языкознание. М., 1953. Ч. 1. С. 223.

2 Котович В.Г., Котович В.М. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80. Л. 11, 12.

3 Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА, 23. М.-Л., 1951. С. 224; Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки // МИА, 23. М.-Л., 1951. С. 264, 271, 272; Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 28.

4 Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 25, 26.

Однако отсутствие письменных источников в какой-то мере восполняет археологический материал. Материалы раскопок Гапшминского могильника и большого Буйнакского кургана свидетельствуют о продолжавшемся росте имущественной дифференциации. В Гапшминском могильнике, относящемся к III-VI вв. н.э., **наряду с бедными и одиночными захоронениями** встречаются склепы с коллективными захоронениями, напоминающие большие погребальные камеры, перекрытые большими каменными плитами, которые служили на протяжении длительного времени усыпальницами отдельных богатых семей. Это обстоятельство говорит о том, что к тому времени относится начало процесса обособления отдельных богатых семей, использовавших в своем хозяйстве рабский труд.¹

Большое количество вещей, обнаруженных в Гапшминском могильнике, проливает свет на процесс дальнейшего развития хозяйства и характеризует материальную культуру даргинских племен Среднего Дагестана в эпоху раннего средневековья.² Техника их изготовления говорит о том, что жители данной территории достигли в раннесредневековую эпоху значительных успехов в развитии ремесла. Они были знакомы с развитым гончарным производством, обработкой металла, ювелирным делом, а также ткачеством, о чем говорят обнаруженные в могильнике каменные пряслицы и сохранившиеся на одной из бронзовых пряжек остатки ткани полотняного плетения.³

Находки браслетов, женских головных булавок, зеркальца и т.д., а также близость инвентаря погребения к инвентарю могильников других районов Дагестана и Северного Кавказа свидетельствуют о широких связях местных племен с народами Дагестана и Кавказа.

А обнаруженные в могильнике разнообразные бусы из стекла, пасты, хрустали, сердолика и янтаря, египетские украшения – подвеска в виде жука-скарабея, а также разделитель бус из голубой египетской пасты говорят о том, что культурные и торговые связи даргинских племен выходили за пределы Дагестана и Кавказа.⁴

1 Там же. С. 31.

2 Котович В.Г. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1955 г.; Канивец В.И. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. // Уч. зап. ИИЯЛ. 1956. Т. I.; Путинцева Н.Д. Гапшминский могильник памятник раннего средневековья нагорного Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34; Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // МАД. Махачкала, 1961. Т. II. С. 271-282.

3 Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. Указ. соч. С. 282.

4 Котович В.Г. Указ. соч. Л. 35; Путинцева Н.Д. Указ. соч. Л. 52; Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. Указ. соч. С. 282.

Однако экономическое развитие даргинцев так же, как и у других народов Дагестана, нарушалось частыми вторжениями иноземцев.

В 80-е годы IV в. на территорию Приморского Дагестана вторглись гунны. Сфера политического влияния гуннов, как об этом говорят источники, доходила до Дербента.¹ Следовательно, даргинцы, занимавшие приморский Дагестан, были включены в состав гуннской конфедерации племен, с чем, видимо, и связано начало их тюркизации.

Вторжение гуннов в Дагестан сыграло отрицательную роль в истории местного населения, явившись тормозом на пути их социально-экономического и культурного развития.²

В середине V в. союз гуннских племен распался. Однако влияние гуннов было настолько велико, что и после распада гуннского государства многие народы назывались гуннами. В хронике Захария Митиленского сообщается о существовании в VI в. «земли Базгун со своим языком, что примыкает и простирается до Каспийских ворот моря, которые находятся в пределах гуннских».³

Из той же сирийской хроники известно, что в то время к западу от Каспийских ворот находилось 13 племен. Среди них, если учесть многоплеменность Дагестана, были и предки современных даргинцев.

Сведения о политическом объединении, куда входили в этот период даргинцы, занимавшие горный Дагестан, даются в работах местных авторов. Автор «Дербент-наме», перечисляя народы, живущие в Дагестане в период правления в Иране Кубадашаха и сына его Ануширвана, пишет, что «здесь же было племя Туман, распространенное от города Ихрана до Гумри и называемое теперь Тау-Лезги (горные лезгины), которых столица называется Акуша».⁴

По мнению Алиханова-Аварского, Ихран – современное селение Ирганай, расположенное на берегу Аварского Койсу.⁵

Б. Маллачиханов считал, что Ихран – это город Эндери⁶ (Андрей-аул).

1 История халифов Вардапета Гевонда. (Перевод с армянского). СПб., 1862. С. 28.

2 Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 36.

3 Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941. С. 165.

4 Тарихи Дербент-наме // Под редакцией М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 33.

5 Там же. Примечание. С. 45.

6 Маллачиханов Б. Материалы по истории народного Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 34-35.

Существует также мнение, что Ихран – это селение Ихрек, расположенное в Рутульском районе.

По поводу локализации Гумри большинство исследователей придерживается одного мнения, подразумевая под ним современное селение Каякент.

Согласно имеющихся этнографических материалов раньше недалеко от моря был расположен крупный населенный пункт Гамри. В нынешнем Сергокалинском районе имеется селение Кичи-Гамри. Видимо, это селение было основано выходцами из Гамри, почему и получило оно название Кичи-Гамри (кичи на кумыкском языке означает маленький, Кичи-Гамри – Маленькие Гамри).

Источники показывают, что Гумри также было расположено недалеко от моря. Все это дает основание на тождество Гумри и Гамри.

Под Ихраном же необходимо иметь в виду либо один из населенных пунктов Аварии, либо селение Ихрек, ибо только в этом случае «племя Туман», под которым в исторической литературе известны лакцы, могло быть расположено между Ихраном и Гумри.

В этом случае можно предположить, что в VI в. часть даргинцев (главным образом верхнедаргинцев), лакцы и некоторая часть аварцев составляли одно политическое образование.

А.-К. Бакиханов писал, что в период правления в Персии Ануширвана в Дагестане было «семь округов», одним из которых был «Нагорный Кумук, где ныне Казикумук и магалы Акушинские и некоторые Аварские».¹

VI-X вв. для равнинного Дагестана характеризуются дальнейшим влиянием тюрко-язычных племен на местное население. С ослаблением и распадом союза гуннских племен в приморском Дагестане появились и сменяли друг друга кочевые племена савиров, болгар, тюрков, при которых продолжалась начатая гуннами тюркизация этой части Дагестана. Особенно же этот процесс усилился после распада Тюркского каганата и образования Хазарского каганата, который, достигнув к VIII в. большого могущества, распространил свое влияние на огромную территорию от нижневолжских степей до Дербента на Юге.² Оставаясь долгое время в Дагестане, хазары не могли не оказать влияние на жизнь и развитие коренного населения.

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 34.

² Очерки истории СССР III-IX вв. М., 1958. С. 701.

Занимая приморскую равнину, где проходили важные торговые пути, местные племена были втянуты в торговые связи с народами Закавказья, Передней Азией и юго-восточной Европы.

Крупным торгово-ремесленным центром не только Дагестана, но Кавказа вообще являлся город Дербент. «В Дербенте скрещивались торговые пути из стран Ближнего Востока, Тифлиса и Западного Кавказа, с Дона, Волги и Средней Азии».¹ Поэтому он служил главным «связывающим звеном во внешней торговле» не только для населения предгорного, но и Горного Дагестана. Конкретные сведения о связях даргинцев с Дербентом дает нам арабский автор первой половины XIII века Якут. Он писал, что «к нему стекаются Хазары, Серири, Шензаны (может быть жители Шандана. – Авт.), Хайзаны (кайтаги. – Авт.), Курджи (грузины), Рукланы, Зирикеры (кубачинцы. – Авт.), Гумик (лакцы. – Авт.) с севера».²

По сообщениям армянских и арабских источников, в плоскостном Дагестане долгое время находилась также столица Хазарского каганата город Семендер³ – «большой приморский город»,⁴ где имелись рынки, купцы, поддерживающие торговые связи со многими странами. Табари отмечал, что в Семендере производились шерстяные ткани, что жители его «имели значительные суммы денег, рабов и рабынь».⁵ Во второй половине X в. Семендер пал под ударами русов.

В этот период истории (VII-X вв.) наряду с такими политическими образованиями, как Лакз, Табасаран, Гумик, Серир, источники говорят и о Зирихгеране, Хайдаке (Хамзин), Карахе и Шандане, которые образовались на территории расселения даргинцев.

Первое упоминание о Зирихгеране дается в связи с событиями середины VI в., когда Ануширван оставил здесь местного правителя⁶ в качестве

1 Гаджиев В.Г. Исторические связи Дагестана с Россией // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1964. Т. XIII. С. 139.

2 Якут. Алфавитный реестр стран / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 15.

3 Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари // Журнал Министерства народного просвещения, 1844, 43. Отд. II. С. 87; Масуди. «Луга золота и рудники драгоценных камней» / Пер. с арабского Н. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 43; Ибн-Хаукаль. Из «Книги путей и царств» // СМОМПК. Вып. 38. С. 107, 114, 115, 118; Ал-Истахрий. Из «Книги путей и царств» // СМОМПК. Вып. 29. С. 47, 48, 55.

4 Ал-Мукаддаси. Из кн. «Лучшее из делений для познания климатов» // СМОМПК. Вып. 38. С. 5.

5 Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847. С. 11.

6 Белазури. Книга завоеваний стран / Тексты и переводы с арабского П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 7.

своего вассала. Это обстоятельство говорит о том, что возникновение Зирихгерана, как политического объединения, относится к более раннему времени. Под Зирихгераном понималось не только селение Кубачи, но и целое «царство»,¹ куда входила и окружающая территория с селениями Амузги, Сулевкент, Харбук, Ицари и т.д. Масуди указывал, что «многие из жителей этого государства мастера кольчуг, стремян, удилов, мечей и других железных вещей».² Это было небольшое, но экономически сильное политическое образование Дагестана.

Политическое образование даргинцев Хайдак, известное у арабских географов и историков под названием Хамзин,³ было расположено к северо-западу от Дербента и в соседстве с Зирихгераном. В.Ф. Минорский отождествлял Хайдак с Джиданом.⁴ Если согласиться с таким утверждением, то это политическое образование занимало территорию Каякентского, Ленинского и Кайтагского районов. В X в. Кайтаг подчинился Хазарскому каганату.⁵ Столицей княжества до разрушения арабами в начале VIII в. был город Варачан, отождествляемый дагестанскими археологами с Урцекским городищем.⁶ Это был хорошо укрепленный город, расположенный на небольшой возвышенности, на вершине которой находилась цитадель, окруженная стеной с II башнями. Варачан являлся крупным торговым и ремесленным центром княжества, через который проходили торговые пути на север и на юг. Территория города была защищена мощными оборонительными сооружениями шириной до 4-5 м. Материалы археологических раскопок городища свидетельствуют о высоком уровне экономики города.

Княжество Джидан было самым сильным царством на восточном Кавказе, от которого, по свидетельству Масуди, «жители Баб-валь-Абба-ба терпят неприятности».⁷

Владение Карах (у Масуди ал-Кардж) было расположено «рядом с Джиданом по соседству с Кабхом и Сериром».⁸ В.Ф. Минорский совер-

1 Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949. С. 6.

2 Масуди. Указ. соч. С. 52.

3 Якуби. История / Пер. с арабского проф. П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 10; Белазури. Указ. соч. С. 16, 18-19.

4 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 126-127 и др.

5 Там же. С. 192.

6 Котович В.Г. и др. Отчет о работе приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104.

7 Масуди. Указ. соч. С. 43, 52.

8 Там же. С. 51.

шенно правильно отождествлял Карах с современным Уркарахом.¹ Это один из крупных населенных пунктов нынешнего Дахадаевского района, который расположен на дороге из Центрального Дагестана в Хайдак и Дербент. В X-XI вв. Карах играл активную роль в политической жизни Дагестана. В 385 году хиджры (995 г.) Карах был обращен в ислам эмиром Дербента. В XI в. он попадает под контроль Дербента.²

Если расположение Джидана и Караха удалось определить более или менее точно, то локализация владения Шандан вызывает определенные затруднения. Письменные источники, в которых упоминается Шандан, не говорят о его географическом положении. Поэтому без дополнительных источников не представляется возможным дать точное расположение Шандана. Однако на основании сообщений Якута, Белазури, Масуди³ и других сведений, связанных с описанием арабских завоеваний в Дагестане, в которых фигурирует непосредственно и Шандан, мы имеем возможность на сравнительно точное предположение.

Первое упоминание о Шандане дается у Белазури – арабского автора IX в. в связи с походом Мервана в Дагестан, когда Шандан капитулировал и предложил победителю 100 юношей с обещанием посылать ежегодно 5 тыс. модиев в житницу Дербента.⁴

Однако дальнейшие события показывают, что Шандан не был покорен мусульманами, о чем говорят постоянные военные походы мусульманских правителей на территории Шандана. Арабские источники прямо говорят, что «среди племен неверных и пограничной области (*сагр*) ал-Баба злейшим (врагом) мусульман был народ Шандана».⁵ Поэтому источники говорят о многочисленных сражениях мусульман с народом Шандана.

В 273 году хиджры (886 г.) правитель Дербента Мухаммед б. Хашим напал на территорию Шандана и покорил принадлежащие к ней Д. нк. с. и Ш.л.шли,⁶ под которыми В.Ф. Минорский подразумевал современные селения Чишли и Дибгаши, расположенные в 20 км. восточнее Уркараха.⁷

В 297 году хиджры (909 г.) правитель Ширвана Али б. Хайсам вместе с Эмиром ал-Баба Мухаммедом б. Хашимом, к которым примкнуло

1 Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 130.

2 Там же.

3 Там же. С. 138-139.

4 Там же. С. 139.

5 Там же. С. 48.

6 Там же. С. 65.

7 Там же. С. 139.

«большое число добровольцев и чтецов корана (*курра*) из других мест»,¹ потерпел поражение в сражении с народом Шандана. Правители Ширвана и Дербента вместе с 10 тыс. мусульманами были взяты в плен, которых поделили «между людьми Шандана, Сарира и хазарами».²

В 326 году хиджры (938 г.) правитель Дербента Абд ал-Малик б. Сурака послал на Шандан своего помощника Абу-л-Фавариса с конным отрядом из дербентцев и хайдакцев. Напав внезапно на Шандан, они «убили много знатных лиц... и овладели Дик.ш».³

В 429/1037 году шанданцы совершили поход в Дербент. Они «пошли к воротам города (столицы) ал-Баба и пограничной области». Но поход был неудачным. «Некоторые из них были взяты в плен, другие убиты», хотя и «среди мусульман были также потери».⁴

Однако и после этого Шандан не перестал представлять опасность. Поэтому в 432 году хиджры (1040 г.) был совершен новый поход против Шандана.⁵ Это последнее известие о Шандане.

Приведенные данные дают возможность говорить, что жители Шандана не являлись мусульманами. Кроме того, они указывают и на отдельные населенные пункты, которые входили в состав этого владения. Если согласиться с предположением В.Ф. Минорского о том, что Д.нк.с и Ш.л.шли – это Дибгаши и Чишили, то надо признать и то, что в состав Шандана входила часть территории нынешнего Дахадаевского района. А указание на то, что Шандан находится «в пограничной области» от Дербента свидетельствует о близком расположении его от мусульманского Дербента.

На равнине и в предгорье к северу и северо-западу от Дербента находились такие владения как Хамзин (Джидан) и Карах. Далее источники говорят о владениях Туман и Серир, занимавших территории с лакским и аварским населением. Остается неупомянутой территория Среднего Дагестана, заселенная даргинцами. Следовательно, под владением Шандан надо подразумевать эту территорию, расположенную между лаками на западе, Уркарахом и Кайтаком на востоке и Сериром на севере.

По мнению В.Ф. Минорского Шандан – это территория Акуша-Дарго.⁶ Однако, надо полагать, что в состав этого политического объединения входили и другие общества, не вошедшие впоследствии в состав союза

1 Там же. С. 48.

2 Там же.

3 Там же. С. 66.

4 Там же. С. 72.

5 Там же.

6 Там же. С. 140.

верхнедаргинских обществ. Это прежде всего горная часть нынешнего Дахадаевского и часть Сергокалинского районов.

Шандан являлся сильным владением Дагестана. Возможно, что название его возникло от слова «шандан» (шандан на даргинском языке означает сталь), которое, видимо, носило одно из самых сильных племен, объединившее вокруг себя другие этнически родственные племена и являвшееся ядром его.

Сведения об экономическом развитии этой части территории даргинцев дают материалы археологических раскопок. Инвентарь средневекового могильника, обнаруженного в селении Акуша,¹ который относится к IX-XI вв., **дает возможность судить о сравнительно высоком уровне ремесленного производства.** Обнаруженные здесь стеклянные и серебряные браслеты, медное кольцо, бусина – печатка из халцедона, чашечки с зеленой поливой на высокой ножке говорят о существовавших связях верхнедаргинских обществ с другими народами Дагестана и Кавказа.

Во внешнеполитическом отношении этот период характеризуется арабскими завоеваниями. Начало арабских завоеваний в Дагестане относится к середине VII в. **Наряду с другими народами Дагестана, даргинцы** оказали упорное сопротивление арабским войскам. Первые же походы арабов коснулись и их. По свидетельству арабского автора конца IX в. Белазури арабский военачальник Салман в середине VII в. **захватил Азербайджан (Албанию), двинулся в Дагестан. «Жители Хайзана и царь Ширвана и остальные цари гор, и жители Моската, и Шабирана, и города Баба (Дербент)»** заключили с ним мир.²

Однако народы Дагестана не покорились арабам, о чем говорят дальнейшие походы. Правда, в конце VII в. **Дербент снова был захвачен.** Но походы 714 и 722 годов для арабов закончились неудачно.

Первое крупное выступление арабов, направленное на захват Дагестана, связано с именем Джерраха. Разбив хазар, арабы взяли Дербент. Двигаясь дальше на север, Джеррах взял Тарху и Анджи и, пройдя через землю даргинцев, дошел до лакцев, «напал на жителей Гумика и взял многих из них в плен».³

Но покорить арабам народы Дагестана не удалось. Поэтому и в дальнейшем они совершают сюда походы. Наиболее крупные из них были

1 Марковин В.И., Твердохлебов А.М. Акушинский могильник // КС ИИМК. М., 1955. Вып. 60. С. 150-154.

2 Белазури. Указ. соч. С. 8.

3 Там же. С. 16.

совершены под водительством Масламы и Джерраха. Целью их было прочно обосноваться в Дербенте и превратить его в опорный пункт для дальнейших завоеваний.

Заключив мир с «царями гор», Маслама взял Дербент и предпринял ряд мер по его укреплению.¹

Укрепившись в Дербенте, арабы отправились во внутренний Дагестан – в земли табасаранцев, кайтагов, даргинцев и лакцев.

Горцы Дагестана, в том числе и даргинцы, оказали арабам упорное сопротивление. В местной исторической хронике «Дербент-наме» пишется, что, покорив казикумухцев, арабы вступили в Каракайтаг, многие жители которого не желая принимать ислам, погибли в сражении с арабами. После подчинения Табасарана и принятия жителями его ислама, Маслама «направился к народам Тау (гор) и в Аварию и подчинили их».²

А.-К. Бакиханов писал, что «главное место Таво ныне есть деревня Акуша».³ Следовательно, речь здесь идет о территории верхнедаргинцев, которые оказали упорное сопротивление арабским войскам. По сохранившимся преданиям, в местности Асилила-Каб произошло большое сражение между местными жителями и арабами.⁴

Согласно местным хроникам, после этого похода арабы подчинили своей власти Дагестан. В связи с этим и утвердилась в дореволюционной историографии Дагестана концепция об арабском происхождении первых дагестанских владетелей – шамхала, уцмия, майсума и т.д. В «Дербент-наме» говорится, что, назначив в Кумухе правителем Шах-Бала и кадия при нем, в Кайтаге – Эмир-Гамзу, в Тасабаране Мухамед-Маасума и двух кадиев для исполнения шариата,⁵ Абу-Муслим «пошел в Тав (Таг) и Авар, обратил таможенных жителей насильно в ислам, построил для них мечети и назначил кадиев».⁶

Г.-Э. Алкадари также писал, что «в городе Акуша большая мечеть была построена»,⁷ в Акуша, Цудахар, Сюрги, Казикумух и Андалаял были назначены кадии.⁸

1 Там же. С. 17.

2 Тарихи Дербент-наме. С. 78-79.

3 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 44.

4 Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1963. С. 32.

5 Тарихи Дербент-наме. С. 79-80; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 43-44.

6 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 44.

7 Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 21.

8 Там же. С. 23.

Согласно народным преданиям, действительно арабы построили мечеть в местности «Шейхла-гИниз», расположенной в 6-7 км. от Акуша.¹ Арабы приходили и в сел. Муги. После завоевания арабами селения здесь был поставлен правитель – амир. В самом ауле сохранились развалины крепости, где раньше жил амир.² Однако покорить даргинцев, как и других народов Дагестана, арабам не удалось и на этот раз. Они не смогли упрочиться во внутреннем Дагестане, в связи с чем и были совершены ими последующие походы. Только с 732/3 по 739 г. было совершено 6 походов.³ Возглавлял походы двоюродный брат халифа Мерван.

В 735 г. с огромной армией Мерван совершил поход на Дагестан со стороны Аланских ворот, а правитель Дербента – с юга. И на этот раз завоеватели дошли до территории даргинцев. Белазури писал, что завоевав земли Тумана и Зирихгерана, Мерван «вступил во владения Хамзина (?)», который был занят после месячной осады.⁴

В последующие годы арабы, совершая походы против Тумана и Серира, доходили и до территории верхнедаргинцев. В 739 г. был совершен поход по маршруту Серира–Туман–Зирихгеран–Хамзин.⁵ После упорного сопротивления они вынуждены были заключить с арабами договоры, по которым они облагались налогами.⁶

Но закрепиться и распространить ислам в Горном Дагестане арабам все равно не удалось. Народы горного Дагестана совместно с хазарами постоянно совершали нападения на мусульманские центры – Ширван и Дербент. Активно боролись с ними и даргинцы. Совместно с жителями Серира и других государственных объединений Дагестана они не раз побеждали войска правителей Дербента и Ширвана.⁷

В IX в. походы арабов в Дагестане прекратились. Как и для других народов Дагестана, для даргинцев они нанесли большой ущерб. Арабы совершали массовые разрушения, угоняли в плен тысячи людей. Все это приводило в упадок хозяйство. Как писал Белазури, Мерван в Хамзине

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

2 Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып.1. 156.

3 Шихсаидов А.Р. Борьба народов Дагестана против халифата VII – VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 12-13; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 150-157.

4 Белазури. Указ. соч. С. 18.

5 Ибн-ал-Асир. Тарих ал-Камиль / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 32.

6 Белазури. Указ. соч. С. 17-19; Якуби. Указ. соч. С. 7.

7 Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 48.

«сжег и разрушил (все, что мог),¹ сразился с жителями его, истребив великое множество их».² Такая же участь постигла и лезгин.³ А после заключения с Мерваном мира жители Дагестана обязаны были платить арабам высокие подати. Коснулись они и даргинцев – с кайтагцев брали ежегодно 20 тыс. батманов пшеницы,⁴ с жителей Шандана 100 юношей и ежегодно 5 тыс. модиев в житницу Дербента.⁵

§ 2. Образование союза верхнедаргинцев Акуша-Дарго.

К началу XI в. в Дагестане были известны политические образования Серир, Гумик, Табасаран, Кайтаг, Зирихгеран и др. В более или менее устойчивых гарницах фигурируют они и в последующие периоды истории. До середины XI в. сведения говорят и о Шандане. Однако после 1040 года о нем нет никаких упоминаний. Надо полагать, что Шандан как политическое образование распался под ударами мусульманского Дербента и его союзников. Территория Шандана попала под влияние различных политических образований Дагестана. Этим, видимо, объясняется и отсутствие сведений вплоть до XIV в. о верхнедаргинцах.

Из народных преданий известно, что даргинцы после распада Шандана часто враждовали между собой, устраивали набеги друг на друга, увозили пленных и разоряли хозяйство. В такой обстановке они не могли противостоять внешним врагам, которые часто совершали набеги на их земли. Главную опасность для верхнедаргинских обществ в этот период представляло феодальное владение Серир, в соседстве с которым до своего распада находился Шандан. По сведениям арабских источников это было обширное владение средневекового Дагестана.⁶

После X в. границы Серира заметно расширились за счет присоединения территории других народов. По преданиям известно, что, пользуясь разобщенностью верхнедаргинских обществ, это феодальное образование распространило свою власть и на ряд пограничных с аварцами обществ верхнедаргинцев, с которых ежегодно нучал собирал дань зерном и скотом.⁷ Тогда же были подчинены им ряд населенных пунктов лакцев.⁸

1 Белаури. Указ. соч. С. 18.

2 Якуби. Указ. соч. С. 7.

3 Дербент-наме. С. 154.

4 Там же. С. 82.

5 Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 139.

6 Масуди. Указ. соч. С. 53.

7 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375/2/.

8 Каяев А. Материалы по истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444.

Подтверждается все это и сведениями местных хроник. В «Дербент-наме» пишется, что Сери́р являлся самым могущественным владением, ну́цал которого «завладел силою всеми общинами и доходами их ханов. Этот государь получал доход со всех владений и подати со всех обитателей Дагестана».¹

Таким образом, примерно в XI-XII вв. **часть верхнедаргинцев входила** в состав Сери́ра. Дальнейшее развитие требовало отделение их из этого феодального владения. Однако в условиях разобщенности, отсутствия единства и взаимопомощи, любое из подвластных ну́цалу обществ было не в состоянии в отдельности добиться самостоятельности и прекратить платить дань. Это обстоятельство ускорило начавшийся еще раньше процесс объединения верхнедаргинских обществ в единый политический союз.

Сведения об образовании союза верхнедаргинских сельских общин сохранили до нас народные предания. В них сообщается, что каждый год представители аварского ну́цала приходили в даргинские общества для сбора этой дани. В один из неурожайных годов верхнедаргинцы попросили ну́цала освободить их от дани на этот год. Но ну́цал отказался удовлетворить их просьбу и снова послал к ним сборщиков дани. Тогда по инициативе акушинца по имени Айса-кади, на равнине, называемой у даргинцев «Хъярбуки-диркъя», собрались представители даргинских общин для обсуждения создавшегося нетерпимого и безвыходного положения.

Айса-кади, обратившись к собравшимся, сказал: «Знаете ли вы, почему мы платим дань ну́цалу из Хунзаха?» И сам ответил: «Это происходит потому, что мы разъединены и враждуем между собой».

Держа в руках метлу, он обратился с вопросом «Найдется ли среди вас такой силач, который смог бы разломать эту метлу. А сломать ее очень легко, посмотрите, как это сделать». С этими словами Айса-кади стал выдергивать из метлы по одному прутику и ломать их. «С такой же легкостью бьют нас и внешние враги, так как мы разъединены и не выступаем совместно», — закончил он.

На сборе было решено прекратить вражду между обществами, объединить их силы и перестать платить подати хунзахскому ну́цалу.

Далее в легенде говорится, что, когда явились сборщики дани, даргинцы увели их коней на кладбище и, привязав их к надгробным памятникам, сказали: «Вот здесь ваши данники, попробуйте с них взять дань

¹ Дербент-наме. С. 166.

для своего нучала, мы же свободные уздени, платить никому не обязаны и поэтому не дадим ничего и вашему нучалу».

Сборщики вернулись к нучалу ни с чем. Нучал, собрав свое войско, двинулся в даргинские общества для наказания их за непослушание.

Но и общинники, зная, что нучал не откажется от дани и попытается силой взять ее, как было решено на сборе в «Хъарбуки-диркъя», объединили свои силы и пошли навстречу войскам нучала. Недалеко от селения Цудахар, у местности Сията произошла вооруженная схватка. Даргинские общинники одержали победу и с тех пор, перестав платить дань, стали свободными. Но опасность извне и после этого не перестала существовать и поэтому даргинцы решили и впредь при любой внешней опасности объединяться и не давать возможности никому посягать на их самостоятельность и свободу.

Среди исследователей имеется мнение, что если образование обществ является процессом внутреннего развития, то объединение обществ в большие политические союзы является поздним явлением, вызванным борьбой с феодальным окружением,¹ «серьезной опасностью внешнего нападения».² Только из внешних факторов исходил, говоря об образовании союзов «вольных» обществ Дагестана, и М.П. Плисецкий. По его мнению, «союзы вольных обществ» образовались после неудачной попытки персов в XVII в. «объединить эту труднодоступную горную страну с разноплеменным населением».³

Конечно, внешние факторы играют большую роль в сплочении и объединении. Однако, говоря о них, как об одном из главных условий политических успехов, мы ни в коем случае не должны забывать, что в конечном счете определяющим условием все же являются внутренние причины. Образование союза верхнедаргинских сельских общин стало возможным именно только при определенных условиях их внутреннего развития. Политическое объединение их было подготовлено ростом производительных сил, экономическим развитием, усилением связей и обменом между ними. Это был не союз, заключенный только в результате «временной нужды», необходимостью временного единства и военными нуждами, т.е. пока существовала внешняя опасность, а поли-

1 Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947. Л. 176-177.

2 Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 237.

3 Плисецкий М. Горцы Дагестана. М., 1929. С. 3.

тическое объединение родственных, этнически однородных племен, которые объединились в единую политическую организацию в результате их внутреннего, социально-экономического развития и усилившейся опасности извне.

В свою очередь, образование союза, а, следовательно, и укрепление внешнеполитического положения верхнедаргинцев и создание условий, обеспечивающих безопасность их территории, способствовало их дальнейшему хозяйственному развитию, которое выразилось в освоении запущенных земельных участков, увеличении поголовья скота, развития ремесленного производства и на основе всего этого расширения обмена.

Предания сохранили и сведения о первоначальном составе союза верхнедаргинских сельских общин. В одном из них говорится, что с самого основания союза в него вошли Акушинское, Мекегинское, Усишинское, Цудахарское и Сюргинское общества.¹ По другим сведениям в союз входило и Кутишинское общество, но не входили сюргинцы,² мугинцы³ и цудахарцы,⁴ из которых последние объединялись с союзом лишь в момент большой опасности извне.

Противоречивость этих сведений говорит о том, что первоначально не все общества верхнедаргинцев входили в состав союза. Нам думается, что начало союзу было положено акушинцами, усишинцами и мугинцами, которые расселены близко друг от друга – общинные территории их имели общие границы, в этническом отношении отличались лишь по диалекту и имели общих врагов, которые постоянно (об этом свидетельствуют легенды) совершали набеги на их земли и в случае победы их над одним из этих обществ имели возможность проникнуть и в земли следующих обществ.

Надо полагать, что в союз было вовлечено со времени его организации и Мекегинское общество, ряд селений которого также находился в подчинении хунзахского нуцала и своими собственными силами они не могли бы освободиться от его власти и прекратить платеж дани.

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

Цудахарское же общество, хотя и с самого начала участвовало в союзе, впоследствии, как об этом говорят и источники,¹ лишь в периоды большой угрозы со стороны внешних врагов объединяло свои силы с союзом верхнедаргинских сельских общин.

Все эти сведения говорят не только о первоначальном составе союза верхнедаргинских сельских общин, но и о времени его образования, показывая, что союз образовался не в XVIII-XIX вв., а в более ранний период истории. Говорят о древности образования союза и ряд дореволюционных и советских исследователей. «Эти пять обществ, – писал А.В. Комаров, – издревле составляли союз, известный под общим именем Даргуа».² Аналогичное утверждение мы находим и у Л.П. Загурского,³ В. Потто⁴ и др. «Подобный союз, – пишет Х.-М. Хашаев, – постоянно (подчеркнуто нами. – Авт.) существовал у акушинских даргинцев во главе с акушинским кадием».⁵

Несмотря на недостаточность разработки истории союзов сельских общин в целом, правильно указывается на время их образования в «Очерках истории Дагестана», где говорится, что этот процесс произошел задолго до присоединения Дагестана и России.⁶

В исторической литературе союз известен под названием «вольного» Акушинского союза или Дарго и Акуша-Дарго, что показывает главенство Акушинского общества. Однако имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет утверждать, что в начальный период образования союза первенствующее положение в нем заняло Бутринское общество, во главе которого стоял талхъан (князь).⁷

Народные предания сохранили известия о том, что в союзе и в частности в Бутринском обществе действительно находились в прошлом талхъа-

1 Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 130, 131; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 3. Л. 5; ЦГИА РГ. Ф. 1038. Оп. 6. Д. 358. Уч. записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. III. Махачкала, 1957. С. 279; Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки КОРГО. Тифлис, 1873. Вып. VIII. С. 16; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 34.

2 Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки КОРГО. Тифлис. Вып. VIII. С. 16.

3 Л.З. Административные отделы Кавказского края // Известия КОИРГО. Тифлис, 1877-1878. Т. V. С. 135.

4 Утверждение русского владычества на Кавказе / Под редакцией В. Потто. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. 1. С. 391.

5 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 273.

6 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 199.

7 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375.

ны и, что это общество раньше, чем другие общества Верхней Даргинии, приняло ислам. Сохранились даже сведения о том, что бутринцы распространили ислам в Кайтаге. В предании указывается, что в Кайтаг приехал из Бутри Нух с 10 проповедниками ислама. Однако в бою с ирчамульцами в местности Кукца около селения Баршамай бутринцы были уничтожены. В другом предании упоминается имя бутринца Магомеда-Али, которого кайтагцы в конце концов признали своим духовным вождем.¹

О былом главенстве Бутринского общества говорит и то, что до позднего времени они считали себя первенствующими среди верхнедаргинцев. «Нуша даргала букIрера» (мы главы даргинцев), – говорили они.

Очевидно, отголоском былого главенства бутринцев является также сохранившаяся вплоть до XIX в. традиция, по которому Бутринское общество начинало весеннюю пахоту независимо от акушинцев, в то время как все остальные общества союза приступали к ней только после акушинцев.²

Со временем первенство в союзе перешло к Усишинскому обществу. Возвышение Усиша предания связывают с удачным сражением верхнедаргинцев с войсками одного из феодальных владетелей. Основную роль в исходе этого сражения сыграло усишинское общество. Здесь также в прошлом находился талхъан. Даже в XIX в. в Усишинском обществе был известен тухум «Талхъанхъали», который образовался из потомков талхъана.³

Достоверность народных преданий о главенстве Усишинского общества подтверждают также косвенные данные письменных источников.⁴

Говорят об этом и некоторые исследователи XIX в. «Деревни Усиша и Акуша», – говорится в примечании к «Тарихи Дагестана», – главные селения бывшего союза вольных Даргинских обществ». ⁵

И только лишь в конце XIV – начале XV в. главенство в союзе перешло к Акушинскому обществу, во главе которого стоял мусульманский кадий. Поэтому союз и стал называться Акушинским союзом «вольных» обществ, а все верхнедаргинцы у соседей стали известны под общим названием «акушинцы».

1 Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964. С. 11-12.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

3 Там же.

4 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II. С. 124.

5 ССКГ. Тифлис, 1878. Вып. V. С. 30.

Как показывают источники, в дальнейшем верхнедаргинцы попадают под влияние шамхальства Казикумухского. В начале XIV в. шамхальство являлось наиболее сильным феодальным владением Дагестана. Шамхалы стремились к расширению своей территории. Такая политика шамхалов встречала противодействие правителей других феодальных владений Дагестана. В результате такой междоусобицы, как сообщает Мухаммед-Рафи, «в 1318 г. казикумухские шамхалы были низвергнуты соединенными силами хайдаков, аварцев и тюрок».¹

Однако вскоре шамхалы не только оправались и восстановили свою власть, но даже захватили часть земель кумыков, даргинцев и аварцев. С этими событиями, видимо, связан и захват шамхалов территории верхнедаргинцев. Первое такое указание на зависимость даргинцев от шамхалов дает Мухаммед-Рафи – автор XIV в. **Перечисляя подати, которые ежегодно платили шамхалу за пастбища в горах, он писал и о даргинцах.** Жители селений Усиша и Акуша ежегодно давали шамхалу 100 быков, жители Сюрха с каждого дыма по одному диргему, жители Цудахара 50 быков, жители города Зирихгерана (Кубачи) – 30 мер пороку и 50 баранов с горы и т.д.²

И в дальнейшем вплоть до XVII в. **верхнедаргинцы оставались в составе шамхальства.** В арабской книге «Аль-Ихья улум ад-дин» «Оживление религиозных наук» Аль-Газали имеется запись, что она переписана в Акуша – одном из селений Казикумуха.

В начале XIII века Дагестан подвергается татаро-монгольскому нашествию.

В 1220 г. армия Джебе и Субудея вторглась в Азербайджан и после упорной борьбы подчинила его своей власти. Затем монголы направились к Дербенту. После неудачной осады Дербента, татары «по местам неприступным перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревом, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды, и таким образом, пошли в свою родину»,³ по горам, где «были многочисленные племена, в том числе аланы, лезгины и несколько тюркских пле-

1 Мухаммед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. С. 7.

2 Там же. С. 22-24. См. также «Дербент-наме». С. 176-177; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 53.

3 Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. (1239-1240 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. IV. С. 10.

мен»,¹ которых они «наделили... резней, грабежом и опустошениям² за оказание им сопротивления».

Новые походы в Дагестан татаро-монголы совершили после смерти Чингис-хана. При преемнике Чингис-хана Угэде, татаро-монголы в 1227 г. прошли по Азербайджану и Дагестану. А в 1239 г., покорив все кавказские страны, они захватили Дербент, откуда стали совершать набеги в горный Дагестан. Имеются сведения, что захватчики дошли до Кумуха, который они не могли покорить долго и лишь после упорного сопротивления в 1240 г. был ими разрушен.³

Сохранившиеся до наших дней остатки оборонительных сооружений на одной из гапшминских гор, относящиеся к этому периоду, являются прямым указанием на то, что и верхнедаргинцам непосредственно пришлось воевать с татаро-монголами. Возможно, что захватчики из Кумуха через Уллучара проникли в земли верхнедаргинских обществ. Первым населенным пунктом на их пути являлась Гапшима и поэтому на самой высокой горе и была построена указанная крепость, необходимая не только для предупреждения появления врага, но и для укрытия в случае его проникновения на их территорию.

Но власть свою в горах татаро-монголам не удалось утвердить. Об этом свидетельствует Плано Карпини. Перечисляя земли, которые покорили татаро-монголы, он указывал из районов Дагестана только «Комук»,⁴ под чем подразумевается равнинный Дагестан.

Французский посол в Золотую Орду Вильгельм Рубрук также писал, что народы, живущие вблизи моря или озера Этилии «именуемые Лесгами (дагестанцы. – Авт.) ... не подчинены татарам».⁵

Из этих сообщений мы можем заключить, что даргинские общины, подобно другим горным обществам Дагестана, как справедливо отмечал Л.И. Лавров,⁶ не были подчинены татаро-монголам. В состав

1 Ибн-аль-Асир. О первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны / Перевод проф. И.И. Ильминского // «Уч. зап. Имп. Академии наук по I-III отд.». СПб., 1854. С. 659.

2 Летопись Ибн-аль-Асира // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., 1884. Т. I. С. 3.

3 Мухаммед-Рафи. Указ. соч. С. 25-27; Али Каяев. Материалы по истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444.

4 Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57.

5 Там же. С. 111, 186.

6 Лавров Л.И. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции // Сборник музея антропологии и этнографии. М., 1958. Т. XVIII. С. 336.

Золотой Орды из территории Дагестана вошла только узкая прибрежная равнина с городом Дербентом. Горная же часть Дагестана сохранила свою независимость от татаро-монголов.

Нашествие татаро-монголов для народов Дагестана явилось большим бедствием. Во время периодически совершаемых военных походов разрушались и грабились встречающиеся на их пути села и города, население захваченных территорий облагалось непосильным налогом. Власть татар над завоеванными странами Карл Маркс называл «кровавой грязью монгольского ига». Оно, – писал Карл Маркс, – «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства».¹

Особенно разорительными были нашествия на Дагестан золотоордынского хана Тохтамыша и владыки Средней Азии Тимура, между которыми с конца XIV в. **разгорелась борьба за овладение Кавказом и Дагестаном.**

До 1395 г. ареной столкновений между ними, следовательно, насилий, разорений и опустошений был Южный и прибрежный Дагестан. После же разгрома Тохтамыша в долине реки Терек, Тимур направил все свои силы на покорение Горного Дагестана.

Покорив кумыков² и пройдя через их землю, Тимур двинулся на даргинцев, лакцев и аварцев. Как сообщает в своей «Книге побед» персидский историк первой половины XV в. **Шереф-ад-дин Али Йезди**, «придя в Тарки, Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско и с целью священного набега двинулся на Ушкудже».³

Но главной целью похода Тимура в горы была не борьба за мусульманскую веру. Как известно почти все завоеватели, пришедшие в Дагестан после VII века, **свои захватнические войны прикрывали исламом**, который служил им идеологическим оправданием их и знаменем борьбы против неверных. Лозунгом «священной войны» прикрывал свою захватническую политику и Тимур. Чаще всего «для Тимура религия была

¹ Маркс К. Секретная дипломатия XVIII в. Цитируется из учебника «История СССР». 1947. Т. I. С. 154.

² Из «Книги побед» Назам-ад-дина Шахи // В.Г. Тизенгаузен. Указ. сборник. С. 119.

³ Из «Книги побед» Шереф-ад-дина Йезди // В.Г. Тизенгаузен. Указ. сборник. С. 185.

орудием для достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступок».¹

И теперь, идя в горный Дагестан, под прикрытием «священного набега», полчища Тимура думали лишь о грабежах и насилии. Ярким подтверждением этого является указание Шереф-ад-дина Али Йезди о том, что как только захватчики дошли до Ушкудже, они поспешили отправиться во все страны «громить и грабить».²

Окружив селение Ушкудже, Тимур стал ожидать возвращения войск с награбленным добром, отправленных им в окрестные селения. На помощь осажденному населению Ушкудже пришли «Шаукал Казикумухский и Аухарский с 3000 чел.»,³ которые по обычаю раньше «каждый год и месяц сражались с «неверными» и теперь «изменив свой обычай... поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому».⁴

Узнав об этом, Тимур, отобрав из своих всадников 500 человек лучших воинов,⁵ напал и разгромил их. Шамхал был убит, а оставшиеся в живых были приведены к Тимуру, который с упреком опросил их, «Прежде вы, приверженцы ислама, всегда воевали с неверными, что стало теперь, что вы отступив от этого, шли к ним на помощь»,⁶ Они раскаялись в своем поступке, после чего были прощены им и отпущены домой. Затем Тимур вернулся в лагерь. Войско к его приходу «уже взяли Ушкудже, всех тех неверных убили... из убитых сделали холмы и опустошили всю их область».⁷

После этого к Тимуру явились с раскаянием и признанием своей вины казикумухские и аварские старшины. Тимур «обласкал их разными милостями – почетными халатами, златотканными одеждами, золотыми поясами для мечей и арабскими конями».⁸ Они были отправлены в горы с условием, что при дружественном отношении их к Тимуру останутся у него в милости. Тимур дал им наставление всегда бороться с врагами

1 Бартольд В.В. Улугбек и его время // Записки Российской Академии наук. Серия VIII. Т. XIII. № 5. П гр. 1918. С. 21.

2 Из «Книги побед» Шереф-ад-Дина Йезди // В.Г. Тизенгаузен. Указ. сборник. С. 185.

3 Там же.

4 Низам-ад-дин. Шахи. Указ. соч. С. 124.

5 Цифры явно приуменьшены, так как историк придерживался монгольской ориентации и пренебрежительно относился к другим народам, в том числе и к дагестанцам.

6 Шереф-ад-дин Йезди. Указ. соч. С. 186.

7 Там же.

8 Там же.

веры и укреплять мусульманство, не забывая слов из корана «воюйте на пути Аллаха», «убивайте их (неверных. – Авт.), где встретите».¹

Тимур закрепил за ними их земли, выдал им ярлыки и отпустил к себе. Таким образом, мы видим, что основные события здесь связаны с селением и областью Ушкудже.

По вопросу о локализации селения Ушкудже среди историков имеются разные мнения. Большинство из них придерживается мнения, что под этим названием имеется в виду современное селение Акуша.² Пологали, что название Акуша слегка искажено иранскими историографами. Согласен с таким утверждением и авторский коллектив «Очерков истории Дагестана».³

Иные же исследователи под селением Ушкудже подразумевают населенный пункт, расположенный в Табасаране.⁴

Однако, если даже тождество Ушкудже с Акушой и возможно, то, если учесть маршрут похода Тимура по Дагестану, идентифицировать Ушкудже с каким-либо населенным пунктом Южного Дагестана никак нельзя. Чтобы подтвердить это мнение проследим маршрут Тимура.

В «Книге побед» Шереф-ад-дин Йезди писал, что поход в местность Ушкудже Тимур начал от селения Тарки, где он оставил свой обоз. Разрушив Ушкудже и разграбив его область, Тимур двинулся на другие пункты, названия которых позволяют отождествлять их с современными селениями, расположенными на территории Левашинского, Сергокалинского и Ленинского районов, о чем конкретно будет сказано ниже при описании дальнейших событий. После погрома этих территорий, Тимур вернулся в Тарки, где оставался обоз, и оттуда двинулся в Кайтаг и Кубачи. Поэтому, если даже предположить, что Ушкудже – это одно из селений Южного Дагестана, то Тимур отсюда в первую очередь должен был бы пойти на Кайтаг и Кубачи, которые расположены недалеко от лезгинов и табасаранцев, а не в последнюю очередь. Кроме того, если бы Тимур пошел в Южный Дагестан, то он должен был пойти или через Дербент, или через Кайтаг. Между тем источники показывают, что Дербент Тимур посетил лишь уходя из Дагестана. Вряд ли можно предположить

¹ Там же.

² Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов 1937 г. М.-Л., 1941. С. 99; Ихилов М.М. Дагестан в период монгольского господства (XIII-XV вв.) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.

³ Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 71.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 27.

и то, что Тимур, оставив обоз в Тарках, пошел в Южный Дагестан, потом снова возвратился в Тарки и лишь после этого отправился в Кубачи и Кайтаг, потом в Дербент, откуда ушел в Азербайджан.

Все это опровергается и поводом похода Тимура. Как известно Южный Дагестан один из первых районов Дагестана принял ислам. Поэтому, если бы Тимур предпринял поход в южный Дагестан, то для него лозунг за мусульманскую веру не мог быть поводом для этого.

Нам думается, что под Ушкудже необходимо подразумевать современное селение Усиша, которое в древности называлось Ускиша.

Это подтверждается не только созвучием названий Ускудже, Ускиша, Усиша, сходство которых явно наблюдается без всяких искажений. Об этом свидетельствует и повод, предпринятого Тимуром похода в эту «область». Как указывалось выше, поход был совершен под флагом борьбы за мусульманскую веру. Согласно сохранившимся преданиям, самыми последними ислам приняли среди даргинцев усишинцы, мекегинцы и мугинцы. К периоду нашествия полчищ Тимура даргинцы исповедовали в основном христианство православного, армянского и католического исповедания.¹

Вплоть до 30 годов XX в. в сел. Усиша находилась одежда епископа и христианский крест из золота и серебра.² Усиша в период похода Тимура являлась как политическим, так и религиозным центром верхнедаргинцев. Поэтому-то Тимур и предпринял поход в эти места, используя в качестве оправдания приверженство местного населения к другим – не мусульманским верам³.

После описанных выше событий в сел. Усиша, полчища Тимура продолжили грабежи во имя «священной веры». Из Усиша тимуровские войска двинулись в селение Муги. На равнине, известной и ныне под названием «Хъярбуки-диркъя», произошло крупное сражение. Во время земляных работ на этой территории находят останки погибших в этом сражении мугинцев. После разгрома мугинцев завоеватели ворвались в селение и разрушили его. Попавшие в руки завоевателей старики,

1 Путешествие Барбаро в Тану. БИПР. Отд. I. Т. I; Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924. С. 93; Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане (VII-XII вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1959. Л. 50-61; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

2 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

3 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. 2. С. 128-129.

женщины и дети были растоптаны вражеской конницей¹. В личной библиотеке жителя сел. Муги М.-З. Закаригаева хранится рукопись книги Мухаммада б. Ахмад ал-Махалли под названием «Канз ар-рагибин фи шарх Минхадж ат-талибин», на одном из листов которой имеется запись о походе Тимура в Дагестан: 797 г.х. (27.10.1394 -15.10.1395 гг.) – дата прихода Тимурланга со своей громадной силой в селения Дарга, разрушения [селения] Муха и гибели в сражении его жителей (ахл) – юношей, детей, и стариков. Пропали уже все надежды [на спасение] из-за этих ядовитых змей. Но тут пришла к нам помощь из вокруг лежащих селений: из Авара и Гумука и мы освободились от того великого несчастья.² В связи с этим можно предположить, что в 1395 г. войска Тимура проникли в сел. Муги, но были отбиты. После этого Тимур предпринял второй поход, в ходе которого были разгромлены Ушкуджан-Усиша и другие села³. Затем войска Тимура взяли крепость «Нергес», разграбили и сравняли ее с землей уничтожив до последнего всех жителей. Та же участь постигла и укреплений «Мика», «Балу» и «Деркелу».⁴

В народе до сих пор сохранились предания о пребывании войск Тимура в ряде других населенных пунктов Дагестана, где ныне живут даргинцы. В частности в селениях Урахи, Мулебки, Шукты, Мекеги рассказывают, что Тимур, захватив селение Герга, стал его правителем-беком. Отсюда он пришел в селение Мекеги.⁵

По всей вероятности это отголоски пребывания Тимура в селении Герга, под которым можно подразумевать «крепость Нергес» и в селении Мекеги (МикІхІи), очевидно, «укрепление Мика». О приходе Тимура в эти места говорят и сохранившиеся многочисленные остатки разрушенных сел недалеко от Герга и Мулебки, которые, согласно народным

1 Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала, 2002. С. 200-201.

2 Из дагестанских памятных записей / Пер. и коммент. Т.М. Айтберова и А.Р. Шихсаидова // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 109-111.

3 История Дагестана. М., 1967. Т. I. С.207-209; Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. О маршруте похода Тимура в 1395-1396 гг. через Дагестан // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX; Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана (Досов. период). Махачкала, 1975. Вып. II.

4 Низам-ад-дин Шами. Указ. соч. С. 124; Шереф-ад-дин Йезди. Указ. соч. С. 187.

5 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375.

преданиям, были разрушены полчищами Тимура. Относительно расположения этих крепостей среди историков нет единого мнения. Бесспорным среди них считается определение Деркелу как позднейшего с. Дургели. Относительно Мика есть разные версии. Некоторые сближают его с сел. Муги, лежащим не так далеко от Усиша. В Муги бытуют предания о столкновении мугинского ополчения с войском Тимура на небольшой равнине «Хъярбуки-диркъя» – недалеко от села. Мугинцы были разбиты превосходящими силами Тимура, причем враги использовали даже слонов. Предание гласит, что на месте нынешнего квартала ХІяжитайла къятІ был уничтожен один из боевых слонов завоевателей.¹ Существует и другое предположение: Мика – Мекеги (МикІхІя). Согласно мекегинским преданиям, они выслали отряд на помощь акушинцам (возможно, ушкуджинцам). Но дин из многочисленных отрядов Тимура был отправлен и на Мекеги. Это однако не застало мекегинцев врасплох, которые оказали упорное сопротивление врагам. Только после продолжительных упорных боев тимуровские войска смогли взять укрепленное селение и силой оружия навязать мекегинцам ислам.²

Покорив Средний и Нагорный Дагестан, Тимур вернулся к обозу. Отсюда он двинулся в Зирихгеран (Кубачи), а затем в Кайтаг, народ которого, по свидетельству указанных историков, просил пощады и поэтому был помилован. Из Кайтага Тимур пошел в Дербент, где приказал укрепить крепость, и ушел из пределов Дагестана.

Хотя Тимур не долго пробыл в Дагестане, но это время для горцев являлось тяжелым, характеризующееся исключительными зверствами и разрушениями, чинимых полчищами Тимура, политика которого, как отмечал Карл Маркс, «заключалась в том, чтобы тысячами истязать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас».³

Нашествие полчищ Тимура тяжело отразилось на положении Дагестана в целом и территории, занятой даргинцами – в частности. В результате произведенных ими разрушений, грабежей и убийств, страна пришла в упадок, экономическое и культурное развитие ее было задержано на многие десятилетия. Особенно сильно пострадало селение Ушкудже и

1 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Ч. 2. С. 130.

2 Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. С. 205.

3 Архив Маркса-Энгельса. Т. VI. С. 185.

его «область», т.е. территория союза верхнедаргинских обществ, которая была подвергнута разгрому и опустошению. Результатом таких действий Тимура явилось падение политической роли Усишинского общества. Возможно, что именно после этого разгрома Усиша стало возвышаться Акушинское общество, которое во главе с мусульманским кадием, представленным и возвышенным, по всей вероятности Тимуром, стало возглавлять союз верхнедаргинских обществ. Этому способствовало однако не только иноземное вмешательство. Занимая очень выгодное географическое положение в центре верхнедаргинских обществ, через территорию которого проходили пути, связывающие верхнедаргинские общества с лакцами, аварцами, приморским Дагестаном, Сюргинским обществом и т.д. Акушинское общество в то время являлось наиболее многочисленным обществом среди верхнедаргинцев. Следовательно, оно являлось и наиболее сильным. К тому же акушинцы раньше, чем усишинцы, мугинцы, мекегинцы приняли ислам. Поэтому-то Тимур и решил противопоставить Акуша остальным обществам, не только как против своих противников, но и как правоверных против «неверных», для распространения ислама. Это иноземное вмешательство ускорило возвышение Акушинского общества. Поэтому оно и начинает фигурировать после тимуровского похода. И все верхнедаргинцы после возвышения акушинцев становятся известны в источниках под общим названием «акушинцы».

Вскоре после смерти Тимура между его наследниками началась борьба, что привело к ослаблению их власти в Дагестане. В результате этого создались условия для хозяйственного возрождения страны.

И для даргинских земель избавление от разорительного татаро-монгольского ига дало возможность приступить к мирной хозяйственной жизни, к поднятию земледелия и скотоводства. Восстанавливались разрушенные села, возделывались запущенные поля.

Это хозяйственное возрождение и новые экономические сдвиги, как и у других народов Дагестана, у даргинцев нашли отражение в процессе образования крупных населенных пунктов, протекавшем и завершавшемся как раз в этот период истории особенно быстрыми темпами. Сохранилось много следов бывших населенных пунктов, а также конкретные данные топонимики. Так, селение Усиша образовалось из семи маленьких селений, известных до сих пор под названием Зирмукъ-гІяя, Къубши-хІеркІ-ла-гІяя, МарцІла-гІяя, Шургъала, Хъабла-гІяя, Усала-гІяя, МухІула-гІяя,

развалины которых сохранились до наших дней, где находят разные домашние вещи, а камни используются для строительства.

Об объединении этих сел в одно большое селение сохранились разные легенды. Суть их сводится к тому, что некий Каландар (по всей вероятности это старшина – Каландар, что еще раз свидетельствует, что именно после татаро-монгольских завоеваний происходило это объединение) решил объединить все эти семь селений, среди которых самым сильным и большим было Усала-гІяя, в одно большое селение, но никак ему это не удавалось. Однажды Каландар, решив узнать положение в Усала-гІяя, пришел сюда в виде нищего-странника. Он зашел в дом одной старухи, которая пожалев его, поставила перед ним еду – жареную муку. Каландар стал есть прямо с середины подноса. Увидев это, старуха сказала ему: «Зачем ты начинаешь кушать с середины точно как Каландар, который, оставив окружающие Усала-гІяя селения, хочет сначала захватить его». Каландар задумался над словами старухи и понял, что легче сначала захватить более слабые селения, а затем, объединив все силы, захватить и самое сильное среди них и таким образом объединить их в одно крупное селение. Предание гласит, что он поступил так.¹

Образование другого крупного селения Мекеги также связано с объединением семи маленьких селений. Селение было окружено крепостными стенами с оборонительными башнями.²

Селение Бутри образовалось из 6 поселков – «Эла-Бурке», «Урчалла Э», «Маллачихъала Э», «Мухур Умархъала Э», «Гъумрела Э», «Талхъанна Ибрагъинна Э», где «Э» означает, по-видимому, «хутор», «поселение».³

Селение Гапшима (ХІябшима) образовалось в результате объединения трех селений, о чем говорит и само название его, происшедшее от слов «хІябал» - три и «ши» - селение.

Селение Акуша также образовалось из нескольких маленьких населенных пунктов. Сохранились названия отдельных из них: Сидалакъа-къри, Инзухла, ХаламижитлабекІлизила.⁴

Образование крупных населенных пунктов имело большое значение. «Складывался тот центр, вокруг которого концентрировались другие

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

2 Там же.

3 Османов М.О. Поселения даргинцев в XIX-XX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 108. Л. 55.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

населенные пункты. Объединение нескольких аулов вокруг одного повышало значение территориальной общины и усиливало ее обороноспособность. Образование крупных селений в свою очередь было возможно только на основе больших успехов хозяйственной жизни».¹

Этот период характеризуется также усилением исламизации даргинских обществ. Сохранившиеся сведения показывают, что именно после тимуровского похода в Горный Дагестан в конце XIV в. начинается более сильное проникновение и усиление позиций ислама и в Акуша-Дарго. В связи с этим получает здесь распространение и арабоязычная культура. Появилось много знатоков арабского языка, которые переписывали разнообразные по своему содержанию арабские книги. Житель селения Акуша Идрис, сын Ахмеда в 898 году хиджры (1492) переписал книгу «Талим Мутаалим» («Наставление мутаалимам»), в 903 году хиджры (1497) он переписал книгу восточного философа Аль-Газали «Минхадж аль-Абиди».² С его именем связана также попытка создать свою национальную письменность на основе арабского алфавита. В 912 году хиджры (1507 г.) он переписал книгу Аль-Газали под названием «Аль-Ихья улум ад-дин» («Оживление религиозных наук»). На полях этой рукописи имеются надписи, в которых обнаружены даргинские слова, примечания и целые предложения.³

С распространением ислама и влиянием арабоязычной культуры связано также появление на территории Акуша-Дарго начиная с XV в. надмогильных плит с арабскими надписями.⁴

К концу XVI – нач. XVII вв. шамхальство переживает период распада. Происходит дробление его территории, выделение из него самостоятельных владений. Слабеет власть шамхала и над верхнедаргинцами. В источниках этого периода территория верхнедаргинцев выступает как отдельное владение. Участник похода Хворостинина Аллага, перечисляя войска дагестанских владений, писал и о «кабаке Аркуша», где находился «Шевкалов уздень Бурунчи».⁵

1 Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 59.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

3 Древнейший письменный памятник на даргинском языке // Дагестанская правда за 8 июля 1959 г.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375(2); Алиев Б.Г. Памятники старины // Ленинское знамя (даргинский язык) за 21 января 1965 г.

5 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578-1613. Т. I. М., 1889. С. 293.

В конце 30 – нач. 40-х годов XVII в. в период правления шамхала Сурхай-Мирзы-хана в Казии-Кумухе образовалась враждебная к шамхалам сильная оппозиция феодалов и феодализирующей знати, которая принудила его переменить свою столицу. С переходом после этих событий шамхала в Тарки верхнедаргинцы во главе с Акушой окончательно отделились от шамхальства.

Внешнеполитическое положение даргинцев XV-XVI вв., как и других народов Дагестана, характеризуется появлением новой иноземной опасности, связанной с выдвижением на политической арене двух военно-феодальных государств – Сефевидского Ирана и Османской Турции. Начиная с этого периода и вплоть до присоединения к России, даргинцы, как и другие народы Дагестана, были втянуты в орбиту захватнической политики этих государств.

Начало агрессии завоевателей непосредственно не коснулось территории расселения даргинцев, в особенности жителей горного Дагестана. Однако со второй половины XVI в., когда Дагестан попадает под влияние турецкого султана, завоеватели непосредственно дошли до Предгорного и Горного Дагестана.¹

Жестокая политика завоевателей, расправа с непокорными горцами вызвали сильное недовольство жителей Дагестана. В 1582 г. произошло крупное вооруженное выступление в Казикумухе.² В начале XVII в. против турок выступили жители Южного Дагестана, а затем и Дербента. В результате осады города Кайтагским уцмием Рустем-ханом, турки вынуждены были позорно сдаться.³

Недовольством турками и ослаблением их позиции в Дагестане воспользовался шах Аббас I. За короткое время войска шаха захватили Ереван, Ганджу, Баку и Шемаху. Быстрое продвижение персидских войск привело к тому, что отдельные правители Дагестана (Кумыкии, Лезгии, Кайтага), а также шамхал Казикумухский, майсум Табасаранский, кадий Акушинский и Алибек Цахурский изъявили покорность шаху Аббасу I.⁴

Однако, признавая себя покорными, владетели Дагестана стремились не допустить нашествия персидских войск и тем самым сохранить независимость. Народы Дагестана противились захватническим планам шаха, выступали против завоевателей. Этим и объясняется то обстоятельство, что шах Аббас I вынужден был направить в 1609 г. своего посланника

1 Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 91.

2 ССКГ. Вып V. С. 6.

3 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 94.

4 Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 92.

Карачай-бека в Шабран, чтобы он, соединившись с местными владетелями, «наблюдал за горцами, входил с ними в сношения, поддерживал спокойных и преданных и наказывал тех, которых найдет виновными, водворил бы таким образом общее спокойствие».

Насилия, чинимые завоевателями, разнообразные налоги и повинности ложились тяжелым бременем на народные массы. Они подвергались также и жестокому религиозному гнету. С другой стороны, персидские завоеватели покушались и на свободу предгорных и горных обществ, пытаясь всякими мерами надеть и на них свое ярмо. Все это и послужило причиной ряда выступлений горцев, в том числе и даргинцев против персидских завоевателей. В результате шах вынужден был посылать в горы карательные отряды, которые жестоко расправлялись с местными жителями, разоряли хозяйство.

Имеется ряд сведений о приходе карательных отрядов и на территорию Акуша-Дарго. На полях арабской рукописи «Халлул ал-Иджаз», переписанной в 1021 году хиджры (1612 г.) жителем селения Акуша Гаджи-Махмудом, сыном Магомеда имеется запись: «Когда шла война шиитов (персов. – Авт.) и Юсуп-хана (правитель Шабрана, поставленный шахом в 1609 г. – Авт.) с Дарго, Сюрги и Атразом... в конце концов Дарго победило над Юсуп-ханом и неприятелями. Из войск Юсуп-хана убили 2.000 человек, носивших оружие».¹

Однако, обозленный таким исходом, в следующие годы шах посылает большие отряды, которые жестоко расправились с жителями Акуша-Дарго за оказанное сопротивление. Сохранились не только народные предания, но и письменные сведения и эпиграфические надписи, свидетельствующие о большом кровопролитном сражении, происшедшем между войсками федерации Акуша-Дарго с отрядом персидского шаха в сел. Усиша. В надписи на одном из надмогильных плит в сел. Шукты говорится, что хозяин его Юсуп, сын Магомеда погиб в 1020 году хиджры (1611-1612 гг.) в сел. Усиша в борьбе с войсками кызылбашей (персов). Вместе с ним в один день было убито кызылбашами 4400 человек.²

Но покорить союз персам не удалось. Поэтому и после этого сражения шах посылал сюда свои войска. На полях одной арабской рукописи, хранящейся у жителя сел. Усиша Гальбецова Магомеда, имеется запись, где говорится: «Пришли войска рафизитов (персов. – Авт.) в местечко

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Список книг из сел. Убра. № 114.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2); Алиев Б.Г. Памятники старины // Ленинское знамя (даргинский язык) за 21 января 1965 г.

Усиша в области Дарго в 1022 году хиджры» (1613-1614 гг.).¹ Народные предания говорят о приходе персидских войск и на территорию других союзов сельских общин даргинцев, в частности в Урахи².

Военные действия между Турцией и Персией за овладение Кавказом в целом и Дагестаном в частности закончились в 1639 г. поражением Турции. В связи с этим, начиная с 40-х годов XVII в., в Дагестане усилилось влияние Персии. Однако народы Дагестана не признавали власти персидских шахов. В середине XVII в. Эвлия Челеби писал, что «они в данный момент ведут войну с казылбашами (персами), ибо они ненавидят и казылбашей».³

В конце XVII – начале XVIII в. положение меняется не в пользу Ирана. При шахе Сулеймане (1666-1694 гг.) появились явные признаки ослабления Сефевидского государства, экономического и политического упадка его. В связи с этим к концу XVII в. ослабла власть персидских шахов и в Дагестане. А в начале XVIII в. в результате антииранского восстания населения подвластных Ирану районов Дагестана и Азербайджана, к которым присоединились и народы Горного Дагестана, в том числе и жители Акуша-Дарго,⁴ сефевиды были изгнаны из Дагестана и Азербайджана.

Все это говорит о том, что население федерации Акуша-Дарго, как и других территорий даргинцев, принимало самое активное участие в борьбе народов Дагестана против ирано-турецких завоевателей.

Таким образом, приведенный материал показывает, что история даргинцев, будучи такой же древней и богатой, как и история других народов Дагестана, была в то же время тесно связана с историей Дагестана в целом.

Начиная с V-VII века на территории расселения даргинцев находился ряд феодальных образований. Но в силу ряда причин, из которых одной из главных являлось иноземное вмешательство, часть даргинцев оказалась этнически разобщенной. Результатом этого явилось то, что верхнедаргинцы оказались под влиянием различных политических образований Дагестана.

Объединение верхнедаргинцев в единый политический союз и образование на основе его Акуша-Дарго явилось большим шагом на пути экономического и политического объединения их, сохранения ими политической самостоятельности и дальнейшего социально-экономического развития.

1 Газета «Колхозное знамя» (даргинский язык) за 14 ноября 1961 г.; Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

2 Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 5; Полевой материал, собранный нами в 1962-1964 гг.

3 Эвлия Челеби, VII. С. 786-787. Цитируется по работе А. Тамая. Дагестан в XVI-XVII вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.

4 Бакиханов. А.-К. Указ. соч. С. 102.

§ 3. Историческая география Акуша-Дарго (XVII-XIX вв.).

Как отмечалось выше, в Дагестане в прошлом, кроме феодальных владений, было более 90 союзов сельских общин – своеобразных территориально-политических структур. Ряд из них объединились в более крупные структуры – федерации союзов сельских общин. Среди последних наиболее известным по своему политическому положению и влиянию было Акуша-Дарго (рис. 1). Поэтому представляет интерес изучение не только его социально-экономической и политической истории, но и вопросов исторической географии, как: территория, границы, состав федерации, численность и этническая структура населения и т.д. Этим и вызвано обращение к теме настоящего раздела, написанного на основе разнохарактерных архивных и литературных источников.

Акуша-Дарго состояло из 5 союзов сельских общин: Акушинского (Ахъушала хІуреба), Усишинского (Усала хІуреба), Мугинского (МухІела хІуреба), Мекегинского (МикІхІела хІуреба) и Цудахарского (Цудхъурла хІуреба). Термин «хІуреба» в изучаемое время являлся названием территориальной, хозяйственной и административной единицы, т.е. названием союза сельских общин.

Союзы федерации Акуша-Дарго располагались в Центральном или Среднем Дагестане и занимали довольно большую территорию. Это территории нынешнего Акушинского (без Сюргинского участка) и Левашинского районов.

Если в целом территорию даргинцев принято делить на четыре зоны: плоскость с нижним предгорьем, предгорье, горы и горные долины,¹ то территория союзов федерации Акуша-Дарго относится к горной и горно-долинной зонам. Участник похода Петра I в Прикаспий И.Гербер в 1728 г. писал, что указанные союзы находятся «между горами Иджар под таулинцами» и «отделены высокими непроходимыми горами»². Почти через 70 лет Д.И. Тихонов, участвовавший в Персидском походе 1796 г., отмечал, что жители союзов Акуша-Дарго жили «в непроходимых почти горах и чрезвычайных стремнинах, к которым только с трудностью можно проехать верховой ездой... и поэтому их называют вообще горцами Дарго».³

1 Гаджиева С.Ш., Османов О.А., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 9.

2 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX в.: Архив. материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 101(Далее – ИГЭД).

3 Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 131.

**Рисунок 1. Политическая карта
Центрального Дагестана XVII-XVIII вв.**

1 – федерация Акуша-Дарго, 2 – шамхальство Тарковское, 3 – Мехтулинское ханство, 4 – Аварское ханство, 5 – Андалал, 6 – Урахинское общество, 7 – уцмийство Кайтагское, 8 – Казикумухзское ханство, 9 – Сюр-га, 10 – Цахур, 11 – Кюринское ханство, 12 – Табасаран, 13 – Дербентское ханство.

Не изменилась территория союзов Акуша-Дарго и в XIX в., что говорит о ее устойчивости. В начале XIX в. С. Броневский писал, что «Акуши, Акушинцы или Акуш Дарга живут в горах между Дагестаном и Лезгистаном».¹ В архивном источнике начала 40-х годов XIX в. сказано, что

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 307.

территория Акуша-Дарго прорезана «отрогами Кавказских гор незначительной высоты, по сравнению с горами прочего Дагестана. Из всех же гряд гор, прорезывающих Дарго, примечательна отрасль, отделяющая от хребта Салуг, которая имеет северное направление, отделяет воды Казикумухского Койсу от вод Каспийского моря, и разделяет страну на две части» – Восточную и Западную.¹

Горная зона, занимаемая союзами федерации, – это ряд известняковых хребтов, вытянутых с северо-востока на юго-восток и разделенные на отдельные массивы с глубокими долинами между ними. Как писал П.Зубов, «Акуша (Акуша-Дарго. – Авт.) во всем своем протяжении покрыта высокими горами, между коими струятся все три рукава Манаса».² Лишь в центральной части федерации имеется более или менее ровная площадка, известная под названием «Хъярбуки-диркъя». Горно-долинная зона находится внутри нагорной. Это в основном долины Казикумухского Койсу в его среднем течении и долина реки Акушинки в нижнем течении. Долины представляют собой глубокие котловины, окруженные несколькими хребтами. Склоны гор обрывисты и каменисты.

В имеющихся источниках и в исторической литературе указывается в основном вся территория Акуша-Дарго и его границы. Но каждый союз имел свою отдельную территорию и более или менее известные границы, отделявшие их от остальных союзов федерации и других политических структур Дагестана.

Внутри федерации союзы граничили друг с другом. В центре их находился Акушинский союз, занимая почти половину территории федерации. Он граничил со всеми остальными союзами федерации. С северо-запада Акушинский союз граничил с Цудахарским союзом, а с востока – с остальными тремя союзами федерации: Мекегинским, Усишинским и Мугинским. На юге первый из них граничил с Мугинским союзом, второй – с Усишинским, а последний – с Акушинским союзом. С Цудахарским союзом последние три союза не имели общих внутренних границ.

Внешние границы союзов Акуша-Дарго отделяли их территории (следовательно, территорию федерации в целом) от других политических структур Дагестана. Находясь в среднем Дагестане, естественно, союзы с разных сторон граничили с различными феодальными владениями и союзами сельских общин. Так, Цудахарский союз на западе и северо-западе

1 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 90.

2 Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель: в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1835. Ч. 3. С. 252.

границил с Андалальским союзом, на севере – с Мехтулинским, на юге – с Казикумухским ханством. Как писал Д.И. Тихонов, цудахарцы имели свои жилища «вверх по правую сторону реки Койсу, выше Акушинцев, к самым границам Казикумыцким владениям Хамутая».¹ Акушинский союз внешние границы имел с двух сторон – на севере он граничил с Мехтулинским ханством, на юге с Сюргинским союзом. По сведениям офицера царской армии Ф.И. Гене, граница между Акушинским союзом и Сюрга проходила «от соединения рек Улучра и Акуша до спуска... через дер. Танту 8 верст».² Мекегинский союз на севере и северо-востоке граничил с шамхальством Тарковским – территория союза примыкала к территории сел. Губден, на востоке союз граничил с Урахинским союзом. Мугинский союз также на востоке граничил с последним – граница между ними проходила по горному хребту недалеко от сел. Муги.³ Усишинский союз имел границы на востоке с Каба-Дарго, Сюргинским союзом и Кайтагским уцмийством.

Из всего приведенного следует, что в целом федерация Акуша-Дарго занимала территорию, которая граничила на севере с Мехтулинским ханством, на северо-востоке – с шамхальством Тарковским, на юге – с Сюргинским союзом и Казикумухским ханством, на востоке – с Каба-Дарго и Кайтагским уцмийством, на западе – с Андалалом и Казикумухским ханством, что подтверждается и более конкретными сведениями изучаемого периода. «Акуша, при Койзу, – писал академик И.А. Гильденштедт об Акуша-Дарго, – с восточной стороны окружает его Истемииш, ... с западной Балкар, ... с южной Казикумык, ... и с северной Губден».⁴ С. Броневский писал, что Акуша-Дарго граничило «Дженгутаем (Мехтулинским ханством. – Авт.), Казикумыками и с владением Уцмия Каракайдацкого».⁵

П. Зубов отмечал, что жители Акуша-Дарго занимают «всю западную часть шамхальского владения, от истока Таркали-Озень, до границ владения Каракайдацкого».⁶ Офицеры русской армии М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг, служившие в Дагестане в 30-е годы XIX в., писали, что

1 Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131.

2 Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С. 351.

3 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 17.

4 Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1700, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 130.

5 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 307.

6 Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 252.

«акушинцы, или акуш-дарги живут в горах, удаленных от берега морского на 100 и более верст к юго-западу от Тарку, а граничат с мехтулинцами, казикумыками и Каракайдакским округом».¹ Согласно архивному источнику XIX в., **Акуша – это общество в горах Кавказских, жители которого занимают «средину Кавказа, обитают между Казыкумыками, Андалал, Койсубулу, Мехтули, обществами Гимры и Сюрга, расположена за огромными ветвями гор».**²

В союзы федерации входило различное количество сел. Наиболее крупным из них был Акушинский союз, занимавший почти половину территории Акуша-Дарго. Согласно сведениям 30-х годов XVIII в., под управлением акушинского кадия Аджи-Айгуна находилось 30 деревень, входивших в состав «Салатав, Аккуша, Мига, Цудахари, Мияки, Ошуща», известных под общим названием Аккушинцев, а по крепости их мест Дарга».³ По сведениям И.А. Гильденштедта, относящихся к 70-м годам XVIII в., **в Акуша-Дарго было 29 сел.**⁴ А в начале XIX в. известный лингвист Ю. Клапрот писал, что «Акуша образует достаточно сильную республику, которая насчитывает около 30 деревень, расположенных в горах Северного Дагестана у истоков Таркали, Манаса и Гимри».⁵

Анализ и сопоставление имеющихся сведений показывает, что из указанного количества сел федерации Акуша-Дарго в XVIII в. **в Акушинский союз входило не менее 20 сел, Усишинский – 5, Мугинский – 2, Мекегинский – 3, Цудахарский – 1.** В данном случае не берутся в счет хутора и отселки, которых, согласно сведениям 60-х годов XIX в., **в Акуша было около 60, Цудахаре – более 40, Мекеги – 12, Муги – 4** ⁶.

Территория Акуша-Дарго являлась наиболее густонаселенной частью Дагестана. Еще в первой трети XVIII в. **И. Гербер указывал, что «уезд» Акуша «состоит во многих деревнях».**⁷ И.А. Гильденштедт писал, что «Акуша многолюден и содержит до 1000 семейств». По его же сведениям в Цудахаре в 70-е годы XVIII в. **было до 2000 семейств** ⁸.

1 Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана 1831 г. // ИГЭД. С. 308.

2 РГВИА. Ф. 482. Д. 127. Л. 161.

3 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 128.

4 Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 130.

5 Klaproth Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814. S. 60-61.

6 Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // ИКОИРГО. Тифлис, 1869. Т. I. . 13, 16, 17, 20, 21.

7 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

8 Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 130.

На многолюдность Акуша-Дарго указывали и другие авторы, как Эллис, Ю. Клапрот, офицер генштаба Вранкен и т.д. С. Броневский писал о наличии в Акуша-Дарго «неопределённого количества ... деревень, весьма многолюдных» и что в нем более 20 тыс. дворов¹. Еще ранее участник Персидского похода 1796 г. И.Г. Дренякин писал, что «акушинцев 30000 дворов и 90000 душ»,² а по сведениям академика П.Г. Буткова в Акуша-Дарго было «дворов до 30000, душ вообще 98000».³

Об этом же говорят и сведения по количеству населения союзов федерации и отдельных сел и последующего периода. Так, по сведениям А.П. Ермолова в Акуша было более десяти тысяч человек, а в Уллу-ая – до 800 домов.⁴ А. Неверовский отмечал, что в союзах Цадахаре было 10 тыс., Акуша – 25 тыс., Мекеги – 4 тыс., Усиша – 5 тыс. жителей.⁵ По сведениям подполковника Окольного в Акушинском союзе было 2435, в Мекегинском – 588, Усишинском – 985, Цудахарском – 1500, Муги – 200 дворов.⁶ Генерал А. Комаров писал, что в Акуша с отселками было 1735 дымов, в Усиша – 653, Муги – 606, Мекеги – 797.⁷

Другая особенность союзов федерации Акуша-Дарго – этническая неоднородность населения. В трех из пяти союзов федерации (Усишинском, Мекегинском и Мугинском) жили даргинцы, а в двух союзах (Акушинском и Цудахарском), кроме даргинских сел, где проживала основная часть населения, были аварские (Кутиша, Н. Чогли, Орода Чогли, Урма, Хахита, Чуни) и лакские (Балхар, Уллучара, Цуликани, Кули), издавна входившие в состав Акуша-Дарго. В составе Цудахарского союза находились и соседние аварские села Салта и Кегер, входившие до XVIII в. в состав Андалала. Причина вхождения их в состав Цудахарского союза связана с тем, что между кудалинцами и салтинцами постоянно происходили споры и столкновения из-за земель. Кудалинцы были сильнее салтинцев. Поэтому частые их набеги заставляли салтинцев искать покровительства со стороны более сильного общества, «могущего силою своею смирить кичливых кудалинцев». Им был соседний Цудахар, куда

1 Броневский С. Указ. соч. С. 307.

2 Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД.

3 Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С. 210.

4 Ермолов А.П. Записки и приложения. М., 1868. Ч. 2. 1816-1827 гг. С. 93, 101.

5 Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С. 20.

6 Окольный. Перечень последних военных событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т.V. № 1. С. 155.

7 Комаров А. Указ. соч. С. 17, 20-23.

старшины салтинцев и пришли и «войдя в мечеть, пав на колени... умоляли принять их под покровительство и причислить к своему сообществу».¹ Их просьба была удовлетворена. Салтинцы, в свою очередь, дали клятву в верности цудахарцам.

После этих событий между Цудахаром и Андалалом, который хотел отторгнуть обратно Салта, разгорелась война, длившаяся 12 лет и закончившаяся в пользу цудахарцев. Андалальцы признали «совершенное присоединение Салты к Цудахару».

Через несколько лет после описанных событий и Кудали, недовольное андалальцами, перешло к Акушинскому союзу, после чего границы Акуша-Дарго достигли Кудалинского моста.

Когда, как и почему Кегер вошел в состав Цудахара нет сведений. Но, очевидно, это произошло тогда же, когда присоединилась к нему Салта. Причина, надо полагать, была та же – постоянные претензии более сильного Кудали.

Многочисленность населения федерации Акуша-Дарго вызвала и большую плотность расселения жителей на всей его территории. К сожалению, данных по данному вопросу до середины XIX в. мы не имеем. Представляется возможным составить лишь приблизительную картину плотности расселения жителей Акуша-Дарго. Согласно «Статистической таблице Кавказского края...», составленной в 1860 г. И. Стебницким, территория Даргинского округа в целом, куда в основном входили бывшие союзы Акуша-Дарго, составляла 1535,6 кв. верст (или 3174 кв. миль), где проживало 158069 человек. Плотность населения составляла 10292 человека на кв. версту.² Если даже не брать в расчет территорию и население, которые не входили в прошлом в Акуша-Дарго, эти цифры примерно будут такими же. И в этом случае ясно, что плотность населения в Акуша-Дарго была очень высокой.

Обратимся к данным по Даргинскому округу 80-х годов XIX в. Согласно таблице, составленной на основе данных посемейных списков, площадь территории Даргинского округа составляла 1504,8 кв. верст или 1712 кв. км, число жителей – 80375 человек, число дымов – 18807. На кв.

1 Копии документов и материалов, извлеченных Р.Г. Маршаевым из Государственного исторического архива Армении. Ф. Лазарева. 43. Оп. 1. Д. 119. Л. 190.

2 Стебницкий И. Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения // ЗКОИРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5.

версту приходилось 53.4 человека, на кв. км – 46.4 человек. На один дым приходилось всего 8.3 десятина земли.¹

Интересно, что это самая густонаселенная часть Дагестана, что наглядно видно из сравнительных данных по другим округам Дагестана. Так, в Темир-Хан-Шуринском и Гунибском округах приходилось на 1 кв. верст всего 15.2 человека и 13.4 человека на 1 кв. км, в Аварском округе – соответственно 26.1 и 22.9 чел., в Андийском округе – 16.2 и 14.2 чел., в Казикумухском округе – 27.5 и 24.1 чел., в Кайтаго-Табасаранском округе – 30.4 и 26.7 чел., в Кюринском округе – 27.9 и 24.5 чел., в Самурском округе – 20.7 и 18.2 чел.

Если резюмировать все приведенное, то получится, что в среднем в Дагестане плотность населения составляла 22.9 чел. на 1 кв. верст или 21.1 чел. на 1 кв. км. и приходилось на 1 дым 20.1 десятина земли. Плотность населения даргинцев превышала плотность населения в Дагестане более чем в 2 раза, а земли на 1 дым приходилось почти в 3 раза меньше, чем в среднем по Дагестану.

Многолюдность союзов и федерации Акуша-Дарго в целом давало возможность иметь сравнительно большие воинские силы, которые во многом определяли его политическое положение и влияние на другие союзы и феодальные владения Дагестана. Как писал генерал А.П. Ермолов, «Акушинский народ (жители федерации в целом. – Авт.), сильнейший в Дагестане и воинственный». Он же отмечал, что «могущественные акушинцы» служили твердой опорой всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас вооружали».²

Влияние Акуша-Дарго на другие политические единицы и народы Дагестана особенно усилилось в XVIII-XIX вв. Именно в этот период активизировались политические связи его с Дербентским, Кубинским и Аварским ханствами, стремившимися найти поддержку в Акуша-Дарго своей внешней политике. Но особенно сильно была связана федерация с шамхальством Тарковским и уцмийством Кайтагским. От занимаемой позиции Акуша-Дарго зависело многое, ибо верхнедаргинцы выставляли большое и в то же время хорошо вооруженное войско.

Особенно усилилось влияние Акуша-Дарго на феодальные владения и союзы сельских общин Дагестана в XIX в. И не без основания русское

1 Даргинский округ Дагестанской области: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа / Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887.

2 Ермолов А.П. Указ. соч. С. 47.

военное командование в Дагестане (особенно генерал А.П. Ермолов) успехи в Дагестане русских войск связывало с позицией, занимаемой Акуша-Дарго, с политикой его руководства (кадиев), имевших большое влияние не только на даргинцев, но и на другие народы Дагестана. Как писал офицер русской армии Н.А. Волконский, «Ермолов понимал как нельзя лучше, что пока... Акуша не будет окончательно под нашим (русским. – Авт.) влиянием дела наши в Дагестане можно считать только на пути к цели».¹

Политический вес Акуша-Дарго сохранился и в дальнейшем – после присоединения его к царской России и в период движения горцев под руководством Шамиля. Оно по-прежнему, занимая территорию Среднего Дагестана, оставалось чрезвычайно важным стратегическим районом, через который пролегла дорога из Северного Дагестана в Южный. По-прежнему Акуша-Дарго, оставаясь сильной и влиятельной политической единицей, оказывало большое влияние на другие общества и народы Дагестана, что особенно хорошо отражено в описаниях русского командования о его позиции в разгар движения горцев под руководством Шамиля. Как писал генерал Клюки фон Клюгенау, «совершенный переход этого общества на одну из сторон может быть чувствителен в ходе дел в Дагестане. Если бы даргинцы пристали к Шамилю, тогда бы наши дела в Дагестане пришли в самое критическое положение. С отложением Дарго восстанут Сюрга, Башлы, Мюре, Кайтаг и, вероятно, вся Северная Табасарань, и сообщение Дербента с Шурою будет более опасно, чем до покорения Чиркея, Шуры с Кизляром». Далее он указывал, что «покорение Дарго будет стоить много денег и много крови. Ибо с восстанием Дарго мы не можем ручаться за безопасность Аварии и Мехтулинского ханства, не можем ручаться за весь Средний и Нагорный Дагестан».² Опасения оказались не безосновательны – с присоединением Акуша-Дарго к Шамилю в 1844 г. на стороне последнего выступили также Сюрга, Кайтаг и Табасаран.³

С поражением объединенных отрядов даргинцев и шамилевских войск под начальством Кибит-Магомы в районе Какашуры, Доргели и Гелли в июне 1844 г. в Акуша-Дарго были введены царские войска и даргинцы в целом после этого не выступали организованно на стороне Ша-

1 Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе, с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // КС. Тифлис, 1887. Т. II. С. 4.

2 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139.

3 Юров А. 44 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1883. Т. VIII. С. 208-213.

миля, хотя в его войсках находилось немало даргинцев и в даргинских селах с симпатией относились к движению горцев и как могли оказывали моральную и материальную помощь.

С образованием Дагестанской области все союзы федерации Акуша-Дарго в составе Даргинского округа, образовавшегося в 1844 г. и вошедшего тогда в состав Дербентской губернии, а затем в Прикаспийский край, вместе с Присулакским наибством, владением шамхала Тарковского и Мехтулинским ханством, вошли в Северный Дагестан. Округ был разделен на 5 наибств (Кутишинское, Цудахарское, Акушинское, Сюргинское, Мекегинское), образованных в основном по принципу бывших союзов сельских общин. В Кутишинское наибство входило 18 сел, где было 2682 дыма и 11304 жителей, в Цудахарское наибство – 14 сел и 13 отселков с 3367 дымами и 14417 жителями, в Акушинское наибство – 12 сел и 14 отселков с 4935 дымами и 20959 жителями, в Мекегинское наибство – 18 сел и 6 отселков с 52257 дымами и 22852 жителями. Всего в Даргинском округе, согласно переписи 1886 г., было 18807 дымов и 80376 жителей.¹

Управление наибствами поручалось кадиям, назначаемым царскими властями в качестве наибов. Округ же управлялся начальником, назначаемым из числа царских офицеров.

В конце XIX в. **наибства были преобразованы в участки во главе с начальниками участков.** Такое административно-территориальное устройство бывших даргинских союзов федерации Акуша-Дарго сохранялось вплоть до установления Советской власти в Дагестане.

¹ Даргинский округ... С. 1.

ГЛАВА II. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ АКУША-ДАРГО.

Как отмечалось выше, Акуша-Дарго занимало довольно большую территорию в центральной части Дагестана. С севера территория союза граничила с Мехтулинским ханством и владениями шамхала Тарковско-го и доходила до губденской речки, на юге – с Сюргинским обществом, на востоке – с уцмийством Кайтагским, на западе – с Андалалом и Казикумухским ханством, от которых отделялась «беспрерывно простирающимися высокими горами».¹

Поверхность территории федерации представляла типичный сильно расчлененный горный рельеф, пересеченный глубокими ущельями и горными цепями. Лишь в ее центральной части была расположена более или менее ровная площадь, известная под названием «Хъярбуки-диркья» (поляна хъярбукинцев).

Как указывалось выше, также население Акуша-Дарго было этнически не однородным. Кроме основного даргинского населения, в состав союза входили аварцы (селения Кутиша, Хахита, Чуни, Урма, Н. Чогли) и лакцы (селения Балхар, Уллучара, Цулукани и Кули).² Даргинское население союза относилось к трем основным диалектам даргинского языка – акушинскому, цудахарскому и сюргинскому. В свою очередь, каждый диалект включал в себя ряд мелких местных разговорных групп.

Мы не располагаем статистическими данными о численности народонаселения Акуша-Дарго. Однако имеющиеся сведения показывают, что федерация по количеству населения превосходила многие феодальные владения Дагестана. «Оная земля, – писал И.-Г.Гербер, – ... довольно людна и имеет многие деревни».³ По сведениям участника Персидского похода 1796 г. И.Т. Дренякина, как также отмечалось выше, в Акушинском союзе было 30000 дворов с 90000 тыс. населением.⁴ П.Г. Бутков

1 Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль-октябрь. СПб., 1760. С. 110; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 3. Л. 5; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 215; Гильденшtedт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гильденшtedта чрез Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72, и 73 годах». СПб., 1809. С. 130.

2 Гильденшtedт И.А. Указ. соч. С. 130; Л. 3. Административные отделы кавказского края // Известия КОИРГО. Тифлис, 1877-1878. Т. V. С. 135-136.

3 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 110.

4 Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. (таблица) // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958 (Далее – ИГЭД).

также в конце XVIII в. писал, что в Акуша-Дарго было «дворов 30000 душ вообще (вместе с населением шамхальства Тарковского. – Авт.) до 98000», в то время как во владении уцмий Кайтагского было «до 25000 дворов и до 75000 душ; кадия Табасаранского до 18 деревень и до 6000 душ; ... Ума хана Аварского – до 100 деревень, душ до 90000».¹ Большинство населения Акуша-Дарго принадлежало Акушинскому союзу сельских общин.

Данные начала XIX в. также указывают на многолюдство Акуша-Дарго и наличие на его территории крупных населенных пунктов.² Наиболее крупными населенными пунктами Акушинского союза являлись Акуша, Усиша, Муги, Мекеги и центр Цудахарского союза сел. Цудахар. В конце XVIII в. И.А. Гильденштедт писал, что селение Акуша «многолюдно и содержит в себе до 1000 семейств», а жителей Цудахара «считают до 2000 семейств».³

Основным занятием населения федерации Акуша-Дарго являлось земледелие и скотоводство. В приемах ведения хозяйства даргинцев было большое сходство с приемами других дагестанских народов.⁴ Хозяйство на всем протяжении исследуемого периода являлось натуральным.

§ 1. Земледелие.

В исторической литературе было распространено мнение о том, что основным занятием населения Горного Дагестана с древнейших времен являлось кочевое скотоводство. Однако исследования отечественных археологов показывают, что еще в глубокой древности в горах в том числе и на территории Акуша-Дарго возникло мотыжное земледелие. Обнаруженные в результате археологических раскопок на территории

1 Бутков П.Г. Сведения о Кубинском владении. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

2 РГВИА. Ф. 482. Д. 127. Л. 161; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1822. Ч. 1. С. 58-59; Ермолов А.П. Записки и приложения (1816-1827). М., 1868. Ч. 2. С. 101.

3 Гильденштедт. И.А. Указ. соч. С. 130, 131; См. также: G. Ellis. Memoir of a map of the countries comprehended between the Black Sea another Caspian; With an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London: Edwards, 1788. С. 40; J. Klaproth. Tableaux historiques, géographiques, ethnographiques et politiques du Caucase et des Provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris, 1821. С. 92.

4 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I; Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959; Его же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Маршаев Р.Г. Очерки истории лакцев. Махачкала, 1960. Т. I. (Рукопись) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73; Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.

Акушинского и Левашинского районов орудия труда – топор, мотыга для рыхления земли, кремневые вкладыши от составных серпов, зернотерки, а также отпечатки зерен голозерного ячменя (магара) и остатки своеобразных печей, имеющих сходство с современными даргинскими печами типа «кари» и «тарум», предназначенных для выпечки хлеба, свидетельствуют не только о древности земледелия на территории федерации даргинцев, но и «доминируют его первостепенную роль в хозяйственной деятельности древних горцев» вообще.¹

О древности земледелия и о том, что со времени далекого прошлого оно составляло основу хозяйственной жизни даргинцев свидетельствует и наличие собственно даргинских названий злаковых культур, объединительного названия их, специальных названий муки, а также лексическая общность в терминологии основных земледельческих терминов с другими народами Дагестана и в особенности с лакцами и аварцами.

Показателем этого является также обилие пословиц и поговорок, связанных с земледелием, как «у старого быка борозда больше», «кто себе не пахал весной, тот осенью чужому зяби не вспашет», «в безветрие зерно не веют», «веешь зерно, знай размеры гумна», «если посадить на мольтильные доски, даже заяц смолотит зерно», «нежданный урожай кружит», «поле словом не засеешь», «у ленивца поле не колосится», «не кидай в хлеб камнем», «на хорошем поле и пшеница бывает хорошая», «у кого земли много, у того быки тощие», «не посеяв весной, не убереешь осенью», «потрудишься летом, ларь будет полный», «сбор бывает по труду».²

И в исследуемый период земледелие наряду со скотоводством составляло основу экономической жизни жителей федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго.

Характерной особенностью земледелия являлось ограниченность пахотоспособных земель, что объяснялось как гористостью края, так и аграрной перенаселенностью горного Дагестана вообще. И.-Г. Гербер писал: «акушинцы пашни много не имеют, ибо оные между горами живут».³

1 Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. С. 200; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2929. Л. 260; Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 285.

2 Османов М.О. Хозяйство даргинцев в XIX-XX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 184. Л. 8-9; Даргинские пословицы, поговорки и загадки. (На даргинском языке) / Составитель М.Х. Гамидов. Махачкала, 1965. С. 7, 16, 17, 18, 19.

3 Гербер. И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 101.

Основным видом полей являлись террасовые поля, расположенные в горах в виде широких ступеней. Террасы являлись одним из показателей высокой земледельческой культуры горцев. Они были небольших размеров. Но эти пашни являлись результатом упорной борьбы с природой и гигантского труда многих поколений горцев. И не случайно они привлекали внимание и вызывали удивление многих русских и иностранных наблюдателей XVIII-XIX вв. **Как и другие народы горного Кавказа, даргинцы**, говоря словами М.З. Кипиани, «... с помощью кирки и лопаты разрывали пласты, выбирали из недр земли камни, чтобы образовать почву, годную для хлебопашества... , камни эти выбраны и сложены здесь же, как-будто для того, чтобы показать потомству каких трудов стоило из скал создать почву».¹

Вот как описал строительство террас горцами Дагестана Н. Дубровин. «Скалистая природа, – писал он, – причиной того, что во многих местах горцам приходится присыпать земляные площадки и обрабатывать их... Присыпка эта производится так: параллельно к отлогой горе, выстраивается, по возможности длинная, каменная стена на глине, вышиной от 1 до 2 саж., а шириною в полсажен. Пространство между стеною и отлогистою горы засыпается землею, взятою с той же горы и утрамбованною; она-то и составляет площадь или пахотное поле горца».²

Другие авторы, писавшие о террасах, указывали и на огромное усердие и трудолюбие горцев в области земледелия. Они, – писал В.Л. Величко, – «обладают серьезными способностями к сельскому хозяйству... К земле они прилагают столько вдумчивого труда, сколько русскому крестьянину и не снилось; они, например, прилепляют к голым скалам искусственные каменные площадки, наносят туда землю и разводят там огороды, или мотыгой возделывают пашни».³

Отмечая трудолюбие жителей Акуша-Дарго, В. Потто писал, что здесь «особенно поражало – это обработка земли в гористой и неудобной местности. Здесь-то именно на самых страшных крутизнах и попадались площадки посевов, расчищенные с страшными усилиями и искусно поддерживаемые контрфорсами. Обработка земли у дагестанцев могла бы сделать честь самому просвещенному культурному народу».⁴

1 Кипиани М.З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1889. С. 27.

2 Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. I. С. 511.

3 Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы. С. 174.

4 Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. Т. II. Вып. II. С. 260.

Поэтому горцы дорожили каждым клочком земли, которая тщательно обрабатывалась и оберегалась от истощения. Как отмечает А.П. Ермолов, акушинцы занимали гористые места, среди которых находились «не весьма обширные, но прекрасные долины... Земля оной (Акуша-Дарго. – Авт.) весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего пространства не возделанного».¹

Академик Н.И. Вавилов писал, что «у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли».²

Несмотря на малоземелье вообще система земледелия в Акуша-Дарго являлась паровой. Наиболее применяемыми являлись зябь, ранний пар и занятой пар. Величина оставляемой под пар земли (гъабгъа) находилась в прямой зависимости от величины земли в целом. Поэтому под пар в основном могли оставлять там, где было много пахотной земли. Если состоятельные хозяйства оставляли под пар половину или одну треть пахоты, то малоземельные (основная часть общинников) вообще не имела такой возможности. Характерным для таких хозяйств являлся занятой пар.

Основными зерновыми культурами, которые возделывались на территории Акуша-Дарго, были пшеница (анкИи), голозерный ячмень (махІяр), ячмень (мухъи), рожь (сусул анкИи), овес (нихъя), просо (мучи), горох (хъара). В незначительном количестве сеяли также лен (урбеч) и коноплю (къама).

Если в более близких к плоскостному Дагестану обществах союзов федерации сеяли больше пшеницу, то в горах сеяли преимущественно неполивные культуры, причем таких сортов, которые отличались «исключительной стойкостью»,³ как например, ячмень, магар, просо.

Сельскохозяйственные работы начинались в конце зимы и в самом начале весны. В феврале начинался вывоз на поля навоза и золы, которые накапливались в период зимы. Рассыпав на маленькие кучки, удобрение затем весной перед вспашкой разбрасывали по всему полю. Возили навоз на поля на арбах, волокушах и ослах. А на участки, куда невозможно

1 Ермолова А.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 101.

2 Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 80.

3 Там же.

было провезти удобрение указанным способом, перетаскивали их женщины в специальных корзинах (чІапах).

После удобрения полей приступали к весеннему севу, который сопровождался различными обрядами и церемониями. До совершения обряда «первой борозды» никто из членов общества не имел права приступать к распахке поля. Полевые работы начинались в обязательные для всех сроки, которые устанавливались сельским обществом. Общие для всех сроки полевых работ являлись результатом чересполосицы – следствие разбросанности мюльков общинников, отсутствия к ним свободного доступа и наличия пережиточно сохранившихся общинных земель.

Сев зерновых культур у даргинцев носил свои специфические особенности. Если у других народов Дагестана сначала (перед севом) вспахивали поле, а потом разбрасывали по нему семена, то даргинцы на неспаханное поле разбрасывали семена, а затем приступали к вспашке, ибо до начала сева поле вспахивали несколько раз. Например, в Тантинском обществе за год оставленная под пар земля вспахивалась в мае, июле. Такое своеобразие сева было результатом многовекового опыта в области земледелия в горных условиях. Преимуществом такого сева являлось: во-первых, то, что многократное вспахивание увеличивало плодородие почвы и способствовало сохранению в ней больше влаги; во-вторых, то, что семена, разбросанные до вспашки, непосредственно попадали в унавоженный культурный слой; в-третьих, они предохранялись от возможных заморозков, ибо после вспашки вместе с культурным слоем они переворачивались и попадали вниз. В то же время такой сев в условиях неглубокого вспахивания не задерживал быстрое появление всходов.

Вспахивали поле деревянной сохой с железным лемехом, называемой у даргинцев «дураз», в которую впрягали одну пару волов.

В труднодоступных местах, где невозможно было использовать тягла и плуг, земля возделывалась вручную – мотыгой (газа) и лопатой (мегъла klatla).

Сельскохозяйственные орудия или же их изображения, относящиеся непосредственно к исследуемому периоду, до нас не дошли. Однако в условиях горного Дагестана, в том числе и даргинских районов, эволюция сельскохозяйственных орудий, в том числе плуга и сохи, была крайне медленной. И поэтому, надо полагать, что средневековая соха даргинцев мало чем отличалась от сохи XIX столетия.

Как отмечает А.Н. Генко со ссылкой на Н.И. Вавилова и И.Д. Букинич, «в условиях характерного для Кавказа искусственно создаваемого, иногда наношенного руками пашенного грунта, применимо сказанное об Афганистане: «на орудиях, предназначенных для обработки почвы, прежде всего отразилось влияние преобладания в стране неглубоких и мягких почв». Соответственно наличие исключительного разнообразия сельскохозяйственных условий, сказанное относится, разумеется к определенной высокогорной зоне (Карачай, Балкария, горная Осетия, Ингушия, Чечня и Дагестан)».

Все это вполне можно отнести и к орудиям земледелия даргинцев и в частности к «дуразу», который являлся разновидностью общедагестанской сохи. Дураз являлся наиболее приспособленным к местным горным условиям сельскохозяйственным орудием. Он был очень удобен для террасового земледелия своей легкостью, простотой устройства и поверхностным вспахиванием. Глубина пахоты не превышала 10-15 см., а ширина борозды составляла 15-20 см., т.е. дураз фактически не пахал, а рыхлил землю. Неглубокая пахота в условиях горного Дагестана была оправдана и продумана, ибо глубокая вспашка ведет к иссушению почвы и потере ценных питательных веществ.

Делали дураз из ствола дерева с коротким суком, которым бороздили землю. Состоял дураз из пяты – нижней полозы (дуразла бекI), **передняя** часть которой оканчивалась заостренным концом (бехIмухIли), **куда** вставлялась небольшая железная лопаточка – сошник (гъаб). В задней части пяты вставлялись два ушка (дуразла лихIби), **которые при пахоте** разбрасывали землю. Сюда же вертикально к полозе вставлялась стойка (тIали), **оканчивающаяся** **немного изогнутой ручкой стойки с отходящим** **небольшим сучком (дурцатI), служащим для опоры рук пахаря.** К указанной стойке, а также к другой специальной стойке, укрепленной перед ней вертикально к полозе, укреплялось дышло (марза), длиной до 3 метров, в которую впрягалась пара волов.

Боронование полей жители союза не производили, что объяснялось не только преобладанием в горах неглубоких каменистых почв, после вспашки которых, как правило, не оставалось много больших комков земли. Объяснялось это и указанным выше своеобразием сева зерновых, в результате чего после вспашки семена вместе с унавоженным культурным слоем переворачивались и попадали вниз. Оставшиеся же после вспашки отдельные большие куски земли сразу же разбивались самим пахарем или идущей сзади женщиной с помощью лопаты, мотыги или обухом топора.

До того, как созревал урожай, посе́вы несколько раз очищались от сорняков. Занимались этим только женщины.

Уборка урожая начиналась в конце июля – начале августа. До начала жатвы в одних общинах убирали сено и после этого приступали к уборке хлебов, которая производилась при помощи специального серпа (мирш) местного производства или привозного из Харбука и Амузги. Серп имел пилообразное лезвие. Просо с низкими стеблями большею частью выдергивалось из земли руками. Руками убирали такие низкие и трудные для работы с серпом другие хлеба.

Скошенный хлеб связывали вязкой из скрученной соломы в снопы и оставляли на поле для сушки, а затем из трех снопов делали «гержи» колосьями вверх для дальнейшей сушки. Потом из 12 снопов делали «хІябулд» – трехконечник, а затем несколько копен (хІентІа). После перевозки сена, начинали перевозить на гумно и хлеб. Перевозили хлеб с полей и сено в основном на арбе, а с труднодоступных участков женщины переносили снопы на спине. На гумне, а чаще всего на крышах домов хлеб складывали в одну или несколько скирд (гІеба), в зависимости от урожая.

Сразу же после уборки урожая, поднималась зябь, и приступали к осеннему севу. Продолжался осенний сев не долго. В конце августа – начале сентября сев заканчивали, так как рано наступали холода.

Молотьба хлеба начиналась осенью и производилась либо на вычищенном и утрамбованном гумне, либо на крыше, которая за несколько дней до этого приводилась в необходимое состояние. Подготовка тока и крыши для молотбы производилась следующим образом. Сначала очищали необходимую площадку от травы и камней, затем разбрасывали по ней мякину, поливали водой и тщательно укатывали ее катком (микъли-къала), которым укатывали обычно горцы крыши своих домов.

Орудиями молотбы так же, как и у других народов Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья, были санообразные плоские деревянные доски, называемые у даргинцев «иргми». Делали иргми из твердого дерева – ореха, дуба, бука. Длина их достигала 120-130 см., а ширина – 50-60 см. Для увеличения трения и измельчения соломы на нижней стороне молотильных досок в специально сделанные для этого гнездышки подбивались острые кремневые отщепы (гІярга), привозимые с горы около селения Танти, которая в народе называется «Иргила къаркъа». Они стоили очень дорого – за камни для двух досок платили мерку (25 кг) зерна.¹

¹ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

На середине передних концов досок делалось утолщение с отверстием, через которое пропускался кожаный ремень, соединяющий обе доски между собой и доски с ярмом (иргитІан) пары быков. Снопы хлеба развязывали и рассыпали по току, образуя круг и по ним пускали одну или две пары быков, запряженных в молотильные доски. Сверху досок для большого давления на колосья клался либо большой камень, либо на них сажали детей или становился тот, кто погонял быков.

В процессе молотбы зерно переворачивалось несколько раз деревянной вилой, чтобы не оставалось необмолотых колосьев. Когда из колосьев выпадало все зерно, а солома превращалась в мякину, молотба прекращалась, убирались молотильные доски, а зерно с мякиной собирали в кучи и мужчины веяли его подбрасывая против ветра специальной большой деревянной лопатой (кура), в результате чего мякина отделялась ветром, а зерно падало тут же. Затем очищенное зерно измеряли и отвозили в мешках в дом хозяина, где хранили их в специальных комнатах – «цУлла хъали» (Цудахар) или ларях.¹ Мякину же, которая являлась основным кормом для крупного рогатого скота, женщины в больших плетеных корзинах из прутьев (чІап) уносили в специальные помещения.

Вследствие отсутствия данных невозможно сделать сколько-нибудь точных выводов об урожайности хлебов. Урожайность зависела от плодородия почвы и поэтому была не одинакова в разных местах. Но в условиях господства однопольного севооборота, связанного с недостатком земли, в результате чего из года в год повторялась одна и та же культура, что сильно истощало поле и при сравнительной примитивности агротехники, несмотря на чрезвычайно упорный и кропотливый труд, урожайность зерновых, надо полагать, была не высокая. Говорят об этом и данные позднего периода. По свидетельству Владимира Вилльер де Лиль-Адама в сел. Усиша, где «жители преимущественно занимались хлебопашеством», оно являлось «далеко не прибыльно, вследствие бесплодности почвы, так и высокого положения аула». Далее, говоря об урожайности зерновых, он указывает, что «пшеница обыкновенно дает сам 3, просо сам 3-4».²

По данным комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в Дагестане, лучший урожай зерновых составлял: в Гинта – сам 6, а Аку-

1 Полевой материал. Цули – зерно; хъали – комната.

2 Владимир Вилльер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 19.

ша, Усиша, Муги, Бутри и Танти – сам 5, в Хиба и Цудахаре – сам 4, в Гапшима, Хаджал-Махи и Уллу-Чара-сам 3.¹

Особенно убедительно говорят о низкой урожайности в Акуша-Дарго сравнительные данные по урожайности в Урахинском союзе сельских общин. Цитируемый выше автор с восхищением замечал, что «растительность этой местности чрезвычайно богата: в огородах конопля достигает до сажени вышины, на полях урожай пшеницы доходит до сам 10, овса до сам 20; ячмень и просо тоже дают изобильный умолот».²

При такой низкой урожайности зерновых и из-за аграрной перенаселенности территории земледелие не могло в полной мере обеспечить потребность в хлебе жителей Акуша-Дарго. Поэтому, как показывают источники, они покупали хлеб в других владениях Дагестана, в частности в Урахинском союзе сельских общин, Кайтагском уцмийстве и шамхальстве Тарковском.³ Тем самым население федерации не только обеспечивало себя хлебом на круглый год, но и часть его продавало в Аварском ханстве.⁴

§2. Садоводство и огородничество.

Земледелие в отдельных общинах союза, расположенных в долинах рек, сочеталось с садоводством. Но в целом в Акуша-Дарго садоводство было развито слабо, главными причинами чего являлись суровость климата и затруднение орошения, так как на его территории было мало рек, от которых можно было бы отвести воду для поливки садов.

Согласно имеющимся сведениям, садоводством занимались главным образом жители Цудахарского союза сельских общин. «В сем округе (Цудахарском обществе. – Авт.), – писал И.А. Гильденштедт, – родится виноград и другие плоды».⁵ Одним из центров садоводства в Цудахарском союзе являлось селение Хаджал-Махи. В начале XIX в. офицер русской армии Ф.И. Гене, проводивший топографические работы в Дагестане, в том числе на территории Верхней Даргинии, писал, что «от сей деревни (Хаджал-Махи. – Авт.) до реки Койсу простирается фруктовый лесок величиною до двух квадратных верст».⁶

1 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9, 10, 15.

2 Владимир Вилльер де Лиль-Адам. Указ. соч. С. 5.

3 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83; Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 135; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375(2).

4 АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 518, 530; Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 291.

5 Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 131.

6 Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане 1835/36 г. // ИГЭД. С. 344; РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4.

Развитию садоводства в этой части союза способствовали благоприятные природные условия. Такие селения как Цудахар, Хаджал-Махи и другие были расположены на берегу реки Койсу, где климат был более умеренный и равномерный, чем в остальной части союза. В отчете о состоянии Даргинского округа Дагестанской области говорится о том, что места «для развития виноградарства и садоводства находятся в ущелье реки Казикумухского Койсу»¹. На это же указывал М.С. Шапсович, который писал, что «вследствие суровых климатических условий садоводство в Даргинском округе не развито и занимались им только жители 11 сел по ущелью р. Казикумухское Койсу»². Е.И. Козубский писал: «В ущелье попадаются сады, эти ущелья представляют собой парники, обращенные трудолюбием жителей в цветущие сады. На самом дне ущелья разводят виноград, выше кукурузу, просо, пшеницу и наконец, – ячмень»³. Он также отмечал, что садоводством занимались жители более 10 селений Цудахарского союза: Куппа, Хаджал-Махи, Цудахар, Кадани-махи, Убеки-махи, Кули-бухна, Таш-капур, Арши-махи, Тебек-махи, Аметерк-махи, Сана-махи. Особенно садоводство было развито в Хаджал-Махи, где имелись хорошие сорта кураги, яблок, груш, абрикосов. Виноградники имелись в «Хаджал-махи, Ташкапуре и Куппа»⁴. Как писал В. Сидоров: «Населенные пункты, в которых развито садоводство, большей частью расположены на крутых скатах ущелий, значительно выше Койсу. Виноградники и фруктовые сады, разведенные на искусственно воздвигнутых террасах, обыкновенно спускаются от селений к Койсу и боковым ущельям, но если климатические, топографические и почвенные условия местности не препятствуют разведению садов, то террасы встречаются и выше с боков селений»⁵.

В рассматриваемый период Хаджал-Махи и Куппа оставались самыми крупными садоводческими селениями Цудахарского союза, известными во всем Дагестане. Многие путешественники, побывавшие в этих краях, восхищались хаджалмахинскими садами. «Аул утонул в фруктовых садах», – писал В. Сидоров об Хаджал-Махи⁶. «Нельзя не удивляться разбросанным на террасах фруктовым садам», – писал с восхищени-

1 ГУ «ЦГА РД». Ф. 21. Оп. 3. Д. 16. Л. 460.

2 Шапсович М.С. Весь Кавказ. Баку, 1914. С. 307.

3 Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Т. I. С. 65, 70.

4 Там же.

5 Сидоров В. По России: Путевые заметки и впечатления. СПб., 1897. С. 374.

6 Там же.

ем А. Зиссерман¹. По словам А. Берже, «... из горных деревень одна только Хаджал-махи» имела «значительные сады», а груши ее славились «во всем крае»². «Фруктовые сады Хаджал-махи, – указывал В. Вильер де Лиль-Адам, – весьма богаты всевозможными сортами фруктов и громадными деревьями. Сад тянется почти до Ташкапура, лежащем в узком глубоком ущелье»³. Н. Абельдяев отмечал, что во всем Дагестане известны хаджалмахинские сады⁴. «Потянулись сады, сжатые в теснине и занявшие крутые берега речки. Абрикосы, сливы, персики, алыча радовали меня своей зеленью. Весь аул Хаджал-махи утонул в фруктовых садах. Некоторые сорта груш и кураги капризны, так как они зреют в этой узкой долине ревущей Койсу, защищенные от всяких ветров сады полны душистого лоха и персиков»⁵ – говорится в источнике. Д.И. Анучин также указывал, что Хаджал-Махи славится садами, где есть груши, абрикосы, виноград⁶. Согласно данным Дагестанского областного комитета, виноградные и фруктовые сады хаджалмахинцев занимали пространство в 17 десятин, из которых 4 десятины земли было занято под виноградники⁷.

Много садов имели и жители селения Куппа. Фруктовые и виноградные сады куппинцев тянулись на пространстве 9 десятин, из которых одна десятина была занята под виноградники⁸.

В обществе Цудахар имелись местности, где засеивали пшеницу в центре, а по краям сажали фруктовые деревья. Таким способом использовались земельные площади таких местностей как Бурти, Алугъне, Гудырка, Чедырка, Чиндир⁹ и т.д. Современники также восхищались цудахарскими садами. Один из них писал: «Аул Цудахар уселся на отдельной высокой горе, спустившейся своим подножьем, одетым в сады, к самому Койсу. До чего же здесь красивы пирамидальные тополя особенно на этом фоне выжженных скал»¹⁰.

1 З.А. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе // Современник. 1854. Т. 48. № 11. С. 28.

2 Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 331-332.

3 Вильер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе: Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 15.

4 Абельдяев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев // Кавказ. 1857. № 50.

5 Кавказский календарь на 1866 г. Тифлис, 1865. С. 324.

6 Анучин Д.И. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИИРГО. СПб., 1884. Т. XX. Вып. IV. С. 430.

7 ГУ «ЦГА РД». Ф. 21. Оп. 5. Д. 101. Л. 349.

8 Кавказский календарь на 1866 г. С. 375.

9 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 564.

10 КК на 1866 г. С. 375.

Садоводством занимались жители и других сел Цудахарского союза сельских общин. Например, сады аршимахинцев находились в местностях Диркыла, Къайлиу. Имелись специальные места и для садов других садоводческих сел цудахарцев.

Повсеместно в садоводческих общинах выращивались абрикосы нескольких сортов: мелкий сорт (димгЯн курека), сладкий сорт (чикар курека), горькие абрикосы (шаха курека). Такой сорт абрикос как «шиндаклан курека» – наиболее сладкий сорт со сладкой косточкой – был распространен в фруктовых садах селения Буртани. Кроме того, разводили многочисленные сорта яблок, груш, слив, персиков, черешни, вишни ¹. Ф. Боденштедт прямо писал, что в цудахарских селениях сады составляли «главное богатство»²

Фрукты из садов цудахарцев служили главным ресурсом для существования жителей некоторых цудахарских сел ³.

Сады создавались огромным усилием. Особенно много труда требовалось в выращивании винограда. Обработка почвы по крутым откосам требовала невероятных усилий. Для этого требовалось корчевать камни, устраивать ровные без откосов площадки, сюда же нужно было нанести землю, провести к ним воду. Сами виноградники были в виде террас с узкими площадками. Необходим был тщательный уход за фруктовыми насаждениями, вовремя проводить полив и обрезку деревьев. После сбора урожая осенью сразу же начинались подготовительные работы к будущему году: производилась обрезка ветвей, полив на зиму, подкладывали всевозможные удобрения к стволам деревьев ⁴.

Виноградарство находилось на низменных, примитивных приемах разведения лозы и ухода за ней, которые отличились большой тщательностью и были приспособлены к весьма разнообразным почвенным и климатическим условиям отдельных местностей. Виноградники представляли собой одновременно и поле и огород ⁵. Сады Цудахарского союза и особенно виноградники не могли обходиться без искусственного орошения. Ирригация представляла собой сложное сооружение.

Для полива садов, жители указанных обществ по склонам и оврагам строили водопроводы. Сохранившиеся остатки этих сооружений свиде-

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 564. Л.43.

2 Bodensadt F. Die Volker oles Kaukasus und ihre Freiheitskampte gegeu die Russen. Berlin, 1855. S. 37.

3 КК на 1866 г. С. 374.

4 Мансурова А.Г. Цудахария (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995. С. 43.

5 Там же.

тельствуют о высоком мастерстве строителей. Как и повсюду в горах, здесь по казалось бы непроходимым, высоким, крутым и отвесным склонам перекидывали деревянные желоба, по которым и текла отведенная с верховьев рек вода. «В Дагестане вода проведена, – писал П.П. Надеждин, – не в долины только – случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую, даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на таких и высоких подставках, иногда же ведет воду под землей в трубах».¹

Искусственное орошение применялось обществами Цудахар, Куппа, Хаджал-Махи и отселком Ташкапур, у которых имелись четыре оросительные каналы протяженностью более 20 верст². Водой из этих каналов производили орошение как полей, так и садов, на пространстве 150 дес. земли³. Об оросительной системе Хаджал-Махи Д.Н. Анучин писал: «Около аула имеется водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам с другой стороны реки, на довольно значительное расстояние с гор»⁴. Н.И. Воронов также отмечал, что «...из Казии-Кумухского Койсу замечательная оросительная канава, которая оплодотворяет скаты гор, по левую сторону этой реки, напротив Хаджал-Махинского укрепления»⁵.

Полив осуществлялся по очереди. В сел. Хаджал-Махи жители пользовались канавой для орошения своих участков по жребью. Согласно решению джамаата, жители, которые не принимали участия в строительстве канав, не имели права пользоваться водой с канавы⁶.

По сравнению с другими садоводческими обществами Дагестана урожаи цудахарских садов были выше и плоды крупнее. Размер урожая определялся числом корзин собранных плодов.

Продукты садоводства и виноградарства для большинства селений Цудахарского союза шли не только для личного потребления, но и служили предметом торговли. Ислам запрещал производство вина, поэтому виноград продавали. В источнике говорится, что «...откупаемые армянами сады находятся большею частью в ущелье Койсу, где жители не допускают виноделия. Собранный виноград вывозится армянами в Тарки, Дербент, Кизляр, где и выделявали вино»⁷.

1 Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 63.

2 ГУ «ЦГА РД». Ф.21. Оп.3. Д.44. Л.2.

3 Там же. Л. 2-3.

4 Анучин Д.Н. Указ. соч. С. 430-431.

5 Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С.7.

6 ГУ «ЦГА РД». Ф. 21. Оп. 3. Д. 44. Л. 2-3; Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

7 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315. С. 51.

Следует отметить, что в целом в экономической жизни Цудахарского союза сельских общин садоводство и виноградарство играли существенную роль.

Огородничеством население Акуша-Дарго занималось в ограниченном количестве. На основании этого Ф.И. Гене писал, что жители союза, как и другие горцы Дагестана, «об огородах понятия не имеют, к разводу коих и климат неблагоприятен, почему принуждены лук, огурцы, морковь и другие огородные овощи покупать у своих соседей».¹ Однако вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Конечно, огородов в буквальном смысле этого слова у жителей федерации не было.

Вместе с тем даргинцам издавна были известны лук (букан жерши), чеснок (итан жерши), горская морковь (набадари), горная редька (къехIе), о чем говорит как наличие собственно даргинских названий их, так и общих терминологий с другими горцами Дагестана.² Выращивали их горцы либо во дворе (главным образом лук и чеснок), либо на поле (морковь и редька).

Как видим, земледелие являлось древним занятием даргинцев. В исследуемое время оно достигло значительного развития и в экономической жизни федерации играло одну из главных ролей. Издавна здесь выращивались основные злаковые культуры. Но нехватка пахотоспособной земли не могло обеспечить все потребности жителей федерации продуктами земледелия.

§ 3. Скотоводство.

Другой древней отраслью хозяйства Акуш-Дарго являлось скотоводство. Природные условия здесь более благоприятствовали животноводству, чем земледелию. Поэтому скотоводство в исследуемое нами время играло важнейшую роль в хозяйственной жизни верхнедаргинцев. И не случайно бывшие в Дагестане участники военных походов и научных экспедиций указывали на это обстоятельство. Участник «Персидского похода» Петра I И. Вольф писал, что «акушинцы имеют много скота».³ Другой участник указанного похода И.-Г. Гербер в 1728 г. писал, что

1 Гене Ф.И. Указ. соч. С. 344.

2 Например, у аварцев морковь называется ламадур, чеснок – режи; у лакцев – лук – лаччи, редька – къая и т.д.

3 Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 до 1747 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. 52. С. 74.

«акушинцы (жители союза вообще. – Авт.) ... питаются больше скотиною».¹ Свидетельствует об этом и немецкий лингвист Ю. Клапрот. «Они, – писал он о жителях Акуша-Дарго, – живут главным образом продуктами, получаемых от своих стад».²

Об огромной роли, которую играло скотоводство в хозяйстве Акуша-Дарго, говорит и то обстоятельство, что возмещение и платежи сплошь и рядом выражались в скоте, что мы видим из адатов верхнедаргинских сельских общин.

Основным видом животноводства являлось овцеводство. И.-Г. Гербер писал, что «акушинцы... содержат великое число баранов».³ Овцы в основном являлись курдючной породы. Из-за экстенсивности характера скотоводства вообще, при котором мало занимались улучшением породности скота, овцы были грубошерстные и давали шерсти мало. Однако преимуществом шерсти акушинских овец, как указывал И.-Г. Гербер, являлось то, что она была «несколько лутче, нежели на других (овцах) в тамошних странах».⁴ Преимуществом горских овец являлось также выносливость к холоду и приспособленность их к пастбе на крутых склонах и больших возвышенностях, где находились летние пастбища. Однако отсутствие своих зимних пастбищ, узость кормовой базы в горах мешали широкому развитию овцеводства, в результате чего овец перегоняли на зимние пастбища приморской низменности (шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское и Засулакская Кумыкия), что придавало овцеводству характер отгонной системы.

В начале XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что «Кайтагское уцмийство имело «изрядную паству для скота». Поэтому, сообщал далее он, «многие акушинцы и тавлинцы зимою, когда снег в горах глубок бывает, гоняют на Хайтакскую паству скот свой и пасут через всю зиму, которая там очень сносна».⁵

В конце XVIII в. Д.И. Тихонов также писал, что «кутаны или хуторы, уцмием некоторые отданы его чиновникам за услуги», которые, в свою очередь, «отдают оные в наймы на зимние только время горским жителям».⁶

1 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

2 Клапрот Ю. Указ. соч. С. 61.

3 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

4 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб. Июль-октябрь, 1760. С. 111.

5 Там же. С. 107.

6 Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 134.

Часть скота верхнедаргинцы перегоняли на зимние пастбища шамхала Тарковского, во владениях которого также имелись «тучные пастбища», и в Засулакскую Кумыкию. «В рассуждение их (жителей Акуша-Дарго. – Авт.) в горах жилища, – писал в конце XVIII в. Д.И. Тихонов, – где в зимнее время свои стада со скотом продержат никак не могут по причине малости подножного корму, а больше еще и стужи, а потому необходимо принуждены нанимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны и по той самой причины его уважают».¹

За аренду зимних пастбищ уцмий и шамхалы брали с верхнедаргинцев высокую плату. «За то, – писал И.-Г. Гербер, говоря о перегоне овец во владения уцмий Кайтагского, – платят уцмию некоторую пошлину, которая, для много числа овец, коих более 100000 в пригоне бывает, до великой суммы простирается».²

Ю. Клапрот также указывал, что «Акушинцы ему (уцмию. – Авт.) платят вознаграждение за разрешение пастись зимой своих животных на плодородных лугах, которые ему принадлежат».³

Сохранившиеся сведения показывают, что шамхалы Тарковские брали не менее высокую плату за аренду зимних пастбищ. «Имеющиеся кутаны в его владении, – писал Д.И. Тихонов, – одни принадлежат шамхалу и он их отдает горским жителям на зимнее время в наем, смотря по величине кутана и его способных выгод. Берут в зиму за один кутан по 200 баранов, а за иной и менее, а другие кутаны принадлежат частным жителям, которые по своей воле отдают также их на зимнее время горским жителям в наймы по договору».⁴ Согласно народным преданиям, за каждые 100 овец акушинцы платили шамхалу 25 ратала⁵ сыра и 15 ягнят.⁶ По другим сведениям шамхал брал несколько баранов лишь за то, чтобы выкопать небольшую яму в земле, из которой, налив туда болтушку и другую пищу, чабаны кормили своих собак.⁷

С тяжестью платы за аренду пастбищ у шамхала связана и легенда, в которой сообщается: у шамхала Тарковского был нукер из селения Акуша по имени Сулейман. Однажды он попросил у шамхала, чтобы тот дал ему свою власть и права на время пока упадет на землю, подброшенная

1 Там же. С. 129; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 3. Л. 5.

2 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 107.

3 Klaproth J. Указ. соч. С. 140.

4 Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 130.

5 Один ратал равняется 2,4 кг.

6 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

7 Там же.

вверх папах. Шамхал посмеялся над ним и согласился. Сулейман подкинул вверх папаху и пока она не успела упасть на землю быстро крикнул: «беру соляное озеро и гору шамхала» (зе шарара, шамхала дубурара хъям). После этого случая, гласит легенда, девять месяцев в году этой горой стали пользоваться верхнедаргинцы, входящие в состав Акуша-Дарго, а три месяца – губденцы, которые входили в состав шамхальства Тарковского.¹ Речь в легенде идет о соляном озере, расположенном недалеко от селения Тарки, и горе, известной до сих пор под названием «Шамхала дубура» – гора шамхала, которая расположена недалеко от селений Дегва, Сергокала и Губден. Конечно, не может быть сомнения в том, что в передаче горы шамхалом в пользование жителей Акуша-Дарго, лежали более глубокие социальные корни. Но факт то, что из легенды можно заключить, что раньше за аренду горы приходилось дорого расплачиваться.

Трудности в развитии овцеводства были связаны также с самим отгоном скота на зимние пастбища. При перегоне скота на большие расстояния по пути происходили потеря упитанности и их падеж. Перегнав же огромное количество овец, порою доходившее до десятков тысяч голов,² трудно было на чужой территории организовать им надлежащий уход.

На зимних пастбищах скот пасся всю зиму на подножном корму. В случаях же холодной зимы надо было заготовить для скота корм и кошары. В период окота, стрижки и дойки овец и коз на зимовке требовалось большое число людей.³ Все это, естественно, требовало и большие расходы, что говорит о дороговизне содержания овец на кутанах.

Весной после 6-7 месячной зимовки скот перегоняли обратно на свои летние горные пастбища. Однако и летние пастбища не могли полностью удовлетворить потребности овцеводства. Поэтому верхнедаргинцам приходилось арендовать летние альпийские пастбища в соседнем Сюргинском союзе сельских общин и в Казикумухском ханстве.⁴ У сюргинцев арендовали горы «Ургадубура», «Зенаула» и «ГъуцабекIала гIела», а у лакцев – «Шамхалла сана» и «Халисуни».⁵

¹ Там же.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль-октябрь, 1760. С. 107.

³ Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 49.

⁴ РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4; Гене Ф.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 344; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371 (1). Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

⁵ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

По установившемуся у даргинцев, как и у других горцев, разделению труда уходом за мелким рогатым скотом занимались мужчины. Они же доили овец и производили их стрижку. Стрижка овец производилась или один раз – осенью, или же два раза в год – весной после возвращения их с зимних пастбищ и осенью – перед перегоном на плоскость.

Население Акуша-Дарго занималось также разведением крупного рогатого скота. Однако, отсутствие достаточных пастбищ, а также сенокосных участков не во всех обществах союза позволяло содержать большое количество крупного рогатого скота. Поэтому количество их было намного меньше мелкого рогатого скота.

Крупный рогатый скот не занимал большого места в общем балансе животноводческого хозяйства. Если в Акушинском, Усишинском, Мугинском, Цудахарском и других обществах союза содержали больше овец и коз, то крупный рогатый скот преобладал в высокогорных общинах, расположенных ближе к сюргинским общинам. Содержание скота здесь благоприятствовали большие естественные пастбища и луговые площади для заготовки сена. Преобладал крупный рогатый скот наряду с овцеводством и в обществах, которые были расположены ближе к плоскости, т.е. на стыке предгорья и нагорья, как например, в Мекегинском союзе сельских общин, где имелись значительные массивы угодий всех видов.

У нас нет конкретных сведений, относящихся к XVII-XVIII вв. Но если учесть, что количество земли, находящейся в собственности сельских общин, почти не изменилось XVII-XIX вв., то сравнительные данные XIX в. могут служить убедительным доказательством сказанному. Так, по данным Кавказского статистического комитета во владении Мекегинского общества находилось 86 десятин сенокосных мест, в то время, как в собственности Акушинского общества было всего 26 десятин, Мугинского общества – 13 десятин, Цудахарского общества – 5 десятин.¹ На много меньше было в этих обществах и пастбищных участков.

Разводило население Акуша-Дарго главным образом коров и быков, которые были местной породы – малорослые и малоэффективные. Объяснялось все это прежде всего суровыми горными условиями, бедностью покосов, нехваткой сена в зимнее время и отсутствием правильной селекции. Горная корова весила всего 100-150 кг и давала максимум 350-400 литров молока за лактационный период. Но преимуществом их была

¹ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887. С. 26, 34, 38, 42, 50.

неприхотливость к кормам и выносливость, т.е. приспособленность к местным суровым условиям, что облегчало их содержание.

Хотя в целом количество крупного рогатого скота и было не много по сравнению с овцами, то роль его в жизни горца была гораздо больше, чем овец. Разведение крупного рогатого скота было повсеместным. Если овец в условиях отгонной системы могли содержать не все хозяйства, то крупный рогатый скот в основном имели все хозяйства. Притом, необходимо отметить, что преобладающее место занимали коровы, ибо в условиях малоземелья и отсутствия достаточной кормовой базы быки не могли найти в горах такого применения как на плоскости. Корова же играла крупную роль в обеспечении горца пищей.

Уход за крупным рогатым скотом (молочным) считался женским делом. За рабочим скотом ухаживали мужчины.

Зимой в течение четырех-пяти месяцев крупный рогатый скот содержался дома на стойловом содержании. Кормили их мякиной (нег) и сеном (мура).

В летний период скот пасся около селения. Пасли его общественные пастухи, которых нанимали накануне весны сельские общины. Количество пастухов зависело от величины общины – в крупных селениях их нанимали для каждого квартала или части селения (къатла), в **маленьких** – для всего джамаата.

Обычно даргинцы так же, как и другие народы Дагестана,¹ из крупного рогатого скота составляли несколько стад. Волы и бычки составляли одно стадо, молочный скот – второе стадо, третье стадо составляли телята и ослы. Из яловых коров и нетелей составлялось отдельное стадо.

Все эти стада рано утром пастухи гнали на общественные пастбища, расположенные вблизи селения, а вечером пригоняли обратно домой. Но в то же время каждое стадо паслось по своему. Так, в период сезонных сельскохозяйственных работ стада быков обязательно держали вблизи селения и притом на самых лучших пастбищах. Стада же коров в эти времена года отводили дальше от селения, ближе к горным пастбищам. Зимой бывало наоборот – быков пасли вдали, а коров вблизи селения.

Дома крупному рогатому скоту в летнее время давали свежую траву, которую приносила каждая хозяйка, возвращаясь вечером домой после завершения полевых работ. Доили коров два раза в день – утром перед перегонем их на пастбища и вечером после возвращения с пастбища.

¹ Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 90.

Из коровьего молока жители союза так же, как и другие народы Дагестана,¹ сбивали масло, делали сыр, творог, сметану, кислое молоко, сыворотку. Из овечьего молока делали брынзу. Необходимо отметить, что молочные продукты играли большую роль в пищевом рационе горцев. Как и другие продукты животноводства, они вместе с хлебом составляли основную пищу даргинцев Акуша-Дарго. А овечья и козья шерсть являлась главным материалом для изготовления паласов, войлоков, бурок, сукон, употребляемых горцами для шитья верхней одежды. Из шкур и кож изготавливались шубы, обувь, головные уборы (папахи) и разнообразные хозяйственные и бытовые вещи.

Лошадей даргинцы содержали немного. Объяснялось это тем, что в горах не было достаточных пастбищ и кормов на зиму. К тому же лошади здесь не находили того применения в хозяйстве, которое имели они на плоскости. Поэтому в горах больше обращали внимания на те виды скота, которые больше нужны были в хозяйстве и более приспособлены к местным условиям.

Лошади применялись в основном для верховой езды и в условиях отсутствия транспорта и плохих дорог, ценились дорого и относились к предметам роскоши. Стоила лошадь несколько раз дороже быка. Кроме того, трудно было их содержать. Поэтому, как отмечал Дубровин, лошадей мог содержать не всякий горец.²

Хотя лошади являлись и мелкой породы, но были очень выносливы в езде.

Основной тягловой силой являлись волы.

Большое место в хозяйстве имели ослы, являвшиеся самыми неприхотливыми животными. Однако содержали ослов не везде. Имелись они главным образом у цухарцев и общинах, расположенных ближе к Сюрги. Говорят об этом и данные позднего периода. Так, согласно сведениям кавказского статистического комитета в 1887 г., в Цухаре было 300 ишаков и 150 лошадей, в селении Хаджал-махи – 500 ишаков и 167 лошадей, в сел. Бутри – 150 ишаков и 60 лошадей, в то время как в Акуша было всего 15 ишаков, а лошадей 200, в Усиша – 25 ишаков и 222 лошадей, в сел. Муги – 5 ишаков и 45 лошадей, в сел. Гапшима – 20 ишаков и 130 лошадей.³

1 Там же.

2 Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1. С. 512.

3 Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887. С. 28, 32, 36, 40, 44, 48.

Цудахарцы использовали ослов в качестве рабочего скота, но главным образом для перевозки фруктов в другие общества. В условиях каменистой природы и отсутствия хороших дорог использование арбы было затруднено, и поэтому осел являлся наиболее подходящей тягловой силой для различных перевозок.

Из домашних птиц жители Акуша-Дарго разводили только кур. Даже в первой половине XIX в. Ф.И. Гене писал, что «в Верхнем Дагестане домашней птицы, исключая кур, никакой нет».¹

Исходя из приведенных материалов мы можем сделать вывод о том, что животноводство являлось важнейшей отраслью хозяйства верхнедаргинцев. Преобладающее место в нем занимало овцеводство. Оно обеспечивало горцев как продуктами питания, так и сырьем для производства многих видов домашней промышленности.

§ 4. Сельскохозяйственный календарь.

В результате многолетнего опыта трудовой деятельности в области земледелия и животноводства даргинцы, как и другие народы Дагестана, выработали свой сельскохозяйственный календарь, который строго регламентировал сроки проведения различных видов сельскохозяйственных работ. Кроме того, с ним были тесно связаны многочисленные обряды и народные празднества.

Почти каждая община Акуша-Дарго имела свои определенные сроки проведения сельскохозяйственных работ применительно к условиям и особенностям данной местности. Все периоды сельскохозяйственного года обязательно сопровождалось своими специфическими народными обрядами.

Хозяйственный год у даргинцев так же, как и у всех народов Дагестана, распадался на четыре периода, связанных с временами года, которые, в свою очередь, распадались на более мелкие отрезки времени. В рамках этих периодов проводились только определенные виды сельскохозяйственных работ (вывоз навоза на поля, пахота, сев, уборка урожая, сенокос, отгон скота на летние и зимние пастбища и т.д.). Каждый такой период имел свое определенное название, из которых, к сожалению, не все и притом в очень немногих селениях бывшего Акуша-Дарго, удалось нам зафиксировать.

Как и везде, хозяйственный год у даргинцев начинался с весны. Наступление весны определялось по солнцу или звездам. Почти в каждом

¹ Гене Ф.И. Указ. соч. С. 345.

селении имелись свои особые места, по которым в зависимости от падения тени, солнечных лучей или же по положению звезд определялся первый день весны. В сел. Мекеги, например, таким определителем являлась звезда «Кьарла урьи» (звезда травы). Время, когда эта звезда подходила на уровень горы «Хлэкьала дубура» в момент ночной молитвы, – считалось, что пришла весна.

Первый день весны являлся большим праздником. Поэтому он встречался горцами с особой торжественностью, связанной с многочисленными обрядами, направленными на получение богатого урожая. Почти в каждом джамаате имелись свои особенности в встрече весны. Так, в сел. Гапшима наступление весны отмечалось посещением горных родников. Празднично одетые юноши и девушки уходили в горы. Около родника на лужайке устраивали привал, угощали друг друга. Здесь юноши и девушки впервые признавались в любви. К заходу солнца все участники праздника возвращались в аул, где им устраивали торжественную встречу с музыкой. Праздник завершался конной скачкой.¹

Весна включала в себя ряд периодов, которые состояли из определенного количества дней и имели свои специфические названия. Каждый период весны включал по 12 дней. Первые 12 дней весны назывались мардух, куда входили 6 дней зимы и 6 дней весны. Следующие периоды назывались тлакьракь, хилла, цляркьни, глергьни, цилкьяла и дукьрукьла. Каждый из этих периодов имел свои особенности. Так, например, три дня между хилла и цляркьни, носившие названия «милякьла бурхьни» (дни червей), нельзя было пахать. Было поверие, что посевы этих дней уничтожают какие-то черви. Если в период глергьни не будет дождя, то надо ожидать засуху.² В составе цилкьяла обязательно первая половина падает на хорошие дни, вторая же – на холодные дни.

В связи с этими особенностями и было связано проведение различных сельскохозяйственных работ, от выполнения которых в строго определенные сроки зависела судьба урожая. Поэтому весна являлась самым ответственным периодом года. Наиболее важным моментом являлся первый день пахоты – «день первой борозды». Это был самый распространенный, торжественный и всеобщий праздник, который сопровождался различными обрядами и своеобразными церемониями, связанны-

1 Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1963. С. 110.

2 Гаджиева С.Ш., Трофимова А.Г., Шихсаидова А.Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964. С. 2.

ми с «магическим воззрением» и «религиозным строем мышления» людей, думавших, что они «должны обеспечить благополучие хозяйству и обильный урожай».¹ Поэтому-то начало сева являлось одним из главных и самым торжественным всенародным праздником горцев. У акушинцев называется он «хъубхІри» – от слова «хъу» – пахатное поле и «бехІбакІ» – начало; у цудахарцев – «хъу буркъне» – пахать поле; у мулебкинцев «гъаршла бархІи» – день пахоты; у тантинцев – «харшла мекъ» – праздник борозды и т.д.

Как и у других народов Дагестана, праздник начала полевых работ состоял из двух элементов: 1) обрядовой запашки и 2) состязаний, игр и увеселений.

Согласно имеющимся данным,² в Акушинском джамаате праздник первой борозды проводился каждым кварталом отдельно, что, по-видимому, было связано с поквартальным поселением тухумов, имевшем место в прошлом и пережиточно сохранившимся в связи с этим общественным единством тухумов. Отсюда и разделение всей пахотной земли между кварталами (къатІами), **которых в селении Акуша было четыре.** К празднику готовились еще зимой. Одному из уважаемых и авторитетных членов общины поручалось приготовить бузу для организации угощения и быть первым землепашцем. Человек, который проводил первую борозду, назывался «хъула хъубзар», «хъу бехІбикІан» **(начинающий пахоту)**, «хала хъубзар» – старший пахарь.

В назначенный день в начале весны он в сопровождении стариков, молодежи и детей направлялся на свое или же ближайшее к селению пахотное поле. Эта была очень торжественная процессия. Упряжку быков «хъу бехІбикІана» **вели многие крестьяне, рога быков украшали разноцветными кусками материи, на них надевали большие баранки.** Главным моментом праздника являлось проведение первой борозды. Как только «хъу бехІбикІан» **начинал пахать, на него бросали снег, грязь, камни и даже вываливали его в снег и грязи.** А в Тантинском джамаате, как только «хала хъубзар» начинал пахать, ему в рот совали землю и обливали бузой. Землю сували в рот и старшинам общества. В Верхнемулебском же обществе в пахаря не бросали ничего, а после проведения борозды начинали бросать на соху камни и разбивали ее. Было распространено поверье, что если не разбить ее, не будет урожая.

1 Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис, 1928. С. 43.

2 Полевой материал, собранный нами в 1962 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

За «хъу бехІбикІаном» борозду проводили несколько наиболее уважаемых и авторитетных членов общины. Только после этого разрешалось начинать весенний сев.

По окончании описанных церемоний начинались игры и различные состязания молодежи – национальная борьба, метание камня, бег наперегонки. Победители получали «призы» – пирог, баранку и т.д.

Устраивались также конные скачки, которым придавалось исключительное значение. Хозяину победившей лошади во многих общинах давали определенный участок из общественной земли. В Акушинской общине, например, победителю до следующей весны давали одну из сенокосных гор около современного селения Урхучи-махи, в В.Мулебки – сенокос «Урчила мура» и т.д. Лошадь победителя покрывали пестрой попоной и укрывали всевозможными дорогими материалами и ленточками. Все поздравляли победителя с победой. Родственники его праздновали эту победу как большой праздник. В честь такой победы хозяин лошади устраивал большое угощение с приглашением «всех отцов семейства».

По окончании скачек устраивал угощение (сахІбат) и «хъу бехІбикІан». Расходы на него нес не только он сам, но и его родственники и участники сахІбата. Каждый из приходивших на сахІбат приносил что-нибудь из продуктов – мясо, хлеб, пироги и т.д.

А в Тантинском обществе еще до начала дня первой борозды сельские исполнители собирали для «хала хъубзара» зерно со всех хозяйств джамаата.

За праздником первой борозды следовали другие весенние праздники, которые так или иначе были связаны с проведением определенных сельскохозяйственных работ – перегоном скота на летние пастбища, прополкой и т.д. Они также сопровождались народными песнями, танцами и играми.

Наступление лета определялось также по солнечному ориентиру или по положению звезд. Первым днем лета считался день летнего солнцестояния, т.е. самый длинный день года. Узнавали наступление этого дня по определенным, переходящим из поколения в поколение приметам. Так, например, в селении Цудахар первым летним днем считался тот, когда солнце заходило в местности под названием «Къяданибтала ттар» (гора каданинцев), Къядани – селение, расположенное в 1,5-2 км от Цудахара. В селении Мекеги начало лета определялось с помощью созвездия «УлухІяри». Время восхода созвездия с рассветом считалось началом лета.

Как и у других народов Дагестана, у даргинцев лето распадалось на периоды, в течение которых проводились определенные сельскохозяйс-

твенные работы. Среди этих периодов особо выделяли самое жаркое время и середину лета, известную под названием «дурши». Наступление этих периодов лета в одних случаях определяли по счету от начала лета, в других – по восходу определенных звезд. Так, в селении Усиша самое жаркое время лета, называемое «ХІябдаргъила бурме» (дни созвездия ХІябдаргъи; хІяб – от хІябал – три, дарх – вместе. ХІябдаргъи – даргинское название трех звезд созвездия Орион), определялось с 31 дня лета или временем от восхода «ХІябдаргъи» до восхода звезды Дурши.

В этот период лета был определен круг полевых работ, проведение которых считалось наиболее эффективным, результативным. Так, жители селения Усиша считали необходимым косить в это время сено, так как в противном случае трава начинает терять сочность. С этим же связывалось уменьшение молока у овец и коз.¹ В селении В. Мулебки до восхода Дурши собирали магар.

Наступление середины лета или «дурши» определялось по разному. Жители селений Цудахар, В. Мулебки и др. считали, что «дурши» наступает на 52 день лета.² Жители же селения Гапшима считали, что «дурши» наступает тогда, «когда взойдет красная звезда»³ или просто, когда взойдет Дурши.

Звезде Дурши, как и другие народы Дагестана, даргинцы приписывали чудодейственную силу. Было распространено поверие, что человек, который увидит Дурши, тотчас погибнет. Поэтому в ночь, когда должна была взойти эта звезда, люди не выходили из дома. Нельзя было также оставлять в открытой местности и скот. Цудахарцы, например, в день восхода Дурши или возвращали скот домой, или же прятали его на три дня за одну из определенных для этого гору во избежание его гибели.⁴

Следующий период сельскохозяйственного года – осень является периодом, когда завершилась пахота и сев озимых. Определялось это время года также по солнцу. В Цудахаре есть гора, вершина которой называется «Хуби». День, когда заходящее солнце пройдет по середине Хуби, считался первым днем осени.

Осенью начиналось понижение температуры, высыхание трав, следовательно, уменьшение кормов. Поэтому в это время года перегоняли скот на зимние пастбища приморской равнины.

1 Гаджиева С.Ш., Трофимова А.Г., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 8.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

3 Гаджиева С.Ш., Трофимова А.Г., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 7.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

Осенью, когда стояли хорошие дни, главным образом в начале, начиналась и молотьба зерна. Однако молотьба не заканчивалась в этот период года. Она проводилась и зимой и продолжалась вплоть до наступления весны.

Круг сельскохозяйственных работ, в особенности в земледелии, зимой был ограничен. Проведение их зависело от погоды. Но все же наличие определенных периодов говорит об обязательности проведения отдельных работ в строго определенные сроки.

Начало зимы определялось по созвездию «Къарла урѝи». День, когда оно заходило за час до рассвета, считался первым днем зимы. В В. Мулебки первым днем зимы считался день, когда солнце проходило по центру горы «Бугълайла ихълала бяхІ».

У акушинцев начало зимы называлось «бехІбихъуд» – 25-30 дней зимы. После «бехІбихъуда» наступает «урѝила дягІи» (холод звезды). В этот период начиналась «Чилла» – самое холодное и суровое время года, длительностью в 40-45 дней. За ней наступал «Дайлабси янила баз» (средний месяц зимы), который назывался еще «ябалбалбиѝни» (середина зимы). За ней наступал «гІелабси янила баз» (последний месяц зимы). У шуктинцев назывался он «рухънала дягІи», верхнемулебкинцев – «рухъна хъуна» (холод старухи). Это последние 40 дней до наступления весны. Считались они плохими и несчастливыми днями. В этот период начиналась подготовка к весенним полевым работам, а также к перегону скота с зимних пастбищ на летние горные пастбища.

Таким образом, наличие сельскохозяйственного календаря с выделенными определенными временами и периодами сельскохозяйственного года являлось результатом многовекового опыта, установившего наилучшие сроки в проведении тех или иных работ. Не случайно, что в народных поговорках даргинцев отразилась необходимость знания и строгого руководства приметами погоды, как, например, «аргъла лишанти хІедалуси хъубзарлизибад берпуди» (упаси от крестьянина, незнающего повадок погоды).¹

А преобладание богатых земледельческих обрядов является показателем древности земледелия и значения его в хозяйственной жизни Акуша-Дарго.

§ 5. Домашние промыслы и отходничество.

Как известно, народы Дагестана издавна славились ремесленным производством. Освещению этого вопроса посвящено много исследова-

¹ Даргинские пословицы, поговорки и загадки. На даргинском языке / Составитель М.Х. Гамидов. Махачкала, 1965. С. 19.

ний.¹ Разнообразными домашними промыслами наряду с земледелием и скотоводством занимались в рамках натурального хозяйства и жители Акуша-Дарго. «Домашней промышленностью, – писал В.И. Ленин, – мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает».² Домашние промыслы у даргинцев развивались издавна. Отмечая древность промыслов в Акушинском и Цудахарском обществах подпоручик Кузьминский писал: «Эти две смежные республики с давних времен» были известны «своею промышленностью и общим уважением соседей».³

Промыслы играли немаловажную роль в хозяйстве горца. В условиях суровой природы, малоземелья и бедности ее вообще, низкой продуктивности скота, домашние промыслы являлись большим подспорьем в экономике населения союза. «Кустарные изделия, – отмечал Х.-М. Хашаев, – не только обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и даже огнестрельном оружии, но и приносили значительные доходы, коими горцы в известной мере покрывали расходы на приобретение продуктов питания, главным образом хлеба».⁴

Основными видами кустарных промыслов в Акуша-Дарго являлись обработка шерсти, кожи, железа, камня, дерева, глины. Однако в исследуемый период ремесло еще не отделилось от земледелия и скотоводства.

Промыслами занимались все хозяйства, которые владели «своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда» и удовлетворяли свои собственные потребности. Каждое отдельное хозяйство изготовляло все необходимое – начиная с описанного выше сельскохозяйственного инвентаря и кончая одеждой и вещами домашнего обихода.

Именно такое хозяйство имел в виду Ф. Энгельс, когда он писал, что в «средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности производителя и его семьи... Крестьянская семья производила почти все, в чем она

1 Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882; Шиллинг Е.И. Дагестанские кустари. М., 1926; Бакланов Н.Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926; Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931; Кильчевская Э.В., Иванов С.А. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. III. С. 285.

3 Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под редакцией С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. 1. С. 335.

4 Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. С. 63.

нуждалась: орудия и одежду, так же как и предметы питания».¹ Это было соединение натурального земледелия с домашним промыслом, в основном в рамках одного хозяйства.

Процесс развития домашних промыслов находился в прямой зависимости от общего уровня развития основных отраслей сельского хозяйства.

В домашних промыслах были заняты как женщины, так и мужчины. Даже существовало разделение труда между женщинами и мужчинами. Как правило, обработкой шерсти, овчин, ткачеством, прядением, гончарным делом, занимались женщины. С. Броневский писал, – что у горцев Дагестана женщины «портные, ткачи, швеи, тесемщицы».² Мужчины занимались обработкой металла, дерева, камня, выделкой кож.

Наиболее развитым кустарным промыслом являлась обработка шерсти. Издавна верхнедаргинцы из овечьей шерсти производили сукна, белого, синего и темного цвета, служившие материалом, из которого горцы шили себе одежду. Шерсть являлась основным сырьем для изготовления головных платков, носков, веревок, мешков, переметных сум (хунджи), паласов, войлока, бурок. Как и обработкой шерсти, выделкой указанных вещей занимались женщины. Надо отметить, что изготовлением разнообразных вещей из шерсти занимались во всех джамаатах Акуша-Дарго.

В начале XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что шерсть акушинских овец была лучше «нежели на других [овцах] в тамошних странах».³ Поэтому, – указывал он далее, – акушинцы «и делают много сукна, которое во все тамошние земли развозится и употребляется... на платье».⁴ И.-Г. Гербер писал также, что жители Акуша-Дарго из шерсти «и войлочные епанчи делают».⁵

Сведения о развитости в Акуша-Дарго шерстеобрабатывающих промыслов имеются и в других источниках. В начале XIX в. Ю. Клапрот так же, как и И.-Г. Гербер, писал, что шерсть акушинских овец «превосходна и они из нее изготовляют сукно, известное на всем Кавказе».⁶ Я. Костенецкий с восхищением писал, что русским «очень понравилось сукно на их чухах», которое «делается из овечьей шерсти и как-будто не тканое, а вязаное, подобно трико, белое или синее и довольно тонкое, так что все офицеры его покупали и шили себе походные панталоны».⁷

1 Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 215.

2 Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 52.

3 Гербер И.-Г. Указ соч. // ИГЭД. С. 111.

4 Там же.

5 Там же.

6 Клапрот. Указ. соч. С. 61.

7 Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года // Современник. СПб., 1850. Ч. 1. № 10. С. 100.

Сукна разного качества производились как в самом селении Акуша, так и в других больших селениях союза – Муги, Мекеги, Цудахаре, Хаджал-Махи, Усиша и др.

Изготовление сукон и паласов было довольно сложным процессом. Предварительно необходимо было тщательно обработать шерсть, так как продукция ее производилась не только для собственного употребления, но и для продажи за пределы союза и даже Дагестана. Сначала шерсть мыли, а затем перебирали и расчесывали железным гребнем на деревянной стойке (дурега). После этого пряли нити. Прядение нитей производилось руками с помощью веретена (дуруг). Готовая пряжа для разноцветных сукон и паласов предварительно красилась, для чего применялись шафран, марена и другие красильные вещества из растений, привозимых из Приморского Дагестана. Из готовых разноцветных нитей на особом станке, называемом душила дугъби, ткали паласы и сукна. Назывались они у даргинцев мазу, хъанц(ахъаркъа, зугъри, ахсинаг и т.д. Из шерсти ягнят изготавливалась тонкая шерстяная ткань высокого качества. Сукно же из овечьей шерсти было несколько грубее и употреблялось в основном для мужской верхней одежды – сукъбана (разновидность черкески), брюк, рубашек и т.д. Употреблялась овечья шерсть также для изготовления паласов, войлока, нитей и т.д. Делали сукна и паласы женщины после окончания сельскохозяйственных работ – с октября до мая.

С животноводством была связана и обработка кож и овчин. Как и другие горцы Дагестана, жители Акуша-Дарго сами шили себе из овчин шубы с короткими (хІяка) и длинными (хала хІяка) рукавами, брюки, папахи и т.д. Одежду шили ручным способом в каждом хозяйстве. Из кожи, которая выделялась из шкур крупного рогатого скота, шили обувь, делали ремни. А из козьих шкур делали мешки, сумки, нитки и веревки.

Большое место в хозяйстве населения Акуша-Дарго так же, как и других народов Дагестана, занимали промыслы по обработке дерева. Основным орудием, при помощи которого обрабатывалось дерево, являлась «зива» – инструмент формы маленькой мотыги с деревянной ручкой и железной лопаточкой, которая служила в качестве рубанка, а также топор (барда) и железное сверло (руггани).

Главное место среди промыслов по обработке дерева занимало изготовление сельскохозяйственного инвентаря. В каждом селении имелись мастера, которые изготавливали из дерева «дуразы», молотильные доски, арбы, лопаты для веяния зерна, вилы и т.д. Значение дерева в изготовлении сельскохозяйственного инвентаря было очень велико. Даже обручи колес делались целиком из дерева. В связи с этим уместно привести

рассказ старожилы о том, что примерно 200 лет тому назад в селении Акуша только одному жителю по имени Гайсун удалось приобрести железный обруч на одно колесо. Проходя вместе с арбой по селению, он всегда загораживал колесо без железного обруча, думая, что односельчане не знают об отсутствии его там и тем самым желая похвастаться перед ними, что он единственный человек в селении, который имеет арбу с колесами с железными обручами.¹

Из дерева также изготавливались домашняя посуда (вилки, ложки, миски, подносы и т.д.), люльки, оконные рамы, двери, станки для обработки шерсти и ткани паласов и сукна, меры сыпучих тел (сах и барха) и т.д.

Издавна жители Акуша-Дарго занимались и металлообработкой. Развитию металлообработки здесь способствовало наличие вблизи современного селения Муги железной руды, о чем говорят материалы археологических раскопок и народные предания.²

В промысле по обработке металла в интересующее нас время основное место занимало изготовление сельскохозяйственных орудий и оружейное дело. Почти во всех больших селениях Акуша-Дарго имелись кузнецы (мегъла устни), которые изготавливали серпы (мирш), косы (къялкъуби), мотыги (газни), топоры (бардни), лопаты (клатIни), подковы (лутIи гIябли) и т.д.

В селении Муги кузнечное дело передавалось в одном тухуме по наследству из поколения в поколение, в результате чего тухум стал называться «Къуддихъали», т.е. стучащие. КъутI по даргински означает стук, къутIикIес – стучать.

В Акуша-Дарго имелись также мастера, занимавшиеся изготовлением холодного и огнестрельного оружия. Особую известность в горах получили мастера оружейного дела из Цудахарского общества, которые изготавливали не только ножи и кинжалы, но и кремневые огнестрельные ружья. На территории Аварии изделия цудахарских мастеров стали известны под названием «цIедехI нус» и «цIедехI тапанча», т.е. цудахарский нож и цудахарское оружие». ³

О древности кузнечного ремесла в этом обществе говорит и наличие у цудахарцев своего собственного названия кузницы – «гъимттук», а так-

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

2 Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте) // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. I. С. 227.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

же определенных традиций, выразившихся в поговорках даргинцев, как например, «устала урши, уста виар» (сын мастера становится мастером) и т.д.

Распространенным промыслом в Акуша-Дарго являлась и обработка камня. Почти во всех джамаатах имелись свои известные строители. Их руками воздвигались не только жилые дома, но и общественные здания, мечети, а также крепостные башни и стены, мосты, заборы, ограды и т.д. Сохранившиеся до наших дней остатки многих строений говорят о большом мастерстве строителей, крепкости творений их рук. В сел. Усиша до недавнего времени имелась мечеть, которая, согласно народным преданиям и имеющейся здесь надписи, была построена в 1071 году хиджры (1659) каменщиками из 100 селений.¹

В начале XIX в. Ф.И. Гене, описывая арочные мосты, построенные через Казикумухское Койсу недалеко от Цудахара и Хаджал-Махи, писал, что они «не взирая на древнюю постройку, не имеют никакого повреждения и кажутся недавно выстроенными».²

Развита была в союзе и резьба по камню. Почти в каждом крупном населенном пункте имелись местные мастера, изготавливавшие надгробные памятники. Это были не простые ремесленники, а искусные резчики, настоящие мастера своего дела.

Профессия мастеров резьбы по камню в ряде случаев была наследственной и переходила от отца к сыну, от дяди к племяннику. По рассказу жителя сел. Усиша Замова Ахмеда, одного из лучших мастеров надгробных памятников, это мастерство, профессия передалась ему от предков, которые являлись хорошими резчиками по камню. До сих пор в селении Усиша сохранились монументальные надгробные памятники, разукрашенные разнообразными симметричными узорами и арабскими надписями, которые обработаны предками А. Замова. Имеются они и в других селениях Акушинского района.

Гончарным производством в Акуша-Дарго занимались главным образом жители селения Балхар, который являлся одним из древних и признанных центров гончарного производства Дагестана. Балхарские гончары производили в основном разнообразную глиняную посуду: водоносные кувшины, кувшины для сбивания масла, большие хозяйственные кувшины, служившие для хранения продуктов, кувшинчики для

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

² Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835/1836 г. // ИГЭД. С. 341.

умывания, светильники, подойники, кружки и др. изделия. Они находили большой спрос у всех жителей Дагестана. В XVII– XIX вв. производство хозяйственной посуды в Балхаре достигает высокого развития.¹

Одной из важных занятий жителей федерации Акуша-Дарго были отхожие промыслы, которые были обусловлены факторами социально-экономического характера (сравнительная густота населения, отсутствие достаточного количества земли, бедность в целом края, отсюда необеспеченность населения предметами первой необходимости, незанятость населения в сельском хозяйстве круглый год). «Отходничество было характерно почти для всех народов Дагестана», – как писал Х.-М. О. Хашаев, – оно «в той форме, в какой мы застаем его в первой половине XIX в., вероятно, существовало и раньше, так как экономическая необходимость, являющаяся причиной отходничества имела место и раньше. Ошибаются те, кто считает, что отходничество появилось только после присоединения Дагестана к России»².

Так как больше всего отходников было в Горном и Южном Дагестане, естественно, их было много и из федерации Акуша-Дарго. Как и другие горцы, жители Акуша-Дарго уходили на заработки в различные места – на плоскость при сборе урожая, на маренники, различные работы в Кизляр, на рыбные промыслы и т.д.

С присоединением Дагестана к России, как писал М.О. Османов, в отходничестве произошли принципиальные изменения. «Теперь дело было не только в общей бедности края, а в более быстром процессе классового расслоения крестьянства, ускоренном развитии товарно-денежных отношений. Другая сторона этого вопроса заключалась в том, что присоединение к России привело к появлению большого спроса на отходников для сезонных работ.

И, наконец, развитие денежных отношений привело к увеличению потребности крестьянина в деньгах, а для бедного горца отходничество и промыслы были единственным способом добывания денег»³.

Начиная с осени, после уборки хлебов чаще всего небольшими группами в несколько человек горцы уходили в равнинный и предгорный Дагестан, в Закавказье и на Северный Кавказ, где они работали пастухами, косарями, землекопами, садовыми работниками, рыбаками, чернорабочими и т.д.

1 Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 24-41.

2 Хашаев Х.М. Указ. соч. С. 79.

3 Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 47.

К сожалению, у нас нет конкретных сведений по количеству отходов как по всей федерации и по союзам сельских общин Акуша-Дарго. Но одно ясно, что их, как и из других горных обществ, было много¹.

Как видим, в рамках натурального хозяйства у даргинцев, как и у других народов Дагестана, были развиты промыслы по изготовлению всех необходимых бытовых изделий, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к употреблению.

§ 6. Торговля и торговые пути.

Господство натурального хозяйства в Акуша-Дарго не означало, что оно являлось абсолютно замкнутым. В рамках натурального хозяйства в исследуемые века развивалась как внутренняя, так и внешняя торговля. К. Маркс указывал, что «товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначена непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен меновой стоимости».²

Хотя в исследуемое нами время торговля внутри федерации была слабо развитой, что являлось следствием главным образом господства натурального хозяйства, низкого уровня развития производительных сил, наличия значительных пережитков патриархально-родовых отношений, все же в Акуша-Дарго можно проследить то, что К. Маркс называет товарным обращением без превращения подавляющей массы продуктов в товары. Несмотря на господство натурального хозяйства все же сельское хозяйство в известной мере уже было связано с рынком, чему способствовало развитие промыслов. Торговля была в основном меновая. «Торговля производится большей частью меною»,³ – отмечал современник. Меняли продукты животноводства, скотину, ремесленные изделия, из которых наибольшее значение имело сукно. Так, И.-Г. Гебер писал, что акушинское сукно «во все тамошние земли развозится».⁴ Следовательно, сукно применялось не только внутри союза, но и продавалось за его пределами, т.е. имелись торговые связи и с другими народами Дагестана.

В XVII–XIX вв. центрами обмена внутри союза являлись наиболее крупные селения, как Акуша, Усиша, Цудахар, Мекеги, Муги и др. Как

1 Хашаев Х.М. Указ. соч. С. 80.

2 Маркс К. Капитал // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 230.

3 Цит.: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 17.

4 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 111.

и в других больших селениях Дагестана, здесь собирались базары, куда приезжали для обмена товаров не только жители самого Акуша-Дарго, но и из других территорий Дагестана. И не случайно автор XVII в. Э. Челеби отмечал, что в Дагестане «люди иногда собираются в городах (в больших селениях. – Авт.) и устраивают на площадках базары. Каждый житель привозит свои продукты и обменивает их».¹

Вместе с тем необходимо отметить, что в Акуша-Дарго внутренняя торговля развивалась медленно, торговали в основном в указанных центрах.

Монеты в Дагестане свои в исследуемый период не чеканились. «Здесь нет монет»,² – писал Эвлия Челеби. Поэтому в качестве общего эквивалента при обмене в особенности до XVII в. выступали бараны, домотканый материал (хабцалдик) и котлы. «Особенные потребительные стоимости, – указывал К. Маркс, – которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например, рабы, скот, металлы, чаще всего... образуют первые деньги внутри самой общины».³

Обмен на территории союза носил регулярный характер. Об этом говорит то, что во внутренней торговле главную роль играла твердоустановившаяся местная система мер и весов, которая различалась в разных местах Акуша-Дарго своим объемом и весом. Для измерения емкости сыпучих тел жители Акуша-Дарго применяли «барха». Она была двух видов – «хала барха» (большая) и «биштаси барха» (маленькая).

Более мелкой единицей измерения сыпучих тел являлся «сягІ», который также отличался в разных местах своим объемом. В одних джамаатах он равнялся 2–2,5 кг., в других – доходил до 4 кг. В зависимости от этого и барха в одних обществах равнялась 7–10 сягІам, в других – 4–5 сягІам.

Самой маленькой мерой для сыпучих тел являлся «мехІ» – пригоршня и «каш» или «кьялши» – горсть.

Мерой веса мяса, сыра, масла, сала, урбеча являлась «гилавка», равная приблизительно одному фунту (400 гр) и «ратІал», равный 2,4 кг.

Наиболее распространенной единицей измерений длины являлся «декІ», равный длине локтя или 50 см. Кроме того, мерой длины служили

1 Орывки из путешествия Эвлия Челеби // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 94.

2 Там же.

3 Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 37.

«чИм» – пядь, равный расстоянию между растянутым большим и указательным пальцами, а также между большим пальцем и мизинцем.

Во внешней торговле преобладающее место занимали скот и продукты животноводства. Но уже больше стали применять и различные деньги – русские, персидские и др. Из-за недостатка своего хлеба верхнедаргинцы меняли скот на урахинское зерно, где природные условия были более благоприятные, чем в Акуша-Дарго. Жители уцмийства, – писал И.-Г. Гербер, – «пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают».¹ Зерно покупали и во владении тарковского шамхала. Как свидетельствовал Д.И. Тихонов, «торговлю жители (шамхальства. – Авт.) производят по большей части с соседними владениями, как-то: уцмиевым, с кумыками и акушинцами, а также с Россией, скотом, пшеницей, медом и воском».² Основное, что покупали верхнедаргинцы во владении шамхала из перечисленных товаров, являлась пшеница. Кроме того, жители союза, наряду с другими народами Дагестана, покупали соль, добываемую из озера, расположенного недалеко от селения Тарки. Отмечая это, посланник грузинского царя старец Кирилл, сообщал в Москве, что это единственное место в Дагестане, где добывается соль, овладение которым лишило бы горцев пользование солью. «А соли в том озеро добре много, – говорил он, – и прочь того места во всех горах соли нет. И только тут город будет, и Шефкалу будет утеснение великое и нужда, а горским людям всем соли имати негде».³

Об этом говорят и сведения конца XVIII – нач. XIX в. Офицер русской армии А.И. Ахвердов, трижды в конце XVIII – нач. XIX в. побывавший в Дагестане, писал, что «... имеет шемхал достойного замечания соленые озера от Тарков в 15 верстах, которою пользуются все подвластные ему, шемхалу, народы, как для домашних надобностей, так и продажею оной дагистанцам, кумыкам, чеченцам, ингушевцам и карабулахцам. Которую ежели б шемхал запретил подвластным своим продавать вышеписанным народам, а особливо неблагоприятно расположенным к России, тогда бы большая была удобность России приводить их к повиновению, поелику, кроме сей соли, сказанные народы получать ниоткуда не могут».⁴

1 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83.

2 Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 135.

3 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578-1613 гг. М., 1899. Вып. I. С. 405.

4 Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 215.

Другие сведения также указывают, что жители Акуша-Дарго покупали «соль для себя и своих стад» только у шамхала Тарковского.¹

Жители Акуша-Дарго были связаны с торговыми центрами Дагестана – Дербентом и Тарки. В Дербенте верхнедаргинцы покупали шелковые и хлопчатобумажные ткани, красители для паласов и шерстяных тканей (марену, шафран) и т.д. «Провинция Гильянская и город Шемаха, – писал академик С.Г. Гмелин, – снабжают Дербент разными бумажными и шелковыми материями... кои променивают Лезгинским и Горским Татарам на один род тонкого сукна, которое ими же самими в горах приуготовляется».² Кроме того, покупали они здесь, а также в Тарки и привозные товары из России – предметы домашнего обихода из стали, железа и меди (котлы, красные и зеленые тазы из меди, посуду, ножи, ножницы, иглы, наперсники и т.д.), а также зеркала, шелковые, бумажные и холщевые ткани, бумагу, сахар, нефть, железо, сталь, свинец и т.д. Эти товары привозились из России купцами из Дербента, Тарки и Кайтагского уцмийства³ и продавались на местных рынках.

В свою очередь верхнедаргинцы продавали в этих торговых центрах продукты животноводства – шерсть, кожи, шкуры и т.д.

Наиболее близким к верхнедаргинцам большим торговым центром являлось лакское селение Кази-Кумух. На происходивших здесь периодически базарах жители Акуша-Дарго сбывали свою продукцию животноводства и покупали необходимые им товары.

Из владений уцмий Кайтагского наибольшие торговые связи верхнедаргинцы поддерживали с обществами Амузги, Харбук и Кубачи. Из этих селений в Акуша-Дарго привозились в основном железные части сельскохозяйственного инвентаря, как лопаты, лемеха для сох (дураза), клинки для серпов и кос и т.д.⁴ Большой спрос имели в Акуша-Дарго также производившиеся в этих обществах холодное и огнестрельное оружие и изделия кубачинских мастеров.

С аварцами торговали главным образом Акушинский и Цудахарский союзы сельских общин. Основными предметами торговли цудахарцев с

1 Выписка из замечаний к.с. Стевена во вновь приобретенные Кавказские области // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 37; Описание Дагестана. Конец 20 или начало 30-х годов (автор неизвестен) // ИГЭД. С. 279.

2 Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе естеств. СПб., 1785. Ч. 3. С. 9, 21.

3 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. / Составитель Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 201-219; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Л. 1-69; Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 9, 29.

4 Даргинские народные песни (даргинский язык) / Под редакцией Р. Нурова.

аварскими обществами являлись холодное и огнестрельное оружие местного производства, известные у аварцев под названием «цІедехІ нус» и «цІедехІ тапанча». «Из Акуши, – писал в начале XIX в. офицер русской армии А.П. Щербачев, – достают они (койсубулинцы. – Авт.) себе оружие, ибо собственных мастерских не имеют хороших».¹

Акушинцы продавали в аварских обществах широко известный среди горцев домотканый шерстяной материал (сухъбан) и национальные шерстяные паласы (чІухъаны).²

Торговали жители Акуша-Дарго с аварцами и гончарными изделиями. Об этом говорит наличие у аварцев помимо названия «бархъалис» и «бахъари» (так называют балхарцев чамалинцы, гигатлинцы и др.) и такого названия, как «сирхІахъан», которым называют каратинцы торговцев гончарными изделиями вообще.³ Надо полагать, что под этим названием имеются в виду не только жители самого Сюрги, но и главным образом жители Акуша-Дарго, куда входил и один из известных центров гончарного производства Дагестана – Балхар.

Продавали жители Акуша-Дарго в аварских обществах, хотя и в небольшом количестве, зерно. Говорят об этом не только материалы устных народных преданий, но и документы начала XIX века. «Акушинцы, – писал подполковник Меддокс, – свой хлеб продают в горы и покупают оный в прочих... провинциях в Дагестане для перепродажи горцам».⁴ В другом документе прямо указывается, что аварцы получают хлеб от акушинцев.⁵ Указывал на это и генерал Р.Ф. Розен. У жителей Аварского ханства «хлебопашество весьма скудное, – писал он, – и недостаточное для прокормления своего, Мехтулинская провинция и акушинцы снабжают их малою частию такового».⁶

Жители Акуша-Дарго покупали у аварцев фрукты,⁷ бурки (Андийский союз сельских общин), известные у даргинцев под названием «гІяндан варгъи», шерсть длинношерстных овец, а также шкуры андийских овец, которые отличались от «всех горских овец» своей длинной шерстью. Шкуры этих овец употреблялись жителями Акуша-Дарго для изготовления национальных шуб, называемых «халахІяка».⁸

1 История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. С. 296.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(І).

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(І).

4 АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 518.

5 Там же. С. 530.

6 Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 291.

7 История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. С. 344.

8 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(І).

Усилению обмена и торговли с жителями других владений Дагестана способствовала и отгонная система овцеводства. При отгонной системе верхнедаргинцы подобно кочевникам, образ жизни которых, как указывает К. Маркс, «постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем самым побуждают их к обмену продуктов»,¹ задолго до исследуемого периода общались с жителями территорий, по которой они перегоняли свой скот и вступали с ними в торговые сделки. Основными торговцами при этом выступали владельцы больших отар и сами пастухи, перегонявшие отары.

Внешние связи Акуша-Дарго не ограничивались пределами территории Дагестана. Материалы Гапшминского и Акушинского могильников показывают, что верхнедаргинцы имели торговые связи с народами Северного Кавказа, Закавказья и странами юго-восточной Европы и Ближнего Востока еще в более ранние периоды истории.²

Центрами торговых сделок с народами Северного Кавказа, а также с русскими купцами являлись крепости и остроги, построенные русским государством на Северном Кавказе. Среди них особую роль не только как местный торговый центр, но и центр политических связей России с народами Дагестана играла крепость Терки. В Терки торговали не только местные торговцы, но и русские купцы и обосновавшиеся здесь «жилицкие тезики».³ Два дня в неделю здесь происходили базары, был также и «конский базар».⁴

Основным центром торговых связей дагестанцев, в том числе и жителей Акуша-Дарго с Россией после Персидского похода Петра I в Дагестане стала крепость Святой Крест, где жили русские, азербайджанцы и армянские торговые люди.⁵

После упразднения Святого Креста в 1735 г. вместе с другими народами Дагестана жители Акуша-Дарго ездили для торговли в Кизляр.

Торговля с Россией была более выгодна горцам, ибо они пользовались определенными льготами. Так, по указу Екатерины II от 1765 г. горцы были освобождены от взимания пошлин с ввозимых товаров.

1 Маркс К. Капитал. Т. I. С. 96.

2 Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. Махачкала, 1961. МАД. Т. II. С. 271-282; Марковин В.И., Твердохлебов А.М. Акушинский могильник. М., 1955. КС ИИМК. № 60. С. 150-154.

3 Маршаев Р.Г. Сношения Кайтага и Казикумуха с русским государством в первой половине XVII века. (На правах рукописи). Махачкала, 1954. С. 9.

4 Там же.

5 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 20, 33, 39.

Однако при всем сказанном надо отметить, что до конца XVIII в. внешней торговлей занимались только лишь отдельные представители верхнедаргинских сельских общин. Препятствовало более широкому развитию торговли не только господство натурального хозяйства, но и постоянная опасность грабежа со стороны феодальных владетелей,¹ высокая пошлина, которая взималась владельцами за провоз товаров через их территорию и плохое состояние дорог.

С конца XVIII в. торговые связи верхнедаргинцев с другими народами Кавказа и Россией стали значительно шире. Документы начала XIX в. уже прямо отмечают, что жители Акуша-Дарго занимаются «даже торговлею».² Появились даже люди, которые торговали на месте привозными товарами.³ Шире стал круг территории, куда они доходили с целью торговых сделок. Имеются сведения, показывающие, что верхнедаргинцы и главным образом цудахарцы и акушинцы приезжали в Кизляр, Моздок, Астрахань. В последнем они покупали верблюжью шерсть, из которой «изготавливали» значительное количество местного сукна», которое вывозилось в Нуху, Шемахи и другие города Закавказья.⁴ Особенно много ездило верхнедаргинцев в Кизляр для продажи изделий своего домашнего производства. Так, в 1807 г. в Кизляре было остановлено 27 торговцев из Акушинского и Цудахарского союзов. В 1824 г. только за один в кизлярскую пограничную карантинную контору прибыл для торговли 31 цудахарцев, а за один день сентября того же года – 5 таких групп, т.е. более 150 человек.⁵

В период А.П. Ермолова из многих союзов сельских общин Дагестана вопреки запрету торговать на территории занятой Россией и ее городам, самовольно ездили по своим торговым делам. По сведениям за июнь 1821 г. «среди едущих в города России для торговли были акушинцы и аварцы»⁶.

Развитие торговли и товарно-денежных отношений привело к появлению прослойки профессиональных торговцев-базарганов, скупщиков,

1 Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 135; Броневский С. Указ. соч. С. 56-57; Брюханов А.П. Указ. раб. Л. 12.

2 История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. С. 309.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 365(2).

4 ГУ «ЦГА РД». Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

5 ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 7. Д. 36. Л. 31, 48-80, 104, 110; Мансурова А.Г. Цудахария (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995. С. 65.

6 ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. Д.963. Л. 1; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.96.

карачи, живших главным образом за счет торговли. По данным посемейных списков за 1886 г. по одному Даргинскому округу (в основном территория бывшего Акуша-Дарго) в Кутишинском наибстве было 28 торговцев, из которых 17 были только из сел. Наскент; в Цудахарском наибстве из 75 торговцев в самом Цудахаре было 33 торговцев, в Балхаре – 18; в Акушинском наибстве было 40 торговцев, из которых 23 в сел. Геба и 11 в сел. Шукты; в Урахинском наибстве было 11 торговцев; в Сюргинском наибстве был 31 торговец, из которых 10 торговцев было в сел. Цугни и 7 – в Гулебки ¹.

Во внешней торговле помимо скота в качестве эквивалента применялись и иностранные монеты и прежде всего арабские, персидские и турецкие. Об этом свидетельствуют названия монет, которые употребляли даргинцы, как например, шагъи (5 коп.), гЯббаси (20 коп.), къуруш (1 рубль), тумен (10 руб.), къарапулы (медные монеты). Многие из этих названий возникли при царствовании в Иране шаха Аббаса I и потому распространение их началось в XVII в. ² Закрепление у даргинцев этих названий говорит о том, что наиболее распространенными среди жителей Акуша-Дарго являлись персидские и турецкие деньги. Заимствование в основном шло с юга – через Азербайджан.

Кроме того, как показывают источники, в Дагестане употреблялись так называемые «ханские деньги». ³ А начиная с XVIII в. все больше распространение получают российские монеты. «Особенно почитают, – отмечает современник, – серебряные рубли». ⁴

В отдельных местах Дагестана производилась подделка иностранных денег. По свидетельству И.-Г. Гербера, кубачинцы «делают ... турецкие и персидские серебряные деньги» и «начали испытать делать российские рублевики», которые «имеют надлежащий свой вес и серебро, что оных везде берут». ⁵

Торговые связи осуществлялись по грунтовым дорогам и тропам. Внутри союза имелись дороги, связывающие между собой Акуша и Усиша, Акуша и Муги, Муги и Усиша, Акуша и Цудахар, Акуша и Гапшима

¹ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887. С. 21, 29, 33, 37, 41, 45, 46, 69, 77, 81.

² Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана. Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. Вып. III. С. 32-33.

³ Цит. по: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 76.

и т.д. Наиболее удобной из них являлась дорога, идущая из Цудахара в Акуша. Как показывают источники, на реке находились «замечательные, с давнего времени построенные два каменные моста. Один в двух верстах ниже селения Цудахара на пяти арках, а другой у селения Хаджал-Махи на одной арке». Первый из них, через которую и шла дорога в Акуша, имел «достаточно ширины для следования колесных тяжестей».¹

Р.Ф. Розен также отмечал, что эта дорога «сколько заметить можно было из слов, одна из удобнейших».²

Имелись в исследуемое время также дороги, связывающие Акуша-Дарго с другими владениями Дагестана. Все основные дороги, ведущие с территории Акуша-Дарго в приморский Дагестан сливались с главной дорогой, называемой у даргинцев «Хан гъуни» – дорога хана, которая по территории шамхала Тарковского и уцмий Кайтагского шла в Дербент и дальше в Азербайджан. Одна из таких дорог шла из Акуша через Цудахар в Тарки. Как свидетельствовал посланник грузинского царя Кирил, из территории шамхала Тарковского отходили «две дороги – одна к Дербени, ... а другая дорога в Иверскую землю на Казы-Кумуки».³ Речь здесь идет об описанной выше «хан-гъуни» и дороге, которая через даргинские земли шла в земли лакцев. Вторая дорога, идущая из Акуша в Тарки, проходила через селение Губден. Указывая на эту дорогу, Д.И. Тихонов писал, что эта одна из трех дорог, идущая «из Тарков через деревню Губден в Акушинское владение», по которой «кроме одной верховой езды и в некоторых местах еще с великою трудностью по причине больших и крутых гор и чрезвычайных стремнин никакими повозками ехать невозможно».⁴

С территорией кумыков связывали верхнедаргинцев и другие дороги. Одной из них была дорога в Параул. Проходил этот путь из Акуша в Хаджал-Махи, отсюда в Левашу, «далее довольно порядочная дорога до д. Урага-Джооли (Чоглы. – Авт.), откуда через д. Урму на Кака-Шуру и в Параул».⁵ Из Параула она вела в другие населенные пункты. «Дорога сия, – писал А.П. Щербачев, – считается в числе арбених», хотя и была довольно трудная» из-за гористости местности.⁶

1 История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. С. 340-341.

2 История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. С. 292.

3 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 401.

4 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Л. 7; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1188. Л. 19; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 215 (примеч.).

5 История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. С. 296.

6 Там же.

Была также дорога, идущая из Акуша по направлению к Дербенту, которая шла в Муги и Верх. Мулебки, отсюда через территорию Урахинского союза – в Башлы-Великент, и соединившись с «хан гъуни», через владения уцмий Кайтагского – в Дербент.

Существовали дороги, связывающие территорию Акуша-Дарго с землями лакцев и аварцев. Кроме той дороги, которая шла в Акуша через Цудахар в Кумух, была еще вторая дорога, ведущая также в Кумух через Гапшима и Уллучара.

Торгово-экономические связи с народами южного Дагестана осуществлялись через лакские земли. Жителям Акуша-Дарго известен был путь, проходящий через Кумух–Чирах–Рича–Усух–Курах–Ахты. Этим же путем осуществлялись связи с Азербайджаном. Из Ахты указанный путь вел в Нуху. Говорят об этом и сведения позднего времени. Беккер указывает, что горцы Центрального и Северного Дагестана (кубачинцы, цудахарцы, андийцы и др.) «строго говоря, проезжают только через Ахты, направляясь в Нуху...».¹

Весь приведенный материал свидетельствует о том, что в исследуемый период основу хозяйства Акуша-Дарго составляли земледелие и скотоводство. В союзе не было достаточных площадей для земледелия и поэтому верхнедаргинцам не хватало своего хлеба. В виду этого скотоводство играло в хозяйстве ведущую роль. Однако и на пути развития скотоводства были большие трудности, которые были связаны с недостатком летних и отсутствием зимних пастбищ. В результате этого верхнедаргинцы арендовали зимние пастбища за высокую плату у шамхала Тарковского, уцмий Кайтагского и в Засулакской Кумыки.

Большое значение для жителей Акуша-Дарго имели домашние промыслы, а также обмен и торговля. Поддерживались торгово-экономические связи и с другими народами Дагестана, стран Закавказья, Северного Кавказа и Россией. Осуществлялись они по существующим вьючным и колесным дорогам.

При всем сказанном, необходимо отметить, что по сравнению с плоскостным Дагестаном, хозяйство Акуша-Дарго, как и других частей горного Дагестана, отставало в своем развитии. Как и в предыдущие периоды, в исследуемое время господствовало здесь натуральное хозяйство.

¹ Поездка Беккера по южному Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 40; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 90-91.

ГЛАВА III. ЗЕМЕЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

§ 1. Формы земельной собственности и землепользования.

Приступая к характеристике социальных отношений, начнем прежде всего с вопроса какие земельно-правовые отношения были в исследуемый период на территории сельских общин Акуша-Дарго, ибо, как отмечают все исследователи аграрных отношений, формы владения землей, взаимоотношения членов общества, складывающиеся на основе этих форм землевладения, формы земельной ренты, различные формы присвоения этой ренты являются важнейшими вопросами, характеризующими уровень развития общества, его социально-экономическую структуру.

Наиболее важным из круга проблем, связанных с аграрными отношениями в Акуша-Дарго, является вопрос о том, кому именно принадлежала земля, кто ею распоряжался, ибо, как указывает К. Маркс, земля – это «великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, базис коллектива».¹ Земля является основным средством и условием производства, которая в зависимости от форм владения ею и определяет степень уровня социально-экономического развития общества.

Основой первобытнообщинного строя является общественная собственность на средства производства и прежде всего на землю, орудия труда и т.д. А основой феодального строя является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства.

В исследуемый период в Акуша-Дарго существовали четыре формы собственности на землю: частная, мечетская, тухумная и джамаатская (общественная).²

Частное землевладение – это земельные участки, которые находились в наследственной собственности хозяев.

Как и везде, первоначальной основой, на которой возникла частная собственность на землю в Акуша-Дарго, являлась общинная земля.

Характеризуя процесс превращения общинной собственности на землю в частную, Ф. Энгельс писал: «Все культурные народы начинают с

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству// Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 463.

² О наличии этих форм собственности на землю у даргинцев см. работу Р.М. Магомедова. «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков». Махачкала, 1957. С. 127-130.

общинной собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность».¹ В первую очередь из общинной собственности выделилась собственность на пахотные земельные участки, обработка которых в особенности в суровых горных условиях требовала большой затраты труда.

Но этот процесс произошел в Дагестане задолго до исследуемого периода. Ф. Энгельс указывал, что в местах с суровыми горными условиями, «где к этому, так сказать, вынуждал характер местности», родовое пользование пахотной землей очень рано сменяется владением ею отдельными дворами, а в распоряжении общин остаются только невозделанные земли.²

Переход от коллективной собственности на землю к индивидуальной собственности был вызван обособлением индивидуальных семей в хозяйственном отношении, в хозяйственной деятельности отдельных лиц, самостоятельная роль которых возросла. Право собственности общинника на определенные участки пахотных земель вытекало из фактической обработки их в течение длительного времени, из факта приложения им своего физического труда к земле. Передаваясь по наследству из поколения в поколение это право все больше укреплялось, что проявлялось в постепенной ликвидации ограничительных прав на частное землевладение со стороны общин.

Частное землевладение у даргинцев, как и у других народов Дагестана, известно под названием «мюльк».³

Под мюльком у даргинцев был известен любой земельный участок независимо от его величины, который находился в частной собственности. Мюльками назывались и маленькие участки земли крестьян-узденой, и большие земельные угодья феодализирующейся знати, и сельской верхушки. Мюльк являлся основной формой собственности на землю, которая охватывала главным образом пахотную землю, а также сенокос. До наших дней сохранились названия почти всех пахотных и сенокосных участков, находившихся в частной собственности общинников. Притом, почти во всех сельских общинах жители каждого квартала имели свои отдельные

1 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 142.

2 Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 332-333.

3 «Мюльк» – араб. «имение», «владение», «недвижимость».

места. Поэтому эти земли имели как общие названия кварталов, так и названия отдельных участков. Так, в Акушинской общине места, где находились мюльки, назывались Хъаршукла мер, Хъаршукла мер, Панжукла мер и Дайшукла мер. В то же время каждая из этих земель распадалась на отдельные участки со своими названиями, как например, Шуллаичила, Ургала бухъа, Къадаргила, Целдала хъяб, МичИкъандаргила, НяхИкула, Хъябла, Ругер, Жиргъанчи, Хала дуцIрум, ХIеркIгIела, Халашахъар, Шурмидахъла хъар, Гинизкъадахъар и т.д.¹ В Мугинской общине мюльки были расположены в местностях Дура гIяя, Ватарчин, Журмагнила гIелала, Шила килала, Шила улала, Бурум къадди, КидехI шин, УмхIи шин, ЦукIни гIела; в Бутринской общине – в местностях Шила сала, Хухум, Хала диркъа, Диркъа хъу, Навала бекI, Гъумрала бекI, БуцIур; в Гапшинской общине – в местностях БайбикI, Мундала, ВацIараг, Жулеила, ХIялтI-хIялтI, Мукъянала, Шинкъаличила, ДяхIшала, Чамашала, Хяддала, КIаппибуцам; в Шуктинской общине – в местностях Дешша, БекбекIа, ХIунтIена, Шахличила, ИцIадиркъа, Хъардубрила, Шурагъала, ДухIнахIяруби, Къянила, Картасана, Хъарсанила, Заникъай; в Тантинской общине – в местностях Къужаяла, Ургализила, Думдузела, Хъярбазила, Зентагъира, Къвяддала мурклая, Сурияла и т.д.; в Гинтинской общине – в местностях ТIаркъилис сала, ХIяжибхIкайкла бекI, Мурклатла, Симкаула, Гъумури, Къячала бекI, Вана хъин, Халасанна бекI, Буцулигъирала; в Верхнемулеб-кинской общине – в местностях ГIилабаргаса, ХъанихIяруби, Шила гIалала, Жяндалла бурхIила, ГIяргIнабуршнала, ХIярубакила, Мурбела хъар, Къялубела муза, УбяхI хIярубакила, ЦIябартIила, ХIамхIамулла муза; в Усишинской общине – в местностях АмхIе бехI, ДягIяна гъуни, Мярала къадди, Гъялдала, Хала хIери, Эмеркила сари, Гъудула сани, Мижярала, Гъубши хIаркI, Шургъи²; в Цудахарской общине – в местностях Мурккала и ХIенухъ³ и т.д.

В XVII–XIX вв. мюльк находился в полной и неограниченной собственности хозяина. Он мог продать его, подарить, передать по наследству, завещать или передать мечети, уплатить за кровомщение, обменять с другим участком или на что-нибудь и т.д. «Полная, свободная собственность на землю, – писал Ф. Энгельс, – означала не только возможность

1 Полевой материал, собранный нами в 1962–1966 г.

2 Там же. Список жителей сел. Усиша, владеющих сенокосными участками с указанием местности и размеров. Подлинник на арабском языке. Документ любезно представлен в наше распоряжение А.С. Омаровым.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей».¹

Право отчуждения с юридической точки зрения составляет важнейшую составную часть права собственности. Однако более отсталая в своем развитии сельская община все еще стремилась ограничить право отчуждения и тем самым как-то определенным образом регулировать частное землевладение.

По адатам Усишинского джамаата с того, кто продавал свой пахотный участок иносельцу, взыскивался штраф один бык. Штраф взыскивался даже с того, кто ходил в другое селение назначать цену своему участку.²

Даже в XIX в. не одобрялась продажа мюлька иносельцу. По сообщению старожил сел. Мекеги Левашинского района Кемберова Шихбана в период его детства дядя его (брат матери) продал свой мюльк одному жителю сел. Мулебки, за что джамаат постоянно упрекал его.³ Но общинники все же продавали свои мюльки кому хотели. Подтверждается это как фактом наличия в общинах «пришлых», имеющих в собственности свои мюльки, так и наличием в собственности иносельцев отдельных земельных участков. Так, в Гапшинском джамаате было несколько десятков хозяев «пришлых», имеющих в собственности свои мюльки; в Усишинском джамаате известны по сохранившимся сведениям «хайдаканы», т.е. выходцы из Кайтага, имевшие в собственности наряду с другими общинниками пахотные и сенокосные участки;⁴ в Мугинском обществе еще задолго до исследуемого периода один участок земли принадлежал кубачинке, который она впоследствии пожертвовала в пользу мугинской мечети.⁵ В сел. Мулебки есть участок, который называется «Хйябшиман хъу», т.е. пахотное поле гапшиминца.⁶

1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 167.

2 Коллекция арабских рукописей. Усишинские адаты до присоединения к России. Документ обнаружен в сел. Усиша в 1959 г. А.С. Омаровым и любезно представлен в наше распоряжение.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

4 Коллекция арабских рукописей. Усишинские адаты до присоединения к России. Документ обнаружен в сел. Усиша в 1959 г. А.С. Омаровым и любезно представлен в наше распоряжение.

5 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

6 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

Все это говорит о том, что стремление общины ограничить отчуждение земельной собственности за пределы сельской общины являлось лишь показателем пережиточной сохранности некоторых черт архаической формы пользования в частном землевладении. Но это не меняло существа дела. Хозяин мюлька являлся собственником в полном смысле слова, а не владельцем, что было характерно при полном господстве общинной собственности.

Наличие частной собственности на землю с правом отчуждения являлось главным источником сосредоточения одной группой членов джамаата больших участков земли и обнищания другой части, т.е. была базой возникновения социальной градации – роста имущественного неравенства внутри общины, выделения в ней господствующей верхушки над остальной массой общинников.

Обнищание одних и сосредоточение в руках других членов общины больших земель было связано с тем, что если при совместном владении землей большая семья вела одно хозяйство, то после раздела земли между отдельными семьями в то время как одни из родственников вынуждены были продавать свои участки, другие имели возможность покупать их.

В частной собственности обычно находилось несколько участков. Вследствие особенностей природных условий, как и у других горцев, эти участки были небольших размеров и разбросаны в разных местах. Так, многие общинники Усишинского джамаата имели сенокосы на всех трех указанных выше местах, известных под названием «Гъубши хIаркI», «Шургъи» и «Мижара».¹

Особенностью частной собственности на пахотные участки являлось и то, что они, как правило, были расположены непосредственно вблизи населенных пунктов. Объяснялось это тем, что эти участки раньше всего были окультуриваны и превращены в частную собственность. Так, в сел. Мекеги частные пахотные участки находились в местностях «Шарала хъяб» и «ХIябрала гIилала», **которые прилегали к селению.**²

Мюльки в Гинтинском обществе были расположены не далее 1 км от селения, гапшминцев – на расстоянии 0,5–2 км, бутринцев – на расстоянии 0,5–1,5 км, тантинцев и верхнемулебкинцев – на расстоянии 0,5–3 км, усишинцев – не далее 4 км и т.д.³

1 Список жителей сел. Усиша, владеющих сенокосными участками с указанием местности и размеров.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

3 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

Второй формой собственности на землю являлась мечетская земля, которая называлась «вакуфом». Возникновение у даргинцев вакуфов, как и у других народов Дагестана, связано с проникновением ислама. Но в то же время вакуф мог возникнуть только в условиях наличия свободно отчуждаемой земельной собственности, когда хозяин земли мог по своему усмотрению и желанию распоряжаться ею. Источником возникновения вакуфа являлось завещание верующим в собственность мечетей пахотных и сенокосных земель. В одних случаях хозяин мюлька завещал в пользу мечети с известного участка земли определенную часть урожая. В других случаях собственник мюлька завещал мечети либо определенную часть земли, либо весь мюльк.

В вакуф, видимо, по решению джамаата могли быть переданы и отдельные участки из общинных земель. Об этом говорит факт наличия в собственности некоторых мечетей отдельных участков леса, хотя все мечети, где имелся общественный лес, имели неограниченное право пользования им. Известно, например, о наличии леса в собственности Цудухарской мечети, пользование которым было запрещено адатом.¹

Количество вакуфных земель по сравнению с частновладельческими и общинными землями в Акуша-Дарго было незначительным.

Однако они имелись почти во всех общинах. Притом отдельные мечети имели довольно много участков. Расположены были мечетские земли на тех же землях, где находились и мюльки. Так, в Акушинском джамаате все мечети имели земли в местностях НяхИкула, Жиргъичила, Ругерла, Хенкъла гъуни, Халашихъар, Гъялакила къякъ, ЯнцIарабехIла гъалала, МяхIянила, Дубеж, ХIяббугI, Шуллаичила, Къадарги. Наибольшее количество участков находилось в собственности мечети нижнего аула, которую называли «Тумкъя мижит», т.е. *маленькая мечеть*.² В Усишинском джамаате мечетские земли находились в местностях ХIяттахIанна гIелала, в ЧебяхIша, Гъазимирзала бархъ, НикIа урцIала, ГIела къадди, Дигагу, Шялли, Шукъубе.³ Кроме того, в собственности главной мечети находилась пастбищная гора Каркец.⁴ В Мугинском джамаате мечетские земли находились в местностях ГIямилиан, КIидехIпин, Гъалиял, Ичейла къадди; в Бутринском обществе – в местностях Гъумрала, Мизла урцIала хъяб, Къучрала, Диркъа хъуала, ГIямузила; в Гинтинском обществе – в

1 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 123.

2 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

3 Там же.

4 Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Кайковичу. Подлинник на арабском языке.

местностях БехІна хъуга, Шилингъираб, Хъани, Дузани, Къучригъира; в Верхнемулебкинском обществе – в местности Багърукъа и сенокос под названием Вакула мура на 40–50 арб сена; в Шуктинском обществе – в местности АмхІямура и т.д.¹

Каждое завещание записывалось в мечетских книгах. Однако в результате того, что почти все книги на арабском языке были уничтожены в конце 30-х годов до нас сохранились только отдельные записи. Так, например, известно, что гора Каркец завещал мечети сел. Усиша житель его Табакан Ахмед.² Участок в местности Гъалиял на 2 мерки засева в сел. Муги завещал мечети житель его БабяхІ, а участок в местности Ичейла къадди в этом же селении завещал мечети житель его Ичей и т.д.³

Характерной особенностью мечетской собственности на землю являлось то, что вакуфы не подлежали дележу и отчуждению, не могли быть проданы кому бы то ни было. Вакуфы – это земли, которые навечно передавались в собственность мечети. Они могли быть переданы в аренду на условиях уплаты мечети 0,5 части урожая или сена. Сдача вакуфа в аренду осуществлялась не только по решению джамаата или духовенства. В ряде случаев жертвующие выдвигали свои условия дарения земли в пользу мечети. Так, житель сел. Усиша Табакан Ахмед завещал мечети указанную выше гору «Каркец» с условием, чтобы ее сдавали в аренду, а за полученную арендную плату ежегодно покупали 20 баранов, мясо которых раздавали бы жителям села в пятницу в мечети.⁴

Обработка и сбор урожая с вакуфных земель, не сдаваемых в аренду, поручались членам джамаата. Решения на этот счет принимались на сельских сходах. В больших же населенных пунктах, где бывало, как правило, несколько мечетей, расположенных в каждом квартале, следовательно, и столько же вакуфов, решения кому поручить уход за вакуфом принимались на сходах этих кварталов.

Завещанные мечети земли считались собственностью (мюльком) ее. Поэтому они и способствовали постепенному экономическому усилению мечетей и крупного духовенства. Хотя доходы с вакуфных земель должны были расходоваться на религиозные и благотворительные цели (на содержание мутаалимов, оказание помощи обнищавшим членам

1 Полевой материал, собранный нами в 1962-1966 гг.

2 Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Кайковичу. Подлинник на арабском языке.

3 Приложение к рукописи книги Аль-Газали «Аль-Ихья улум-ад-Дин», хранящейся у жителя сел. Муги Закаригаева Магомед-Запира.

4 Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Кайковичу. Подлинник на арабском языке.

сельской общины и т.д.), однако на практике большая часть их поступала в распоряжение служителей мечети, под общим ведением которых и находились земли и имущество мечети.

Третьей формой землевладения являлась тухумная. Тухумная собственность на землю известна у даргинцев под названием «тухумла ван-зурби» и «тухумла мюльк», что означает в буквальном смысле «тухумные земли», «тухумная собственность».

Тухумная собственность сохранилась не везде и в исследуемый период она выступала как пережиточная форма землевладения периода родоплеменного строя.

Находились в тухумной собственности как отдельные участки пахотных полей, так и сенокосы. Имеются сведения о том, что некоторые тухумы владели сенокосными горами. Народные предания сохранили названия отдельных гор, которые произошли от тухумов. Так, одна из возвышенностей, расположенная по дороге, ведущей из сел. Усиша в сел. Верх. Мулебки, называется «Къянала муза». Название это произошло от владельца его – тухума «Къянахъали».¹

Главным источником образования тухумной собственности на землю в период господства общинного землевладения являлось выделение из общинной земли собственности близкородственной группы людей, которая сама своим личным трудом в борьбе с суровыми условиями природы «окультивировала» эту землю.

А в исследуемый период, когда еще имелось пережиточно сохранившееся общинное землевладение, такой основой являлся передел общинной земли между тухумами, в результате чего определенные участки земли со временем закреплялись навсегда за теми или иными тухумами. Превратившись таким образом в тухумную собственность, эта земля делилась на разные части и перераспределялась через определенный срок между всеми хозяйствами данного тухума.

Тухумная земельная собственность вместе с наличием частной собственности на пахоту и сенокос, в условиях пережиточно сохранившихся общинных земель, являлась одним из показателей и формой проявления процесса разложения общинной собственности на землю и самой общины. Указывая на подобные процессы, К. Маркс писал, что «более тщательное изучение азиатских, в особенности индийских, форм общинной собственности показала бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения».²

¹ Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

² Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 20.

Следовательно, тухумное землевладение выступает здесь как промежуточная ступень между общественной и частной собственностью на землю.

В то же время тухумная собственность являлась пережитком коллективной собственности на землю. Если по отношению к общинной собственности она выступает как частная собственность, то по отношению к индивидуальному хозяйству являлась общественной собственностью.

Наличие тухумной собственности, как разновидности собственности определенного коллектива, являлось следствием замедленности социального развития, в условиях чего как раз и невозможно было, даже при наличии частной собственности, немедленное прекращение притязаний его (тухума как коллектива) на землю. Одним из факторов сохранности тухумного землевладения являлось малоземелье, в условиях чего и разложение самого тухума, как пережиточного института кровно-родственной организации шло медленными темпами, чем в тех местах, где было достаточное количество удобных для обработки земель.

Четвертой формой собственности на землю являлись джамаатские земли (джамагІятла ванзурби), т.е. те земли, которые находились в собственности всех членов общины. Сюда относились главным образом пастбища, сенокосы, леса и отдельные участки пахотной земли во многих сельских общинах. «У горцев Дагестана, – писал М.М. Ковалевский, – как и у лезгин Закатальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоте и лугам. Никто не вправе делать заимки в общинной пустоше и лесе, не получив на то предварительного согласия всей общины».¹

В Акуша-Дарго существовали четыре категории общественных земель. Основным видом общественных земель являлись те земли, которые находились в пользовании всех членов одного джамаата. Этот вид собственности характерен для всех обществ, входящих в состав союза.

До наших дней сохранились названия многих сенокосных участков, которые являлись собственностью джамаата. В селении Муги таких участков было три, которые назывались: ГІинзурбала барг, Къяцабургъан и Шинжур; в Акушинском обществе – МягІяра, Лесикай, Къямбец и ЧургІила; в Цудахаре они имели общее название «Джамаатла мурби» (джамаатские сенокосы), а также свои отдельные названия, как, например, Бурти-мурби, Алугъни, ЧебяхІражи и т.д. В Мекегинском джамаате

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. М., 1890. С. 62.

общественные горы до сих пор известны под названием Мурбела дубура, Тинбайла дубура, **ХІакъала дубура** и т.д.¹

В Гапшиминском обществе общественные пастбищные и сенокосные земли находились в местностях, известных в народе под названием БайбикІ, **Хъардиркъа**, **Энеулала** и **Камдуц**² Гъумричила, АнкъибяІ, **КІа-нибуцІан**, **Гъамил-гІая** и **Харакил-гІая**.³

Хотя в ограниченном количестве, в собственности общин имелись и пахотные земли. Как и другие общинные земли, они, как правило, были расположены дальше частных земель-мюльков. Так, в Акушинском обществе пахотные участки, находившиеся в собственности всего джамаата, были расположены в основном около территории нынешнего селения Урхучи-махи. Назывались эти участки Шантала мер (буквально общественное место), Куцъиша, МягІярала мер, **Лесикай**, **ЧургІила**, **Гумридуц** и т.д.⁴ В Шуктинском обществе джамаатская пахотная земля находилась рядом с нынешним селением Цулেকани; в Усишинском джамаате – в местностях **БурхІегІиниз**, **ЦукІнала** и **ХІекъламуca**; **в обществе сел. Гапшима** – в местности Шилиулала, т.е. буквально внизу селения,⁵ **Шила бурхІила**, **Баржи дарчила**, **Гъунчи гъунила**, **Цубкъаркъала**.⁶

В общинной собственности джамаатов находились и леса. Такие леса имелись у акушинцев, шуктинцев, мегвинцев, гапшиминцев, тантинцев и уллучаринцев.⁷

Вторым видом общественных земель являлись те земли, которые находились в пользовании нескольких сельских общин, входивших в состав союза. Это прежде всего сенокосные и пахотные земли. Сенокосные горы **«МагІярала»**, **«Лесикала»**, **«ЧургІила»**, **расположенные около** современного селения Дубри-Махи, принадлежали членам Акушинского общества. Но из этих участков получали наделы и жители селений Уллу-

1 Полевой материал, собранный нами в 1963 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375 (2).

2 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 128.

3 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

4 Никольская З.А. Этнографическое описание даргинского колхоза // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 21; Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

5 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 128.

6 Полевой материал, собранный нами в 1966 г..

7 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

гІяя и Хьар-Лябхьу.¹ По преданиям, селения Уллу-гІяя и Хьар-Лябхьу были основаны выходцами из селения Акуша.²

В совместном владении Гапшиминского и Тантинского обществ находились сенокос в местности «Чалтан» и пахотный участок в местности «Цубкьаркья». До сбора сена и урожая этими землями владели гапшиминцы, после сбора и вплоть до весны следующего года на них пасли свой скот тантинцы.³

В совместном владении двух или нескольких общин находились и леса. Так, вплоть до присоединения Акуша-Дарго к России «до Дешлага-ра... у даргинцев (жителей Акуша-Дарго. – Авт.) были леса общие».⁴

Третьим видом общественной собственности на землю являлось совместное владение землей со стороны всех союзов сельских общин, входивших в состав Акуша-Дарго. Таких земель, правда, было мало, но известно, что пастбищные горы известные под названием «Даргала дубура» (гора даргинцев) и «Урхьухъла дубура» (гора уркарахцев), являлись общими пастбищами Акушинского, Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цудахарского союзов сельских общин.⁵

Четвертым видом общественной собственности на землю являлось совместное владение пастбищными землями джамаатов верхнедаргинцев с отдельными общинами, входящими в другие политические образования Дагестана. Так, пастбищной горой «Дехъа» девять месяцев в году пользовалось Цудахарская община, а три месяца – Губденская община, которая входила в состав шамхальства Тарковского.⁶ Известно также, что в пользовании губденцев и верхнедаргинских общин находилась гора «Шамхалла дубура», расположенная недалеко от селений Дегва, Сергокала и Губден.⁷

Особым видом общественной собственности на землю являлись земли, которые были пожертвованы членами общины в благотворительных целях в пользу джамаата. Назывались они у верхнедаргинцев «мизла» или «музла»⁸ ванзурби. Кроме того, в Акуша они назывались еще «гІяр-гІяберж», в Гинта – «арчилис датурте ванзурби», а в Верхнем Мулебки

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

2 Там же.

3 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

4 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

5 ГУ «ЦГА РД». Ф. 21. Оп. 5. Д. 103; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

6 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

7 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

8 «Миз» или «муз» означает отречение и равнозначны урахинскому «хосарбат».

– «васиятла ванзурби». Это в основном пахотные и отчасти сенокосные участки, которые после пожертвования, как правило, превращались в общественные пастбища или пустоши, которые никто не имел права вспахать или присвоить себе. Такими участками в Акуша являлись «музла хъу» и «музла мур» в Верхнем ауле и участок около Панжука. В Мугинском обществе «мизла ванзурби» находились в местностях ХІябраула, Нугри кьада, Дубулла гъуни; в Гинтинском обществе – в местности Лаггази участок под названием Умукла арцне, ТяхІмаразла урцІа, Къапла урцІа в местности БяхІна хъуга и в местности Ванахъинна, диркъя; в Бутринской общине – в местностях Мизла урцІала хъяб, Цубугумила диркъя, ХІябхъунна бекІ, Къуграгъира; в Усишинской общине – в местностях Шялли, Мизла диркъя и Урхъила кьадди; в Гапшиминском обществе – в местности Хъарсани; в Шуктинском обществе – в местности Унцала хъар; в Мулебкинском обществе – в местностях БахІяла васият, ЯхІяла васият, Дигбукла кьаддила муза и ХІябкъяряк; в Тантинском обществе – в местностях Думдуцела и Хъумбадзила и т.д.¹

Из сохранившихся сведений известны и отдельные мюльковладельцы, которые пожертвовали свои земли в пользу джамаата. Так, в Мугинском обществе в местности Нугри кьада завещал джамаату участок пахоты на 6 мерок (барха) засева житель сел. Муги Къандар, а его односельчанин Укъяс завещал участок в местности Дубулла гъуни;² в Гинтинском обществе участок пахоты в местности Лаггази завещала джамаату женщина по имени Умук; в Бутринском обществе, согласно сохранившимся преданиям, лес завещал житель по имени Пагъливан; в Верхнемулебкинском обществе пожертвовали свои участки жители селения БахІя и Яхъя.³

«Мизла ванзурби» в исследуемый нами период являлись одним из источников увеличения общинной собственности на землю.

Возникновение этих земель относится к периоду появления и дальнейшего развития частного землевладения. Притом это было время, когда земля находилась только в наследственном владении, но не было еще предметом купли-продажи, что являлось следствием слабого развития производительных сил.

Поэтому-то земля, оставшаяся без наследника, переходила в непосредственную собственность джамаата.

1 Полевой материал, собранный в 1966 г.

2 Там же.

3 Там же.

С распространением ислама форма завещания приобретает иной характер. Теперь частная земельная собственность жертвуется джамаату не потому, что нет наследника и права отчуждения. Она жертвуется в пользу джамаата в благотворительных целях, за отпущение грехов и в надежде на лучшую загробную жизнь. Притом пожертвование в пользу джамаата совершается как при жизни собственника земли, так и при наличии наследника. Поэтому пожертвованные земли, как особый вид общественной собственности, в исследуемое время, сохраняя внешнюю форму архаической общинной собственности, в то же время изменили свое содержание.

Пользование общинной землей регулировалось нормами обычного права. Пользование пастбищами, как правило, во всех общинах было одинаковое, хотя в некоторых местах и были свои особенности.

Если селение было небольшое, то все члены джамаата имели право пасти свой скот на всех пастбищах. Если же селение было большое, то пастбищные места делились либо между кварталами (в основном), либо между тухумами, что опять-таки иногда совпадало с поквартальным делением. Так, в поквартальном пользовании общественные пастбища находились в Акушинском, Цудахарском, Усишинском и других больших общинах. В Акушинском джамаате место Дузанила находилось в пользовании квартала Дайшук; место Гъургъала бурхИи – в пользовании Хъаршука; место КавкагІямг – в пользовании Хъаршука и Панжука. В Цудахарском джамаате пастбищное место КІантІала принадлежало нижнему кварталу, а горой под названием Дубура пользовался верхний аул. На пастбище Къядани каждый квартал имел свой отдельный участок. Одна сторона горы, называемая Алугъни, являлась общеджамаатским пастбищем, где пасли быков всех равноправных членов джамаата.¹

Почти в каждом джамаате было определено в какой местности пасти стада коров, быков, телят, ослов и т.д. Так, в Муги волов пасли на пастбищах Хъар дубура, Хъар дубура и Гарала бяхІ, коров – на пастбище Къяла дубура, буйволов – на пастбище Буркья шинжир, бычков и лошадей – на пастбище Варасмайла бяхІ, телят – на пастбище Къачнала диркья.² В Тантинском обществе овец пасли в горах Магънаяла, Шамхалла сана, ЧубукІула, ГъялкІилух, Нухкилигула и Къунданияла, коров пасли на пастбищах ЦІишилияла, Пгяяла къадда и Къваддала гъакъла хъар, телят

¹ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

² Там же.

и ослов – на пастбищах Чухънегѣла, Къуйлудданила, Мирзадила, Холадуц, Умхѣла и Мурддала гѣва. В Верхнемулебкинском обществе стада коров пасли в местности Къандуки, волов – в Гинцѣлики, телят – в УбяхІ хІяруби, овец – в Хъаранела бяхІ и других горах.¹

Джамаат строго следил за пастьбой скота в установленных местах. За нарушение их взыскивались штрафы. Так, по адатам Усишинского джамаата даже, если теленка находили за пределами пастбища, где пасутся телята, с хозяина его брали штраф – одну малую мерку пшеницы.²

Под особым надзором общины находились горные пастбища. Община устанавливала сроки пастьбы скота на них. Перевод скота на горные пастбища и возвращение его домой производились всеми общинниками одновременно. Не разрешалось раньше установленного времени ни перевод, ни пригон скота с горных пастбищ домой. Кроме того, община устанавливала и количество скота, которое можно было держать дома в летние месяцы. Так, по адатам Акушинского общества в летние месяцы разрешалось держать дома не более двух баранов,³ по адатам Мекегинского общества – не более одного барана или козла,⁴ по адатам Мугинского общества – не более одного барана,⁵ по адатам Усишинского общества – один баран, который оставляется, чтобы зарезать для уважения почетных гостей.⁶ За нарушение установленных норм взыскивались штрафы и тургаки имели право зарезать не выгнанный на пастбища скот.⁷

Всё это вытекало как из опасения, что общинные земли будут объедены скотом, так и из необходимости предупреждения потрав частных земель.

Таким образом, пользование пастбищами находилось в прямой зависимости от величины община и от количества земли, находившейся в его пользовании.

В пользовании общественными сенокосами также были свои особенности. Наиболее общим для верхнедаргинцев являлось то, что обществен-

1 Там же.

2 Коллекция арабских рукописей. Усишинские адаты до присоединения к России. Документ обнаружен в сел. Усиша в 1959 г. А.С. Омаровым и любезно представлен в наше распоряжение.

3 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 42.

4 Там же. С. 57.

5 Там же. С. 69.

6 Коллекция арабских рукописей. Усишинские адаты до присоединения к России.

7 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 42, 57, 69, 109, 123.

ные сенокосы, как правило, через каждый год, перераспределялись между хозяйствами джамаата. Перераспределение производилось сельской администрацией путем жеребьевки. В селении Усиша общественные сенокосы делились по жребии между всеми 9 кварталами, а затем внутри кварталов делились по хозяйствам. В Бутринском джамаате также общественные сенокосы (Никла бяхI, Хала бяхI, Муркла, ШарлихIена и ГьаддахIли) через каждый год перераспределялись между 4 кварталами.¹

В некоторых обществах, как например, в Цудахарском в один из летних дней мангуш (глашатай) объявлял, что можно приступить к косовице и тогда каждое хозяйство косило столько сена, сколько оно могло.²

В виду ограниченности лесных массивов пользование лесом строго было ограничено. Так, в Мекегинском обществе только один раз в течение нескольких лет по решению кадия и старшин или джамаата по жребию определялось, кому какой участок леса можно рубить. До следующего дележа леса никто не имел права самовольно рубить лес. «За рубку леса без дозволения кадия и картов (старшин. – Авт.), – говорится в адатах этого общества, – взыскивается штраф в пользу джамаата один бык».³ А в Усишинском обществе с того, кто рубил зеленый лес, взыскивался штраф – одна мерка пшеницы,⁴ с того, кто выпускал в лес скот в пользу джамаата взыскивался один бык.⁵ В Акушинском обществе перед обзаведением самостоятельным домашним очагом разрешалось рубить из общественного леса, расположенного в местности Кумра-кьякья, 2 арбы дров жениху и 1 арбу дров невесте.⁶ В Гинтинском обществе через 5–7 лет делили по жребию деревья между всеми хозяйствами джамаата.⁷

Аналогичные ограничения в пользовании лесом имели место и в других союзах сельских общин. Леса охранялись общиной от уничтожения и «оберегались для мечетей и общественных надобностей нужных».⁸

Общественные земли не только делились между членами джамаата, но и по решению сельского схода могли быть отданы на определенный

1 Полевой материал, собранный нами в 1962-1966 гг.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

3 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. С. 57.

4 Коллекция арабских рукописей. Усишинские адаты (до присоединения к России).

5 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. С. 57.

6 Магомедов. Р.М. Указ. соч. С. 128; Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

7 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

8 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

срок в аренду одному или нескольким членам своей общины. Так, в Акушинском союзе сельских общин около современного селения Урхучимахи имелся участок общественной пахотной земли и камыш – ЧигГяра, которые отдавались в аренду местным жителям на 7 лет. Арендная плата, получаемая за них, шла на строительство мостов и дорог. Поэтому указанный пахотный участок назывался «гумила хъу» – мостовой участок (гуми на даргинском языке означает мост, хъу – пахотное поле, участок). А около современного селения Дубри-Махи в местности под названием «ЧургГела» находился общественный сенокосный участок, который также сдавался в аренду на 7 лет.¹

В Гинтинском обществе две пастбищные горы Кабкала хГяра и Гьумрила бекI каждый год сдавались в аренду местным барановодам за определенное количество овец, которых раздавали между всеми хозяйствами джамаата, включая и тех, кто арендовал горные пастбища.²

Кроме того, общественные пастбища и горы могли быть проданы другому джамаату. Но решение на этот счет не могли принять единолично административные лица. Так, по адатам Усишинского союза сельских общин, за самовольную продажу кадием или старшиной земли, принадлежащей джамаату, резали их быка. Для продажи горы необходимо было согласие двух третей джамаата.³

Общественные пахотные земли делились на части по числу хозяйств джамаата и по жребью распределялись между ними. В отдельных общинах общественная пахота делилась по кварталам. Передел общественной пахотной земли почти везде (Акуша, Усиша, Бутри, Мегва, Гапшина, Гинта, Шукты) производился через 7 лет.⁴

В более ранние периоды периодические переделы, очевидно, производились значительно чаще или даже ежегодно, ибо отправным пунктом общины более древнего типа являлся именно ежегодный передел земли и притом не между индивидуальными членами общины, а между родами и племенами. Ежегодные переделы – это признак устойчивости общественной собственности и самых общинных устоев. Община ограничивала право владения земельным владением общинника путем определения

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

2 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

3 Коллекция арабских рукописей. Усишинские адаты до присоединения к России.

4 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; Полевой материал, собранный нами в 1962-1963 гг.

величины его и небольшого срока, только в течение которого каждый член общины мог пользоваться этим наделом.

Удлинение же сроков переделов общественных земель свидетельствует об ослаблении общинной собственности, ибо теперь хозяин надела более длительное время без контроля со стороны общины мог распоряжаться им. До истечения срока пользования наделом общинник являлся его полновластным хозяином, но без права продажи, ибо в конечном счете – это общинная земля. Такая форма пользования общинной землей являлась переходной формой от коллективной собственности к частной, так как периодические переделы и главным образом удлинение сроков переделов приводили к окончательному закреплению участков общинной пахотной земли за членами общины. Как писал Ф. Энгельс, на определенной стадии развития «общины находят для себя все более выгодным прекращать переделы и превращать владение, переходящее от одного к другому в частную собственность», результатом чего являлось превращение общин «в обыкновенные села парцеллярных крестьян, сохраняющих общинное пользование лесами и пастбищами».¹

Именно аналогичный процесс протекал и на территории Акуша-Дарго, где в результате удлинения сроков передела земли община постепенно теряла контроль над ней, что происходило параллельно с усилением прав на эту землю со стороны ее владельцев. Форма пользования общинной землей в Акуша-Дарго отражала процесс разложения общины и дальнейшее развитие частной собственности.

Поэтому в исследуемый период, когда повсеместно на территории союза частная собственность на пахотную землю и сенокос являлась основным видом землевладения, в условиях господства соседской территориальной общины, общинная форма собственности на пахотную землю выступает как пережиточное явление периода родоплеменных отношений, когда «разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю» являлись господствующими факторами, характеризующими социально-экономическое устройство общества.

Ф. Энгельс указывал, что «там, где из общинной собственности возникла частная собственность отдельных крестьян на землю, этот раздел между членами общины... в большинстве случаев... совершался в полнее постепенно, и остатки общего владения были весьма обычным явлением».²

1 Энгельс Ф. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 332.

2 Энгельс Ф. Из подготовительных работ к Анти-Дюрингу // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 645.

Подобно этому и в Акуша-Дарго сохранились общинные земли. Однако необходимо отметить, что общинных пахотных земель осталось в незначительном количестве и не во всех обществах. Общинная земля «являлась только дополнением индивидуальной собственности».¹ Пай из нее служил лишь «придатком к основной частной земельной собственности – мюльку общинника».² Об этом говорят и материалы, собранные комиссией для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края Военно-народного управления.

Согласно данным этой комиссии в Акушинском обществе при разделе общественных земель двору доставалось на 2 саха³ пахотной земли, а покоса на арбу сена, в Усишинском обществе – около 3 саха пахотной земли и на одну арбу покоса, в Гинтинском обществе – на 2–3 саха пахоты, в Бутринском обществе – на 1 сах пахоты, в Хибинском обществе – покоса на один выюк ишака, в Гапшиминском обществе – на 2 саха пахоты и на 3 выюка ишака покоса.⁴

Поэтому в исследуемый период общественная пахотная земля не играла особой роли в хозяйстве верхнедаргинцев. К тому же, при разделе общественной пахотной земли, как будет показано ниже, лучшие участки переходили к сельским богатым. Следовательно, не может быть никакой речи о господстве в описываемое время на территории Акуша-Дарго общинно-родовой земельной собственности. Сельская община не имела прав на участки, находившиеся в собственности, т.е. на мюльки. В то же время здесь не наблюдается оформившегося феодального землевладения. Но нас не должно удивлять отсутствие в Акуша-Дарго феодальной собственности на землю в ее «чистой», «классической» форме, ибо из истории известно существование разнообразий форм такой собственности, как и форм феодальной зависимости. «Рождение феодализма, – как отмечает З.В. Удальцова, – это сложный и многоликий процесс, шедший у разных народов различными путями в зависимости от конкретно-исторических условий».⁵ Отсутствие крупного помещичьего барщинного хозяйства в Акуша-Дарго свидетельствовало о том, что феодальные отношения здесь в исследуемый период были еще недоразвитыми, незавершенными. Отсюда и отсутствие здесь «еще всей гаммы феодальных институтов».

1 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч.1. С. 471.

2 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 128.

3 Сах – мера измерения сыпучих продуктов объемом в 2,5-3 кг.

4 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9-10.

5 Удальцова З.В. Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых // Вопросы истории. 1965. № 2. С. 144.

Отсутствие крупного феодального хозяйства было характерной особенностью вообще для большинства народов восточных стран.¹

Ключом к раскрытию общественного развития Акуша-Дарго являлось указанное выше сочетание личной собственности со специфическими формами первоначальной собственности, сохранившаяся в пережиточном виде как следствие все еще низкого уровня развития производительных сил. Основной причиной замедленного развития феодальных отношений в Акуша-Дарго являлись специфические особенности производства и существование сильных сельских общин со свободными общинниками, представляющие наиболее многочисленный слой населения, что опять-таки говорит о недоразвитости феодальных отношений и нечеткости социально-классовой дифференциации в даргинском обществе.

Этим обстоятельством объясняется и нечеткость, и замаскированность феодальной эксплуатации.

В исследуемый нами период в Акуша-Дарго характерным являлось сочетание больших мюльков, принадлежащих феодализирующейся знати, с собственностью свободных общинников. Сосредоточение в руках феодализирующейся знати больших земельных владений происходило как за счет захвата пахотоспособных общинных земель (хотя этому и препятствовали общинные традиции и правила), так и за счет присвоения выделенных джамаатом в их пользовании за исполнение административной работы участков земли и приобретения их путем покупки мюльков разорявшихся общинников-односельчан. Этим объясняется и то, что

1 И.П. Петрушевский, исследуя земледелие и аграрные отношения в Иране, писал, что господство крупного феодального землевладения здесь, «как и в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока, отнюдь не означало существования крупного собственного хозяйства феодалов. Того разделения пахотных земель и лугов на господскую землю (*terra dominica*) и крестьянские наделы, которое столь характерно для феодального поместья стран Западной Европы, а равно и России в средние века, в Иране и сопредельных странах мы не находим. В источниках нет никаких упоминаний о существовании здесь большого собственного, иначе господского, зернового хозяйства, основанного на барщинном труде. Здесь общим правилом было сочетание крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием, общинным и индивидуальным... Земли любой категории феодальной собственности, будь то государственные (диванские) или вакфные, икта или мюльк, были только сочетанием многих парцеллярных участков... Этим отсутствием крупного собственного хозяйства помещиков феодального общества Ирана, равно как и арабских стран, турецкой Малой Азии, Средней Азии, отличалось от развитого феодального общества Армении, где, например, в IX-XI вв., наряду с мелким крестьянским землепользованием, существовало и крупное хозяйство феодалов». (Петрушевский И.П. Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л., 1960. С. 284).

землевладение феодализирующей знати являлось сочетанием многих «парцеллярных участков».

К сожалению, мы не располагаем письменными сведениями о всех сельских общинах федерации. Но на основе имеющихся сведений об отдельных общинах мы можем представить картину в Акуша-Дарго в целом, ибо в своем развитии общины союза мало чем отличались друг от друга. Возьмем для примера положение, которое было в Усишинской общине. Согласно сохранившемуся списку собственников сенокосных участков одни общинники имели участки стоимостью всего в полбарана или даже в пол-ягненка, в то время как отдельные представители, т.е. сельская верхушка, имели сенокосы стоимостью в несколько десятков баранов. Так, Вали-Магомед, сын Нурмагомеда имел в собственности участок стоимостью в 1 барана в местности Мижар совместно с Даудом; Ника-Гаджи сын Чара – участок в местности Мижар совместно с Магомедом, сыном Бейбулата стоимостью 1 барана; Али, сын Багатыра – участок стоимостью 1 барана совместно с Магомедом, сыном Магомед-Али; Малла, сын Зуда – участок стоимостью 1 барана в местности Гъубши **хIаркI совместно с Ника-Магомедом, сыном Сулеймана-Кади; сыновья Малла-Али – участок стоимостью ягненка; Магомед, сын Абдуллы и сыновья Али б. Халим – участок стоимостью в 2 ягнят в местности Мижар; Дауд – участок стоимостью 1 ягненка совместно с Ника-Гаджи в местности Мижар; Араби сын Бита – участок стоимостью ягненка в местности Мижар; Алибек – участок стоимостью ягненка совместно с Гаджи-Али в местности Мижар; Али-Гаджи – участок стоимостью ягненка совместно с Магомед-Расулом в местности Мижар; Багома, сын Араби – участок стоимостью ягненка совместно с Али, сыном Халила в местности Мижар; дочери Хибан-Гаджи – участок стоимостью ягненка совместно с Магомед-Али, сыном Кучука в местности Мижар; Магомед сын Ахмада-Гаджи – участок стоимостью ягненка в местности Гъубши **хIаркI; Магомед, сын Гасан-Али – участок стоимостью ягненка совместно с Ника-Магомедом, сыном Сулеймана-Кади в местности Гъубши хIаркI; Абакар, сын Гаджи-Багомы – участок стоимостью ягненка совместно с Магомедом, сыном Исбата в местности Гъубши хIаркI; Магомед сын Беибтулата – участок стоимостью ягненка совместно с Гаджи, сыном Багомы в местности Ширгъа; Муса-Гаджи – участок стоимостью ягненка совместно с Али, сыном Идриса в местности Мижар.****

Первым богачом Усишинского джамаата являлся Алибек, сын Талхъан-Гаджи, который имел в собственности следующие сенокосные участки: стоимостью ягненка и барана совместно с Патимат – женою

Магомед-Кади в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Кади в местности Ширгъа; стоимостью ягненка совместно с Магомедом, сыном Нурмагомеда; стоимостью ягненка совместно с Ахсабар-Гаджи в местности Ширгъа; стоимостью ягненка совместно с сыновьями Махмуда б. Малик в местности Мижар; стоимостью барана и ягненка совместно с Омаром, сыном Албата в местностях Ширгъа и Мижар; стоимостью барана совместно с Али-ханом в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Гаджи, сыном Албана в местности Гъубши хIаркI; **стоимостью барана совместно с Патимат – дочерью Магомеда** в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомедом, сыном Араби; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Кади; стоимостью барана совместно с Хусейном, сыном Булата в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомед-Али, сыном Магомеда б. Кучак; стоимостью барана совместно с Магомедом-Алаша, сыном Булата в местности Ширгъа; стоимостью ягненка совместно с Али-Ханом в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Араби в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Хаджи, сыном Магомед-Гаджи, братом Муса-Кади.

Магомед-Расул сын Ахсабар-Гаджи имел в собственности следующие сенокосные участки: стоимостью барана совместно с Даудом в местности Ширгъа; стоимостью барана совместно с Багдави в местности Ширгъа; стоимостью барана совместно с Омаром в местности Ширгъа; стоимостью 2 баранов в местности Ширгъа; стоимостью барана совместно с Алданом в местности Ширгъа; стоимостью барана совместно с Гасан-али в местности Гъубши хIаркI; **стоимостью барана в местности Гъубши хIаркI; стоимостью барана совместно с Пача-Магомедом в местности Мижар**; стоимостью ягненка совместно с Даудом сыном Ших-Али в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Ника-Гаджи в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Алибеком в местности Ширгъа; стоимостью барана совместно с Магомедом, сыном Бейбулата в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Гаджи-Али в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с женою Гаджи, сын Мурзака.

Ника-Гаджи имел следующие сенокосные участки: стоимостью барана и ягненка совместно с Магомедом, сыном Кади в местности Мижар; стоимостью ягненка и барана совместно с Даудом, братом Кади в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Али, сыном Кучака; стоимостью барана совместно с Даудом в местности Ширгъа; стоимостью ягненка совместно с Алки-Магомедом.

Патимат – жена Ника-Магомеда б. Сулейман Кади имела следующие участки: стоимостью барана в местности Гъубши **xIapKI** совместно с Гусейном, сыном Булата; стоимостью ягненка с ним же; стоимостью ягненка совместно с Ника-Гаджи в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Али, сыном Кучака; стоимостью барана совместно с Муллой, сыном Зуда в местности Гъубши **xIapKI**; **стоимостью ягненка** совместно с Магомедом, сыном Гаджи-Али в местности Гъубши **xIapKI**.

Дауд-Кади имел следующие участки: стоимостью барана совместно с сыновьями Гаджи-Аксабара в местности Ширгъа; стоимостью барана совместно с Ника-Гаджи; стоимостью барана с Ника-Кади в местности Мижар; стоимостью 2 баранов в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомедом, сыном Магомеда в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомед-Кади в местности Гъубши **xIapKI**; стоимостью барана совместно с сыновьями Магомед-Али б. Сулейман; стоимостью ягненка совместно с сыном Чара.¹

Сосредоточие в руках общинной знати больших земельных владений происходило за счет покупки мюльков общинников, т.е. своих односельчан. Этим и объяснялось то, что землевладение феодализирующей знати в этих союзах являлось часто сочетанием многих «парцеллярных» участков. В то время как хозяйство основной массы узденства велось на одном или нескольких небольших участках, хозяйство верхушки общины состояло из нескольких десятков полей. Богачи увеличивали земельные владения и за счет захвата общинных земель и присвоения земельных участков, выделенных джамаатом в их пользование за выполнение ими административных функций. Именно союзная и общинная администрация выступала в качестве выделившейся знати, сосредоточившей большие земельные владения и скот и превратившей во многих местах должности старшин и кадиев в наследственные. Так, акушинский кадий, власть которого была наследственной, имел в собственности лучшие земли, отторгнутые от общинных земель и полученные его предками от казикумухского шамхала. Акушинский джамаат выделил для кадия союза и специальные сенокосные участки². Недовольствуясь этим Магомед-кади Акушинский купил еще за 4 тыс. руб. пастбище под названием

¹ Список жителей сел. Усиша, владевших сенокосными участками с указанием местности и размеров участков. Документ представлен в наше распоряжение А.С. Омаровым.

² ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 90.

Бебут утбулак ¹. Это говорит о том, что акушинский кадий являлся не только крупным землевладельцем – собственником «больших и крупных имений»,² но и владельцем больших стад крупного и мелкого рогоатого скота. Известно, что в числе 14 тыс. овец акушинцев, которые паслись в Тарковском шамхальстве в 1844 г., 3600 принадлежали Зухум-кадию Акушинскому ³.

Разбогатевшая общинная знать становилась мелким эксплуататором, в чем и состоял процесс феодализации общества. Поэтому общинная знать находилась в двойственном положении: формально это – уздени и в то же время – эксплуататоры.

Внешне вроде и не было разницы между владельцами больших земель и малоземельными общинниками. И феодализирующаяся знать, и рядовые члены общины имели одинаковые права по отношению к своей собственности. Иначе говоря, маленькие и большие мюльки, как форма земледелия, не отличались друг от друга. И поэтому владельцы их также противостоят друг другу не как эксплуататоры и эксплуатируемые, а как собственники многих и больших мюльков и маленьких мюльков. Однако по существу, по форме пользования мюльки свободных общинников и мюльки феодализирующейся знати, как и их владельцы (хотя те и другие и назывались независимо от этого свободными узденями), это две разные категории земель. В первом случае – это земли, непосредственно обрабатываемые своими собственниками – свободными общинниками – узденями, во втором же случае – земли, в обработке которых применялась и чужая рабочая сила – труд рабов и юридически свободных, но обнищавших общинников, лишенных всякого имущества, как с помощью взаимопомощи, так и путем сдачи части земли в аренду – издольная система.

Все это говорит о том, что не может быть и речи о господстве в Акуша-Дарго родового строя. Основной линией развития являлось становление и развитие феодальных отношений.

Родовое общество у верхнедаргинцев распалось задолго до исследуемого периода. На смену родовой организации пришла организация территориальная. В Акуша-Дарго издавна был развит институт частной собственности как следствие материальной обособленности производителя. Поэтому в XVII–XIX вв. не было никакой общеродовой собственности,

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 326. Л. 197.

² ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп.1. Д. 7. Л. 9.

³ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 456-457.

характерной для родового строя. Частная собственность на землю являлась показателем глубокой дифференциации общества, под воздействием чего стали исчезать черты патриархально-родового строя.

Наличие частной собственности на землю с правом продажи, завещания, передачи ее по усмотрению и желанию собственника являлось базой появления крупных землевладельцев, имеющих в то же время большие стада скота и имущество. Возникшее же на основе частной собственности на землю индивидуальное, парцеллярное хозяйство свидетельствовало о том, что производительность труда повысилась по сравнению с родовым строем до такого уровня, при котором было возможно образование прибавочного продукта, а, следовательно, и захват этого продукта и эксплуатация человека человеком. В результате всего этого нарушается экономическое и основанное на нем социальное равенство. Это уже не первобытное общество, где не было бедных и нуждающихся, где «коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне», где «все равны и свободны, в том числе и женщины» и где нет еще рабов и порабощения чужих племен.¹

Равенство, основанное на равных имущественных отношениях, давно исчезло в Акуша-Дарго.

Основное, чем характеризовалось положение человека, являлось наличие в собственности движимого и недвижимого имущества, отношение его к средствам производства и главным образом к земле. Частное землевладение являлось определяющим моментом, главным фактором общественного развития верхнедаргинских союзов сельских общин в XVII–XIX вв. **Именно в связи с этими изменениями, произошедшими в формах собственности на землю и начинается коренное изменение экономических и социальных отношений внутри джамаата.** Имущественная дифференциация зашла настолько глубоко, что выделялись не только бедные и богатые семьи, но и зажиточная верхушка населения, которая систематически расширяла свои земельные участки за счет ущемления интересов и прав основной массы свободных общинников. «Предпосылкой для присвоения» сельской знатью дополнительных земель являлось их «членство в общине».² Поэтому, хотя в Акуша-Дарго и не было, как в других развитых феодальных владениях, открытой феодальной сословной иерархии, но зато здесь уже налицо сложные социальные отношения,

1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 170.

2 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 473.

основанные на экономическом и политическом неравенстве не только между тухумами, но и внутри самой этой родственной группы людей.

Трансформация общества началась еще в период начала распада дофеодальной (родовой) системы землевладения и возникновения частной собственности. В процессе складывания классовых отношений нарушается соответствие свободы и собственности. По адатам все члены общества считались равными и свободными. Свобода непосредственных производителей все еще охраняется системой общинных отношений. Но налицо резкое имущественное неравенство. Отсюда и то несоответствие сословного разделения общества с имущественным и правовым положением членов джамаата, ибо все они независимо от их богатства и правового положения входили в одну категорию и считались свободными узденями. Это обстоятельство и отсутствие письменных источников о превращении общинной знати в собственников больших земель и огромного количества скота, т.е. фактических феодалов, как раз и порождало у исследователей неправильные, ошибочные представления о якобы позднем развитии феодализма или же о сохранении вплоть до Октябрьской революции первобытно-общинного строя.

Между тем, многообразие форм собственности на главное средство производства – землю вызывало и чрезвычайное разнообразие общественных отношений – пестроту социальной структуры и различные формы эксплуатации общинников.

§ 2. Социальный состав населения.

Дореволюционная историография Кавказа рассматривала население федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго как однородную массу свободных общинников. Однако это было ошибочное мнение, ибо здесь существовала своеобразная социальная иерархия, которая была обусловлена размерами земельных владений, количеством скота, а также политическими правами той или иной группы населения союза.

Во главе Акуша-Дарго стоял акушинский кадий, власть которого являлась наследственной в кадиевском тухуме.¹ Это был самый богатый тухум в Акушинском союзе сельских общин. В собственности акушинского кадия находились лучшие земельные участки, отторгнутые от общинных земель и полученных некогда от Казикумухского шамхала.² Кроме того,

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 34; ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8; ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 74; Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1878. Вып. VII. С. 128; Козубский Е.И. Памятная книга Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 11, 249.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

как отмечалось выше, Акушинское общество выделяло для кадия союза специальные сенокосные участки.¹ Следовательно, он являлся не только крупным землевладельцем – собственником больших и «хороших имений»², но и владельцем стад мелкого и крупного рогатого скота.

Кроме того, согласно сведениям, собранным комиссией для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестанской области, до присоединения Акуша-Дарго к России каждая община Сюргинского союза сельских общин давала акушинскому кадию в год по одному быку.³

Акушинский кадий получал различные поборы и во время свадеб, похорон, бракосочетаний по шариату, при разделе имущества, определенную часть заката⁴ и т.д.

В лице акушинского кадия и его фамилии создавалась определенная группа населения, которая принадлежала к самой привилегированной прослойке Верхней Даргинии.

Возникновение наследственной власти внутри одного тухума являлось наиболее ярким показателем развития имущественного и социального неравенства внутри Акуша-Дарго.

На следующей ступени социальной иерархии после акушинского кадия находились кадии союзов сельских общин – Цудахарский, Мекегинский, Мугинский и Усишинский. На территории своих союзов они являлись главными административно-должностными лицами. Так же как и акушинский кадий, они владели большими земельными участками и отарами овец, которые увеличивались из года в год.

Доходной статьей союзных кадиев являлись также штрафы, взимаемые за различные преступления. Кроме того, они «получали доходы от заката».

После кадиев союзов сельских общин по занимаемому общественному положению стояли старшины союзов, отдельные из которых, как и в других сельских общинах Дагестана,⁵ в силу их социального положения

1 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

2 Там же.

3 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

4 Комаров А.В. Адааты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 74.

5 Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 12; Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1956. Т. I. С. 57; Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – начале XIX вв. // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III. С. 115, 119; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 161.

избирались только из одних и тех же богатых и сильных тухумов, что приводило к наследованию этого права.

В ряде общин, согласно сохранившимся сведениям, старшинам выделялись в исключительное пользование специальные участки земли, которые не подлежали дележу или переделу и постепенно становились их личными и наследственными владениями. Так, в Цудахарском союзе сельских общин все 4 старшины (хулате) на горе «Шамхалла дубура» имели особое место под названием «Халамура» (большой покос), которым имели право пользоваться только они. В Мугинском обществе каждому из 4 старшин (кьатIанов) **из общественных покосов выделялись** дополнительные участки.¹ Шила халал Шуктинского общества в местности Гъургъаназила получал от джамаата дополнительный участок для выпаса коня.²

То же самое мы наблюдаем и в других общинах Дагестана. Так, старшины общества Утамыш получали земли и воды для полива в два раза больше, чем уздени.³ А старшины Агульской сельской общины до подчинения их ханской власти «пользовались общественным покосом».⁴

Эти дополнительные участки земли для административно-должностных лиц общин создавали как-бы прибавочный продукт за их общественно-полезные функции.

Административная знать пополняла свою земельную собственность и путем присоединения мюлька, оставшегося без наследника. Как правило, в их ведение переходили и мюльки, с которых определенная часть урожая была завещана мечети и после смерти владельца оставались без наследника.

Административные лица и в особенности старшины при переделе общинных земель наделяли себя и своих близких родственников лучшими – наиболее плодородными, большими и расположенными близко от селения участками земли.

Выделение такой зажиточной верхушки привело к тому, что равное право пользования общественной землей нарушалось. Это относится не

1 Полевой материал, собранный нами в 1963 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

2 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

3 Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1956. Т. I. С. 57.

4 ГУ «ЦГА РД». Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 2. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 161-162.

только к пахотной земле, но и к сенокосным участкам и пастбищам, ибо не все имели одинаковое количество скота.

Старшины и сельская знать имели сотни и тысячи голов скота, в то время как многие общинники либо вовсе не имели их, либо имели по несколько голов. Поэтому, хотя, согласно адатам, все члены джамаата могли пользоваться пастбищами, выгонами и сенокосами на одинаковых правах, в действительности это право превратилось в формальность, в фикцию для тех членов общины, которые не имели скота или имели его в небольшом количестве, ибо они не могли воспользоваться своим правом на равную долю в силу отсутствия у них скота.

Как указывал К. Маркс, «у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли – на овец например – это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»¹. И в Акуша-Дарго на деле оказалось так, что пай членов, не имеющих скота, оказывался захваченным теми, кто обладал большими стадами. В связи с этим представляет интерес и право весенней и осенней пастбы скота после сенокоса и уборки хлебов. После снятия урожая на мюльках имели право беспрепятственно пасти скот все члены джамаата. Фактически же этим правом могли воспользоваться те члены общества, которые владели большим количеством овец и крупного рогатого скота. В результате со временем за этими владельцами и закреплялось право пастбы скота. Особенно это наглядно видно на примере Тантинского общества, где, согласно неизвестно когда установленному адату, после уборки сена собственники сенокосов не имели права пасти скот на своих участках. Этим правом владели только местные крупные барановоды.²

Сосредоточению в руках одной части жителей общины больших земельных участков способствовал сам обычай и система раздела и передела общественных земель, которые узаконяли и поддерживали земельное неравенство внутри членов джамаата. Так, в Гапшинской общине все земли (кроме собственных мюльков) делились на три равные части по количеству кварталов (къатлов) селения, которые в свою очередь делились на такое количество участков, сколько было хозяйств в каждом квартале в отдельности. Однако количество хозяйств в этих кварталах было разное и в силу этого жителям маленького квартала доставалось больше земли.³

1 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ. Госполитиздат, 1940. С. 24.

2 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

3 Полевой материал, собранный нами в 1962-1963 гг.

То же самое мы наблюдаем и в Бутринском обществе. Здесь было четыре квартала (тухума), в которых было разное количество населения. У каждого квартала имелись свои сенокосы и угодья. Переход из одного квартала в другой не допускался. Поэтому уменьшение числа членов одного квартала приводило к увеличению пая земли у оставшихся членов тухума, так как, если даже в тухуме оставался один человек, все угодья тухума оставались у него.¹

Результатом такого передела общественной земли являлось нарушение права, по которому каждый член общины получал первоначально равную землю. В то же время это нарушение равенства означало замену родового принципа землевладения территориально-общинным, когда общинная земля делится не на равные доли, распределяемые между всеми членами племени независимо от пола, возраста и общественного положения, а между индивидуальными семьями, входившими в тухумы и составлявшими низовую хозяйственную ячейку общины.

Само собой понятно, что такая форма пользования общественной землей была выгодна зажиточной верхушке сельских общин и она использовала ее в своих интересах, поддерживала и сама проводила ее в жизнь.

Кроме всего этого, сельская знать добивалась принятия решений на сельских сходах о превращении отдельных участков общественной пахотной земли в пастбища или же в покос. Результатом таких мер могло быть то, что малоземельные общинники лишались дополнительных участков земли к основной земельной собственности – мюльку, что приводило к еще большему обнищанию их. Вместе с тем от этого выигрывали крупные собственники, владельцы крупного и мелкого рогатого скота, ибо они получали дополнительную и притом бесплатную кормовую базу.

Феодализирующая знать, будучи собственником больших и лучших мюльков, сосредоточила в тоже время в своих руках и богатство в виде разнообразного имущества. Происходил, говоря словами Ф. Энгельса, процесс, когда «всякое богатство, состоявшее из движимости, в тоже время, естественно, зависело от обладания землей и больше скоплялось в тех же самых руках, что и земельная собственность».²

Сельская администрация, согласно адатам, имела право налагать и взимать различные штрафы, которые до присоединения Акуша-Дарго к

1 Османов М.О. Поселения даргинцев в XIX-XX вв // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 108. Л. 60.

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Энгельс Ф. Франкский период. Переворот в аграрных отношениях // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 497.

России целиком шли на содержание старшин и других административно-должностных лиц.¹ Это в значительной степени способствовало еще большему обогащению знати за счет остальной части населения общины. Вот почему сельская знать стремилась присвоить право занимать административные должности.

Важным источником дохода феодализирующейся знати и административной верхушки, которые возглавляли походы, было присвоение военной добычи, состоящей из разнообразных вещей, ценностей, скота и рабов-пленников. Поэтому феодализирующаяся знать охотно принимала участие не только в походах феодальных владетелей Дагестана за пределы его – на Грузию, Азербайджан и т.д., но и в междоусобной борьбе, за что они получали определенное вознаграждение.

К привилегированному сословию даргинского общества относилось и местное мусульманское духовенство – сельские кадии и будуны. Духовенство имелось в каждом сельском обществе. В крупных джамаатах, где имелось несколько мечетей их было больше, а в маленьких сельских общинах – меньше. Поэтому важнейшие вопросы общественной жизни решались при непосредственном участии духовенства.

Духовные лица, как и все остальные члены джамаата, имели свои мюльки, размеры которых часто превышали обычные крестьянские мюльки. В то же время духовенство широко использовало мечетские земли – вакуфы. Они составляли основной источник доходов мусульманского духовенства. В вакуф однако относились не только пахотные и покосные земли, но и пожертвованный и завещанный в пользу мечети скот, предметы домашнего обихода (ковры, паласы и т.д.), продукты сельского хозяйства и т.д., которые поступали в непосредственное ведение духовных служителей.

Духовенство было заинтересовано в расширении вакуфа потому, что оно заведовало им и имело возможность пользоваться доходами с него, что не имели другие члены джамаата. Поэтому в Акуша-Дарго, как и у других народов мусульманских стран, институт вакуфа для духовенства «представлял... более интереса, чем для христианского духовенства имения, пожертвованные монастырям и церквям».²

Кадии и будуны получали определенные доходы во время раздела наследства, заключении шариатских браков, чтения корана над умершим, за принятие присяги по судебным делам, подлежащим разбирательству по шариату, за обучение детей в примечетских школах и т.д. Однако,

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

² Томара М. Ислам и земельная собственность // Атеист. 1930. № 58. С. 94.

кроме этих приношений, духовенство получало от населения и специально установленные кораном налоги. Каждый правоверный мусульманин обязан был вносить ежегодно в пользу мечети десятую часть годовой жатвы и сотую часть скота. Сбор этот назывался закатом и поступал в основном в распоряжение кадия и будуна.

Все эти доходы играли большую роль в экономической жизни духовенства и являлись как-бы «вознаграждением не только за чисто религиозные попечения», но и за участие в административном управлении сельской общиной.

Так как высокие духовные посты, в особенности в богатых мечетях, как правило, занимались только представителями имущих слоев населения, то эти сборы и налоги служили еще большему их обогащению.

Сообщение о закреплении за определенными фамилиями права занимать высшие духовные посты кадиев у народов Дагестана имеется в «Историческом обзоре действий русского правительства по устройству мусульманского духовенства за Кавказом», где речь идет о положении, сохранившемся вплоть до 50-х годов XIX в. В нем говорится, что «... между суннитами мы находим особенности духовного устройства... к числу таких особенностей должны отнести привычки сохранения духовных степеней в известных родах».¹

Речь здесь идет не только о таких кадиях, как акушинском и цудахарском, власть которых давно стала наследственной, но и местных кадиях, стоящих вместе со старшими во главе как отдельных сельских общин, так и их союзов. Поэтому право, по которому каждый член общества, знающий арабскую грамоту, коран и догмы шариата, мог вступить в духовное звание, на деле являлось формальностью.

Помимо указанных доходов, кадии и будуны, как и старшины Мугинского, Цудахарского и др. союзов сельских общин, получали и дополнительные пахотные и сенокосные участки из общественных земель. Так, в Акушинском союзе сельских общин будун получал от джамаата пахотный участок в местности Шуллайчила, в Усишинском джамаате будун получал сенокосный участок в местности Дигагула, в Верхнем Мулебки джамаат давал кадию сенокос под названием Ваккула мура на 40–50 арб сена.²

В ряде общин имелись еще и такие участки пахотных и сенокосных земель, которые были специально завещаны или же выделены джамаатом в пользу духовенства. Так, в сел. Гапшима до сих пор сохранились

1 РГВИА. Ф. ВУА. Коллекция 482. Д. 101. Л. 10.

2 Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

названия некогда принадлежавших духовенству участков земли, как «будунна хъу» – пахотное поле будуна и «къадила мура» – сенокос кадия.¹

В таких условиях, естественно, что духовенство старалось превратить свои должности в наследственные, ибо за наследниками сохранялись и эти земли.

Самой многочисленной группой населения Акуша-Дарго являлись лично свободные уздени. Однако узденство у даргинцев, как и у других народов Дагестана, в исследуемый нами период было не однородно. Термином «узденъ» в исследуемое время обозначались представители весьма различных слоев населения. Внутри узденства, как отмечалось выше, находились различные группы, отличавшиеся друг от друга не только по своему общественно-экономическому, но также правовому положению. Часть из них (кадии, старшины и другие сельские богатеи) владела большими стадами мелкого и крупного рогатого скота, земельными угодьями и имуществом, в то время, как основная масса узденства или имела только маленькие участки земли, не обеспечивавшие жизненные потребности, или же вовсе была лишена средств производства и попадала во все большую зависимость от узденской верхушки.

По данным комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края Военно-народного управления, к XIX в. **третья** часть жителей сел. Танти и Муги, более третьей части жителей Гинта, Бутри и Усиша, половина дворов сел. Уллучара, Хиба и Гапшима вовсе не имели своих мюльков.²

Разорение и обнищание самостоятельного и независимого узденя и рост крупного хозяйства богачей являлись следствием наличия свободно отчуждаемой частной земельной собственности и наступления феодализирующейся знати, при которых часть крестьян быстро теряла свою землю. «Там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, – писал К. Маркс, – ... там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может **лишиться** своей собственности, т.е. может лишиться того двоякого отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и **собственником**».³ Именно в силу изменения права собственности менялось и социальное положение узденей, нарушалась их бывшая свобода и многие

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

2 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 9-10.

3 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ. Госполитиздат. М., 1940. С. 28.

из них подверглись эксплуатации и вступали в различные отношения зависимости от феодализирующей знати.

Помимо того, что обнищавшие уздени подвергались эксплуатации со стороны наследственных кадиев, эксплуатировали их и сельские богачи. Подобно феодалам, они сдавали свои земли в аренду общинникам за известную часть урожая – или на половинных началах, или за обработки. Арендаторами являлись, главным образом, бедняки, безземельные или потомки обезземеленных узденей. Назывались они у даргинцев «хъубзури» – буквально пахари, работающие на поле.

Внешне, т.е. с формально юридической стороны здесь вроде и нет эксплуатации. На самом же деле под внешней оболочкой соглашения между землевладельцем и арендатором – безземельным или малоземельным узденем выступает эксплуатация, напоминающая издольную форму. Выражалась она в присвоении землевладельцем неоплаченного труда общинника-арендатора.

«Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный труд выкачивается из непосредственных производителей, – писал К. Маркс, – определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства».¹

Чем беднее был арендатор, тем больше подвергался он эксплуатации со стороны землевладельца, ибо последний мог навязать ему любые кабальные условия за аренду земли.

Эксплуатировала сельская знать рядовых общинников также под прикрытием патриархально-родовых обычаев. Проявлялась эта эксплуатация в форме родовой взаимопомощи, называемой у даргинцев «билхъа».² Выражалась она в том, что обедневшие родственники, а также рядовые члены общины бесплатно или же за угощение выполняли для богача различные сельскохозяйственные работы – сеяли хлеб, убирали и перевозили его в селение, пахали, косили сено, ухаживали за скотом, помогали в домашнем хозяйстве.

Все это аналогично тому, что было характерно и для народов Средней Азии и Казахстана, где бедняк, подвергавшийся эксплуатации со стороны сельских богачей, как правило, считал себя родственником и выполнял все работы для богатого сородича под видом оказания ему помощи.

1 Маркс К. Капитал. Госполитиздат, 1949. Т. III. С. 804.

2 Характерна была эта форма эксплуатации и для других народов Дагестана. У аварцев она была известна под названием «гвай», у лезгин – «мел», у лакцев – «машвора». (См. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 105).

В отличие от зависимых крестьян, которые обязаны были нести в пользу феодала различные повинности, свободные общинники считали неудобным, в силу сложившихся еще при родовом строе традиций, не участвовать в сельскохозяйственных работах, проводимых богатыми односельчанами, хотя зачастую они и не состояли в родственных связях.

Таким образом, «билхъа», будучи порождением родового строя, в условиях разделения общества на богатых и бедных из первоначальной формы родовой взаимопомощи, сохраняя эту внешнюю форму, фактически превратилась в средство закабаления сородичей и сельской бедноты и по своей сущности стала похожа на отработанную форму эксплуатации свободных общинников. «Это по существу повинность, – писал И.П. Петрушевский, – довольно обычная в условиях ранне-феодальных отношений».¹

Эксплуатировало рядовых общинников и местное духовенство. Выше указывалось, что мечетские земли – вакуфы не только отдавались в аренду (это чаще всего, видимо, происходило там, где было много мечетских земель) за определенную плату – часть урожая или сена, но и по решению джамаата бесплатно обрабатывались членами общины. Но находившаяся у кормила власти богатая верхушка общины, как правило, отдавала для обработки вакуфные земли рядовым членам общины. Такое применение труда свободных общинников также фактически являлось одной из форм эксплуатации, напоминающая отработочную ренту или повинность, которую отбывали рядовые члены общины – не только в пользу самой мечети, но и духовенства, ибо часть дохода с вакуфных земель шла кадиям и будунам.

Общинники обязаны были также бесплатно строить дороги к мечетским землям. В случае же отказа, с них взимали штрафы.²

Как и духовенство в лице кадиев и будунов, так и сельские богатеи, присваивая результаты чужого труда, фактически становилось эксплуататором рядовых общинников.

И все же к исследуемому периоду еще не сложился полностью особый эксплуатируемый слой, хотя и были известные предпосылки для этого (разорение и обнищание части узденства, правовая необеспеченность, гражданская неполноценность, приниженность и т.д.). И обнищавшиеся

1 Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934. С. 224.

2 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 13.

(хъубзуры) и беднейшие уздени лично свободны. Аренда ими земли у богатеев носила краткосрочный характер, и здесь нет внеэкономического принуждения, что говорит о слабости и незавершенности процесса классовообразования, протекавшего в условиях наличия ряда пережиточных институтов патриархально-родового строя и сильного сопротивления со стороны общины. Притом права узденей поддерживались и охранялись адатом и самой общиной. Однако, хотя здесь и нет юридического закрепощения, рядовые общинники становились зависимыми от сельской знати, ибо решающее значение в социальной действительности имел не закон, формально признавший личную свободу узденей, а право сильного, т.е. богатого, влиятельного и родовитого собственника.

Все это говорит о том, что поземельная зависимость рядовых – разорившихся и обедневших узденей от богатых землевладельцев и барановодов в сочетании с всевозможными формами эксплуатации их со стороны администрации и духовенства ставила их в положение основной массы трудящихся в средние века.

В Акуша-Дарго были и бесправные – рабы, называемые у даргинцев лагъами.

Это было своего рода домашнее рабство, которое, по определению Ф. Энгельса, «не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом».¹

Первоначальным и притом главным источником рабства у даргинцев, как и у других народов Дагестана, являлись пленники – ясыри. «Класс рабов..., – читаем в официальном документе, – образовался большей частью из пленных».² Но со временем война перестала быть единственным источником рабства. Нередко в рабов превращались неплатежеспособные должник и кровник, которые не в состоянии были возместить за ущерб пострадавшему.

«Эти два источника рабства, – писал М.М. Ковалевский, – известны были издревле и дагестанским горцам».³ Характерны были они и для даргинцев. Так, в Мугинском обществе находился ряд рабских тухумов, образовавшихся как из пленных, так и из обедневших членов джамаата. Среди них тухум «Арутихъали» находился в подчинении у самого богатого тухума «ГалгIялабулкьадархъали», который с первого получал

1 Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 451.

2 ГУ «ЦГА РД». Ф. 121. Оп. 2. Д. 7-а. Л. 3.

3 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Ч. 1. С. 226.

оброк. В Цудахарском обществе были известны рабские тухумы: Саркихъали, Даржахъали, КурехІхъали, Маликхъали, Гургихъали; в Акушинском обществе – Кабачайхъали, Гјяммайхъали и т.д.¹

Как видим, названия этих тухумов связаны не только с такими христианскими именами, как Саркис, Георгий (Гурги), но и с местными.

Все это еще раз говорит о том, что в рабство могли попасть не только захваченные на войне пленники, но и местные жители, которые являлись общищавшими членами джамаата, должниками, в силу чего и попадали в зависимость от богатой знати.

Принадлежали рабы главным образом общинной знати и первоначально не составляли особых родственно-семейных групп, а жили вместе со своими хозяевами. Но с увеличением численности рабов образовались целые рабские тухумы, поселенные отдельно от остальных полноправных членов джамаата. Так, в обществе сел. Цудахар рабы жили на краю селения – в местности под названием «Цилиддар».²

Рабы считались собственностью своих хозяев и обязаны были выполнять все их требования. Хозяин имел право продать раба, обменять его на что-либо, отпустить на волю и т.д. Рабы входили в состав движимого имущества и, как всякая вещь, переходили по наследству. На полях одной арабской книги, находящейся у жителя сел. Цудахар Муртузалиева Кутта, имеется запись, что после смерти Никла-Раджаба остались три сына. Они разделили все имущество между собой, после чего остался один бык, гумно и один лагъ. Их тоже разделили братья между собой: одному брату достался бык, другому – гумно и третьему – лагъ.³

Бесправие и приниженное общественное положение рабов по сравнению с остальной массой сельского населения нашло отражение и в адатно-правовых нормах, которыми руководствовались даргинцы. В адатах даргинцев говорится, что «за убийство кула или каравашки делается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство кулом кого-либо взыскание делается с владельца, и он делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кула из крепостной зависимости, и тогда кул, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы».⁴ Следовательно, при убийстве раба хозяин получал вознаграждение только как за вред, нанесенный его имуществу, в то время как убийца

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

2 Там же.

3 Там же.

4 Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 15-16.

узденя считался кровным врагом родственников убитого и до примирения подвергался кровомщению.¹

Если даже раба отпускали на волю, его рабское происхождение сохранялось за его потомками. Потомки вольноотпущенников, как и их предки – рабы были ограничены в правах. Так, в Мугинском обществе в мечети они не имели право во время молитвы стоять впереди узденей даже в том случае, если они становились учеными – арабистами. А в Цудахарском обществе даже лошадь владельца лагьского происхождения не приравнивалась с лошадью свободного узденя. Хотя во время скачек она приходила первой, хозяину ее не давали ничего, в то время как победившая лошадь узденя украшалась дорогими тканями и коврами, а хозяин ее получал от джамаата определенный сенокосный участок.²

Урезаны были они в правах бракосочетания – никто не выдавал за них своих дочерей и не вступал в брак с их девушками.

При освобождении рабы не получали от хозяина ни земли, ни скота, ни имущества. Как правило, не получали они и участков из общественных земель и только в отдельных общинах им выделяли незначительные земельные участки. Так, в Цудахарском обществе рабам было выделено место под названием «Абуччай», где находились пахотные и сенокосные участки.

Рабство не во всех общинах Акуша-Дарго было развито одинаково. В целом рабовладение было мелкое, так как большое число рабов не могло быть применено в хозяйстве жителей союза. Во многих общинах рабов захватывали, главным образом, чтобы получить выкуп с родственников его. Поэтому и освобождение их происходило быстрее. Служили они также источником больших доходов феодализирующей знати. Как и феодалы других владений Дагестана, они продавали рабов в центрах работорговли – Дерберте и Эндирее. В таких обществах, как Цудахар, Гапшима, Акуша, Муги рабство было широко распространено. Освобождение рабов здесь тянулось вплоть до второй половины XIX в. **В этих обществах, как указывалось выше, образовались даже целые рабские фамилии, отдельные из которых находились в зависимости от богатых тухумов.**

Таким образом, приведенные материалы показывают, что даргинское общество в XVII–XIX вв. **не было по своей социальной структуре однородно.** Наряду с богачами, владельцами крупных земельных участков и

1 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1889. С. 86-87.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(20).

больших отар овец, здесь находилась и беднота, которая являлась либо мелкими землевладельцами, либо безземельными и обнищавшими узденями. Были здесь и бесправные рабы.

Систематическое ущемление прав и интересов общинников – узденей, разорение и обнищание их за счет увеличения собственности и богатства сельской знати, не могли не вызывать недовольства попадавших в зависимость общинников. В Акуша-Дарго происходила затаенная и явная борьба против наступления феодализирующейся знати. Отличалась она значительной сложностью. Принимала она различные формы – от протеста против произвола, до открытых волнений и выступлений. Об этом красноречиво говорит сохранившийся фольклорный материал. В народных песнях, сказках, поговорках, пословицах, сравнениях и т.д. не только высмеиваются местные «богатеи» (кадии, старшины и др.), но и выражена ненависть к угнетателям вообще. Все это является одним из видов недовольства народных масс.

Особенно ярко эти идеи нашли выражение в даргинском народном сказании об Али Акушинском. Перед смертью отец Али с сожалением говорит сыну, что если бы он знал, что болезнь так быстро «свалит» его, «борясь против талхъанов погиб бы свято».¹

То, что не пришлось сделать ему, отец завещает сыну:

На бок кремневку
Привяжи крепко,
Держи крепко
Рукоять сабли стальной,
Против князей
Воюй до могилы,
Завоюй свободу
Для этих рабов талхъана.²

Изображая Али Акушинского как заступника угнетенных народных масс, народ в сказании выразил свои желания и мечты о справедливом обществе, где бы не было ни угнетения, ни богачей, ни талхъанов:

Али вернулся в село,
Изменил порядки:
Князей заставил дрожать,
Бедняков-рабов обрадовал,

1 Али Акушинский (даргинское народное сказание). Подстрочный перевод З. Абдуллаева и С. Гасановой // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 260. Л. 4.

2 Там же. Л. 5.

Любимца народного
Назначил юзбаши.
Безземельных бедняков
Сделал хозяевами земли,
Тех, у кого не было скота,
Сделал их владельцами.¹

Народ рисует своего героя сильным и храбрым, не боявшимся ни шамхала, ни его князей и готового в борьбе с ними за народное дело отдать жизнь свою. Вместе с тем ненавистники народа – богачи и князья изображены как трусы, которые от боязни избегали даже спора с Али Акушинским:

Готов был он жизнь отдать
За обездоленных людей.
Под его взглядом
Князья усмирялись,
В него богачей
Пуля не попадала
И шашка не брала его.
В селе, где он жил,
Он не оставил князя
даже шамхал из Азайни
Его боялся,
В открытый спор
Он с ним не вступал.²

Сложившиеся в XVII–XIX вв. в Акуша-Дарго социально-экономические отношения нашли отражение в адатно-правовых нормах союзов сельских общин. Адааты ставят в привилегированное положение знать и административно-должностных лиц, которые имели исключительное право на замещение должностей. Согласно адатам Акушинского союза сельских общин за убийство мангуша (глашатая) алум и штраф взыскивались в четыре раза больше, чем за убийство рядового члена общества, и за убийство тургака (барумана) – в два раза больше.³ В Усишинском союзе сельских общин «убийство своего кадия» в любом случае, а также убийство карта (шила халала), мангуша и тургака (хьулгула) при исполнении ими

1 Там же. С. 8.

2 Там же. С. 60.

3 Адааты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 116.

служебных обязанностей считалось «карой» (умышленным убийством).¹ За нанесение раны административным лицам штраф взыскивался в два раза больше, чем за ранение рядового члена общины.

О привилегии богатой верхушки и административно-должностных лиц свидетельствуют и такие нормы адатного права верхнедаргинских союзов сельских общин, где говорится: «Не допускаются претензии по одному подозрению ни по каким делам, кроме убийства, на старшин, кадиев, картов, мангушей, будунов и гаджиев».² «Показание кадия без присяги считается наравне с показанием двух свидетелей за присягою»³ и т.д.

В ряде случаев адат даже позволял кадиям и другим административным лицам произвольно разбирать тяжбы и налагать взыскания за виновного. Так, по адатам Усишинского джамаата «за нанесение мужчине побоев, хотя бы остались и знаки на теле, и раны, за которую по общему даргинскому адату, не следует удовлетворение», а также за драку, взыскание с виновных делалось по усмотрению кадия и картов (старшин).⁴ По усмотрению кадия и картов налагались штрафы также за нанесение побоев гаджию и тургаку.⁵ Эти нормы адата говорят не только об особом положении административных лиц, но и о том, что они могли быть использованы ими в своих личных корыстных интересах.

В непосредственной связи с усилением социального и имущественного неравенства, с процессом увеличения богатства феодализирующейся знати находились и статьи адатов по имущественным преступлениям, которые будучи направлены на защиту частной собственности, выражали прежде всего интересы правящей богатой верхушки. Вот почему издавна сельская администрация и знать добивалась принятия на сельских сходах решений, которые защищали бы их имущество и земельную собственность. Именно с такими положениями мы сталкиваемся в адатах всех верхнедаргинских общин.

Адаты верхнедаргинцев защищали имущество от воровства, грабежа, поджогов, порчи и т.д. Так, по адатам Акушинского союза за воровство было определено возвращение «уворованной» вещи хозяину и сверх того с вора «взыскивались еще девять вещей одной цены с уворованною».

1 Там же. С. 223.

2 Там же. С. 71, 109, 153, 218, 238.

3 Там же. С. 111, 155, 220, 239.

4 Там же. С. 227.

5 Там же. С. 228.

Кроме того, если воровство совершалось со двора, за приход вора во двор, в пользу хозяина взыскивались три барана. Если воровство было доказанным, с вора брали еще штраф в пользу джамаата – 7 быков.¹ По адатам Мекегинского общества, если «уворованное» бывало найдено, но возвращалось хозяину вдвое, а за воровство барана с вора взыскание делалось в десятикратном размере.² По адатам Усишинского и Цудахарского обществ хозяину возвращалось «уворованное» у него в десятикратном размере.³ За поджог виновник должен был восстановить убытки также, как и за воровство.⁴ Даже за обрез хвоста лошади, с виновного в пользу хозяина взыскивался один бык и один баран в пользу джамаата.⁵ За потрапу сверх удовлетворения хозяина, был определен еще штраф джамаату или же баруману, как, например, в Усишинском обществе.⁶

Во всех обществах союза за воровство с пашни, гумна и мельницы, а также хлеба в колосьях штраф взыскивался в двойном размере.⁷

Эти статьи являются наглядным примером, как адатное право зафиксировало не только наличие у верхнедаргинцев частной собственности как на имущество и скот, так и землю, но и неприкосновенность их. Адатное право прежде всего защищало имущество и земельную собственность сельской знати. И не случайно эти адаты принимались на сходах под непосредственным влиянием административно-должностных лиц. Следовательно, адаты, хотя и продолжали сохранять форму вековых народных обычаев, так как они возникли еще в условиях первобытнообщинного строя, в исследуемое время в результате произошедших социально-экономических изменений, которые привели к имущественной дифференциации и выделению знати, стали выражать интересы последних.

В связи с этим большой интерес представляет своеобразный порядок взимания долга – ишкиль, который у даргинцев известен под названием «хеш».⁸

В одних общинах Акуша-Дарго взыскание долга осуществлялось путем нападения истца и захвата его силой, а в других общинах – через

1 Там же. С. 123.

2 Там же. С. 145.

3 Там же. С. 231-232, 255.

4 Там же. С. 125.

5 Там же. С. 127.

6 Там же. С. 235.

7 Там же. С. 102, 123, 147, 232, 255-256.

8 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 134.

специально выбранное от джамаата для этого лица. Таким специальным лицом, например, в Усишинском джамаате был «гашлигула».¹ Они имелись в каждом квартале, которые выбирались на один год.

В случае жалобы одного члена джамаата на другого, по поводу неуплаты долга, «гашлигула» приходил к должнику и требовал его уплатить. А в случае отказа должника удовлетворить это требование «гашлигула» сам из своих средств отдавал долг и затем, пользуясь своим правом, силой брал себе с должника то, что он уплатил хозяину.

«Гашлигула» имел право забрать скот должника и отдать жалобщику. За оскорбление «гашлигула» и упирательство в уплате долга должник нес наказание. Он должен был по адату сделать для «гашлигула» широкий пояс из материи и устроить угощение. В случае же убийства «гашлигула» убийца платил двойной «алум» и «дият» и выселялся навсегда из селения.²

Право собственника на возврат своей собственности с помощью силы, как справедливо отмечал профессор Р.М. Магомедов, «могло существовать не при господстве прочно сохранившихся общинных отношений, а при разложении их, когда индивидуальная собственность начинала приобретать все больший удельный вес в системе джамаата».³

Порядок насильственного захвата, производимого самим потерпевшим из имущества обидчика, – писал М.М. Ковалевский, – «встречается в праве всех вообще народностей, переходящих или только что перешедших от родовой к государственной форме общежития».⁴

Процесс развития феодальных отношений в верхнедаргинских обществах происходил при постоянном соприкосновении и связи с окружающими феодальными владениями, с которыми они граничили. Находясь в окружении феодальных владений – шамхальства Тарковского Кайтагского уцмийства, Казикумухского и Аварского ханств, социально-экономические отношения которых стояли на более высоком уровне, Акуша-Дарго несомненно подвергалось их влиянию.

Особенно заметную роль в этом играли уцмийство Кайтагское и шамхальство Тарковское. Взаимоотношения Акуша-Дарго и указанных феодальных владений складывались не только по политическим мотивам, но и определены экономической зависимостью верхнедаргинских от

1 Адааты и обычаи даргинцев // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

2 Там же. Л. 1-2.

3 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. С. 135.

4 Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. II. С. 131.

шамхалов и уцмиев. Как уже отмечалось в нашем исследовании, жители Акуша-Дарго из-за отсутствия удобных зимних пастбищ, необходимых для широкого развития овцеводства, вынуждены были арендовать их у шамхала и уцмий, за что платили определенную плату.

По сведениям Мухаммеда-Рафи верхнедаргинцы еще в XIV в. платили шамхалу подати за пастбища: жители «деревень Усиша и Акуша 100 быков, жители деревни Цудахар 50 быков».

Будучи собственниками земель, шамхалы и уцмий реализовывали их путем отдачи в аренду, в результате чего присваивали себе ренту, которая выступала в виде арендной платы за временное использование пастбищ.

Внешне отношения между феодальными правителями и Акуша-Дарго носили взаимообязывающий характер. Собственник земли сдает ее в аренду, а арендаторы уплачивают ему за это определенную уплату.

Здесь вроде и нет внеэкономического принуждения. Однако, надо иметь в виду, что форма и степени этого принуждения могут быть самые различные. Сам факт присвоения и сосредоточения в руках шамхала и уцмий основных зимних пастбищ Дагестана уже являлся одним из наиболее действенных средств внеэкономического принуждения. Это принуждение достигалось путем реализации собственности феодала на землю и создания тем самым экономической зависимости. Если бы не было феодальной собственности на землю, не было бы и экономической (поземельной) зависимости верхнедаргинских общин от уцмиев и шамхалов. Собственность феодалов на землю, создающая эту зависимость, является основой феодального строя. Поэтому эти собственники зимних пастбищ по отношению к верхнедаргинцам и выступают в роли верховных землевладельцев.

§ 3. Место институтов патриархально-родового строя в социальной жизни Акуша-Дарго.

В исследуемый период у даргинцев, как и у других народов Дагестана, продолжал действовать ряд пережитков патриархально-родового строя, на основании которых и архаизировалось общественно-политическое устройство Акуша-Дарго в дореволюционной историографии. К таким пережиткам относились тухум, кровная месть, присяжничество и соприсяжничество, умыкание женщин и т.д.

Главной причиной стойкой сохранности этих пережитков являлись низкий уровень производительности труда и натуральный характер хозяйства.

Однако в новых исторических условиях эти пережитки первобытно-общинной формации сохранились как правило «в искаженном, в карикатурном виде». Лишь внешне соответствуя породившему их строю, по существу содержание их отражало те социально-экономические изменения, которые произошли в Акуша-Дарго в XVII–XIX вв.

В этом как раз и не разобрались те исследователи, которые архаизировали общественно-экономический строй даргинцев. В своих выводах они исходили лишь из этой внешней формы.

Рассмотрим что же на деле представляли указанные пережитки патриархально-родового строя, какова была их сущность и роль в жизни феодализирующейся общины.

Прежде всего выясним что из себя представлял тухум, какова была его структура.¹

Дореволюционные исследователи сравнивали дагестанский тухум с классическим родом. Однако нельзя согласиться с таким утверждением. Род и тухум не одно и то же понятие. Экономической основой рода является родовая собственность на средства производства. Тухум же в исследуемый период не имел главного, чем характеризовался род – родовой собственности на средства производства. В XVII–XIX вв. Акуша-Дарго господствовал принцип территориального расселения. Поэтому не тухум являлся хозяйственно-политической единицей, а сельская община, которая состояла из совокупности тухумов, вышедших из разных мест.

Так, в Мугинском обществе было более 10 тухумов, из которых только четыре тухума – Мякьяхъали, Дабайхъали, ШихгІямархъали, Мидухъали являлись родственные. Остальные же тухумы – Бакъкъарихъали, Шавдихъали, Даллахъали, Арутихъали и другие являлись выходцами из других мест.² Все тухумы Шуктинского общества являлись переселенцами – Хьябсулейманхъали из местности Занихъай, Тапалайхъали – из местности Картасани, Вакъунхъали – из местности Къянила, Мирзалагъирхъали из местности Хала хара, Чабтилхъали – из местности ХІунтІена, Магъривхъали – из местности Герхе.³

Гапшиминское общество, относящееся к Мугинскому союзу сельских общин, состояло из совокупности 6 тухумов: Нахбархъали, Турхъали, Къутайхъали, Балихъали, Бахъалхъали и Амузгихъали.⁴

1 Исследованием этого вопроса занимались М.О. Косвен, Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, А.С. Омаров, Р.Г. Маршаев и другие. (См. список использованной литературы).

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

3 Там же.

4 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 120; Полевой материал, собранный нами в 1962 году.

В Цудахаре помимо таких тухумов, как Абукъайхътали, ХIусейнтала, Нурилавтала, Самурлавтала, Гайллайтала, КIазухъала, являвшихся местными, были еще тухумы, которые образовались из военнопленных – Саркихъали, Даржухъали, КъурехIхъали, Маликхъали, Гургихъали.¹

Сами тухумы состояли из ряда поколений одной или нескольких родственных семей. Входили в этот круг родственников узи – брат, узикъар – двоюродный брат, къариган – троюродный брат, гариган – четвероюродный брат, туриган или шинигар (цудахарский диалект) – пятироюродный брат, дирхъахус (урахинский диалект) – шестиюродный брат, хIаркIихъан (урахинский диалект) или хъулигIана (цудахарский диалект) – семиюродный брат, чутхъапать (урахинский диалект) – восьмиюродный брат.²

Вся эта родственная группа у даргинцев означает термином тухум. Однако, как совершенно правильно указывает профессор С.В. Юшков, на практике самое родство далее 4-й и 5-й степени никакого значения не имело.³ Говорит об этом и наличие термина для обозначения близкого родства. Близкое родство у даргинцев обозначалось термином «узи-урши», который представляет собой сочетание слов «брат» и «сын» и имеет тоже смысловое значение, что и осетинское фыды-фырты «отца дети», адыгейское «братья одного дома», абхазское – абипара – «отца сыновья», имеретинское бабушвилоба – «происшедшие от одного деда», грузинское ганакреби – «разделившиеся братья», сванское самхуб или ламхуб – «братство», лезгинское мукъвал миресар – близкие родственники (дети родных и двоюродных братьев).⁴

В понятие «узи-урши» входят только родственники нескольких первых колен, включая троюродных братьев. Остальные родственники обозначаются термином «гъамти» – родственники вообще.

Под термином тухум также имеются в виду все родственники, но их называют и дальних родственников. Даргинский термин «нушала тухум» означает не только «наш тухум», но и «наш дальний родственник».

В состав тухума входили индивидуальные семьи, которые имели в частной собственности земли, скот, имущество и т.д. и занимали различное экономическое и политическое положение в сельской общине, о чем мы уже указывали выше.

¹ Там же.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

³ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. I (исторический). С. 66.

⁴ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 187.

Каждый тухум имел свое название, которое в основном было связано с именем какого-либо видного предка. Так, тухумы ХIусейнтала, Абукуйххали, Нурулавтала из Цудахарского общества, МирзалатIа-гъирххали, Хъябсулейманххали из Шуктинского общества, Дабайххали, Бурагъанххали, Базейххали из Мугинского общества, Сурхайххали, Чупанххали из Усишинского общества и т.д. получили такие названия от имен определенных лиц. А им, как правило, мог быть «знаменитейший из предков, лицо, прославившее род или своею храбростью, или благочестием, или мудростью».¹ Так, тухум ШихгIямарххала из Муги получил такое название по имени ученого-арабиста Ших-Омара, который жил более 250 лет тому назад.²

Но даргинский тухум не имел характерного для рода тотемного названия, не имел тухумного культа. Это название могло меняться с появлением более знаменитых и авторитетных лиц.

«Родовых названий здесь (в Акуша-Дарго. – Авт.), – писал М.М. Ковалевский, – тохумы не имеют, а обозначаются обыкновенно по имени такого лица, которое приобрело почему-либо известность в народе. Его именем они величают себя до тех пор, пока из их рода не выступит новый, еще более известный «герой»».³

Сказанное подтверждается названиями самого авторитетного в Акушинском союзе сельских общин кадиевского тухума, которое изменялось в зависимости от имени нового кадия. Помимо общего названия («Кадиевский») к нему прибавлялось еще и имя кадия или же даже другого (хотя и очень редко) знатного члена тухума – Мусакъадиххали, МахIямадкъадиххали, Зугъумкъадиххали⁴ и т.д.

Кроме того, название тухума могло быть связано не только с именем знаменитого предка. Оно могло возникнуть также в зависимости от особенностей, отличавших данный тухум от других тухумов – от характера деятельности лиц, которые входили в тухум, от поступков и склонностей к чему-либо, от прежнего местожительства и т.д. Указывал на это и М.М. Ковалевский. «... не все роды (тухумы. – Авт.) носят генетические наименования, – писал он, – многие применяют те или иные прозвища, смотря по характеру их занятий, или по месту происхождения».⁵ Так, один из

1 Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. II. С. 149.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

3 Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. II. С. 149.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

5 Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 149.

самых древних тухумов Мугинского джамаата первоначально назывался Макьяхъали, что значит буквально корневые (мякь – корень). Со временем тухум стал называться ГалгЯлабулкьадарьхъали. Это второе название было связано со строительством этим тухумом крепости, которая в реставрированном виде существует и ныне. ГалгЯ – на даргинском языке означает крепость, а Булкьада – собственное имя главы тухума. Поэтому и возникло такое двойное название этого тухума.

В XIX в. тухум этот стал носить другое название – Тукенчихъали, что было связано с тем, что представители этого тухума стали заниматься торговлей, открыв первую лавку в сел. Муги.¹

Тухум СунтГхъали того же Мугинского общества со временем стал называться КьадилагЯлихъали. Если первое название связано с тем, что это был богатый тухум (сунтГ – по-даргински вдох, сунтГикъес – вдыхать, всасывать), то второе название связано с именем ГЯли.² Тухум Кьуддихъали получил такое название от того, что члены его занимались кузнечным делом. (КьутГ – по-даргински стук, кьутГикъес – стучать).

Являясь по своему происхождению категорией родового строя, тухум в исследуемый период сохранил и ряд организационных форм патриархально-родового строя.

Главной, чем была обусловлена устойчивость тухума, являлась все еще сохранившаяся в пережиточном виде коллективная собственность на отдельные участки земли, о которых мы говорили выше и которые известны у даргинцев под названием «джамаатла ванзурби», переводимые как джамаатские земли. А сохранность и устойчивость последней в свою очередь объяснялась трудностями, связанными с первоначальным возделыванием земли, в связи с чем в ее окультивировании участвовал целый родственный коллектив. Только в рамках коллектива, т.е. будучи членом какого-либо тухума (в основном первосельцев), можно было получить участок из общинных земель, переделяемых через определенные сроки.

Поэтому сами члены общины были заинтересованы в сохранении таких порядков, они поддерживались ими, ибо нарушение их влекло за собой нарушение и в пользовании общественной землей. Этим объясняется и то, что новосельцы, как правило, не имели участков из общественных земель. Они имели только частные мюльки, так как, не являясь членами местных старых тухумов, которые переделали земли между собой,

¹ Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

² Там же.

они не могли получить их. Этому препятствовали и сами общинники. Так, в Гапшинском джамаате было 40–50 хозяйств, вышедших из других мест, но они кроме мюльков не имели ничего. Требование их о наделении участками из общественной земли, которые делились между тремя кварталами, было отвергнуто джамаатом.

Кроме того, устойчивость тухумных отношений определялась еще и самым опасным временем. В условиях отсутствия крепкой централизованной власти, постоянных феодальных междоусобиц, войн и т.д. отдельная личность или даже семья были беспомощны и не могли существовать самостоятельно, вне тухума и сельской общины в целом. Вне тухума и общины общинники переставали быть равноправными. За их пределами они становились неполноценными, «пришлыми», «иносельцами». Только будучи членом тухума общинник мог рассчитывать, хотя бы в какой-то мере, как на моральное, так и материальное обеспечение. Отсюда и устойчивость пережиточно сохранившегося хозяйственного единства даргинского тухума. Выражалось это единство такими понятиями, как «тухумла мер-муса» (мер – место, муса – окружение), или «мюлк-муса», т.е. земли и окружение тухума.¹

Однако это уже не единство коллектива родового общества, когда необходимость большого производственного коллектива вызывалась крайне несовершенными орудиями труда, которые могли дать экономический эффект только при коллективном труде. В исследуемый период тухум не являлся «генеологией» коллектива лиц сообща обрабатывающих свой надел. Есть общая собственность тухума на определенные пахотные и сенокосные участки, но нет общественной собственности на орудия труда, нет коллективного труда и общего потребления, которые-то и являлись основными чертами родового строя. Тухумная земля делится между индивидуальными семьями, которые обрабатывают ее за свой собственный счет и урожай присваивают себе в собственность.

Остались в даргинском тухуме и следы былого общественного единства. Хотя давно характерным являлось деление аулов на кварталы – кьатIи, **которые отражали в основном не имя тухума, а топографию** (нижний аул, средний аул, верхний аул и т.д.) или что-либо другое² и имели свои собственные места сборов – гумаи и мечети, но еще в ряде

1 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. С. 124.

2 Например, в сел. Гапшима был «Гярус кьатI» (русский квартал) названный так от того, что здесь было больше жителей, чем в других кварталах. В Мекегинском джамаате из 12 кварталов только 2 квартала были связаны с тухумным происхождением.

случаев, например, в Бутринской общине деление на кварталы соответствовало тухумному делению. Это единство тухума обозначалось у даргинцев терминами «тухумла хъали-муса» и «тухумла хъали-юрт», которые означают жилища и окружение тухума и жилище и домостроение тухума.¹

Пережиточной формой патриархально-общинного строя являлось и идеологическое единство тухума. Выражалось оно в обязательном и активном участии его членов в делах всех семей, входящих в их тухум – при рождении ребенка, заключении брака, на похоронах и т.д., в то время как они могли не принимать участия в делах других тухумов. Это было единство, основанное на сознании кровного родства.

Однако действие наблюдаемых единств тухума все больше и больше ослаблялось еще задолго до XVII–XVIII вв., и в исследуемое время подверглись сильному изменению. Причиной всего этого являлось дальнейшее усиление процесса имущественного расслоения и индивидуализация общества, в результате чего и возникла дифференциация внутри самого тухума – выделение богатой верхушки – владельцев больших земель и скота и обнищание их сородичей, попадавших в фактическую зависимость от них.

Главной формой собственности на землю в Акуша-Дарго, как отмечалось выше, являлась частная собственность, – «мюльк». Следовательно, и труд из всеобщего, коллективного, что могло быть только при родовом строе, когда, по словам К. Маркса, родовая община «не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом»,² превратился в индивидуальный. А это могло быть только тогда, когда не только «средства труда», но и «внешние условия труда принадлежали частным лицам».³

Все это говорит о том, что тухум даргинцев с его «периодическими переделами обработанной земли, следовательно, с индивидуальной обработкой земли»,⁴ не являлся низовой хозяйственной ячейкой сельской общины. Индивидуализация обработки – это индивидуализация семьи с частной собственностью на землю (мюльк) и скот, которая-то и являлась основной хозяйственной ячейкой сельской общины. Малая индивидуальная семья давно превратилась в субъект производства, в самостоятельную

1 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 124.

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 20.

3 Маркс К. Капитал. Т. III. Госполитиздат, 1949. С. 764.

4 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е Т. 21. С. 63.

экономическую ячейку. Подтверждают это и дошедшие до нас сведения. По сообщению жителя селения Муги Акушинского района Закаригаева Магомед-Запира сохранилась запись в рукописи на арабском языке о том, что его прадедушка седьмого колена сначала жил в крепости. Затем он ушел оттуда и поселился на территории современного селения. У него была своя собственная земля – «мюльк», которую он после женитьбы сына разделил с ним и, построив ему дом, отделил от себя.¹

Таков был процесс образования новых малых индивидуальных семей, куда входили муж, жена, их дети.

Из всего этого вытекает, что тухум даргинцев в исследуемый период представлял пережиточную форму общественной организации патриархально-родового строя, а именно пережиток патриархально-семейной общины. А патриархально-семейная община, по словам Ф. Энгельса, «являлась переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или община–марка с индивидуальной обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов».² Но домашняя община являясь переходной ступенью не могла быть ликвидирована сразу с распадом родовых отношений. Поэтому еще в течение длительного периода пережитки домашней общины продолжали существовать в сельской общине, приспосабливаясь к ней и испытывая на себе влияние процессов, происходящих внутри общины.

Такую переходную общину К.Маркс назвал земледельческой общиной, которая, «будучи последней фазой первичной общественной формации является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т.е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности».³

Но это уже классовое общество. «Вторичная формация, – указывал К. Маркс, – охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве».⁴ Поэтому нет никаких оснований отождествлять тухум даргинцев с родом и говорить о господстве в Акуша-Дарго родоплеменных отношений. Наличие тухума и периодических переделов все еще сохранившейся общинной земли говорит лишь о неполном торжестве в Акуша-Дарго сельской общины, о наличии в ней пережитков

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

2 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 63.

3 Черновые наброски письма Маркса – В.И. Засулич. (8 марта 1881 г.) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 419.

4 Там же.

земледельческой общины. Наличие тухума и общей земли не являлось главным фактором или показателем уровня общественного развития Акуша-Дарго, ибо даже при наличии общей собственности уже факт присвоения урожая единолично является одним из признаков сельской общины. А частная собственность на продукт не могла возникнуть на основе полных общинных прав на землю. Поэтому даргинский джамаат, где, как отмечалось выше, основной формой собственности на землю, являлась частная собственность, существовавшая с пережиточно сохранившейся общинной собственностью – это не родовая, а сельская община, являвшаяся результатом длительного исторического развития и прежде всего результатом распада родовой общины.

Даргинская община XVII – XIX вв. была аналогична общине других народов Дагестана. Но среди ученых нет единого мнения о его типологии. Основная масса их придерживается мнения, что это община типа германской марки, являющейся важнейшей социальной ячейкой классового общества, возникшей на базе распада земледельческой общины и постепенным прекращением периодических переделов общинной пахоты, характерной для предыдущего типа земледельческой общины.

«Община-марка – это наиболее поздний тип общины. Это объединение разобщенных самостоятельных, не связанных с производственной деятельностью людей. Собственность в общине-марке – это действительно общая собственность индивидуальных собственников, а не собственность союза этих собственников»¹. Основными характерными признаками общины-марки являлись выделение надела в качестве свободно отчуждаемой собственности индивидуальной малой семьи; отсутствие переделов пахотных полей и лугов и сочетание с общим владением неподделанных угодий (альменды), наличие чересполосицы, принудительного севооборота, различных сервитутов. Этой общине и аналогична дагестанская сельская община.

Другого мнения придерживаются М.А. Агларов,² В.П. Дзагурова,³ А.Р. Магомедов,⁴ которые считают, что дагестанская община – это община типа античного полиса. Полис – «это город-государство, особая форма

1 Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Фридрих Э. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 471-472.

2 Aglarov M. Les arazs du Caucase // Les questions fondamentales du peuplement du hassein des Cazpathes du VII an X siet. Budapest, 1972. P. 152.

3 Дзагурова В.П. Еще раз о союзах сельских обществ // ВИД (досоветский период). Махачкала, 1974.

4 Магомедов А.Р. Горская средневековая община (к методологии изучения) // ИСКНЦВШ. Общественные науки. Ростов – на Дону, 1984. № 4.

социально-экономической организации общества, типичная для Древней Греции и Древней Италии. В составе полиса было земледельческое поселение. Возник Греческий полис в VIII – VI вв. до н.э. в борьбе с пережитками родового строя, в период усиления классовых противоречий, роста товарно-денежных отношений, отделения ремесла от земледелия. Полис имел свой экономический базис – античная форма земельной собственности, являющаяся как собственность общинная и как собственность частная.

И в государственном устройстве полиса были те же черты, что и у общины-марки – народное собрание, совет, суд выборных должностных лиц и т.д.

Так что у германской марки и полиса было больше общего, чем особенностей. Это также наличие частного парцеллярного хозяйства, частной земельной собственности на пахоту и луга, общей собственности на леса, пастбища, выгоны, реки и т.д. И марке, и полису присущ дуализм в отношении земельной собственности. Им обоим присуще противоположное начало – частное и общественное. Эти две основные формы земельной собственности противостоят друг другу. Владеют частной земельной собственностью свободные члены общины, лично свободные общинники.

Следует отметить, что у дагестанской общины было много общего с общиной других народов Кавказа, что хорошо отражено в работах В.Г. Гарданова¹ и Г.Л. Гасвиани²

Коренному изменению подверглась и кровная месть. Кровная месть при родовом строе, как средство самозащиты рода от внешних посягателей, являлась неограниченной обязанностью и необходимостью для рода. Убийство члена рода задевало интересы целого рода и поэтому все члены рода имели право на месть не только по отношению самого убийцы, но и по отношению любого члена рода, к которому принадлежал убийца.

В исследуемый же период сфера действия кровной мести намного сократилась. Теперь она распространялась только на определенное число ближайших родственников. «Претензия об удовлетворении за кровь убитого, – говорится в аятах даргинских обществ, – предъявляется ближайшими его родственниками».³

1 Гарданов В.Г. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.

2 Гасвиани Г.Л. Социально-экономическая структура Сванетии в XI – XVIII вв. Тбилиси, 1974.

3 Алаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 12.

Согласно адатам верхнедаргинских обществ, записанных в XIX в., но возникших намного раньше исследуемого периода, вместе с убийцей, который до примирения родственников убитого подвергался кровомщению, кровниками считались не все родственники, а всего «шесть ближайших его родственников из совершеннолетних мужчин».¹ Но количество их в отдельных обществах было еще меньше. Так, по адатам Цудахарского общества ими являлись родители убийцы вместе с братьями и сестрами.² А в таких обществах как Акушинском, Мекегинском и Усишинском кровным врагом признавался только один убийца.³ Следовательно, и месть в этих обществах из родовой превратилась фактически в личную.

Другой характерной особенностью действия кровной мести в исследуемое время являлось то, что адатное право допускало взамен обязательной кровной мести возможность имущественных компенсаций, что ставило в неравное положение членов общины. При таких условиях богатые и влиятельные члены джамаата могли совершать преступления, так как они имели и возможность легко откупиться за них.

Особыми статьями выкупа с убийцы при совершении убийства («*хИикибъ*») являлись «*бухъ*» (алум) – плата, взыскиваемая с убийцы в пользу родственников убитого вскоре после убийства и «*дият*» – вознаграждение или условная плата, за которую лица, имеющие право на кровомщение, соглашались простить убийцу и примириться с ним и его родственниками.⁴ По адатам Акушинского союза сельских общин за убийство взыскивался: «алум наследникам убитого – два быка» и штраф джамаату – «семь быков»;⁵ в Мугинском обществе – «2 лучших быка и 14 кары (1 кара равна 8 аршина) бязи» наследником убитого;⁶ по адатам Усишинского общества – «один бык без оценки», один бык и один баран определенной стоимости три саба пшеницы, семь кары бязи и штраф в пользу джамаата.⁷

Все это могло быть только в условиях укрепления частной собственности, индивидуализации общества и дальнейшего процесса ослабления тухума и уз родства.

Об ослаблении единства тухума и родственных связей свидетельствуют и происшедшие изменения в институте присяжничества и

1 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 86-87, 89.

2 Адаты и обычаи даргинцев // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

3 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Вып. VII. С. 34, 47, 101.

4 Алум (или алым) – тюркское слово, означающее «взятое». «Дият» – арабское слово, означающее «вознаграждение».

5 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 114-115.

6 Там же. С. 158.

7 Там же. С. 223.

соприсяжничества, в обычаях оказывания помощи несостоятельному сородичу, с которого за преступление по адату взыскивалось имущество и т.д. По общим адатам верхнедаргинских общин к присяге допускались только ближайшие родственники обвиняемого с отцовской стороны – мужчины, достигшие 15 лет.¹

Дальние родственники допускались к присяге только в том случае, если отсутствовали ближайшие родственники. Но в этом случае присягающий должен был дать присягу на коране, что у него нет родственников ближе тех, которые представлены к присяге.²

Взыскание всегда должен был уплатить обвиняемый. И только тогда, когда для этого не хватало имущества супругов, взыскание делалось и с ближайших родственников. «При несостоятельности обвиняемого, – говорится в адатах Мугинского джамаата, – платят сперва родители, братья и сестры его».³ Когда же и этого имущества оказывалось недостаточно, взыскание делалось с родственников следующих колен, число которых в отдельных случаях могло доходить до 40 человек с отцовской и материнской сторон обвиняемого.⁴

Однако по адатам почти всех верхнедаргинских общин «за оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-либо случаю родственники платить не обязаны были».⁵

В неразрывной связи с привиденными нормами адата находится и право наследования. Согласно адатам в исследуемое время это право распространялось не на всех родственников. Так, в Цудахарской общине право наследования принадлежало родственникам не далее четвертой степени родства.⁶

Все это говорит о том, что в XVII–XIX вв. в Акуша-Дарго родственная солидарность была в значительной степени ограничена юридически адатно-правовыми нормами, которые приобрели совершенно иное содержание в сравнении с периодом господства родовых отношений. Сам адат уже являлся не столько пережитком родовых отношений, сколько формой раннефеодального права.

Находясь в управлении общин, богачи приспособливали адатно-правовые нормы, которыми руководствовались члены общины, к условиям,

1 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Вып. VII. С. 9.

2 Там же. С. 9-10.

3 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 156.

4 Там же. С. 82-83.

5 Там же. С. 112, 134, 223, 241.

6 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 249.

создавшимся в результате изменений, происшедших в социально-экономическом положении различных групп населения, придавали решениям народного схода нужное им направление. Поэтому обычное право фактически превратилось в оружие в руках сильного и богатого против беззащитного и бедного.

Подводя итоги сказанному, мы должны повторить, что вопреки бытовавшему мнению о господстве в союзах сельских общин Дагестана родового строя, в Акуша-Дарго в XVII–XIX вв. **определявшими были** раннефеодальные отношения со значительными пережитками патриархально-родового строя.

Наряду с богачами – владельцами больших земельных участков и стад крупного и мелкого рогатого скота, здесь находилась и беднота, являвшаяся либо мелкими землевладельцами, либо безземельными узденями, а также бесправные – рабы.

Под прикрытием патриархально-родовых обычаев сельская верхушка эксплуатировала рядовых членов общины, которые попадали в различные формы зависимости от общинной знати.

ГЛАВА IV. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО АКУША-ДАРГО.

§ 1. Состав федерации в XVII – начале XIX в.

Письменные источники XVIII–XIX вв., а также сохранившиеся народные предания показывают, что в исследуемый период Акуша-Дарго, т.е. военно-политический союз верхнедаргинцев, состоял из пяти так называемых «вольных» обществ (союзов сельских общин): Акушинского, Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цудахарского.¹

Термин «вольное» общество не встречается в даргинском языке. Этот термин впервые появился в работах дворянско-буржуазных исследователей второй половины XVIII – начала XIX в. Употреблялся он для обозначения сельских общин и их союзов, где менее четко проявлялись классовые отношения, чем в развитых феодальных владениях. У даргинцев же эти политические образования (союзы сельских общин) имеют свои названия. Назывались они или «хIуреба», или же «табун»²: Ахъушала хIуреба или Ахъушала табун, Усала хIуреба или Усала табун, МухIела хIуреба или МухIела табун, МикIхIила хIуреба или МикIхIила табун, ЦIудхъурла хIуреба или ЦIудхъурла табун.

«ХIуреба» – даргинское слово, которое переводится как войско, ополчение. По мнению профессора Р.М. Магомедова, «хIуреба», возникла еще в период военной демократии,³ являвшейся определенной переходной ступенью от первобытнообщинных отношений к обществу классово-

1 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 128; Тихонов Д.И. Топографическое описание Северного Дагестана. 1796 г. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 3. Л. 5; Гильденшtedт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия Г-на Академика И.А. Гильденшtedта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 130; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 34; Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОРГО. Тифлис, 1873. Вып. VIII. С. 16; Потто. В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. I. Ч. 1. С. 391; Ковалевский П.И. Кавказ. СПб., 1915. Т. II. С. 199; Л.З. Административные отделы Кавказского края // Известия КОИРГО. Тифлис, 1877-1878. Т. V. С. 135.

2 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. С. 5; Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области. Записки Кавказского отделения русского географического общества. Тифлис, 1873. Вып. VIII. С. 16; Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895. г. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 53, 249.

3 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 116.

му, когда обособление отдельных племен идет на убыль, «возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже слияние их и тем самым слияние отдельных территорий в одну общую территорию всего народа», во главе которого стоит военачальник, разделяющий власть с народным собранием и советом старейшин.¹ Военная организация в этот период была необходима для военных предприятий, ибо «война и организация для войны становятся тогда регулярными функциями народной жизни».² Не было тогда армии и вооруженную силу представлял весь народ. Каждый свободный пользовался неограниченным правом вооружения. «Вполне естественно, – писал академик Б.Д. Греков, – что в этот период у всех народов войско и народ – понятия тождественные».³ Поэтому и даргинское понятие «хIуреба», подобно древнегрузинскому понятию «эри», означало одновременно и «войско» и «народ». **ХIуреба» являлась не только самоуправляющейся политической, но также и военной организацией.**

Возникнув в период племенного деления даргинцев, название «хIуреба» сохранилось вплоть до XIX века. Однако в отличие от периода военной демократии в последующие периоды истории в процессе социально-экономических изменений и образований политических организаций оно приобретает более широкое значение и стало пониматься как общество или союз обществ, центром которого, как правило, выступало наиболее древнее, сильное и крепкое общество, объединявшее вокруг себя более мелкие общества и населенные пункты.

Подобно аварскому «бо», которое представляло «конгломерат этнический и языковой»,⁴ даргинская «хIуреба» в исследуемый нами период представляла собой понятие более широкой социально-политической единицы, чем в период ее образования. Об этом красноречиво свидетельствует то, что в состав «хIуреба» входило население не только с разными диалектами, но даже и с разными языками. Следовательно,

1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164.

2 Там же.

3 Греков Б.Д. Киевская Русь. Госполитиздат, 1953. С. 310.

4 Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. I. Махачкала, 1956. С. 73.

«хІуреба» в XVII–XVIII вв. являлась названием территориальной, хозяйственной и административной единицы.

Как отмечалось выше, в русских источниках и в литературе территориальные единицы даргинцев стали известны под названием «вольных» обществ – Акушинское «вольное» общество, Цудахарское «вольное» общество, Усишинское «вольное» общество и т.д. У даргинцев же назывались они Ахъушала хІуреба, Цудхъурла хІуреба, Усала хІуреба и т.д. Следовательно, русскому названию «вольное» общество, как форма обозначения политической единицы, соответствует даргинское название «хІуреба». Однако это лишь внешнее соответствие, т.е. оба они выступают как названия одной и той же политической организации.¹ Термин «вольное» общество абсолютно не соответствовал и не раскрывал сущности социально-экономической и административно-политической структуры верхнедаргинских обществ. Еще задолго до исследуемого периода не являлись они «вольными» и демократическими обществами, какими видели их дворянско-буржуазные исследователи. Поэтому было бы правильным политические объединения верхнедаргинцев обозначать термином «хІуреба» или же просто называть их союзами сельских общин, ибо таковыми они являлись в сущности.

Название «Табун» – кумыкское. Употреблялось оно вместо «хІереба» и имело то же значение, что и первое.

Кроме этих названий имелось еще собирательное название «Дарго», употребляемое в основном для обозначения союза в целом во главе с Акушинским союзом сельских общин. Отсюда и название союза – Акуша-Дарго.

Входя в союз как административно-территориальной единицы, каждая «хІуреба» в свою очередь состояла из сельских общин, являвшихся низшими административными подразделениями со своими политическими органами управления.

Наиболее ранние письменные сведения о количестве сельских общин, входящих в состав Акуша-Дарго относятся к первой половине XVIII в. По этим сведениям под управлением кадия акушинского Аджи-Айгуна находилось 30 деревень, входивших в состав союзов сельских общин: «Салатав, Аккуша, Мига, Цудахари, Микияга, Ошуша, известных под общим именем Аккушинцев, а по крепости их мест – Дарга».² Подобные сведения о количестве сельских общин, входивших в состав Акуша-Дарго, имеются и у немецкого лингвиста Ю. Клапрота. «Акуша, – писал он

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 115.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 128.

в самом начале XIX в., – образует достаточно сильную республику, которая насчитывает около 30 деревень, расположенных в горах северного Дагестана у истоков Таркали, Манаса и Гимри».¹ Самым крупным по количеству сельских общин являлась Ахъушала хIуреба.

Конкретных сведений о количестве сельских общин, входящих в состав каждого из указанных союзов сельских общин в XVII–XVIII вв. мы не имеем. Однако, анализируя и сопоставляя сведения источников более позднего периода и пользуясь народными преданиями, мы можем представить себе приблизительную картину об их количестве.

По сведениям начала XIX в. Акушинский союз сельских общин включал в себя 22 джамаата, а в конце XIX в. в его составе уже было 38 сельских общин. В Усишинский союз сельских общин входило соответственно 5 и 5 сельских общин; в Мекегинский союз сельских общин – 3 и 28; в Мугинский союз сельских общин – 1 и 12; Цудахарский союз сельских общин – 5 и 46.²

Но многие из этих сельских общин являлись отселками возникшими в конце XVIII – начале XIX в. Поэтому без учета их, а также присоединившихся в XIX в. к этим союзам других сельских общин, мы будем иметь следующий состав их в XVII–XVIII вв. В Акушинский союз сельских общин входило не менее 15 сельских общин, в Усишинский союз сельских общин – 5, в Мекегинский – 3, Цудахарский – 5, Мугинский – 1.

В первой четверти XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что Акуша-Дарго «состоит во многих деревнях».³

Сведений по XVII в., какие именно сельские общины входили в Акуша-Дарго, нет. Однако, если исходить из приведенных выше данных начала XVIII в. о количестве деревень, находящихся «под управлением кадия акушинского Аджи-Айгуна»,⁴ то можно предположить, что ими являлись населенные пункты, перечисленные в работе И.А. Гильденштедта. К Акушинскому союзу, – писал И.А. Гильденштедт в конце XVIII в., – «принадлежат следующие деревни: 1. Бутри, 2. Генте, 3. Курки,

1 Klaproth J. Указ. соч. С. 60-61.

2 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 5-7. Использованы копии, извлеченные В.Г. Гаджиевым; Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 11, 250-262, 269-274.

3 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архив. материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 101 (Далее – ИГЭД).

4 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 128.

4. Гзабала, 5. Усиша, 6. Мегалья, 7. Микгель, 8. Теткваля, 9. Мерекваля, 10. Цулкул, 11. Кеппала, 12. Мехвала Шукты, 13. Кантала, 14. Унганата, 15. Кулцур, 16. Цулеквара, 17. Булкар, 18. Калала, 19. Цугнила, 20. Куллеттала, 21. Дигбуке, 22. Мулебка, 23. Герок, 24. Никег, 25. Акуша, 26. Мегин, 27. Ушуша, 28. Гимиш, 29. Бутул при Озень».¹

§ 2. Органы власти и управления союзов обществ и федерации.

Каждая сельская община составляла низовую политическую и хозяйственную ячейку «хIуреба». Обозначалась она арабским термином джамаат (общество). Каждый джамаат имел свою территорию, население, составляющее общество, свои обычаи и органы управления. Состоял джамаат из тухумов. Тухумы сами также являлись общественными коллективами,² которые состояли из малых индивидуальных семей, связанных между собой родственными узами и составляющие низовую хозяйственную ячейку джамаата.

Такая структура джамаата, а также территориальное устройство союза в целом вызвали необходимость появления и соответствующего административно-политического управления.

Высшим должностным лицом всего союза являлся акушинский кадий, звание которого, как отмечалось выше, «до русского управления... было наследственно в роде или тухуме кадиевском».³ Но форма наследования должности кадия, подобно уцмию или шамхалу, была завуалирована пережитками патриархально-родового строя. Преемник кадия, если даже он и являлся представителем из кадиевского рода и прямым наследником его, вступал на эту должность не механически, после смерти кадия или же после отказа его от этой должности, а выбирался на народном сходе, который созывался на специальной поляне под названием «Халарги Кадала Хар», расположенный в нескольких километрах от селения Акуша.⁴ Кроме того, как показывают источники, «народ мог вызвать или выбрать на это звание тоже из другого рода, только из Акуши же, если бы кадии из этого старого рода оказались неудобными для народа».⁵ Но это право являлось уже лишь формальностью, отголоском прежнего на-

¹ Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 130.

² Подробно о тухумах смотрите главу, посвященную социальным отношениям.

³ ГУ «ЦГА РД» Ф. 90. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

⁴ Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 14.

⁵ ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

родовластия, когда народ выдвигал из своей среды вождей снискавших себе доверие своей честностью, справедливостью, добропорядочностью, воинской доблестью и т.д. и когда наследники их «могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания».¹ Кадием союза всегда выбирался представитель из одного тухума верхнего аула и «такого случая, чтобы обошли в выборе род кадиевский при выборе главного кадия не было примера».²

О наследственности власти акушинского кадия говорят и многочисленные документы, сведения и воспоминания русских офицеров – участников военных походов в Дагестан конца XVIII – начала XIX вв.

Род Акушинских кадиев, указывается в документе, составленном в начале XIX в., «с давних времен пользуется большим почетом».³ Офицер генштаба русской армии Вранкен об обществах Акуша, Цудахар и Сюрга писал, что «каждое из этих обществ управляется советом старшин, избираемых на несколько лет под председательством кадия, который возводится в это достоинство из одной фамилии, но сын не всегда наследует отцу».⁴

В примечании к адатам даргинских обществ также говорится, что «Каждое из даргинских обществ управлялось в прежнее время (до присоединения Акуша-Дарго к России. – Авт.) своим кадием... В обществах Акушинском, Цудахарском и Сиргинском звание кадия было наследственным, в остальных же кадии избирались народом на определенный срок».⁵

Об этом свидетельствуют также имеющиеся в нашем распоряжении, хотя, конечно, далеко недостаточные для установления хронологической последовательности сведения о родословии акушинских кадиев о чем будет сказано в специальном параграфе.

Ряд исследователей власть кадия Акушинского по происхождению сравнивают с властью табасаранского кадия. Аналогия эта впервые была высказана А.В. Комаровым. Он писал, что «В Дагестане существует два типа кадиев: кадии – владельцы, избираемые бессрочно и кадии в селениях. Аравийский полководец Маслама (Абу-Муслим) для управления

1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1945. С. 120.

2 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

3 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 10.

4 Вранкен. Политический обзор Дагестана. РГВИА. Ф ВУА. Д. 6514. Л. 34.

5 Адаты Даргинских обществ. Примечание // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 128.

Северной Табасаранью назначил кадия, потомки которого наследовали это звание; из них всегда выбирался кадием преимущественно старший в роде. Вероятно, подобного же происхождения и наследственные кадии сиргинский, акушинский и цудахарский».¹

Права и власть акушинского кадия распространились на весь союз. Он являлся не только духовным, но больше гражданским правителем. «С званием этих кадиев, – писал А.В. Комаров, – соединялась светская власть и многие из них, будучи вовсе неграмотными, не вмешивались в дела духовные лично, а представляли это своим письмоводителям».²

Акушинский кадий являлся «первенствующим лицом» во всем союзе, пользовался «исключительным народным уважением, решал с советом старшин важнейшие общественные дела, управляя притом духовною властью», в результате чего в Акуша-Дарго сложилось подобие системы церковно-государственного управления. В пределах союза Акуша-Дарго кадий являлся верховным правителем, судьей и военачальником. В обязанность кадия Акушинского входило следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь федерации. Он следил за соблюдением норм шариата, разбирал споры, возникающие между отдельными обществами, которые входили в него, для чего «собирал поверенных от всех селений Даргинских на Дуз-Майдане, Карбуки-Дирка и там с теми поверенными решал эти и все главные дела».³

Кроме того, акушинский кадий «имел право подвергнуть личному разбирательству те или другие споры, возникавшие не только между отдельными общинами, но и между частными лицами».⁴ Однако, «в этом последнем случае необходимо было открыто выраженное желание самих спорящих».⁵ К нему апеллировали по всем спорным вопросам, которые разбирали духовный и гражданский суды. В одном из приведенных выше документов говорится на этот счет: «Дела недовольных решениями сельских кадиев, по шариату, окончательно разбирал и решал Акушинский кадий, он же решал окончательно и по жалобам на адатные решения сельских кадиев», т.е. старшин.⁶

В функции власти акушинского кадия входили также сбор ополчений и начальствование над ними как при защите от нападений внешних

1 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, Вып. I. 1868. С. 74.

2 Там же.

3 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

4 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. II. С. 163.

5 Там же.

6 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

врагов, так и во время походов на другие владения. Кадий Акушинского союза, – говорится в документе, – «назначал сотенных командиров и приказывал, по сколько человек должно с каждого двора идти на войну».¹ Такие важные вопросы акушинский кадий решал вместе с представителями союзов сельских общин. В одном из приведенных выше документов говорится, что акушинский кадий «собирал поверенных для принятия мер по обороне от неприятеля и военным делам и он же бывал предводителем на войне».² На это обстоятельство в свое время указывал и М.М. Ковалевский. «В Акушах кадий главного аула, – писал он, – во время войны принимал на себя начальство и над ополчением соседних четырех (Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цудахарского. – Авт.) обществ; от их имени он объявлял войну и заключал мир, причем решения на этот счет постановлялись сходами от всех пяти даргинских обществ».³

Все эти функции власти акушинского кадия очень схожи с функциями власти, которые имел в пределах одного феодального владения уцмий Кайтагский. Аналогия с властью уцмий не только в осуществлении руководства, судебных функций, в сборе народного схода и т.д., но и в тех внешних формальностях, которые наложили отпечаток подобия народовластия или демократической формы государственного управления. «Кайтагский уцмий, – писал М.М. Ковалевский, – в течение целого ряда столетий был избираем народным сходом, собиравшимся в окрестностях Маджалиса... Избрание уцмийа вовсе не устраняло необходимости дальнейшего сбора на народные сходы с целью разбирательства таких вопросов, как война и мир, заключение союзов, решение пограничных и других спорных вопросов между общинами и тому подобные»... Все это мы видим и в Акуша-Дарго. Возвышение акушинского кадия и укрепление его власти происходило, как и возвышение уцмийа Кайтагского.

Говоря об укреплении уцмийа, как феодального правителя, М.М. Ковалевский писал: «Будучи первоначально простым посредничеством, власть уцмийа в эпоху редактирования Кайтагских адатов, начинает приобретать характер обязательной и равно возвышающейся над всеми поданными судебной юрисдикцией».⁴

1 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 14.

2 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8. См. также. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 14.

3 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 162-163.

4 Ковалевский М.М. Дагестанская «Народная правда» // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 20.

Подобно этому, как показывают адаты Акушинской общины, записанные в 1727 г.¹, в исследуемый период власть акушинского кадия также «приобретает характер обязательной и равно возвышающейся» и над всеми членами союза, что и было оформлено юридически в результате подтверждения их на народном сходе.

Согласно этим адатам, жители Акушинского джамаата в повседневной жизни должны были руководствоваться только положениями шариата и решениями кадия и будуна.² Далее здесь имеется статья, согласно которой в пятницу покойника разрешалось хоронить только после уведомления и получения на это разрешения акушинского кадия. С нарушившего этот адат, взыскивался штраф – 1 бык. Штраф (1 бык) взыскивался также с того, кто без разрешения акушинского кадия пойдет в дом покойника читать «ясин» (стих корана, который читают над покойником), кто венчался по шариату, кто читал коран над могилой покойника.³

Надо полагать, что за проведение всех указанных шариатских церемоний акушинский кадий, как главный духовный наставник, получал определенную плату, которая, видимо, составляла одну из основных доходных статей его обогащения, ибо иначе эти шариатские установки не были бы зафиксированы как нормы адата, которыми должны были руководствоваться все жители союза Акуша-Дарго.

Возвышение акушинского кадия как духовного и светского руководителя дошло до того, что не только жители федерации, но и жители других даргинских общин, входивших в иные феодальные владения, недовольные решением сельских картов и кадиев, обращались к акушинскому кадию.⁴ По сведениям Ф.И. Гене, «в делах своих приезжали к нему (акушинскому кадию. – Авт.) советоваться» и сюргинцы,⁵ которые не входили в союз Акуша-Дарго в XVII – XIX вв.

Как и феодальные владельцы Дагестана, акушинский кадий обладал самостоятельностью при решении судебных вопросов. При желании он «мог изменять и адатные решения картов («шила халати». – Авт.) по своему усмотрению, назначать большие штрафы и пр.»⁶

1 Адаты Акушинского общества, 1727 г. Копия передана нам М. Нурмагомедовым.

2 Там же.

3 Там же.

4 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

5 Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. 1833/1834 г. // ИГЭД. С. 346.

6 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 14.

Для исполнения решений акушинского кадия в его распоряжении находился специальный штат людей. «Для того, «чтобы кадий мог управлять» союзом «и заставлять граждан исполнять законы, – говорится в документе, – ... в его распоряжении было 40 человек «тургаков» (исполнителей. – Авт.) с их командиром».¹ Избирались они из всех союзов сельских общин Акуша-Дарго.

Исполнение их требований являлось обязательным и в случае оказания сопротивления им «виновный нес наказание и, кроме того, с него брали штраф».²

Для обсуждения наиболее важных вопросов, касающихся Акуша-Дарго в целом и принятия по ним решений, акушинский кадий созывал сход представителей всех пяти союзов сельских общин. Он же являлся его председателем. Местом созыва являлась поляна, расположенная в нескольких километрах к востоку от современного селения Бургима-Махи Акушинского района, которое называлось у даргинцев «Хъярбуки диркья» или «ЦахІнабяхъла диркья» (поляна сбора, равнина собраний). «Для разбирательства ... дела между собой, – писал Ф.И. Гене, – собираются кадии и старшины, смотря по важности дела, на определенные издавна для сего места».³ Таким местом «издавна» и являлась указанная выше поляна. Посередине ее находился холм со ступенчатыми сидениями, сохранившимися в разрушенном состоянии до наших дней, на которых и располагались представители союзов сельских общин Акуша-Дарго. Сход в «Хъярбуки диркья» являлся постоянно действующим органом управления, который поддерживал союзные отношения между общинами, входящими в Акуша-Дарго. Собирался сход «при настоятельных надобностях иногда 3 и 4 раза в год».⁴ Обсуждались на нем главным образом, вопросы, касающиеся всего союза, такие как: войны и мира, заключения союзов с феодальными владениями или же с другими союзами сельских общин Дагестана, решение пограничных и других споров между общинами и т.д. Общественный сход в «Хъярбуки диркья», – говорится в одном документе, – собирався «для решения больших дел и споров между целыми обществами нескольких селений», а также «для принятия мер по обороне (союза. – Авт.) от неприятеля и военным делам».⁵ В другом

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 1-2.

2 Там же. Л. 2.

3 Гене Ф. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 346.

4 Памятники обычного права Дагестана XVIII-XIX вв. С. 14.

5 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

документе указывается, что «в этот день сам «Кади» делал обществу доклад о пожертвованиях и о помощи, оказанных их гражданами» и союзу в целом.¹

Решения, принятые на соре в «Хъярбуки диркья», являлись обязательными для всех союзов сельских общин Акуша-Дарго.

Кроме общественного схода в Акуша-Дарго созывался еще малый сход, участие на котором было не обязательно для представителей всех союзов сельских общин. «Когда к Акушинскому кадию поступало много жалоб от других общин, но они не представляли особенной важности, – говорится в цитируемом выше документе, – то собирались на площадке «Ханц Кала» – недалеко от Усиша, куда могли не приходиться жители тех обществ, к которым дела не касались».²

И общесоюзный сход в «Хъярбуки диркья», и малый сход в местности «Ханц Кала» созывались, как правило, «по письменным извещениям акушинских кадиев».³

В период между сходами представителей союзов сельских общин постоянно действующим органом управления Акуша-Дарго являлся высший совет во главе с акушинским кадием, куда входили кадии и наиболее влиятельные старшины (шила халати) союзов сельских общин. Это был фактически высшим и распорядительным, и исполнительным органом управления союза. Рассматривались на совете вопросы, имеющие отношения к Акуша-Дарго в целом и поэтому требовавшие совместных действий со стороны всех общин. Только этот главный исполнительный орган управления союза занимался и вопросами сношения с другими владениями и государствами. Входили в него 12–15 человек. Наиболее ранние письменные сведения об этом относятся к первой половине XVIII в. Согласно этим сведениям во время присяги «окашинского обывателя» в верности России в крепости Святой Крест участвовали и тринадцать старшин.⁴

Имеются сведения аналогичного характера о них и у Ю. Клапрота, который писал, что, если какой-нибудь князь Кавказа, или соседей провинции захочет вести переговоры с Акуша-Дарго, то он должен был послать

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 2.

2 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 15.

3 Там же.

4 Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г. Гаджиевым из АВПр. Ф. Сношение России с Персией. 1730 г. Д. 16. Л. 253 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 3441.

к каждому бутта¹ особого посла или дать знать о своей настоятельной просьбе каждому племени (союзу сельских общин). Этот порядок в Акуша соблюдался очень точно, а уполномоченных их племен было всего 12; в важных случаях их посылали к князьям.² Надо полагать, что они же являлись и основными участниками от Акуша-Дарго во время коронации шамхала Тарковского, на которого акушинский кадий надевал папаху.

На местах – в союзах сельских общин существовала своя администрация. Главными административно-должностными лицами союзов сельских общин Акуша-Дарго являлись кадии. Отдельные из них, как и акушинский кадий, уже успели превратить свою власть в наследственную. Таким наследственным кадием, как об этом говорят имеющиеся сведения, являлся цудахарский кадий.³ В остальных союзах сельских общин кадии являлись выборными. Выбирались они на сельском сходе, на котором участвовали только совершеннолетние мужчины, женщины же не принимали участия на них. Однако выборы кадиев в этих общинах носили формальный характер. Хотя на эту должность мог быть избран любой член джамаата, обычно побеждал представитель более влиятельного и богатого тухума. А в некоторых союзах сельских общин, как, например, в Мугинском, богатая верхушка заранее намечала своего кандидата, который после объявления на джамаате об этом мангушом и выбирался на должность кадия.⁴

Выбирали кадиев союзов сельских общин на разные сроки. В одних обществах, как, например, в Усишинском и Мугинском их выбирали бессрочно, кадии этих обществ по адату могли быть заменены, когда они не отвечали «интересам джамаата» и начинали злоупотреблять своей властью и доверием народа.⁵ В Мекегинском обществе кадий выбирался на определенный срок, по истечении которого он мог быть переизбран или же заменен другим представителем джамаата.

Кадии союзов сельских общин, прежде всего, являлись высшими духовными должностными лицами. Но в то же время в их руках находилась

1 «Бутта» - на даргинском языке означает часть. Употреблялось это название для обозначения союзов сельских общин, частей Акуша-Дарго.

2 Цит. по: Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947. Л. 106.

3 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 34; Адаты Даргинских обществ. Примечание // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 128; Комаров. А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 74; Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 3.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

5 Там же. Д. 371.

и светская власть. «Каждое из Даргинских обществ (Акушинский, Усишинский, Мугинский, Мекегинский, Цудахарский и не входящие в состав Акуша-Дарго Урахинский и Сюргинский союзы сельских обществ – Авт.), – говорится в примечании к «Адатам Даргинских обществ», – управлялось в прежнее время (до русского завоевания. – Авт.) своим кадием». ¹ Они наблюдали за порядком и спокойствием, входили в сношения с другими союзами сельских общин, вершили суд по шариату, возглавляли все религиозные мероприятия на территории своих союзов. В то же время они являлись помощниками и проводниками указаний акушинского кадия, от которого «все» они «состояли в зависимости». ²

Низовой административно-территориальной единицей являлось сельское общество (джамаат). Все сельские общества, входящие в состав союза верхнедаргинских сельских общин, имели свое собственное местное управление. В предисловии к сборнику «Адагов Дагестанской области и Закатальского округа» пишется, что организованное сельское управление возникло еще в период общинного быта, являвшемся вторым периодом общественной жизни, когда люди «свободно группируются в более или менее крупные союзы, связанные не столько родством, сколько общей оседлостью». ³ Именно в этот период «развития народной жизни, – говорится здесь далее, – во всех общинах дагестанских горцев уже существовало до некоторой степени организованное сельское управление, выработанное самим народом».

Каждая сельская община управлялась выборным старшиной. ⁴ Наиболее же крупные из них имели по несколько старшин. Д.Ф. Еропкин в начале XVIII в. писал, что у горцев Дагестана «есть в каждой деревне по несколько старшин». ⁵ Назывались они у акушинцев «шила халати», что значит сельские старшины или старшие села (ши – село, аул, а халал – старший, большой), у цудахарцев «хулалте» – большие, у мугинцев «кътатІтІани» – **квартальные (кътатІ – по даргински квартал) и т.д.**

В компетенцию старшин входило управление всеми светскими делами общества. Они обязаны были следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь в своих общинах, а также вершить суд по всем гражданским делам, не относящимся к разбору по шариату. «Шила халати» решали такие вопросы, как: где и когда лучше пасти стада, рас-

1 Адагы Даргинских обществ. Примечание // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 128.

2 Гене Ф.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 346.

3 Адагы Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 3.

4 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 110.

5 Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 123.

сматривали спорные дела, жалобы и претензии, следили за общественным порядком и спокойствием, исправностью дорог и мостов и т.д.

Для исполнения решений старшин в распоряжении последних было по несколько исполнителей. Например, в Акушинском джамаате у каждого старшины «было по 4 человека».¹ Но в то же время каждый старшина «мог распоряжаться любым исполнителем, приказать ему взыскать штраф и пр.».²

Кроме «шила халати» в Акуша-Дарго имелись еще и «джамаатла халати». В Акушинском обществе имелись 4 «джамаатла халати». Они «были хозяевами и администраторами».³ «Джамаатла халати» лично не разбирали дел, но проверяли разобранные картами («шила халати». – Авт.) дела и если находили дела неправильно решенными, то собирали джамаат, объявляли ему о неправильных действиях картов (шила халати) и сменяли недостойных по согласию народа, зарезав предварительно быка у провинившегося карта».⁴

«Шила халати», как и «джамаатла халати», выбирались на сельском сходе, где участвовали только совершеннолетние мужчины. Количество их колебалось в разных общинах от 2 до 6 человек, в зависимости от величины селения. Так, в джамаатах Акуша, Муги, Гапшима, Цудахаре выбирали на сходе джамаата по 4 «шила халати», в Мекеги – 5 человек.⁵ Срок, на который избирались «шила халати», в некоторых селениях был определен, но не менее одного года, в других – они могли быть по адатам смещены во всякое время. В Акушинском и Усишинском обществах их выбирали на один год, в Мекегинском и Цудахарском – на три года и т.д.⁶

Однако все это вовсе не означало, что здесь существовало народоправство, как это утверждали представители дореволюционной историографии. Выборы сельских старшин носили формальный характер, ибо они избирались из одних и тех же фамилий, которые считались либо первосельцами, либо в силу своего социально-экономического положения возвысились над другими тухумами и успели захватить право выдвигать на административные должности только представителей из своей среды. «Акушинцы (верхнедаргинцы вообще. – Авт.), – писал П. Zubov, – повинуются только

1 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 14.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. С. 13; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 161.

5 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371; Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

6 Там же.

своим старшинам, из числа коих некоторые имеют сие звание наследственно».¹ На это обстоятельство указывал в свое время и М.М. Ковалевский. «В тех общинах, где не было родовых начальников, – писал он, – на должность старшины попадали исключительно в силу избрания; но при этом во многих местах сохранялось правило, что кандидатом может быть только член двух, трех или более выдающихся тухумов».²

Что же касается Акуша-Дарго, – отмечал М.М. Ковалевский, – «карты» (шила-халати. – Авт.) избирались сроком на один год из почетнейших лиц, **притом известных только фамилий**»³ (подчеркн. нами. – Авт.).

Так, в джамаате сел. Муги были известны более 10 тухумов. Однако не все из них могли из своей среды выдвигать старшин (кътІтанов). Только 4 наиболее влиятельных, древних и богатых тухумов – Дабайхъали, Бакъкъарихъали, ШихІямархъали и Мякъяхъали имели право выдвигать по одному кътІтану из своих влиятельных членов.⁴

В Цудахарском джамаате из 6 основных тухумов старшин (хуалов) джамаата выдвигать имели право только 4 тухума.⁵ В Мекегинском обществе было 12 кварталов (кътІа), в каждом из которых находился один старшина. Однако общеджамаатских старшин выбирали только 4 кътІа.⁶

Влияние в сельской общине богатых тухумов было так велико, что если не юридически, то фактически власть их в управлении общиной превратилась в наследственную, становясь привилегией только их представителей.⁷ Поэтому от патриархально-демократических форм избрания административно-должностных лиц осталась одна внешняя оболочка. Народное избрание выродилось в простое прокламирование, ибо, отделяясь все больше и больше от массы общинников, представители богатых тухумов постепенно узурпировали власть над ними. В результате органы управления из «орудий народной воли превращаются в самостоятельные

1 Зубов П. Картина Кавказского края... СПб., 1835. Ч. III. С. 252.

2 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 160.

3 Там же. С. 161.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

5 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 121; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371; 375(2).

6 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

7 Аналогичное положение мы наблюдаем и в других союзах сельских общин Дагестана. См. Б. Далгат. Обычное право и родовой строй Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22; Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Уч. записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1956. Т. I. С. 57; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 161.

организации господства и угнетения, направленные против собственного народа».¹

Хотя «шила халати» были подотчетны избравшим их джамаатам, на практике эта подотчетность превращалась в фикцию.

Во главе духовной власти в сельских общинах стояли сельские кадии и будуны (муллы). Кадии были только при больших мечетях. А будунов в каждом селении было столько, сколько мечетей. Кадии сельских общин имели в пределах своего селения те же религиозные права, что и кадии союзов сельских общин.

Будуны при сельских мечетях в основном отправляли только духовные обряды – призывали людей на молитву, читали в мечети коран, следили за порядком в мечети и вероисповеданием членов джамаата, а также за хозяйством мечети. А будуны при больших мечетях, где имелись кадии, являлись их помощниками и во время отсутствия последних выполняли и их функции.

Наиболее важные вопросы в сельских общинах обсуждались на народном сходе, который назывался джамаатом.

Созывали народные собрания мангуши и исполнители по приказу старшин и кадиев. Местами сбора их являлись специально для этого отведенные места. Оно, писал М.М. Ковалевский, – «собиралось обыкновенно в окрестностях главного поселения» или же на площади перед главной мечетью, «особенно прославленной древностью или богатством»,² называемой у даргинцев гумаем. Так, специальным местом сбора народного собрания в Цудахарской сельской общине являлась равнина, расположенная за селением, где ныне построено здание школы, в Бутри – поляна под названием «Нагъла диркья», в В. Мулебки – поляна в середине селения, называемая «ЧитIанила» и т.д.

На сходе участвовали только совершеннолетние мужчины. В одних общинах, как, например, в Усишинском, Мекегинском, Мугинском этот возраст был установлен с 15 лет, в других – с 17–18 и даже с 25 лет.³ Женщины на сельских сходах вообще не имели права участвовать. Следовательно, в работе народных сходов не имело права участвовать большинство взрослого населения. Поэтому, вывод, сделанный М.М. Ковалевским, исходя из анализа адатов дагестанских народов о том, что в «Дагестане

1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ. Госполитиздат, 1945. С. 185.

2 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 160.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

деятельное участие в вечевых собраниях отнюдь не было представлено народу»,¹ в полной мере имеет отношение и к союзам сельских общин Акуша-Дарго.

Основными вопросами, которые рассматривались на джамаатах, являлись хозяйственно-административные вопросы общества: распределение пахотной земли, вопросы, связанные с выпасом скота и началом сельскохозяйственных работ, организацией общественных работ (строительство и ремонт дорог, мостов, оград и т.д.), выборы сельских административных лиц, а также представителей для разрешения спорных вопросов с соседними сельскими общинами.

По всем обсуждаемым вопросам принимались решения. Решения принимались голосованием, которое выражалось в поднятии рук или же в отходе в разные стороны согласных и не согласных с принимаемым решением.² Но важна не эта внешняя сторона процесса принятия решения, ибо единогласие часто имело формальный характер. Исход голосования и принятия соответствующего решения, как правило, зависел от позиции более влиятельных членов джамаата, являвшихся представителями богатых тухумов. Они оказывали давление на рядовых членов общины и добивались принятия угодных им решений.

Следовательно, джамаат фактически не являлся носителем функций народной власти. Роль и значение его все больше и больше суживались по мере усиления феодализирующихся элементов и падения политического значения рядовых общинников. Но зато параллельно с этим процессом увеличивалась роль другого органа сельского управления – совета, основанного из высших должностных лиц общины и верхушки богатых тухумов. Это был фактически высшим исполнительным органом управления общины, ибо постоянным содержанием его работы являлись наиболее важные вопросы, как сношения с другими обществами, охрана границ, вопросы внутреннего управления (распределение общественных земель, созыв народного схода и т.д.).

Для претворения в жизнь решений сельских сходов, старшин и кадиев, в каждом селении Акуша-Дарго имелся свой как бы низовой исполнительный орган власти. Составляли эту исполнительную власть определенное в каждой общине количество людей, назначаемых на эту должность джамаатом. Назывались они в каждой общине по-разному: в Акушах они назывались баруманами, что значит вестовые, исполнители; в Муги – хъубесла, хъулгъула, хъумас гъала башанти, ургуби балтахъанти

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. I. С. 76.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

или же гъешла бегІти, переводимые буквально как «охраняющие поля» или же как «имеющие власть, силу»; в Мекеги назывались они ибахур; в Усиша – хъулгула – следящие за полями; в Цудахаре – урчІеми¹ – сторожи, караулы; в Шукты – челми – обязанные или очередные.²

Выбирались они, как правило, на один год и притом в основном по очереди, о чем свидетельствуют и приведенные названия их.

Количество их, как и количество старшин, зависело от величины селения. В Усишинском, Гапшиминском, Цудахарском обществах выбирали по 9 исполнителей, в Акушинском, Мекегинском обществах по 12 человек, в Мугинском – от 7 до 12 человек³ и т.д. В обязанность их входили чисто полицейские функции. Они исполняли приказания кадия и «шила халати», наблюдали за порядком, за общественными и частными землями, за посевами, созывали людей на сборы и т.д. Из их числа назначался чапар или бегун, который в необходимых случаях ходил в другие селения, входящие в данный союз сельских общин.

Во главе этой исполнительной власти сельской общины стоял мангуш или глашатай. Выбирался он также на сельском сходе, но с согласия кадия и шила халати,⁴ в основном на один год или же бессрочно. Мангуш, помимо того, что возглавлял и направлял работу исполнителей, в то же время и сам криком с крыши одного из домов или с определенного высокого места объявлял народу приказания кадия и старшин, приводил в исполнение их распоряжения, созывал народ на сход, оглашал решения джамаата, объявлял очередность баруманов и т.д. В обязательном порядке мангуш участвовал вместе с несколькими исполнителями при взыскании большого штрафа.⁵

Для полной характеристики административно-политического управления как на местах, так и в федерации в целом необходимо остановиться и на судопроизводстве.

Выше мы отметили, что тяжбы решались по шариату и по адату. По шариату, как и у других народов Дагестана, в сельских общинах Акуша-Дарго разбирались «дела касающиеся религии, семейных отношений, завещаний, наследства и некоторые гражданские иски».⁶

1 Комаров А.В. Указ. соч. С. 78; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 371 (Полевой материал, собранный нами в 1962 г.).

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2).

3 Там же.

4 ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 78.

5 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 14.

6 Адагы Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 5. (АДОЗО).

По адатам разбирались и решались главным образом вопросы по уголовным делам – по убийству, по ранению, по ссорам, дракам и побоям, по увозу и изнасилованию женщин, по разврату, по воровству, по грабежу, по поджогам, по порчам чужого имущества, по потерям и находкам, а также по гражданским спорам, не относящимся к разбирательству по шариату.

Причина того, что шариатскому суду отводилось менее значительное место заключалось не только «в том, что строгие наказания корана за преступления, считавшиеся дагестанцами маловажными, не могли нравиться народу»,¹ но и в том, что горцам адат был более близок, чем шариат с его запутанными и сложными нормами. Адаты являлись не писаными законами самого народа, где содержались правила поведения и морали, передаваемые из поколения в поколение. В них отражалась сама жизнь народа.

Судопроизводство по адатам производилось в каждой сельской общине. Осуществлялось оно в Акуша-Дарго в отличие от других союзов сельских общин Дагестана постоянными судьями.² Ими являлись «шила халати», которые, как указывалось выше, «избирались сроком на один год из почетнейших лиц, притом, известных только фамилий». ³ Поэтому эта сельская верхушка не всегда считалась с нормами обычного права, а действовала по своему усмотрению.

Жители маленьких селений обращались для рассмотрения и разбора спорных вопросов к «шила халати» одного из соседних больших джамаатов, входящего в один и тот же союз сельских общин. Иногда спорящие, указывается в «Адатах Дагестанской области и Закатальского округа», – обращались для решения дел особой важности к картам (шила халати. – Авт.) других селений, издавна приобретшим известность своею непогрешимостью». ⁴

Кроме того, как и у других народов Дагестана, в Акуша-Дарго, существовала и особая форма судопроизводства, известная под названием маслаат. Сущность его заключалась в том, что спорные вопросы решались не сельскими старшинами, а специальными посредниками, набранными самими тяжущимися.

По всем спорным вопросам, которые разбирались как шариатским, так и судом по адату, апеллировали к акушинскому кадию. «Дела недо-

1 Там же. С. 5-6.

2 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 161.

3 Там же.

4 АДОЗО. С. 5.

вольных решениями сельских кадиев, по шариату, – говорится в источнике, – окончательно разбирал и решал Акушинский кадий, он же решал окончательно и по жалобам на адатные решения сельских картов». ¹ Разбор дела и шариатский суд, и суд по адату производили по личному заявлению потерпевшего или истца. По доносам разбирались только такого рода действия, от которых терпело все общество.

Существовал иск прямой и по подозрению. Доказательством по адату считались собственные признания виновного, поличное показание не менее двух свидетелей, подтвержденное присягой – причем женщины, как правило, в сельских общинах союза к присяге не допускались, или же допускались только тогда, когда, как например, в Акушинском и Мекегинском союзе сельских общин, когда один из свидетелей являлся мужчиной; в таком случае две женщины считались за одного свидетеля, ² показания раненного и умирающего, вещественные доказательства, а также письменные документы, подтвержденные присягой подписчика.

Основными видами наказания по адатам являлись: 1. Выход в канлы – изгнание виновного из селения с предоставлением обиженному и ближайшим его родственникам права безнаказанно убить изгоняемого или простить его на известных условиях; 2. Изгнание из селения на определенный срок, но без предоставления обиженному права убить изгоняемого; 3. Штраф в пользу обиженного или общества.

Самым тяжким преступлением по адатам верхнедаргинских общин считалось умышленное убийство. Обвиненный в убийстве считался кровным врагом (баш-канлы) родственников убитого и до примирения подвергался кровомщению. ³ Право кровомщения принадлежало не всем родственникам убитого. Убийца мог быть убитым везде при встрече с родственниками убитого. ⁴

К разряду тяжких преступлений относилось также воровство из мечети, мельницы, гумна и пашни. Так, по адатам Цудахарского союза сельских общин за воровство из мечети брался двойной штраф и джамаату, и тургакам (исполнителям), уворованное взыскивалось в десятикратном размере, а обвиняемый делался канлы (кровным врагом) всего джамата, как за убийство и удалялся из общества. ⁵ По адатам Акушинского

1 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

2 АДОЗО. С. 111, 131.

3 Там же. С. 86-87.

4 Там же. С. 89.

5 Там же. С. 255.

джамаата за воровство из мечети взыскивались 17 быков джамаату, 17 быков мангушу и тургакам и 7 быков тургакам всего союза.¹ По адатам Мугинского джамаата за воровство из мечети помимо штрафа, сжигали дом виновного.² Ряд статей адата и основанное на них судопроизводство, оберегали общественную администрацию и защищали права и интересы феодальной верхушки.

В целом судопроизводство соответствовало сложившимся социально-экономическим отношениям. Оно полностью находилось на стороне богатой феодализирующейся знати, в интересах и под влиянием которой и принимались нормы адата, являвшихся юридическими нормами поведения, которыми должны были руководствоваться члены общины в своей повседневной жизни.

§ 3. Генеалогия акушинских кадиев и их роль в системе управления федерации Акуша-Дарго.

Во главе Акуша-Дарго стоял акушинский кадий. В его руках находилось духовное и светское управление союза. Это было высшее должностное лицо, сосредоточившее в своих руках всю полноту власти.

Звание акушинского кадия «было наследственно в роде или тухуме кадиевском»³ из Верхнего аула (Хьарша), хотя формально наследование должности, подобно должности и власти уцмия или шамхала, было завуалировано пережитками народоправства. Преемник кадия, если даже являлся представителем кадиевского рода и прямым наследником, вступал на эту должность не механически после смерти кадия или же после отказа его от власти, а выбирался на народном сходе, который созывался

1 Там же. С. 123.

2 Там же. С. 166.

3 Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан» (ГУ «ЦГА РД») Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. С. 8. См. также: Вранкен. Политический обзор Дагестанской области // Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. Военно-ученый архив. Д. 6514. Л. 34; Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 10; Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч. 3. С. 252; Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. (Материалы для статистики Дагестанской области) // Сборник сведений о кавказских горцах (Далее – ССКГ). Тифлис, 1868. Вып. I. С. 74; Его же. Списки населенных мест Дагестанской области // Известия кавказского отдела русского географического общества. Тифлис, 1869. Т. I. С. 12; Адаты Даргинских обществ: Примечание // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 12; Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 11, 249.

на специальной поляне под названием «Холарги кадала хар» («Халарги кьадала хьар»), расположенной в нескольких километрах от селения Акуша.¹ Но такого случая, чтобы при выборе главного кадия обошли кадиевский род – не было.²

Первым, известным нам по имеющимся источникам, акушинским кадием был Гаджи-Махмуд, сын Магомеда, живший, как можно судить по имеющейся записи, в конце XVI – начале XVII в., который назван кадием эпохи (ал-аср). Гаджи-Махмуд упоминается в связи с описанием сражения верхнедаргинцев и сюргинцев с персидскими войсками шаха Аббаса I в 1020 г.х. (1612 г.).³ В связи с этими сведениями и, исходя из наследственности власти акушинского кадия, представляется возможным предположить, что в конце XVI в. кадием Акуша-Дарго был отец Гаджи-Махмуда – Магомед.

К сожалению, после кадия Гаджи-Махмуда мы не располагаем сведениями по большому историческому отрезку времени – вплоть до 80-х годов XVII в. В записи рукописной книги Ал-Газали под названием «Зикр ал-мавт», сделанной в 1096 г.х. (1685 г.), упоминается кадий Акуша Абд-ал-Халим (Абдулхалим), сын Динмагомеда.⁴ Можно предположить, что Абдулхалим был кадием Акуша-Дарго во второй половине XVII в. Как указывалось выше, сведения не говорят, кто был кадием Акуша-Дарго до Абдулхалима. Однако исходя из указанной записи в рукописной книге Ал-Газали можно предположить, что им мог быть отец Абдулхалима Динмагомед.

В начале XVIII в. акушинским кадием был Айюб (Айгуб, Айгун). Он скончался в 1121 г.х. (1709 г.).⁵ После него кадием был Абд-ал-Халим ал-Акуши, который умер через три года – в 1123 г.х. (1711-1712 г.).⁶ Из этого сообщения можно предположить, что Айюб-кадий был сыном кадия Абдулхалима, жившего в конце XVII в. и что он (Айюб) своего сына назвал в честь своего отца также Абдулхалимом.

1 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост., пред. и прим. Хашаева Х.-М. М., 1965. С. 14.

2 ГУ «ЦГА РД». Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. С. 8.

3 Алиев Б. Памятники арабской письменности по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX.

4 Рукопись книги Ал-Газали «Зикр ал-мавт» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. № 2123. Данные любезно предоставлены в наше распоряжение Т.М. Айтберовым.

5 Шихсаидов А.Р. Отчет о командировке в даргинские районы в 1961 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 32.

6 Там же. Л. 32 об.

По сведениям русских источников, акушинским кадием в 1730 г. был Аслубекер (Аслубакар), который наряду с другими феодальными владельцами Дагестана получал содержание от русского правительства.¹

Источники не говорят, сколько лет правил Аслубакар. Однако, исходя из сведений П.Г. Буткова, основанных на доступных ему источниках, можно предположить, что он умер в начале 30-х годов XVIII в., **так как по** этим источникам «кадием акушинских народов», т.е. Акуша-Дарго уже в 1735 г. был Аджи-Айгун (Гаджи-Айгун, Айгуб-Гаджи), который вместе с другими владельцами Дагестана 11 января 1735 г. дал присягу генерал-лейтенанту Левашову о вступлении его вместе с 30 деревнями в русское подданство.² Видимо, Аджи-Айгун (Айгун-Гаджи) был назван так в память о своем прадедушке Айгубе (Айгуне), правившем в Акуша-Дарго в начале XVIII в. **Кадием союза Акуша-Дарго Аджи-Айгун был до 60-х годов XVIII в. Согласно записи в хронографе арабиста из селения Мекеги Левашинского района Кембарова Шахбана кадий Айюб ал-Акуши умер в 1181 г.х. (1766-1767 г.).**³

По данным имеющихся источников, в начале XIX в. **кадием в Акуша** был Абакар-Гаджи.⁴ В 1811 г. он погиб в сражении, происшедшем между войсками Шихали-хана Кубинского, на стороне которого участвовало 3000 верхнедаргинцев во главе с акушинским кадием, и России – под деревней Рустов.⁵

После гибели Абакар-Гаджи кадием Акуша-Дарго стал Зухум, который вскоре добровольно отказался от титула в пользу сына Абакар-Гаджи-Магомеда. Последний в 1819 г., после взятия Акуша русскими войсками, был смещен А.П. Ермоловым,⁶ и кадием Акуша-Дарго был снова назначен Зухум, «бывший в сем звании не задолго прежде и добровольно сложивший оно». ⁷ В 1827 г. из-за старости Зухум-кадий был освобожден по его просьбе, и на должность акушинского кадия снова был назначен

1 ГУ «ЦГА РД». Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 76.

2 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 12. Ч. 3. С. 413; Описание писем на арабском языке // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, письмо № 1524.

3 Шихсаидов А.Р. Указ. соч. Л. 6, 32 об.

4 Описание писем на арабском языке // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, письмо № 1683; Акты Кавказской археографической комиссии (Далее – АКАК). Тифлис, 1870. Т. IV. С. 679; Рукопись с перевода рассказа Кади Магомед-оглы, жителя селения Усиша Даргинского округа // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 12.

5 Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 159-160.

6 АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 80.

7 Там же; Ермолов А.П. Записки (1816-1827 гг.). М., 1864. Ч. 2. С. 100.

Магомед, сын Абакар-Гаджи,¹ пользовавшийся большим авторитетом не только в Акуша-Дарго, но и в других владениях Дагестана, и неограниченной властью.² Правил Магомед-кадий союзом Акуша-Дарго до 1847 г., когда он был смещен, а кадием назначен Шабан Зухум из Уллу-ая (отселок Акуша).³

Последним из наследственных кадиев всего союза Акуша-Дарго, «пользовавшихся правом надевать папаху на вновь избранного шамхала», был Нурбаганд-кадий, сын Зухум-кадия.⁴ В 1854 г. последний был уволен русским правительством, а Даргинский округ разделен на участки, во главе которых русским правительством ставились начальники.

§ 4. Военная организация.

Наиболее ранние сведения о воинских силах Акуша-Дарго относятся к XVI в.

По сведениям участника похода Хворостина 1593 г. Аллагы у «Шевкалова уздена Бурунчи», являвшегося владельцем «кабака Аркуша», было «30 человек конных».⁵

Как видно, это количество воинов очень маленькое. Однако мы должны учесть, что здесь перечисляются лишь конные воины и притом вполне возможно, что автор имеет в виду только то количество воинов, которое представлялось правителем Акуша в помощь шамхалу в мирное время.

В случае же необходимости Акуша-Дарго выставяло довольно внушительную силу. Для защиты союза «от внешних врагов, – говорится в документе, – Кади заранее составлял список намеченных в войске лиц по расчету – с каждых десяти домов одного».⁶

Надо полагать, что здесь имеется в виду то количество воинов, которое в обязательном порядке должно было выставлять каждое хозяйство в полном вооружении. Такой порядок комплектования воинских сил в Акуша-Дарго мог быть вызван необходимостью быстрее сбора в случае нужды готового во всех отношениях к походу войска. Поэтому и были

1 АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 86.

2 Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 260; Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 309.

3 АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 877.

4 Вилльер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 7.

5 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 293.

6 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 4.

определены конкретно и притом заранее, а не перед походом, те хозяйства, которые были обязаны выставить по одному воину. Эта обязанность десятой части всех хозяйств Акуша-Дарго выставлять воинов выступает здесь как воинская повинность, а общее количество всех этих воинов – в виде постоянной армии.

Но союз имел возможность выставлять еще больше воинов и в особо опасных случаях не ограничивался указанным выше количеством. «В важных случаях, – говорится в документе, – собиралось поголовное ополчение, всякий могущий носить оружие, должен был идти».¹

Однако не все имели возможность приобрести вооружение и коня. Поэтому, в особенности, «когда войны приобретали... общенародный характер, зажиточные тухумы помогали обыкновенно беднейшим приобрести оружие, амуницию и продовольствие на время похода»,² и таким образом войско федерации доходило до значительного количества. После же окончания войны, «когда... это войско, выполнив свою задачу, возвращалось по домам, то оно отдавало назад хозяевам лошадей и оружие».³ По имеющимся сведениям, мы можем судить и о численности воинов Акуша-Дарго. В одном из документов начала XIX в. об акушинцах говорится, что они «славились раньше своею воинственностью, выставляли многочисленные ополчения и часто вели войны с соседями».⁴

По сведениям академика П.Г. Буткова, в конце XVIII в. «шамхал тарковский от принадлежащих ему владений и более акушинского народа, мог выставить 26000 человек».⁵ Согласно сведениям Окольного, собственно Акуша-Дарго могло выставить 15000 воинов.⁶ А «при всеобщем ополчении» воинская сила Дарго доходила до 17 тыс. человек.⁷ По сведениям же А. Комарова, Акуша-Дарго вместе с Сюрга могло выставить 25 тыс. воинов.⁸ А. Ржевуский писал, что акушинцы «славились в прежние времена своею воинственностью, выставляли многочисленные ополче-

1 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 14.

2 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 159.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 5.

4 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 35; Ржевуский Р. 1845 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 260.

5 Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях // ИГЭД. С. 210.

6 Окольный. Перечень последних военных событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 5. №1. С. 155. Указ. соч. С. 155.

7 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.

8 Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // ИКОИРГО. Тифлис, 1869. Т. I. С. 16.

ния».¹ Как отмечал И.-Г. Гербер, это были «люди к войне храбрые, доброконные и вооруженные»,² подготовленные к «ратному делу», которые, как и другие народы Дагестана, «воинскому духу присоединяли гораздо более трудолюбия, неумоимости и силы, нежели другой Азийский (азиатский. – Авт.) народ».³

Утверждение о том, что основную часть войска шамхала Тарковского составляли верхнедаргинцы мы находим и в других документах. Офицер русской армии А.И. Ахвердов, побывавший в Дагестане в 1795–1796 и в 1803 гг., писал, что «войска у него (шамхала. – Авт.), окружных деревень его и республиканцев, называемых Дарго Окуша, собраться может до пятнадцати тысяч человек».⁴ Далее он писал, что шамхал «зимою... в самой крайности и пяти тысяч войска выставить не может в разсуждении неимущества у горцев нужного платья, так как и по невозможным проходам через горы от великих снегов».⁵

Значит, если шамхал мог выставять 26000 войско, состоявшее «более (из) акушинского народа», которое зимой доходило только до 5000 человек в виду того, что последние (верхнедаргинцы) не могли из-за холодов и отсутствия необходимого снаряжения для зимних условий участвовать с шамхалом, то мы должны сделать вывод, что в XVIII в. союз верхнедаргинских общин в необходимых случаях мог выставять не менее 15–20 тыс. человек. Р.М. Магомедов утверждал, что Акуша-Дарго в случае всеобщей мобилизации при внешней агрессии мог выставить 25–30 тыс. человек.⁶ Может быть, это несколько преувеличенное число, однако надо иметь ввиду, что Акуша-Дарго по количеству населения превосходило многие феодальные владения Дагестана. Это были «люди к войне храбрые, доброконные и оруженные»,⁷ подготовленные «к ратному делу», которые, по словам одного из авторов, как и другие народы Дагестана, «к воинскому духу присоединяли гораздо более трудолюбия, неумоимости и силы, нежели другой какой Азийской народ».⁸ Известно, что только Мекеги в 80-е годы XVIII в. мог выставить до 4 тыс. воинов

1 Ржевусский А. 1845 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 260.

2 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

3 Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии / Пер. с франц. СПб., 1805. С. 25.

4 Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 215.

5 Там же.

6 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч.2. С. 294.

7 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

8 Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии / Перевод с франц. языка. СПб., 1805. С. 25.

¹. А ведь Мекеги было меньше Акуша, где было до 7000 семей, даже в Гапшима тогда же было 8000 хозяйств ².

Акушинцы были хорошо вооружены, имели как холодное, так и огнестрельное оружие. Сведения о вооружении их дает участник Персидского похода Петра I И.-Г. Гербер. Он писал, что «они все добрые и изрядно вооруженные воины, и большая часть из них носит панцири, имеют сабли и хорошее огнестрельное оружие».³ По свидетельству Я. Рейнеггса, «Сила их (верхнедаргинцев. – Авт.) и храбрость всему Кавказу известны, и сами лезгины (дагестанцы. – Авт.), соседи их с коими они часто сражаются, едва могут стоять против их мужества» ⁴.

Вооружение, в особенности огнестрельное оружие, являлось привозным из Харбука и Кубачи, а также местного производства.⁵

Было определено и военное начальство. Отряды сельских общин возглавлялись местными старшинами, а во главе всего войска союза стоял акушинский кадий, который «объявлял войну и заключал мир».

Для защиты своей территории от нападений внешних врагов в союзах сельских общин Акуша-Дарго строили крепости и другие оборонительные сооружения. На вершине горы, расположенной к северо-западу от сел. Гапшима, до сих пор сохранились остатки Гапшиминской башни и крепостной стены, построенной горцами еще в годы борьбы против татаро-монгольских завоевателей (в XII–XIV вв.). Сохранилась до наших дней и четырехэтажная башня, построенная в 772 г. хиджры (1372) в сел. Муги. На каждом этаже башни находятся по восемь бойниц, по две бойницы на каждой стене, которые имеют клинообразную форму с острием книзу. Чтобы защитники могли удобно наблюдать за врагом, бойницы внутри башни имели форму ниш размером 70–80 см., суживающиеся при выходе во внешнюю сторону стены в виде клина. На 3–4 этажах башни имеется по одному окну, обращенных на юго-запад. К этой башне прилегают также и остатки разрушенных сооружений из камня, на основании чего можно предположить, что раньше в этом месте, так как оно являлось краем селения, находился целый комплекс оборонительных сооружений.

¹ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 274.

² Там же.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль-октябрь 1760. С. 111.

⁴ Рейнеггс Я. Историко-топографическое описание Кавказа. 1796 г. // Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 278.

⁵ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

Как и другие народы Дагестана, даргинцы «располагали свои деревни на такой местности, которая могла бы представить наиболее выгод при обороне от вторгающегося неприятеля».¹ Так, сел. Акуша раньше было расположено только на горе, где сейчас «Хъарша» (верхний аул). Селение Цудахар до восстания 1877–78 гг. располагалось на горе, находящейся примерно в 1,5–2 км. к югу от нынешнего селения Цудахар. В народе до сих пор это место известно под названием «Буркъа ши» (старое селение). Вокруг селения была оборонительная стена с башнями. Селение Усиша также раньше было расположено только на вершине горы, вокруг которой находилась стена.²

Если селение располагалось в овраге, «места аула, доступные неприятелю, закрывались каменною стеною с бойницами и башнями, для фланговой обороны, а иногда такую стену заменял простой плетень из хвороста, перевитого в два ряда и вооруженного колючками. В стене, окружающей аул, располагались ворота для въезда в поля или соседние аулы; со стороны же, неподверженных неприятельскому нападению, ни ворот, ни стен не было».³ Подобную позицию занимало сел. Гапшима. Будучи расположенным в глубоком овраге, селение с северо-запада и юго-востока было защищено высокими горами, а в двух концах (северо-восток и юго-восток), через которые можно было попасть в селение, были построены ворота, «которые на ночь запирались» после возвращения всех стад, «а внутри селения всегда был караул, помещавшийся в башне, выстроенной при воротах»⁴ на случай внезапного нападения врага. Сел. Мекеги с юго-запада, имея естественную защиту – недоступное глубокое ущелье, откуда невозможно было проникнуть в селение, с остальных трех сторон было защищено крепостной стеной с оборонительными башнями и тремя воротами.⁵

Сторожевые оборонительные башни строились почти во всех населенных пунктах. Располагались они «на таких местах, откуда можно было видеть окружающую местность на значительное расстояние и занимались днем и ночью караулом из ближайших аулов».⁶

На границах союзов сельских общин постоянно находились дозорные (сторожевые посты), которые в случае нападения врага быстро сообщали

1 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1. С. 534.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375.

3 Дубровин Н. Указ. соч. С. 534.

4 Там же.

5 Полевой материал, собранный нами в 1962-1963 гг.

6 Дубровин Н. Указ. соч. С. 534.

об этом обществе. Таким сторожевым местом Акушинской общины и союза в целом раньше являлось место, где расположено современное сел. Леваша. Имеющиеся сведения говорят о том, что на месте этого сторожевого места и возникло в XVIII в. селение Леваша.¹

Все это позволяет сделать вывод о том, что в XVII–XIX вв. Акуша-Дарго, будучи одним из многолюдных владений Дагестана, мог выставить хорошо вооруженную и довольно значительную для того времени воинскую силу, что и делало его одним из сильных владений Дагестана.²

Исходя из этого и строили свои взаимоотношения с Акуша-Дарго другие союзы сельских общин и феодальные владения Дагестана.

В целом приведенный материал по политическому устройству показывает, что Акуша-Дарго находилось на стадии развивающихся классовых отношений. Особенностью административно-политического устройства Акуша-Дарго являлось своеобразное переплетение теократической формы правления с пережитками народоправства. В лице наследственного кадия союза и кадиев «вольных» обществ, которым принадлежала непосредственная политическая и духовная власть, мы имеем теократическую форму правления. Сохранившимися в пережиточном виде чертами демократического устройства, что особенно ярко проявлялись на местах – сельских обществах, являлось наличие народного схода, выборность должностных лиц и т.д. Однако и здесь, хотя власть была более демократичной, во многом и она уже была ограничена и с точки зрения реальной политики в значительной степени носила черты формальности. Причиной этого являлось давление более сильных тухумов, становившимися доминирующими и в политической жизни, в результате чего постепенно они узурпировали власть в сельском управлении.

¹ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 42; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 121; Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 3. С. 241–242; Костенецкий Я. Указ. соч. С. 96.

ГЛАВА V. КУЛЬТУРА АКУША-ДАРГО.

Как и другие народы Дагестана, жители союзов верхнедаргинских сельских общин Акуша-Дарго создали свою самобытную культуру, которая имела много общих черт с культурой лакцев, аварцев, кумыков, лезгин и других народов, ибо она обогащалась и развивалась во взаимодействии с их культурой, подобно тому, как и культура каждого в отдельности из указанных народов страны гор, находилась под воздействием других.

В то же время культура даргинцев имела и свои специфические национальные особенности, выражавшиеся не только в наличии конкретных отличительных форм и качеств, но и в сохранении местных особенностей на каждой территории, т.е. «черт яркой индивидуальности, характерных именно для того или иного народа»,¹ входившего в состав союза.

Культура даргинцев, как и других народов Дагестана, нашла свое отражение в народном творчестве, письменных памятниках, искусстве.

Из всех видов духовной культуры самое широкое развитие получило устное народное творчество, значение которого особенно велико в связи с отсутствием письменности на родном языке или наличии письменности на непонятном народу арабском языке. Замечательным плодом устного народного творчества является фольклор, который, по словам А.М. Горького, «от глубокой древности... неотступно и своеобразно сопутствует истории».²

Устное поэтическое творчество даргинцев находилось в тесной связи с их социально-экономической и политической историей. Поэтому, хотя до нас и не дошли произведения народной мудрости, которые с достоверностью можно было бы отнести именно к исследуемому периоду, но на основе анализа архаических черт фольклора много трудовых обрядовых песен, погребальных плачей, загадок, поговорок, пословиц, сравнений, анекдотов, сказок, игр и т.д., «отражавшие сложный мир взаимоотношений человека с силами природы, сельскохозяйственных примет, имевших большую важность в жизни земледельцев и скотоводов»,³ можно отнести и к более раннему периоду, чем рассматриваемое время. Произведения устного народного творчества передавались из поколения в поколение. Ввиду этого, хотя их письменных текстов и нет, но собранные в более позднее время тексты уходят корнями в глубокую древность и связаны с

1 Очерки истории СССР XVII в. С. 922.

2 Горький А.М. О литературе. Статьи и речи 1928-1936 гг. М., 1937. С. 456.

3 История СССР. М., 1956. Т. I. С. 58.

хозяйственной и повседневной жизнью горцев. Как и у других народов Дагестана, у даргинцев каждое время года сопровождалось особыми обрядами, неотъемлемой частью которых являлись песни, танцы и игры. Особо среди них надо отметить обряды, связанные с земледельческим культом – праздники первой борозды и сбора урожая.

Большое распространение у даргинцев получили семейно-обрядовые песни, которые пелись на свадьбах и похоронах. Свадьба являлась не только праздником веселья, но и сложным драматическим ритуалом, связанным с неравноправным положением женщины.

Особенно душевны по своему содержанию и проникнуты глубоким драматизмом были похоронные песни, плачи и причитания, в которых воспевались личные качества покойного и печаль родных.

Распространенными песнями являлись также военные, трудовые и любовные песни. Особенно много любовных песен, посвященных и любви полной надежд и ожиданий, и любви несчастной, где виновниками горя оказываются или «рок», разлучивший любящую пару, или война, в которой погибает любимый.

Большое место в устном народном творчестве даргинцев занимают исторические легенды и предания. До сих пор старожилы даргинских селений рассказывают предания об упорной борьбе на территории Дагестана арабов, монголов, полчищ Тимура, войск персидских шахов – Аббаса I и Надира и т.д. Эти легенды и предания не только передавались из поколения в поколение, в результате чего до нас дошли с большими изменениями, но и по рассказам очевидцев, отдельные из них, как например, легенда о личности Тимура, были записаны и переписывались затем местными учеными-арабистами.

Богато народное творчество даргинцев и многочисленными юмористическими и сатирическими сказками, посвященными Молле Насреддину, в которых он выступает то как любимец народа, то как балагур, шутник и весельчак. Много также сказок, посвященных животному миру.

Немалое место в быту даргинцев занимают и такие фольклорные жанры как: пословицы, поговорки, загадки, анекдоты и сравнения, которые по своему характеру охватывают все области жизни горца. Такие народные поговорки, как, «если весной будешь спать, зимой будешь плакать» и наоборот, «если весной будешь работать, зимой будешь спать», «божьих дней много, а у хозяина хлеба много», «посеяв сах, собрал барха», «если летом мозг не будет кипеть, то зимою котёл не будет кипеть», «боящийся

волков не сохраняет баранту», «плохая корова в плохое время телится»¹ и т.д. посвящены трудовой деятельности и занятиям населения верхнедаргинцев. Много среди этих поговорок даргинцев таких, где воспевается храбрость («у храбреца на кладбище могила не бывает», «храбрец сохраняет село» и т.д.) и с презрением осуждают трусость («лучше пусть мать умрет, чем родит труса»)².

Богат сюжет даргинских поговорок и такими, в которых отражены социальные отношения своего времени и имущественное неравенство («у бедного человека богатство – здоровье», «живот поведет человека к воротам врага», «сытый голодного не слышит», «у кого нет шароваров, у того и сто человек их не снимут», «значение котла голодный хорошо знает» и т.д.), показано неравенство («на руках пальцы и те не одинаковые», «сах» сделан меньше, чем «барха») и разоблачаются административные лица, которые являлись носителями несправедливости («если папаха надвинется на уши, то даже кадий ошибается», «чем съест что-либо свое, лучше общественное сало скушает», «подарок осла съедает осёл» и т.д.)³.

Вместе с тем они показывают насколько сильны были еще черты патриархальных отношений, родственные связи («чем шуба рубаха ближе к телу», «веревка из льна порвется, мясная веревка не рвется»), значение коллектива, общества («войлочная сабля общества острее, чем стальная сабля одиночки», «если общество будет плевать, то большое место запачкает») и маслаата («хорошее слово обнаженную саблю вкладывает в ножны»)⁴ и т.д.

Многочисленные загадки и сравнения показывают занятия населения союза, их трудовую деятельность и другие стороны жизни. Такие загадки, как «живот каменный, а спина деревянная» (молотильные доски), «когда ткут черное, когда кончат зеленое, когда отрежут белое» (пахотное поле)⁵ и др. говорят о древности земледелия даргинцев.

Все эти жанры устного народного творчества, получившие широкое распространение среди даргинцев, составлялись в течение многих веков и поэтому отражали мысли и чувства сотен поколений людей в их повседневной жизни.

1 Даргинские пословицы, поговорки, загадки, собранные Б. Магомедовым // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 237.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же.

В XVII-XIX вв. продолжается проникновение и усиление позиций ислама. В целях распространения ислама, как и в других территориях Дагестана, на территории Акуша-Дарго открывались школы (медресе), в которых обучали корану, арабскому языку и письменности.

Такие крупные селения союза как Акуша и Цудахар, подобно Хунзаху, Ахты и другим местам, «уже издавна славились своими школами, где... предания исламизма переходили из рода в род.¹ Не случайно, поэтому из этих двух селений выходило много знатоков догм ислама и арабского языка, которые служили при мечетях даже за пределами союза. Готовились они не только внутри союза, но и в других районах Дагестана. Сохранилось письменное сведение, что в 1100 году хиджры (1698 г.) в Хунзахе муталлимом был акушинец по имени Омар.² Под непосредственным влиянием арабоязычной культуры выросли в союзе и известные во всем Дагестане ученые-арабисты, среди которых в исследуемый период жили и творили Дамадан-Эфенди Мугинский (умер в 1708 г.) и Гаджи-Дауд Усишинский (умер в 1758 г.). Как советские, так и дореволюционные ученые – знатоки арабского языка причисляют их, наряду с другими, к большим ученым-арабистам.³

По словам И.Ю. Крачковского Дамадан Мугинский являлся энциклопедическим ученым, который обнял все отрасли арабоязычной науки. А известный дагестанский ученый-арабист М-С. Саидов назвал его «основположителем математических, астрономических и медицинских наук в Дагестане».⁴ Прекрасно владея арабским, турецким и персидским языками, Дамадан перевел с персидского на арабский язык «Комментарии к Муккадиму Улугбека» ал-Буржанди. Он самостоятельно изучал небесные тела с помощью сконструированных им самим астролябических приборов. Он объяснял такие явления как движение Солнца, Луны и их затмения.

Будучи знаком с медицинскими трудами Абу-ль-Касим из Захрави, Ибн-аль-Байшар⁵ и других ученых, Дамадан составил краткий справочник с указанием названий лекарств, способов их изготовления из расте-

1 АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 127.

2 Завещание Мухаммеда б. Тпурараб. Завещание Андонике (перев. с араб. яз. М. Саидова) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 5.

3 Алкадари Г.Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1923; Али Каяев. «Биографии дагестанских ученых» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН; Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов. М., 1941. С. 99.

4 Абдуллаев М.А. Мыслители» Дагестана XIX нач. XX вв. Махачкала, 1963.

5 Там же.

ний, неорганических веществ и животных органов. Составленный Дамаданом медицинский справочник по имени автора получил название «Дамадан», был переведен на дагестанские языки и многие десятилетия служил руководящим пособием для местных медиков.¹ Поняв значение науки, знаний, Дамадан Мугинский призывал ученых неустанно работать в поисках нового.

Другой ученый – Дауд Усишинский был учеником известного не только в Дагестане, но и на мусульманском Востоке, Мухамеда Кудутлинского (из сел. Кудутль). Как и учитель, Дауд стал широко известным ученым, который перевел арабские труды по философии и логике. Он был знатком астрономии, написал несколько трактатов по грамматике на арабском языке («Шарху шафия» и др.), которые получили общее признание в Дагестане. Он перевел также восточную литературу на свой родной даргинский язык. Старожилы села Акуша помнят, что они читали «Камила и Димна» в переводе Дауда Усишинского.²

Дауд Усишинский был передовым человеком своего времени, взгляды которого зачастую расходились с догмами шариата. «В то время, когда многие ученые оправдывали грабительские нашествия на Грузию, он смело заявлял, что эти нашествия противоречат чести и достоинству человека, следовательно, противоречат шариату».³ Выступал он также в защиту угнетенных, проповедуя «невозможность различия в правах между дагестанцами». Поэтому народ с большим уважением и любовью относился к знаменитому ученому.

Своими прогрессивными взглядами на многие вопросы общественной жизни Дауд Усишинский превзошел своего учителя Мухаммеда Кудутлинского.

Таким образом, уже в исследуемый нами период на территории федерации, как и в других районах Дагестана, были не только грамотные для своего времени люди, но и знаменитые ученые, известные далеко за пределами союза.

Грамотность, в основном, арабоязычная в XVII-XIX вв. на территории Акуша-Дарго была распространена широко. Об этом говорят многочисленные надписи на надгробных памятниках и на полях арабских книг. Имеются сведения, что еще задолго до исследуемого периода даргинцы

1 «Воспоминания муталима» // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. II. С. 83.

2 Абакарова Ф. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963. С. 5.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 291. С. 51.

делали попытки создать свою национальную письменность на основе арабского алфавита. В 1959 г. сотрудник Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР М.-С. Саидов обнаружил книгу «Аль-Ихья» («Оживление религиозных наук») арабского философа Аль-Газали, которая в 1507 г. была переписана акушинцем Идрисом, сыном Ахмеда. На полях этой книги имеются записи, в которых обнаружены даргинские предложения, переводы на даргинский язык непонятных арабских слов и примечания.¹ Это один из древнейших памятников даргинской письменности.

В исследуемый период на территории союза жило много знатоков арабского языка, которые переписывали многочисленные арабские книги, разнообразные по своему содержанию. Помимо богословских наук они переписывали книги по грамматике, словари, сочинения по различным жанрам, географическую литературу, книги по астрономии, логике, медицине и т.д. Во время летних экспедиций в 1962 и 1963 гг. нам удалось обнаружить на территории бывшего Акуша-Дарго многочисленные книги, переписанные жителями Акуша, Усиша, Цудахар, Куппа, Муги и т.д.

В селении Усиша обнаружены две отрывки из «Ихйа улум ад-дин», знаменитого этико-догматического трактата ал-Газали, переписанных соответственно 29 зу-л-када 586/ 19 декабря 1190 г. «в годе мира Багдаде» и зу-л-хиджа 586/ января или в начале февраля 1191 г. Данный старейший экземпляр хранится в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук².

В 1984 г. историко-археографическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР обнаружила в селении Муги Акушинского района (коллекция Магомед-Запира Закаригаева) другое сочинение ал-Газали – юридический трактат «ал-Ваджиз» («Краткая»). Переписка рукописи осуществлялась в 4 «приема»: 12 шаввала 709 г.х., 22 шаввала 709 г.х., зу-л-када 709 г.х., соответственно – 15 марта, 25 марта, 2 апреля 1310 г. Переписчик – Ахмад ибн Ибрахим ибн Халил, известный как Кака ал-Кайсари. Имеется владельческая запись Ильяса ибн Исмаила от раби ал-аввал 743/ августа 1342 г. Если история появления старинного экземпляра «Ихйа улум ад-дин» в копии 1191 г. не зафиксирована, то для «ал-Ваджиз», датированного 1310 г., сохранилось любопытное известие: этот список известного юридического трактата

¹ Древнейший письменный памятник на даргинском языке // Дагестанская правда. 8 июля 1959 г.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.14. Оп. 1. № 909.

был доставлен в Дагестан и вручен местному владельцу Тимуром во время одного из его походов в Дагестан. Об этом повествует запись на полях одной из страниц рукописного текста: «Памятная запись на будущее. Достойнейший Тимурлен пребывал в селениях Дарга с многочисленными боями. Ему было подчинено все общество при помощи великой силы. Он победил людей, (отнял их) имущество, убил (много) мужчин и женщин, установил власть эмиров над селениями (кура) и областями (навахи-общинами). И назначил он М. ха, сына Б. главой (вали) над селением Муги (Муха). После этого (Тимур вручил) ему (эту) книгу, чтобы он руководствовался ею (при управлении) среди населения по справедливости и беспристрастно. (Это имело место) третьего числа (указанного) месяца этого года 791 г.»¹ (Возможно, дата относится к 797 г.х., что ближе к истине. – Авт). Раздел «Зикр ал-мавт» из «Ихйа улум ад-дин». Переписчик Йусуф ал-Кубаши, 1467 г. также хранится в селении Муги в коллекции Магомед-Запира Закаригаева². В его же коллекции имеется текст руб'а «ал-Адат». Переписка всей рукописи шла в течение мая-ноября 1673 г. Переписчик Хидир, сын Маната ал-Мухи. Раздел «Зикр ал-мавт» из «Ихйа Улум ад-дин». Переписчик – Хидр, сын Маната ал-Мухи также хранится в селении Муги у М. Закаригаева³.

В селении Усиша у Гасанова Магомеда хранятся общественные книги, написанные на арабском языке, среди которых имеется толковый словарь арабского языка в двух томах, переписанный в 1077 и 1078 гг. хиджры (1669-1700 гг.) Магомедом, сыном Магомед-Гаджи из селения Цудахар и его сыном Сулейманом. Здесь же имеется книга, посвященная толкованию шариата, переписанная в 1130 г. хиджры (1719–1720 гг.) Маллой сыном Касума из Усиша.⁴ У Алибекова Алибека (один из знатоков арабского языка сел. Усиша) среди многих арабских книг хранится книга под названием «Ключ, открывающий счастливый конец», переписанная в 1133 г. хиджры (1722 г.) Абдуллой сыном Магомеда, сына Гаджи, сына Каландара из сел. Усиша.⁵ У Ахмедова Магомеда из сел. Гапшима

1 Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 22.

2 Шихсаидов А.Р., Саидов М.-С., Айтберов Т.М., Исаев А.И., Оразаев Г.М., Мирзамагомедов Г.М. Итоги археографической экспедиции // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. Махачкала, 1980. С. 43.

3 Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Указ. соч. С.73.

4 Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

5 Там же.

имеется рукопись на арабском языке, переписанная в 1116 г. хиджры (1706 г.) Раджабом Казимухаммедом из сел. Куппа.¹

Немало арабских книг, переписанных знатоками арабского языка из различных селений Акуша-Дарго, хранятся в рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН. Одними из древних среди них являются рукописи, переписанные упомянутым выше жителем селения Акуша Идрисом, сыном Ахмеда. В 898 г. хиджры (1492 г.) он переписал арабскую книгу под названием «Талим мутааллим» («Наставление мутааллимам»), а в 903 г. хиджры (1497 г.) – книгу восточного философа ал-Газали «Минхадж ал-абидин» («Путь поклоняющегося»). Среди других рукописей имеется книга Махалли Мухаммада б. Ахмад под названием «Канз ар-Рагибин» («Сокровищница желающих») – Мусульманское право, переписанная в 1103 г. хиджры (1691 г.) жителем сел. Танты Курбаном б. Мухаммедом. Житель сел. Нахки Мухаммед Ибн Махмуд в 1120 г. хиджры (1708 г.) переписал книгу Али Ибн Султан Мухаммед ал-Кари «Ал-асред ал-Марару'ат» (Книга о преданиях пророка) и книгу неизвестного автора под названием «Ал-Хуласат» (Краткое изложение); Мухаммед б. Шейх из сел. Мекеги переписал книгу Мухаммеда ал-Мар'ата «Тартиб ал-Улум» («Порядок изучения наук»). Здесь же имеются книги, переписанные жителями селений Усиша, Акуша, Муги, Бутри, Шукты и др.²

Владея хорошо арабским языком, переписчики являлись не простыми механическими переписчиками. Они знакомились с содержанием переписываемых книг, которые, как указывалось выше, по своим жанрам были посвящены не только религиозной теме, но и математике, грамматике, логике, астрономии, географии, праву и т.д. Об этом свидетельствуют многочисленные вставки и комментарии самих переписчиков книг.

Важным памятником письменности являются записи исторического характера, имеющиеся на полях арабских рукописей. В этих записях содержатся не только комментарии, но и зафиксированы разнообразные события из общественно-политической и личной жизни не только даргинцев, но и других народов Дагестана. Поэтому они являются не только памятниками письменности, но и ценными источниками по истории даргинцев в целом. Отдельные записи являются единственными источниками по истории средневекового Дагестана. Много книг с подобными надписями на полях хранятся у Галбецова Магомеда (сел. Усиша), Кем-

1 Шихсаидов А.Р. Отчет о поездке в даргинские районы в 1961 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 34.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 35.

барова Шахбана (сел. Мекеги), Ахмедова Магомеда (сел. Гапшима), Закаригаева Магомед-Запира (сел. Муги) и т.д.¹

Большой интерес, как ценный исторический источник, представляет рукопись арабской книги под названием «Халл ал-Иджаз» Таджуддина Мухаммед ал-Керамани, переписанная в 1612 г. жителем селения Акуша Гаджи-Махмудом. В рукописи содержится запись, в которой говорится: «Переписал эту книгу Гаджи-Махмуд, сын Магомеда по прозвищу кадий ал-аср (кадий эпохи) в 1021 году во время борьбы шиитов (персов – Авт.) и еретиков (хараджитов), и Юсуп-хана (правитель Шабрана, поставленный персидским шахом Аббасом I в 1609 году. – Авт.) с Дарго, Сирга и Атразом и в итоге победило Дарго над Юсуп-ханом и злодеями и из его войска было убито 2000 вооруженных воинов.»²

Приведенный документ интересен не только с точки зрения освещения в нем одного из важных моментов борьбы верхнедаргинцев с персидскими завоевателями в начале XVII в. Он показывает, что кадием в Акуша-Дарго в начале XVII в. был Гаджи-Махмуд, известный своею ученостью не только среди даргинцев, но и среди других народов Дагестана, о чем говорит прозвище его «кадий эпохи».

На полях одной арабской рукописи под названием «ал-Хисн ал-хасин» («Неприступная крепость»), хранящейся у местного арабиста из селения Усиша Галбецова Магомеда, имеется запись, где говорится: «Пришли войска рафизитов (персов. – Авт.) в местечко Усиша в области Дарго в 1022 г. хиджры», что соответствует 1613 или 1614 году. В указанной рукописи имеется также запись о том, что в 1099 году хиджры (1687-1688 г.) в селении Акуша распространилась чума; в 1121 году хиджры (1709-1710 г.) в Акуша среди крупного рогатого скота распространилась страшная болезнь. Чума распространилась в Акуша и в 1191 году хиджры (1777 г.).

Достоверность всех перечисленных сведений не вызывает сомнений, ибо автор записи безошибочно перечисляет здесь же и другие события из истории Дагестана, как например, приход в 1100 г. хиджры (1689 г.) в столицу Кайтагского уцмийства селение Башлы во время правления уцмий Али-Султана войск кубинского правителя Гусейн-хана, поход русских войск во главе с Петром I в 1134 г. хиджры (1722 г.) в Дагестан и т.д.

Достоверность указанных сведений и в частности фактов распространения чумы подтверждается также наличием ряда аналогичных записей в

1 Полевой материал, собранный нами в 1962-1963 гг.

2 Список книг из селения Убра. № 783 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

других рукописях, на территории союзов сельских общин Акуша-Дарго. Так, в одной арабской рукописи, находящейся у арабиста из селения Мекеги Кембарова Шахбана, также имеется запись о том, что в конце XVIII в. чума распространилась в Кумухе и Акуше. Здесь же имеется запись о приходе в селение Хурюк персидских войск, о походе русских войск, шамхала и даргинцев против Башлы.¹

В одной из арабских рукописей, находящейся у арабиста из сел. Муги Закаригаева Магомед-Запира, также имеется несколько записей о распространении чумы в Кумухе, в Акуша и в Дагестане в целом. В одной из записей сказано, что распространившаяся в 1226 году хиджры (1811-1812 г.) в Дагестане чума продолжалась семь лет, в результате чего умерло много людей. По сообщению того же арабиста на одном из старых кладбищ селения Муги раньше находился надгробный памятник, где была запись, что во время чумы, распространившейся в 1226 г., в селении Муги умерло 705 человек².

В записи, сделанной в арабской рукописи под названием «Китаб да-лаил ал-хайрат» («Книга доказательств благодетелей»), которая также находится у упомянутого выше арабиста из селения Усиша Галбецова Магомеда, отражена тяжелая и героическая борьба верхнедаргинцев против персидских войск Надир-шаха. В ней сказано: «Это известие для тех, кто останется после сегодняшнего дня. Вот войска рафизитов разрушили селение Нахки в 1154 году хиджры (1741-1742 г.) и они убили и взяли в плен из нас мужчин, юношей, женщин и детей числом до 353. Мы сражались против них пятнадцать дней, но мы были вынуждены оставить наше селение, бросив свое имущество. Мы оставили детей, отцов и матерей своих, а среди нас только двое не имели ран. В селении не осталось ни скота, ни овец, если не считать коровы, быка и трех лошадей. Затем одолел нас голод, и умерли от этого голода мужчины, женщины и дети... говорят, что число умерших от голода дошло до ста семнадцати, некоторые говорят, что еще больше. Да спасет нас Аллах от козней и гнева.

Затем убитых их при нас 3635 человек. Это написано при Тахмасхане в присутствии Сурхай-хана, шамхала, а также других алимов».

Другой сокращенный вариант аналогичной записи имеется в арабской книге, хранящейся у жителя селения Нахки Омарава Рабадана. В ней сказано: «Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого

1 Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности XVII – XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. С.258.

2 Полевой материал собранный нами в 1962 г.

дня, и уже уничтожен храм Афзи кызылбашскими (персидскими. – Авт.) войсками в ауле Нахки в 1154 году. Среди нас убитых насчитывалась 1635 человек. Эту запись прочитал у Тахмаз-хана в присутствии Сурхай-хана, Шамхала и других улемов». Опубликовал этот вариант документа профессор Р.М. Магомедов в 1963 г.¹

К другим памятникам письменности, являющимися вместе с тем, подобно надписям на полях арабских книг, важнейшими источниками по истории союза и ценными историческими памятниками средневековья, относятся памятники эпиграфики, т.е. надписи на камнях. При строительстве общественных зданий в 20-30 гг. XX столетия многие памятники эпиграфики были уничтожены и использованы в качестве строительного камня. Поэтому до нас, особенно из древних памятников, сохранилось мало. Наиболее ранним эпиграфическим памятником, обнаруженным на территории Акуша-Дарго, является надгробный памятник в сел. Шукты, датируемый 909 г. хиджры (1503 г.). Имеющаяся здесь надпись гласит: «Хозяин этой могилы Камиль, сын Абдулмалика. Девятьсот девятый год.²

Другой надгробный памятник XVI в., обнаруженный Э.В. Кильчевской и опубликованный Л.И. Лавровым, находится в сел. Акуша. Здесь имеется надпись: «Это могила Т-б-ка, сына Наджм-уд-Дина мученика, который умер в бою с неверными в начале сафара девятьсот восьмидесятого года. Сафар 980 г. хиджры соответствует 13.VI-12. VII. 1572 г.³

В селении Шукты в 1963 г. с помощью Гасамахова Магомед-Кади нами обнаружен ряд очень ценных исторических памятников эпиграфики, повествующие о борьбе жителей Акуша-Дарго против персидских войск в начале XVII в. На одном из двух надгробных памятниках, поставленных рядом друг с другом, имеется надпись на арабском языке, где говорится, что эта могила Юсупа, сына Магомеда, погибшего в 1020 г. (1611-1612 г.) в селении Усиша в борьбе с войсками кызылбашей (персов). Далее здесь сказано, что вместе с ним в один день было убито кызылбашами 4400 человек⁴. На другом памятнике имеется надпись, что эти два надгробных памятника поставлены отцу и сыну, погибшим вместе в одном сражении верхнедаргинцев против персидских завоевателей.

1 Магомедов Р.М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала, 1963. С. 119.

2 Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

3 Лавров Л.И. Материалы по арабской эпиграфике Северного Кавказа// СМАЭ. М.-Л., 1961. Т. XX. С. 175-176; Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

4 Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

Сторожилы рассказывают, что подобные памятники погибшим в бою с персидскими завоевателями, происшедшем в селении Усиша, находились раньше и в других селениях Акуша-Дарго. Так, в селении Акуша только на одном старом кладбище было около 40 надгробных памятников, поставленных погибшим участникам сражения верхнедаргинцев против персидских завоевателей, произошедшего в селении Усиша в начале XVII в.

Изучение этих памятников приводит к выводу, что в начале XVII в. на территорию Акуша-Дарго было совершено несколько походов персидских войск. Хотя акушинский кадий вместе с другими правителями Дагестана изъявил покорность шаху Аббасу I,¹ насилия завоевателей, разнообразные налоги и повинности, стремление надеть на горцев ярмо, вызвали ряд выступлений горцев. В результате шах Аббас I вынужден был посылать в горы карательные экспедиции. Первая экспедиция во главе с правителем Шабрана Юсуп-ханом провалилась полностью. Поэтому в следующие годы Аббас I послал против Акуша-Дарго большие отряды, которые жестоко расправились с верхнедаргинцами за оказанное завоевателям сопротивление.

Ряд памятников эпиграфики обнаружен нами и в селении Усиша. Здесь на старом кладбище сохранились надгробные памятники с арабскими надписями, относящиеся к 1698, 1706, 1717, 1725, 1729, 1732 годам,² которые повествуют о смерти отдельных лиц, жителей селения Усиша, об их родословии и т.д.

На территории Верхней Даргинии встречаются и строительные надписи, которые говорят не только о времени строительства жилых домов, общественных зданий, мечетей, мостов, крепостей и т.д., но и свидетельствуют о развитии строительного дела в тот или иной период истории. В Муги до наших дней в центре селения сохранилась оборонительная башня с арабской надписью 772 г., что соответствует 1370 г. Сохранившиеся вокруг этой башни развалины говорят о том, что некогда здесь находился целый комплекс оборонительных сооружений, построенных на краю селения. Очевидно, в конце XIV в. тимуровские войска разрушили его во время похода их в Верхнее Дарго.

В селении Усиша встречаются также и строительные надписи. На одной из стен старой мечети имеется надпись 1071 г. хиджры. По сохра-

1 Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968. С. 157.

2 Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

нившимся преданиям эта мечеть была построена в XVII в. за счет общественных средств мастерами из 100 селений.¹

Все эти памятники письменности, таким образом, говорят о том, что у даргинцев, так же как и у других народов Дагестана, арабский язык и арабская письменность получили широкое распространение. На арабском языке велась деловая и официальная переписка, почти вся литература писалась на этом языке. Как писал академик И.Ю. Крачковский, на Кавказе вплоть до Октябрьской революции, арабский язык был средством общения интеллигенции народов этой «горы языков».²

Однако, арабский язык и литература, поступающая из мусульманских стран, не были распространены среди основной массы населения союза. Арабский язык и культура были доступны преимущественно представителям привилегированных слоев, как например, в Акушах таковыми были представители кадиевского тухума. Как правило, носителями мусульманской религии и культуры «до конца XVII в. были только представители мусульманского духовенства и незначительная феодальная верхушка; широким массам населения он был фактически неизвестен и недоступен».³ Все знания их в арабском языке заключались лишь в механическом заучивании догматов корана без смыслового их усвоения.

Несмотря на всё это, нельзя отрицать и положительной роли, которую сыграла арабская культура. Через поступающую разнообразную по жанру арабскую мусульманскую литературу даргинцы, как и другие народы Дагестана, знакомились с культурными достижениями других стран и народов и в особенности с культурой Востока.

Сравнительно высокого уровня достигло изобразительное искусство. Особо надо отметить прикладное искусство, которое богатством своих форм уходит в далёкое прошлое и в исследуемый период достигло своего совершенства. О высоком уровне прикладного искусства говорит замечательное мастерство по художественной обработке камня и дерева. Художественной обработке подвергались деревянные конструкции домов – двери, окна, опорные столбы, а также домашние хозяйственные и личные вещи горцев – деревянные сундуки для хранения зерна, муки и других вещей, называемых у даргинцев «уси», прялки, пороховницы, ножны и т.д., которые украшались богатым орнаментом. Это не просто

¹ Там же.

² Советское востоковедение. 1917. Вып. IV. С. 16.

³ Барабанов А.М. Объяснительная записка в арабских рукописях и документах // Советское востоковедение. М.-Л., 1945. Вып. IV. С. 208.

примитивные орнаменты, в которых преобладала только схематизация, а сложные композиции с изображением птиц, животных, человеческих фигур, орудий производства и вооружения и т.д.

Особое восхищение вызывают сохранившиеся до нас надгробные памятники, которые говорят об оригинальном искусстве резьбы по камню каждого мастера в отдельности. Они отличаются между собой не только разнообразием и богатством орнамента, но и стилем, что является свидетельством социального неравенства.

Наряду с маленькими плитами с указанием лишь имени покойника, сохранились и большие монументальные надмогильные памятники с пышным оформлением, на которых умелыми руками местных мастеров отражена жизнь покойника. Изображаемые здесь арабские буквы высечены как декоративные украшения, в результате чего они как бы сливаются со всей сложной композицией геометрического орнамента. Подобные памятники средневековья сохранились в селениях Акуша, Усиша, Шукты и т.д.¹

Дальнейшее развитие получило в исследуемый период и строительство. В XVII в. **строительное дело принимает особый размах. Строятся** мосты, мечети, дома. Впервые в строительных надписях появляется термин уста-мастер.² Отличительной чертой мастерства местных строителей, как и у других народов Дагестана, у даргинцев было строительство арочных форм.

Как и в других районах Дагестана, на территории Акуша-Дарго получила известное развитие и медицина. В случае болезни в селении всегда можно было найти человека, знакомого со свойствами лечебных трав, грязей и воды. В народной медицинской практике широко применялись всякого рода припарки различного состава, кровопускание, перевязки и т.д. Все эти методы лечения являлись практикой народной медицины, накопленной многими поколениями в предыдущие периоды истории как жителей союза, так и всех горцев Дагестана вообще.

Было развито в союзе и музыкальное искусство, которое в своей основе имело много общих черт с другими народами Дагестана, в особенности с лакцами и аварцами, как с ближайшими соседями верхнедаргинцев. Народная музыка даргинцев до сих пор сохранила древнейшие инструменты, как динда, чугур, зурна и барабан. На этих инструментах передавались довольно сложные мелодии, что требовало немалого мастерства.

1 Полевой материал, собранный нами в 1962-1963 гг.

2 Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане (VII-XV вв.): Дисс. ...канд. ист. наук. Махачкала, 1959.

Еще с малых лет дети делали из стебля пшеницы или ячменя дудочки (зипикан) и учились играть разнообразные мелодии. Все обрядовые праздники, радостные события, свадьбы и т.д. сопровождалась музыкой.

Дошли до наших времён и много народных игр, что говорит о былой большой роли их в народной жизни.

Такие игры как «прятки», «лапта», «чижик», спортивные игры – метание камня, борьба подростков и т.д. своим происхождением восходит к далёкому прошлому.

Как и песни, пляски и музыка, народные игры сопровождали раньше все события общественной и семейной жизни даргинцев.

Большое место в жизни даргинцев занимали всевозможные обряды и верования, которые, возникнув до распространения ислама, сохранились и в условиях господства религии ислама. Многие из них сохранились в пережиточной форме и до наших дней.

В условиях бессилия человека перед силами природы, люди обожествляли и поклонялись различным животным, «святым местам», огню, Солнцу, Луне и т.д. Так, у даргинцев одной из высших клятв является «клянусь Солнцем», «клянусь светлой Луной» и т.д. При закладке дома под фундамент даргинцы клали череп. Иногда его вешали во дворе дома,¹ что должно было предохранить владельца от несчастий.

Многие обряды и верования связаны с древним земледелием. Самым распространенным из них, как мы уже отметили выше, был праздник весенней пахоты, называемый у даргинцев «хъу бяхІруми».

С земледельческим культом связан тесно и обряд вызова и прекращения дождя. Так, в дни проливных и долгих дождей в селении Гапшима вешали у водосточной трубы или на краю балкона лягушку в шелковых штанах.² В Цудахаре для вызова дождя мальчика одевали в зеленый наряд из веток и, шагая по улицам села, обливали его водой. Всё это сопровождалось пением обрядовой песни, посвященной дождю. Участвовали при этом только дети.³

В других местах также имелись свои верования, которые имели свои местные особенности.

С проникновением и закреплением ислама в языческие верования и обряды проникли элементы мусульманской религии. Поэтому исполнение желаний людей, вызывавшиеся якобы в результате проведения определенных обрядов, связывалось с именем Аллаха.

1 Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1963. С. 29.

2 Там же. С. 113.

3 Полевой материал собранный нами в 1962-1963 гг.

Таким образом, подводя итог приведенным материалам по культуре жителей Акуша-Дарго, можно отметить, что все они свидетельствуют, прежде всего, о богатстве народной мудрости, многообразии форм проявления народных талантов. Будучи национальной по своим особенностям, вместе с тем, культура даргинцев являлась идейно сходной с культурой других народов Дагестана и развивалась в постоянном взаимодействии с ней.

Раздел II. Акуша-Дарго в системе политических структур Дагестана и его внешнеполитическое положение
(XVII – первая половина XIX в.).

**ГЛАВА I. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
АКУША-ДАРГО.**

**§1. Взаимоотношения с феодальными владениями и
союзами сельских общин Дагестана.**

Население Акуша-Дарго не было изолировано от внешнего мира. На протяжении всей истории оно было тесно связано со своими соседями – лакцами, аварцами, кумыками и т.д. Союз рос, укреплялся и завоевывал свое место в истории Дагестана постоянно соприкасаясь с другими государственными образованиями и народами Дагестана.

Союзы сельских общин Акуша-Дарго в особенности Акушинский являлся самым сильным среди остальных даргинских союзов сельских общин. Другими, наиболее крупными союзами даргинцев того периода являлись Сюргинский и Урахинский. Сюргинцы граничили с Акуша-Дарго с юга и востока, а Урахинский союз – с востока. Акуша-Дарго поддерживало с ними экономические и политические связи. Как было сказано во второй главе, из-за недостатка своего хлеба население союза покупало зерно в Урахинском обществе, а пастбища для своих многочисленных стад арендовало как в других районах Дагестана, так и в Сюргинском союзе сельских общин.

Однако между ними происходили также столкновения и стычки. Предание сохранило сведения о том, что из-за пастбищных гор в районе селения Усиша-Дигбук-Муги, принадлежащих издавна Урахинской общине, но неизвестно когда и как захваченных ею, верхнедаргинцы и урахинцы постоянно вступали в стычки. В конце XVIII в. **столкновения переросли** в настоящую войну, продолжавшуюся более семи лет. В результате на маслаатском и шариятском суде представителей других общин и владений Дагестана, было решено отобрать эти пастбищные места у урахинской общины и передать верхнедаргинским общинам за счет дията за убитых и раненых, число которых намного превышало потери урахинцев.¹

¹ Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 6-9; Полевой материал, собранный нами в 1962 году. Сообщение Муртузалиева Газибаганда, 1891 г.р., сел. Урахи Сергоколинского района.

Акуша-Дарго поддерживало связи с окружающими феодальными владениями Дагестана – шамхальством Тарковским, Кайтагским уцмийством, Казикумухским, Мехтулинским и Аварским ханствами.

В первом разделе настоящего исследования мы уже рассматривали политическое положение верхнедаргинцев до XVI века в системе феодального окружения. Было отмечено, что они являлись в определенные периоды ареной захватнической политики феодальных владений Дагестана. Однако в исследуемый период мы находим совершенно иную картину.

С окончательным переходом шамхала из Казикумуха в Тарки федерация Акуша-Дарго освободилась от политической зависимости шамхальства. С этого периода именно и начинается более активная роль Акуша-Дарго в политической жизни Дагестана. Будучи независимым от окружающих феодальных владений, оно стало приобретать большое значение во всей системе политических взаимоотношений Дагестана. Только такое положение федерации могло дать основание многим авторам утверждать, что в прошлом «она являлась одной из сильнейших»¹ владений, имевшей важное влияние на дела Дагестана,² а акушинцы – «первенствующий в Дагестане народ», которые «привыкли с давних пор вмешиваться в посторонние распри и играть в событиях первенствующую роль».³

Федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго умело лавировала среди окружающих его феодальных владений, в результате чего и в последующем сохранила свою внутреннюю самостоятельность. Однако союз не мог жить совершенно изолированно от окружающих народов Дагестана, ибо экономическая необходимость, создаваемая суровыми природными условиями, заставляла верхнедаргинцев вступать в определенные связи с шамхальством Тарковским, уцмийством Кайтагским и

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 42; Д. 651. Л. 35; РГВИА. Ф. 482. Д. 127. Л. 119; Отношение генерала Ермолова к гр. Нессельроде от 10 января 1820 г. // АКАК. Т. VI. Тифлис, 1875. Ч. 2. С. 11; Предписание ген. Головина ген. Граббе от 16 апреля 1842 года, № 389 // АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 377; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 1 / Под редакцией В. Потто. Тифлис, 1904. С. 391; Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архив. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 15.

² Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 158; Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки КОРГО. Тифлис, 1878. Вып. VIII. С. 17; Ковалевский П.И. Кавказ. СПб., 1914. Т. I. С. 199.

³ Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. 1. С. 391, 468; Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель: в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1834-1835. Ч. 3. С. 242.

другими владениями и народами Дагестана. Да и сами феодальные владельцы нуждались и искали связи с Акуша-Дарго «Ближайшие соседи и владельцы, – писал А.В. Комаров, – всегда в случае нужды прибегали к их (верхнедаргинцев. – Авт.) помощи, или посредничеству».¹ Общеизвестно, что шамхалы, уцмий, а позже аварские, дербентские и кубинские ханы постоянно обращались к помощи Акуша-Дарго. Они «стремились всячески – подговорами и обещаниями одарить имуществом, притянуть на свою сторону население» Акуша-Дарго.²

В наиболее активных взаимоотношениях верхнедаргинцы находились с шамхалами. Хотя Акуша-Дарго и выделилось как самостоятельное владение после переезда шамхала в Тарки, однако известное влияние последних на верхнедаргинцев осталось и после этого. Причиной этого, как и прежде, в первую очередь являлось отсутствие у верхнедаргинцев своих зимних пастбищ.³

Эти отношения давали повод для исследователей говорить о политической зависимости Акуша-Дарго от шамхалов. Между тем сведения показывают, что шамхалы не могли вмешиваться во внутренние дела верхнедаргинцев, которые всегда имели «свои собственные права».⁴ Внутреннее устройство их земли зависело от самих себя.⁵ Они признавали лишь почетное главенство шамхалом, что являлось следствием не только указанных выше экономических причин, но и былого вхождения их в состав шамхальства.

Показателем этого является также и обязательное участие, подобно тому, как в других государствах высшие сановники участвовали при избрании своего правителя, при коронации нового шамхала и акушинского кадия. Церемония избрания нового шамхала с участием акушинского кадия заключалась в следующем.

При вступлении на престол нового шамхала, писал Д.И. Тихонов, «акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки и по приезде их сажают его на камень четверугольной, и по окончании сей церемонии

1 Комаров А.В. Указ. соч. С. 17.

2 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 1.

3 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архив. материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 102 (Далее – ИГЭД); Тихонов Д.И. Топографическое описание Северного Дагестана. 1796 г. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 3. Л. 5.

4 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 132.

5 Тихонов Д.И. Указ. соч. Л. 5.

шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом».¹

Обряд этот совершался еще до переезда шамхалов в Тарки и «сохранился до последнего времени властвования шамхалов, когда шамхалы и Акуша уже находились в подданстве России».² Вот как описана эта церемония в XIX в. офицером русской армии Сумбатовым. «Акушинцы с кадиями в числе 315 чел. прибывшие в Тарку по случаю смерти Шамхала, ... по своему обычаю собрались на шамхальском дворе вместе с прочими жителями и по совершении молитвы, Мамед-Кадий (акушинский. — Авт.), взял за руку Абу-Муселима, посадил его на особом камне, на котором имеет право садиться только шамхал, и говорил к нему речь в следующем смысле: «Богу угодно было прекратить жизнь вашего брата Сулейман-паши. К общей нашей печали оставшись сиротами, мы просим вас, как старшего в шамхальском доме члена, заступить место покойного Сулеймана-паши и жить с нами в мире и согласии».

Потом его поздравили и он вставшись с камня обратился ко всем кадиям и народу, что желание их принимает с признательностью, но достоинство шамхала должен принять с соизволения Российского правительства, под покровительством которого находятся Дагестанские жители».³

По-видимому, также проводилась церемония вступления на престол нового шамхала и раньше. Но важна не сама форма церемонии, а тот факт, что Акуша-Дарго «всегда сильно участвовало в назначении нового шамхала», и, что кадий акушинский являлся главным духовным и светским лицом, который обязательно должен был присутствовать при этом. Только ему «как почетнейшему» принадлежало право надевать на шамхала папаху и опоясывать его мечом, за что получал коня с седлом.⁴

За аренду же зимних пастбищ жители Акуша-Дарго, о чем конкретно говорилось в предыдущем разделе, платили шамхалу плату. Кроме того, в необходимых случаях Акуша-Дарго помогало шамхалу своим войском. Однако принудить помочь верхнедаргинцев к этому силой шамхал не мог. Он просил их «по доброй воле», а иногда даже и за плату.⁵

1 Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.131; Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871. С. 27; Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области. Тифлис, 1873. С. 17; Эркерт Р. Кавказ и его народы. Лейпциг, 1888. С. 207; Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. 1. С. 432.

2 Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871. С. 27.

3 Рапорт подполковника Гимбута барону Розену от 8 апреля 1836 г. № 15 // АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 598.

4 Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 15.

5 Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.131.

Указывал на этот факт во взаимоотношениях верхнедаргинцев с шамхалом Тарковским и А.П. Ермолов. «Акушинцы... издавна сими единственными средствами (подарками и деньгами. – Авт.), – писал он, – всеми прежними шамхалами удерживаемы были на своей стороне».¹

Представители шамхальского рода обращались за помощью к верхнедаргинцам даже в борьбе за шамхальское достоинство. Так, во второй половине XVIII в. **прямой наследник шамхала Мехти из-за противодействия шамхала Хасбулата**, который решил оставить шамхальское достоинство сыну своей сестры от первого мужа Баммату, так как Мехти развелся с сестрой Хасбулата, послал своих сыновей Муртузали и Баммата с деньгами в Акуша и койсубулинцам, «чтобы они возбудили тамошное население против Тишнек-Баммат-Шамхала и вызвали от них войска для изгнания его из Тарков».² Через несколько месяцев они привели «сильное ополчение даргинцев и койсубулинцев», с приближением которых шамхал Хасбулат бежал в Эрпели. В результате шамхалом из-за старости Мехти стал сын его Муртузали³.

К концу XVIII в. **влияние Акуша-Дарго на шамхалов еще более усилилось**. В письме к Г.А. Потемкину Ума-хан Аварский писал в 1789 г., что шамхал «слушается подвластных своих акушинцев».⁴ А в начале XIX в. **генерал Тормасов в предписании ген.-лейт. Репину указывал, что «общества акушинских народов от шамхала не только независимы, но он еще сам их боится, как народа более его сильного»**.⁵ О влиянии союза на шамхальство говорит и факт обращения шамхалов за советом по различным вопросам к Акушинским кадиям. Так, в конце XVIII в. **шамхал Мехти-хан обратился к кадию союза Абакар-Гаджи со специальным письмом, в котором просил его дать ответ, как быть, если Шихали-хан не согласен, чтобы он поддерживал дружеские связи с Мустафа-ханом Ширванским**.⁶

Шамхалам было выгодно быть в дружбе с Акуша-Дарго. Этим объясняется то, что Мехти-хан шамхал в письме к обществу Цудахар писал, что он желает иметь дружбу и союз с ним и с даргинцами (жителями союза в целом).⁷

1 Ермолов А.П. Записки и приложения. (1816-1827 гг.). М., 1868. Ч. 2. С. 65.

2 Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис 1868. Вып. I. С. 59, 60.

3 Там же.

4 РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 416. Ч. 1. Л. 296.

5 АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 678.

6 Описание писем на арабском шрифте, письмо № 1683 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

7 Там же.

Все это полностью отрицает утверждения о том, что верхнедаргинцы находились в вассальной зависимости от шамхалов Тарковских вплоть до XIX в. **Напротив, освободившись от непосредственной политической зависимости от шамхала в результате выделения из шамхальства, Акуша-Дарго стало иметь больше влияние на него, нужда в нем после этого еще больше увеличилась и шамхалы вынуждены были теперь даже за плату нанимать войска союза в случае необходимости, а не просто за аренду зимних пастбищ.**

Основой взаимоотношений Акуша-Дарго с уцмийством Кайтагским также являлся недостаток своих пастбищ, земельные затруднения федерации и нужда уцмиев в войске верхнедаргинцев. Так же, как и шамхалам Тарковским, Акуша-Дарго оказывало военную помощь уцмий Кайтагским. Источники показывают, что военные отряды верхнедаргинцев не раз участвовали по просьбе уцмиев Кайтагских в организуемых ими походах против своих противников.¹

Имеются также данные, показывающие, что уцмий Кайтагские, используя нужду верхнедаргинских обществ в их зимних пастбищах для своих больших стад, старались распространить свою власть и на Акуша-Дарго. По сведениям И.-Г. Гербера, в первой четверти XVIII в. **уцмий Кайтагский Ахмед-хан «человек лукавый и неглупый» хитростью даже добился политического влияния на верхнедаргинцев. Во время выступления его в 1725 г. против России, он склонил на свою сторону и верхнедаргинцев, обещая им вознаграждение за это. Но заключив мир с Россией, дав аманатов и присягнув в верности России, уцмий Ахмед-хан объявил их «своими подданными, и жалуясь на них, что его не слушают, просил, чтобы принудить их под его власть Российским войскам: то сим образом такой на них страх навел, что они ему поддались, и во уверение своем преданности дали ему аманатов».**² Однако уцмию не удалось добиться подчинения своей власти верхнедаргинцев. «Усмей с ними вежливо поступать принужден, – писал И.-Г. Гербер, – ибо оные себя подданными числить не дают».³

Ни уцмий, ни русское государство, в подданство которого вместе с

1 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 111; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 102; Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 9.

2 Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С.111; ИГЭД. С.101-102.

3 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101-102.

уцмием в 1725 г. вступили и верхнедаргинцы, не получали с них никаких податей, «кроме того, что сей народ, когда потребуетсЯ, должен служить в походах, потому что они все добрые и изрядно вооруженные воины».¹ Именно только в этой договоренности выставлять в случае только нужды уцмия войско и заключалось влияние его на Акуша-Дарго.

И в последующем верхнедаргинцы были связаны с уцмийством Кайтагским этим договором, о чем говорят сведения, побывавших в Дагестане авторов. Так, И. Лерх в конце 40-х годов XVIII в. писал, что «они находятся под начальством Усмия или Хайтагского Хана».²

Об этом же говорят сведения конца XVIII века. Г. Валь наряду с другими населенными пунктами и районами Дагестана, находящихся под влиянием уцмия Кайтагского, называет также Акуша и Цудахар.³

Стремление Кайтагских уцмиев распространить свое политическое влияние на верхнедаргинцев встречало со стороны последних упорное сопротивление. Поэтому уцмии прибегали ко всякого рода интригам. Стремясь ослабить союз, они натравливали отдельные «вольные» общества союза на Акушинское общество и на его кадиев, которые являлись главой союза. Сохранились сведения о том, что «во время управления Абакар-Хаджи-Кадии, когда представители даргинских союзов сельских общин собрались на сход в «Хъярбуки диркья», Чамса Кады из сел. Мекеги стал говорить против даргинского народа». К нему (Чамса Кады) присоединились представители Урахинского союза сельских общин и тоже выступили против верхнедаргинцев, «против их гражданского обрАза правления». «Чамса Кады говорил так по наущению Кайтагских уцмиев с целью ввести смуту в даргинский народ».⁴

Но расстроить союз Кайтагскому уцмию не удалось. Хотя Чамса Кады и был убит на этом сходе, мекегинцы не вышли из Акуша-Дарго.

Зато уцмию Кайтагскому удалось противопоставить против Акуша-Дарго Урахинский союз сельских общин, с которым у верхнедаргинцев и без того были трения и столкновения из-за спорных пастбищных гор. Урахинцы, присутствовавшие на указанном выше сходе в «Хъярбуки

1 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 111.

2 Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. LXII. С. 74.

3 Wahi G. Altes und neues Vorder und Mittel-Asien, oder pragmatisch-geographische, fusische und statistische Schilderung und Geschichte der Persischen Reichs. Leipzig, 1795. С. 462.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 397. Л. 12.

диркья», выступив на стороне Чамса Кады против союза верхнедаргинских сельских общин, «отошли от него». «Поэтому между этими урахинцами и даргинским народом (жителями Акуша-Дарго. – Авт.), – говорится в цитируемом выше документе, – происходили продолжительные войны и долго лилась кровь».¹

Вплоть до XVIII в. в исторически сложившихся добрососедских взаимоотношениях находились верхнедаргинские общества и с Казикумухским ханством. Их связывало с лакцами вхождение долгое время в одно политическое владение и связанная с этим общность экономических и политических интересов, а также совместная борьба за независимость с иноземными завоевателями.

Однако в связи с все более и более усиливающимся влиянием Акуша-Дарго, отношения Казикумухского ханства к нему меняются. Последнее с ревностью смотрело на рост влияния федерации на другие «вольные» общества и в частности на сюргинские общества, лежащие на границе с Казикумухским ханством.

Поэтому, видимо, Казикумухские ханы, так же как и уцмий Кайтагские, желая ослабить союз, использовали в своих интересах ухудшение отношений между Акуша-Дарго и Урахинским союзом сельских общин.

Еще при Магомед-хане Казикумухском был заключен с Урахинским «вольным» обществом договор, по которому Казикумухское ханство обязывалось в случае серьезного военного столкновения урахинцев с верхнедаргинцами, оказать урахинцам военную помощь. Взаимные обязательства «брало на себя и Урахинское «вольное» общество».²

Это обстоятельство, видимо, являлось одной из причин участия Акуша-Дарго при Магомед-хане против Казикумухского ханства вместе с шамхалом Тарковским на стороне Фатали-хана Кубинского.

Имеются следующие сведения об участии верхнедаргинцев в сражении против войск Магомед-хана Казикумухского: «1184 г. является датой прихода даргинцев с Ильдарбегом в с.Хъусраши»; «войска даргинцев, Ильдара и Кубихана разбил Магомед-хан с помощью аллаха 1184 в месяце Шя'бан»; «даргинцы, цудахарцы, шамхал Ильдарбег были разбиты. Все они приходили в Лакию в сел. Хъусраши на плоскости Хъусрашийл майданов. Все они были разбиты в день Хамиса 1185 г. хиджры в месяце Шя'бан».³

¹ Там же.

² Там же.

³ Каяев А. Материалы по истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444. Л. 182-183. Маршаев Р.Г. Очерки истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 324.

Не без агитации казикумухских ханов, видимо, происходили и частые столкновения каринцев, кундинцев и других жителей близлежащих к территории Акуша-Дарго лакских селений с цудахарскими. Между ними постоянно происходили нападения, они грабили друг друга, увозили с полей убранный урожай. И лишь примерно со второй половины XVIII в. в результате вмешательства Акушинского кадия, который заставил обе стороны дать клятву на коране, что прекратят взаимные нападения, удалось примирить кундинцев и цудахарцев.¹

Со второй половины XVIII в. усилились политические связи Акуша-Дарго с Дербентским и Кубинским и Аварским ханствами, стремившимися найти поддержку в Акуша-Дарго в своей внешней политике.

От занимаемой союзом позиции зависело многое, ибо, как указали выше, верхнедаргинцы выставляли большое и в то же время хорошо вооруженное войско. Поэтому эти феодальные владетели Дагестана, как показывают имеющиеся сведения, не раз прибегали к военной помощи Акуша-Дарго и организации совместных походов за пределы Дагестана.²

Акуша-Дарго было связано также с союзами сельских общин Аварии. В наибольших контактах с ними находились Акушинское и Цудахарское общества.³ Основой политических взаимоотношений между верхнедаргинцами и аварскими обществами явилось установление торгово-экономических связей, о чем говорилось во второй главе данного исследования. Только наличием торгово-экономических связей с «вольными» обществами объясняется и появление такого рода политических взаимоотношений, как представление жительства изгнанному в канлы. Так, например, в Андийском обществе находили убежище многие кровники из Акуши и Цудахара и наоборот, кровники из Анди уходили в канлы в верхнедаргинские общества.⁴

Тоже самое мы видим во взаимоотношениях с Каратинским обществом. Здесь до позднего времени даже к именам отдельных местных жителей (по всей вероятности, они – потомки кровников или других выходцев из Акуша-Дарго) прибавлялась кличка «акушинец».⁵

Помимо постоянных политических и экономических общений сельские общества аварцев, расположенные на границе с Акуша-Дарго,

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(1).

2 РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 282. Ч. 1. Л. 121; Д. 366. Ч. 1, связка 114. Л. 22; Д. 366. Ч. 2, связка 114. Л. 235; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 178, 273-275, 298, 299.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

4 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

5 Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

прибегали к помощи последнего и даже вступали под покровительство того или иного общества Акуша-Дарго. Примером могут служить события, происшедшие в конце XVIII в.

Между граничившими на западе с Акушинской федерацией обществами Кудали и Салты, как отмечалось выше, которые входили в Андалалское «вольное» общество, постоянно происходили споры и столкновения из-за земель. Кудалинцы были сильнее салтинцев. Поэтому частые набеги их заставляли салтинцев искать покровительства со стороны более сильного общества, «могущего силою своею смирить кичливость кудалинцев».

Ближайшим обществом являлось Цудахарское «вольное» общество и выбор салтинцев пал на него. В один день старшины салтинского джамаата явились в Цудахар и, «войдя в мечеть, пав там на колени, в коротких и трогательных словах описали все притеснения соседей и умоляли принять их под покровительство и причислить к своему обществу. Слова и вид стариков тронуло цудахарцев, они единодушно решили подать руку помощи салтинцам и быть их защитою».¹

В свою очередь, салтинцы дали клятву в верности цудахарцам. Все это, согласно сохранившимся сведениям, было записано в арабской книге.

После этих событий между Цудахарским и Андалалским «вольными» обществами разгорелась война. Причиной войны явилось то, что андалалцы хотели отторгнуть обратно Салтинское общество. Однако война, длившаяся 12 лет, окончилась в пользу цудахарцев. Андалалцы вынуждены были заключить мир, условием которого являлось «совершенное присоединение Салты к Цудахару».²

Через несколько лет, после описанных событий, и Кудалинское общество, недовольное андалалцами, перешло в Акушинское «вольное» общество. В результате границы союза расширились и достигли Карадагского моста.³

Подводя итоги политических взаимоотношений федерации верхнедаргинских сельских общин Акуша-Дарго с другими союзами сельских общин и феодальными владениями Дагестана, мы можем отметить в ка-

¹ Копии документов и материалов, извлеченных Р.Г. Маршаевым из Государственного исторического архива Армянской ССР. Ф. Лазарева 43. Оп. 1. Д. 119. Л. 190.

² Там же.

³ Там же.

честве главного, что в основе их лежали торгово-экономические связи и что они были обусловлены взаимной выгодой и часто закреплялись договорными обязательствами. Такие отношения были выгодны не только самим верхнедаргинцам, но и феодальным владельцам и «вольным» обществам Дагестана, которые находясь то в состоянии войны с другими государствами, то в раздорах между собой, старались привлечь союз, как одного из сильных владений Дагестана, на свою сторону.

§2. Роль Акуша-Дарго в борьбе народов Дагестана с Надир-шахом.

Время правления иранского шаха Надира – один из важнейших периодов в истории Ирана, Среднего Востока и Кавказа. Постоянные завоевательные войны Надир-шаха принесли немало бед не только народам сопредельных стран, в частности Дагестану, но и иранскому народу. Героическая борьба народов Дагестана с полчищами Надир-шаха является одной из ярких страниц их истории. В этой борьбе они сумели отстоять свою независимость и нанести тяжелые удары завоевателям. Время это для народов Дагестана стало новым периодом испытаний на мужество, храбрость, любовь к своей родине.

В героической борьбе против иранского шаха вместе с другими народами Дагестана самое активное участие приняли и даргинцы. На начальном этапе борьбы с Надир-шахом у дагестанских народов не было еще единства, они боролись с завоевателями в одиночку.

Став правителем Ирана в 30-х годах XVIII в., **Надир возобновил военные действия против Турции, нанес ей в 1733 г. сокрушительное поражение под Багдадом и в мае 1734 г. под Ереваном.** Тем самым он вернул оккупированные иранские территории к границам в рамках ирано-турецкого договора 1639 г. Освобождения захваченных иранских территорий на Кавказе стал он требовать и от России.

Военно-политическая обстановка в Дагестане резко обострилась, особенно после того, как в августе 1734 г. Надир обратился к кавказским владельцам с требованием «немедленно очистить территории, находящиеся под их управлением»¹.

С этого времени, как отмечает Н.А. Сотавов, Надир придавал огромное значение созданию кавказского плацдарма, обеспечивающего верховенство в регионе. Военно-стратегическое положение Дагестана как

¹ Бакиханов А.-К. О походах шах-Надира в Дагестан // Кавказ, 1845. № 17; История Ирана с древнейших времен до начала XVIII в. Л., 1958. С.317.

опорной базы на побережье Каспия и должно было способствовать решению этой задачи ¹.

Пользуясь тем, что в столь ответственный момент среди дагестанских владетелей не было единства, Надир старался склонить их на свою сторону и подтолкнуть на выступление против России. В августе 1734 г. Надир прибыл с крупными силами на р. Куру. Отсюда он отправил специального курьера «к разным горским владельцам... Усьмею, шамхальскому сыну и другим с указом, чтоб оные все готовились, ежели по истечению трех месяцев... с российской стороны завоеванные города в персикскую возвращены не будут, то соединятся с ним Тахмас ханом (Надиром. – Авт.) и отбирать их сильно»².

Однако дагестанские владетели не поддержали Надира и не выступили против России, хотя и не были едины в своих решениях. Уцмий Ахмед-хан отправил для переговоров с Надиром курьеров, не выразив явно своей позиции. Сын шамхала Адиль-Гирей Хасбулат явился для свидания с ним на Куру, но остальные кумыкские князья, а также табасаранские владельцы майсум и кадий сохранили верность России. Сурхай-хан не только отверг предложение Надира, но и выступил открыто против него. На указ турецкого султана Махмуда освободить Шемаху и вернуть ее иранскому наместнику, Сурхай-хан ответил: «... мечами лезгинских львов мы завоевали Ширван. Какое право имеет Ахмед из Багдада или кто-либо еще вмешиваться в наши дела» ³.

Учитывая значение Ширвана, политический вес Сурхай-хана на Кавказе и его непримиримую позицию, Надир решил сначала подчинить своей власти в первую очередь именно его. В сентябре 1734 г. в урочище Деве-Батан между Шемахой и Кабалой произошло сражение персидских войск с ополчением Сурхай-хана, в котором войска последнего потерпели поражение и вынуждены были отступить. Сурхай-хан отступил в Казикумух и решил дать сражение в лакских селениях, расположенных на подступах к своей резиденции. Так начался первый поход Надира в Дагестан, Сурхай-хан около Кумуха снова потерпел поражение и ушел в Аварию. Поход персидских войск в Казикумух обернулся для народов Дагестана большими бедствиями. До основания были разрушены Курах, Чирах, Хосрех, Кули, Кая и др. села.⁴

1 Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С.103.

2 Цит.по: Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 103.

3 Там же; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.56. Л.3.

4 Каяев А. Разгром Надира-шаха в дагестане // Наш Дагестан. 1992. № 2; Сота-

В первый поход Надира в Дагестан в 1734 г. персидские войска не были на территории Акуша-Дарго. Когда Надир был в Казикумухе, акушинский кадий явился к нему и «удостоен был внимания» его.¹

В связи с этим интерес представляет акушинское предание. Надир не довольствуясь явкой кадия в свой лагерь, сам пожелал побывать в Акуша. «Тогда ты не вернешься обратно, – ответил кадий, – акушинцы не оставят в живых ни тебя, ни меня, если подумают, что я привел шаха». Но Надир настаивал, и кадий с неохотой провел его в село, потребовав сначала, чтобы Надир и приближенные его переоделись в горскую одежду. Оказавшись в Акуша, Надир рубанул саблей об опорный столб дома кадия. Эта отметина должна была доказывать и напоминать впоследствии, что повелитель Ирана побывал здесь. Есть даже вариант предания, что Надир взял в жены кадийскую дочь, и ей тоже пришлось менять свою одежду на иранскую. В общем, тогда в Акуша все вроде кончилось благополучно.²

В 1735 г. акушинский кадий Хаджи Айиуб был в Кубе, где встречался с ее наместником – братом Надира Ибрагим-ханом, Ильдар-шамхалом, Хасаном – братом уцмья Ахмед-хана, и оттуда писал жителям Аварии, чтобы они были верны шаху и прислали в Башлы в помощь шаху и Ибрагим-хану 30 всадников.³ Однако к началу второго похода 1735 г. Надира в Дагестан верхнедаргинцы полностью отвернулись от него и выступили на стороне Сурхай-хана Казикумухского и других владельцев – противников шаха.

Второму походу персидских войск в 1735 г. способствовало вторжение войск крымского хана Каплан-Гирея в Дагестан стремившегося помочь туркам в Закавказье в их борьбе с войсками Надира. В связи с вторжением крымских войск позиция Ирана здесь резко ослабла, многие дагестанские владетели, в том числе и акушинский кадий, перешли на сторону Каплан-Гирея – вассала Османской империи.

Так, недалеко от Дербента произошло сражение крымского войска с отрядом Хасбулата и оставленным ему в помощь иранским войском. На стороне крымского войска сражались отряды уцмья Ахмед-хана с верхнедаргинцами и войска Сурхай-хана. Хасбулат был разбит и бежал в

вов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000; Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1994.

1 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.67.

2 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч.2. С.116.

3 Письма от Хаджи Айиуба кадия Акуша-Дарго к кадиям, старшинам и всем жителям Аварии 1735-36 г. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С.89-90

горы, на его место с помощью уцмий Ахмед-хана и Сурхай-хана был поставлен его двоюродный брат Эльдар.¹

Тем временем Каплан-Гирей, узнав о подписании мирного договора между Турцией и Ираном, вернулся в свои владения в Крым.

Отступление крымских войск с Кавказа не принесло спокойствия этому краю, но зато устроило нашествие персидских завоевателей. Разгромив турок в Закавказье летом 1735 г., Надир снова двинул свои войска на Ширван и Дагестан. Выступив из Гянджи 11 октября 1735 г., опустошая джарские джамааты, Шеки, Ширван, Шемаху, лезгинские и табасаранские села, встречая упорное сопротивление и неся большие потери, 21 ноября иранские войска подошли к Дербенту. Появление большого количества персидских войск под Дербентом под командованием Надира заставило его противников объединиться.

Узнав о планах объединенного выступления дагестанских владельцев, в числе которых был и акушинский кадий,² укреплении Маджалиса и сборе здесь войск во главе с сыном уцмий Ахмед-хана Хан-Магомедом, Надир в ноябре 1735 г., быстро оценив ситуацию, вышел к Маджалису и разбил войско горцев. Маджалис и окрестные села были разграблены, скот и все жилое имущество были захвачены персами. Грабя и разрушая встречные аулы, Надир через Губден двинулся в Казикумух. Он не стал преследовать Сурхай-хана, который ушел в Аварию, а двинулся против его сторонника – акушинского кадия, который, когда Надир следовал в Казикумух, по словам А.-К. Бакиханова, «с главными жителями изъявил ему покорность», но несмотря на это, тайно помогал Сурхай-хану³ и послал ему войско⁴. Узнав об этом, Надир направил в Акуша-Дарго войска. «Акушинцы упорно защищались, но были разбиты», – отмечал А.-К. Бакиханов. Дагестанские памятные записи также говорят о приходе персидских войск в Акуша-Дарго: «Войска Таймаз-хана (Надира. – Авт.) пришли в вилает Акуша в 1148г. Хиджры». «В благословенном месяце шабан 1148 года Хиджры (т.е. между 17 декабря 1735 и 15 января 1736гг.) было разрушено Лабко»⁵. Надир опустошил многие деревни Акуша-Дарго и многих жителей захватил в плен. Акушинский кадий вынужден был покориться Надиру. Он «явился к нему с повинною головою». «Надир

1 Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.32.

2 Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе народов Дагестана против Надира-шаха // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2003. Вып. 6,7. С.59.

3 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.118.

4 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.82.

5 Цит. по: Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч.2. С.118.

простил его и, возвратив свободу всем пленным и двинулся дальше в Кайтаг»¹.

Покорив, таким образом, Акуша-Дарго, Надир направился на горную столицу уцмий Кала-Корейш, по пути разоряя сюргинские села, через которые как раз и пролегала дорога в села Верхнего Кайтага. Сохранилось достаточно преданий и различных сведений об этих тяжелых днях. Так, в сюргинском селении Нахки до сих пор бытует предание о том, как во время нашествия персидских завоевателей им на помощь пришли из аулов Акуша-Дарго, в частности, Акуша, Бутри, Гинта. Бой длился 15 дней. В ауле даже сохранились надгробные плиты с именами погибших в борьбе с Надир-шахом. У одного из местных жителей сохранилась рукопись с завещанием, на полях которой сказано: «Тот кто хочет знать, что произошло, знайте: дома разрушены кызылбашами. Село разрушено в 1735 году. Тогда были убиты жители аулов в количестве 6055 человек. Свидетелями разрушений, убийства людей являются Таймаз-хан, Сурхай-хан и шамхал».²

В другом селении Тузла есть место, носящее название: «Хала шинкыала гыала» («площадь перед большой мельницей»). Передают, что здесь во время нашествия Надир-шаха его воины устроили молотьбу – «дегбариб дархІнала» («молотьба детей»). У одного местного жителя этого селения сохранилась рукопись с завещанием, на полях рукописи сообщается: «Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого дня. Село разрушено кызылбашами в 1735 г. Среди нас убитых насчитывалось 635 человек».³ Судя по количеству убитых людей и продолжительности боя, можно предположить, что в этой части территории даргинцев бои с иранскими завоевателями, в которых непосредственное участие принимали и верхнедаргинцы, шли не менее упорные, чем в других местах следования Надира.

Разрушив встречающиеся по пути сюргинские села, причинив бесчисленные бедствия их населению, Надир с войсками двинулся к главной своей цели в Кайтаге – Кала-Корейшу. Достигнув его, персидские войска осадили эту крепость и предложили уцмию сложить оружие. Учитывая тяжелое положение осажденных и не желая допускать бесполезного кровопролития, уцмий с «почетными лицами отправил к

1 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 119.

2 Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С.153.

3 Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С.138.

Надир-шаху свою дочь, прося прощения»¹. Шах простил уцмий, а его дочь выдал за кубинского хана Гусейн-Али, происходившего из уцмийского дома, желая тем самым прекращения давней вражды между Кайтагской и Кубинской ветвями уцмиев, начавшаяся со времени похода Гусейн-хана (дядя Гусейн-Али) на Кайтаг в 1689 г.².

К находящемуся в Кайтаге Надиру прибыли докузпаринские лезгины с изъявлением покорности и прислали заложников из почетных семейств и 1000 лошадей в подарок. Власть Надира также признали табасаранцы, которые дали аманатов³.

Таким образом, поход 1735 г. для Надира был удачным. Добившись признания своей власти рядом владетелей и старшин Дагестана, он оставил значительные силы в Дербенте, и в начале 1736 г. вернулся в Мугань, где был торжественно коронован шахом Ирана⁴. Назначив своего брата Ибрагим-хана правителем Азербайджана и Дагестана, Надир направился в Мешхед, чтобы подготовиться к Индийскому походу.

Политика массового террора, насилия и запугивания не принесли ожидаемого успеха Надиру. Такая политика вызвала глубокую ненависть народных масс, которые вставали под знамена наиболее авторитетных и мужественных предводителей борьбы против иранского владычества. Главные фигуры этой борьбы: уцмий Кайтага Ахмед-хан, Сурхай-хан Казикумухский и др. готовились к продолжительной борьбе с завоевателями, мобилизуя все свои силы⁵.

Российская военная администрация на Северном Кавказе неоднократно получала сообщения о союзе уцмий Ахмед-хана с Сурхай-ханом Казикумухским, касающиеся строительства ими десяти каменных укреплений. Есть сведения и о постройке подвласными уцмий – кубачинцами семи укреплений, оснащенных пушками⁶.

Победа Надира в Лаки, Дарго, Кайтаге, Табасаране и лезгинских обществах явно принесли ему политический выигрыш: открытое военное

1 Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе с Надир-шахом // Эхо Кавказа, 1995. №5. С.36.

2 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч.2. С.120; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.89.

3 Тамай А.И. К истории борьбы народов Дагестана и Ширвана за независимость против Ирана в первой половине XVIII в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.1. Л.94.

4 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.84.

5 Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2007. С.92.

6 Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. Махачкала, 1989. С.153.

сопротивление в Дагестане прекратилось. Но это сопротивление было не долгим, уже весной 1736 г. Сурхай-хан совершил набег на старую Шемаху, вскоре он же опустошил окрестности Дербента ¹.

Осенью 1736 г. анцухский старшина Галега вместе с джарцами выбил иранский гарнизон из Шильды и добился подписания мирного договора с братом Надира Ибрагим-ханом. В следующем году, когда армия Надира ушла в Афганистан, Муртузали – сын Сурхай-хана возглавил грандиозный набег на Ширван и Шеки: горцы дошли до Тифлиса и Карабаха осадили Нуху и взяли крепость Ареш, держали в блокаде иранские гарнизоны, «начиная от Тифлиса до Карабаха и кончая Шеки и Ширваном».²

Разгорелись боевые действия между иранскими войсками и восставшими горцами в Шеки, Ширване, Грузии и Карабахе. Только ценой крупных потерь к концу 1737 г. Ибрагим-хан сумел вытеснить их из Кахетии. Однако весной 1738 г. снова восстали джарцы под предводительством старшин Ибрагима Диванэ и Магомеда Халила, к которым тут же присоединились Муртазали, сын Сурхая и сын цахурского владетеля Али Султана Мухаммед-бек. Дагестанцы им на помощь прислали 20-тысячное войско. Стараясь расколоть силы восставших, Ибрагим-хан пытался восстановить против них дагестанских владетелей. С этой целью летом 1738 г. он прибыл на Куру, куда пригласил для переговоров Хасбулата, Сурхая, уцмий Ахмед-хана и Али Султана Цахурского, но за исключением последнего никто не явился на этот призыв³.

Ибрагим-хан, убедившись в готовности горцев сражаться до конца, решил силой покорить джарцев и их дагестанских союзников. Осенью 1738 г. во главе 32-тысячного войска он вступил на территорию Джары и Талы. Уцмий Ахмед-хан присоединив к себе горцев из Табасарана, Хиналуга, Ахты-пара, Курали, Кайтага, прибыл в Джар и активно участвовал в битве у Джиныха, в котором персидские войска были наголову разгромлены. Убитым оказался среди других высокопоставленных военачальников и сам Ибрагим-хан.⁴

Весть о гибели брата Надир-шаха застала во время индийского похода, в связи с чем он сразу же не мог отомстить за его смерть. Но все же он снарядил своего сына Риза-Кули собирать войска и провиант в

1 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч.2. С.120.

2 Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С.28.

3 Козлова А.Н. Страница истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М.,1976. Вып.18. С.127.

4 ГУ «ЦГА РД». Ф.379. Канцелярия коменданта г. Кизляра. Оп.1.Д.17. Л.16,33.

Азербайджане и Грузии. Затем он заявил своему окружению: «Я взял под свою власть Хиндустан, земли Турана и Ирана, а сейчас я пожелаю: с огромным бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (даг) на той стороне. От такого клейма огонь пойдет по всему миру»¹.

Месть за кровь брата послужила Надир-шаху предлогом для оправдания грабительских походов. Третий поход Надир-шаха, известный в исторической литературе под названием Дагестанского, как отмечает Н.А. Сотавов, – «сочетал тщательно продуманные военные, дипломатические и иные меры»².

Жажда мести за брата заставила Надир-шаха повернуть свои непобедимые войска снова в сторону Дагестана, раз и навсегда покорить этот непокорный край.

«Знамена, которые покорили мир, покидают Хоросан и продвигаются в Дагестан»,³ так озаглавил специальную четвертую главу своего сочинения историограф шаха Мирза-Мехти Астарабади. «Весь Иран, – говорится в предании народов Дагестана, – на нас поднялся, все равнины на предгорьях затопили орды злые»⁴.

Зверства завоевателей на своем пути к Дагестану не сломили воли горцев к сопротивлению – они привели к обратным результатам, сплотив их в борьбе за родную землю. Перед угрозой физического уничтожения дагестанцы проявили беспримерный героизм, небывалое единство и твердость духа. В связи с приближением иранских войск к Дербенту казикумухский хан Сурхай и уцмий Ахмед-хан обязались взаимной клятвой сражаться с врагом вместе до конца. На созванном уцмием совете влиятельных старшин и узденей еще раз под присягой было подтверждено, «чтоб быть им в одном месте заедино и усмею к шаху не ехать»⁵.

Решимость к сопротивлению Сурхая и уцмий Ахмед-хана снискала к ним симпатии горских масс. Не желая подпасть под иранское владычество, они создавали свои отряды, становились под знамя наиболее после-

1 Козлова А.Н. «Намеей - оламара-йи Надири Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С.72.

2 Сотавов Н.А. Северный Кавказ ... С.99.

3 Мирза-Мехти-хан Астарабади. Джанхангоша Надири. Тегеран, 1341/1962 // Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С.132.

4 Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской компании шаха Надира (1741-1743гг.) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т.V. С.103.

5 Цит по: Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С.140.

довательных борцов против Ирана. «А тавлинцы, аварлинцы и цудахарцы все Сурхаю присягу дали чтоб быть им на одном месте заедино и он Сурхай ныне тавлинцев к себе збирает... и владелец Усмей дал Сурхаю, а Сурхай Усмею присяги чтоб им к шаху не ехать и быть заедино»¹.

Одновременно с этим дагестанские владетели обращались за помощью к России и Турции. Но ни Россия, ни Турция не смогли в этот момент оказать реальной помощи горцам Дагестана.

Оказавшись без поддержки в этот трудный момент, горцы стали готовиться к тяжелой и продолжительной борьбе с Ираном. Спешные оборонительные меры предпринимали Сурхай, уцмий Ахмед-хан, его племянник с резиденцией в Нижнем Дженгутае Ахмед-хан, акушинские, кубачинские и цудахарские старшины. Находившийся в Дербенте Батай Чимамамов, доносил об этом в Кизляр: «Сурхай сообщился с тавлинцами построил в горах по ущельям ... десять городков каменных, во оных расставил свое войско да семь городков же построили кубачинцы на таковых же переходах и поставили в них пушки и ныне оной Сурхай и кубачинцы к войне ко всякой готовы»².

Осуществляя свои планы покорения Дагестана, Надир-шах в начале августа 1741 г. двинулся по двум направлениям. Часть войска он направил через непокорный Кайтаг на территорию Мехтулинского ханства, которая отсюда при поддержке Хасбулата должна была через Аймакинское ущелье вторгнуться в Аварию. Сам же Надир-шах с основными силами направился во владения Сурхай-хана. Кайтагцы, мобилизованные уцмием, преградили дорогу отряду Гайдарбека, «истребили в нем много людей и отняли лошадей и прочее имущество носильное и обозное»³. А.И. Тамай, ссылаясь на турецкий источник, писал, что преодолеть кайтагов удалось лишь с помощью подоспевшего на помощь кизылбашем 24 тысячного войска Лютф-Али-хана, которому Надир-шах приказал разорить все селения уцмий.⁴ Все владение уцмий было разорено, а сам он с войском отступил в Кубачи.

Преследуя уцмий Ахмед-хана, иранские войска проходили через села Верхнего Кайтага, разрушая и предавая их огню.

¹ Там же.

² Цит по: Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С.142-143.

³ Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе с Надир-шахом // Эхо Кавказа. 1995. № 5. С.36-37.

⁴ Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской компании шаха Надира... С. 115.

Выполняя свои замыслы по овладению Дагестаном, иранские войска рассеяли отряды мехтулинского владетеля Ахмед-хана, вынудив его отступить в Аварию через Аймакинское ущелье, а затем двинулись на осаду Акуши. После падения Дженгутая и осады Акуши Хасбулат склонил к покорности акушинского кадия Хаджи-Айиуба, а сам принял участие в разгроме акушинского ополчения, за что удостоился особой похвалы своего покровителя.¹ О походе иранских войск в Акуша и другие села союза интересные сведения приводит П.Г. Бутков: «Персияне при помощи 2 тысяч бухарских узбеков вошли в акушинские лезгинских племен волости и имели, с ними сражение. Акушинцы ружейною пальбою большую часть узбеков перебили, остальных же принудили к бегству². «Надир-шах вынужден был отправить против акушинцев новые силы. Несмотря на героизм и упорство акушинцев и других жителей союза, завоевателям, в конце концов удалось преодолеть их. Они «многих убили и до 200 голов принесли к шаху на копьях, за что получили денежное награждение. Следствие сего было таково, что Аккушинцы и Цудахари дали Надиру аманатов. Почему, чрез их жилища (Цудахари) Надир устремился на Авар в самые вершины Самура»³.

Но перед тем как уйти в Аварию, персы, взяв Акушу, рассеялись по другим селам Акуша-Дарго, где они также встретили самое упорное сопротивление. Согласно преданиям, завоевателям не удалось взять селение Мекеги, во главе которого стоял умный и волевой старшина Дехела Муртузали, организовавший заранее оборону селения⁴.

Но поражение верхнедаргинцев не сломили их волю к продолжению дальнейшей борьбы с завоевателями. Они, как и другие дагестанцы, шли в Аварию, куда направлялся Надир-шах с основными силами для окончательного покорения Дагестана.

Тем временем Надир-шах, заняв Казикумух, направил часть войска на помощь осажденному в Тарки Хасбулату, а сам направился для взятия Кубачи, где уцмий Ахмед-хан в это время оказывал упорное сопротивление иранским войскам. После капитуляции Сурхая уцмий остался один на один с огромной иранской армией. Стараясь избежать поголовного истребления защитников крепости, уцмий вынужден был признать себя

1 Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С.147.

2 Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С.215.

3 Там же.

4 Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала, 2002. С.286.

побежденным, но с условием сохранения Кубачи под властью выборных старшин.

Добившись капитуляции двух виднейших предводителей антииранской борьбы, шах стал высокомерным и недоступным, возомнил себя властелином Дагестана. «Видя Сурхая и усмея власти своей покоренья, – отмечал Калушкин, – Надир час от часу в такую заносчивую гордость приходит, что и описать трудно, и он хочет со всей Дагестании потребовать в службу 20 тысяч, а остальных перевести на службу в Персию»¹.

После капитуляции Ахмед-хана и Сурхай-хана Надир считал себя победителем, но горцы продолжали сопротивление. Все, кто хотел сражаться с завоевателями, стекались в Аварию. Подготовка всех народов Дагестана к решающей битве в Аварии велась довольно активно. Уцмий Ахмед-хан и Сурхай-хан, находясь в плену, тайно принимали участие в общем деле. Усиленно готовились к битве и верхнедаргинцы. О приходе даргинцев в Андалал на помощь аварцам, как и других народов Дагестана, свидетельствуют песни сохранившиеся в народной памяти до наших дней. Так в одной из них посвященной Муртузали сыну Сурхай-хана говорится:

Кто хочет победы над врагом отчизны
Тот пусть прибудет в долину Согратля
Словно потоки воды после грозы,
Стали стекаться туда юноши-лакские воины,
Аварцы, кюринцы отрядами шли,
Акушинцы, кумыки, кайтаги и даргинцы
Шли, как будто родники, текущие в реку....
Из цудахарского кремля сыпались искры²...

Решающая битва произошла в районе сс. Мегеба, Обоха, Согратля и Чоха на территории Андалалского союза сельских общин в 1741 г., где в результате хорошо скоординированных действий объединенных отрядов горцев в ожесточенной битве армия Надир-шаха потерпела сокрушительное поражение и «звезда Надира закатилась в горах Дагестана»³. Такое же сокрушительное поражение было нанесено иранским войском в другом театре военных действий – Аймакинском ущелье.

1 Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С.154.

2 Цит по: Магомедов Р.М. Даргинцы ... Ч.2. С.141.

3 Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. № 2. С.107.

Верхнедаргинцы проявили себя в сражениях в Андалале, как храбрые и бесстрашные воины. После этих боев они слыли в горах непобедимым и сильнейшим народом. Так, автор более позднего времени отмечал, что «...в кровавой битве под Иран-Харабом, что значит «гибель Персии», – акушинский народ нанес ему страшное поражение. Бегство персов было так поспешно, что шах потерял на поле сражения корону и драгоценное седло. «Акушинцы (верхнедаргинцы. – Авт.), после этой блестящей победы, слыли в горах непобедимыми и, как сильнейший народ», «привыкли с давних пор вмешиваться в посторонние распри и играть в событиях первенствующую роль»¹.

Следует отметить, что при Иран-Харабе акушинцы не наносили персидским войскам поражение. Здесь автор, по-видимому, имел ввиду сражение в Андалале, поскольку известно, что Надир-шах потерял корону и драгоценное седло после андалальского сражения, при его поспешном отступлении с гор Дагестана. Согласно сведениям В. Потто, можно предположить, что верхнедаргинцы особо отличились в какой-то битве в Андалале. Возможно, это и подняло авторитет верхнедаргинцев, как сильных и непобедимых воинов в Дагестане.

Разгром полчищ Надир-шаха в Аварии вдохновил на борьбу новые силы дагестанцев, в том числе и тех, кто вынужден был покориться шаху под давлением тяжелых обстоятельств. Сознывая нависшую угрозу над остатками армии, в сентябре 1741 г. Надир-шах начал отступление из Аварии, больше напоминающие бегство, чем организованный отход боеспособной армии. Часть своих войск Надир-шах поручил уцмию Ахмед-хану провести в Дербент через Кайтаг, приказав к тому же захватить в Кара-Кайтаге семьи заложников и доставить их в Дербент².

Во второй половине сентября 1741 г. в низком и длинном ущелье Капкай, в двух милях выше с. Башлы кайтагцы под руководством уцмий Ахмед-хана и мехтулинского Ахмед-хана устроили засаду, внезапно остановили персидский отряд численностью в 30 тысяч человек преградив ему путь через ущелье, нанесли страшное поражение. По-видимому, была истреблена большая часть отряда: по слову курьера, доставившего письмо Калушкина в Кизляр, горцы «напав на войско, всех побили, токмо ушло в Дербент человек до ста и то нагие»³. Среди погибших был найден и труп Лютф-Али-хана.

1 Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. С.249.

2 Магомедов Р.М. Даргинцы ... Ч.2. С.144.

3 Цит. по: Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 165.

Более тысячи персов попали в плен, были захвачены оставшиеся у них пушки и боеприпасы. Нападавшие захватили обоз, много ценностей, личный шатер шаха и часть его гарема. Помимо этого, как отмечал Р.М. Магомедов, именно тогда в руки горцев и попали корона, седло и шашка Надир-шаха.¹ Вполне возможно, что верхнедаргинцы не только приняли в этом сражении участие, но и показали себя как храбрые и боеспособные воины. Это и дало повод В. Потто утверждать, что акушинцы (верхнедаргинцы. – Авт.) разбили персидские войска при Иран-Харабе, вероятнее всего за их активность в боях в Капкайском ущелье.

Следует отметить, что столкновение которое произошло в Кайтагском ущмийстве в ущелье Капкай, нанесло персидским войскам не меньший урон, чем это имело место в Андалале и Аймакинском ущелье.

Потерпев поражение в открытых боях с горцами, Надир-шах перешел к тактике измора, медленной осады и подкупа верхушки местной правящей элиты. Для того чтобы иметь базу для накопления новых сил, он возвел севернее Дербента укрепленный лагерь, получивший позже название «Иран-Хараб» (гибель, разорение Ирана)², и стал готовится к продолжению войны.

А.-К. Бакиханов писал, что уже 9 октября персы начали строить цепь полевых укреплений, отстоявших друг от друга на 2-3 фарсаха на линии предгорий, начиная от Дербента и до шамхальского владения, чтобы затруднить горцам выход на приморскую равнину,³ – как пояснял Г.-Э. Алкадари, – «дабы жители верхних сел Кайтага не могли спускаться вниз и засеивать тамошние пашни»⁴.

Но даже в укрепленном лагере, захватчики не находили покоя, как и в других местах, подвергались молниеносным ударам горцев. Озлобленный таким обстоятельством, Надир-шах в октябре 1741 г. предпринял карательную экспедицию в Кайтаг, но успеха не имел. Такие же походы Надир-шах совершал и в другие места Дагестана, что вызывало у местного населения еще большее стремление к освободительной борьбе.

В условиях небывалого подъема освободительной борьбы народов Дагестана положение иранской армии продолжало ухудшаться. «Иранские войска, – пишет Н.А. Сотавов, – находились в постоянной тревоге, болезни и голод уводили в могилу многих людей, неубранные трупы валялись на улицах Дербента. Шах обвел свой лагерь высоким земляным

1 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч.2. С.153.

2 Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1.С. 123.

3 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 253.

4 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 86.

валом, а из-за опасения внезапного налета повстанцев перевез в Дербент семью, гарем и ценности. Но эти меры не могли обеспечить полной безопасности, пока сохранялось единство горцев и оставались с народом наиболее последовательные из их руководителей за независимость, отличившихся в предыдущих боях с противником»¹.

В конце 1741 – начале 1742 г. у шаха, по сообщению Калущкина, «с лезгинцами развязалось тяжелое дело..., от которого Персия стонать не перестает».² Дагестанцы стали переходить от планов и угроз к конкретным действиям. Так, весной 1742 г. уцмий Ахмед-хан с верхнедаргинцами, кайтагцами и кумыками активизировал военные действия против шаха. Как сообщали в марте прибывшие из Кизляра в Дербент А. Киялкаев, Б. Чимаматов и Ч. Абакаров «акушинцев, тавлинцев и кумыков собралось под командой уцмий тысяч семь к тому день ото дня горские тавлинцы на помощь ему идут и хотят с шахом поступать войною»³. В конце марта с большим количеством войск Надир-шах попытался привести в покорность уцмий и его сторонников, но был отбит со значительными потерями. В письме от 22 апреля 1742 г. Братищев язвительно сообщал, что «его величество (Надир-шах. – Авт.) ныне в отгоне скота у дагестанцев упражняться начал, неожиданным набегом отбил у акушинцев 300 коров и овец. Завоеватель Индии, Хивы, Бухары и Афганистана, шах Ирана после голодной зимы доволен и этой победой...»⁴.

В тяжелой борьбе против иранского порабощения дагестанцы стали все чаще прибегать к покровительству России, о чем свидетельствуют не единичные, а массовые обращения дагестанских владетелей и старшин. Понимая чем это может обернуться в случае вмешательства России в дагестанские дела, шах стремился перетянуть на свою сторону наиболее влиятельных дагестанских владетелей, предлагая им выступить вместе с персами против России. Акуша-Дарго также не осталось в стороне от этих хитрых политических игр Надир-шаха. Так, астраханская губернская канцелярия сообщала в Петербург, что шах обратился к акушинскому кадию предлагая акушинцам (верхнедаргинцам. – Авт.) выступить вместе против России. Но кадий предупредил акушинских старшин, что «шах хочет идти на русских и подговаривает с собою их, на что де по совету тех старшин писал он (кадий. – Авт.) к шаху: ежели он пойдет на

1 Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 171.

2 Там же. С. 173.

3 Там же.

4 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч.2. С.162.

русских, то они, совокупясь с русскими пойдут на него, а ежели на них, то русские с ними потому ж пойдут»¹.

Важную роль в провале дагестанских компаний Надир-шаха сыграли многочисленные победы, одержанные народами Дагестана с персидскими захватчиками в 1742-1743 гг., наиболее значительным из которых можно считать сражение у Кала-Корейша – горной резиденции уцмий Ахмед-хана².

Иранский историк А.Т. Сардадвар писал, что, выделив 20-тысячное войско для похода на Кайтаг, Надир-шах надеялся на легкую победу. Исходя из этого предположения, он, поручил отряду туркменских воинов наступать на Кала-Корейш, где находился его враг номер один – уцмий Ахмед-хан, сам двинулся в сторону Акуши. Однако даргинцы, не раз испытывавшие на себе «прелести» походов кизылбашей, сообщал В. Братищев, «более к обороне готовы, нежели персидской неволе себя подвергнуть соглашаются». «На сопротивление их, – продолжает он, – побуждает уцмий Ахмед-хан, чтобы они до последней капли крови твердо стояли и отнюдь шаху не сдавались»³.

Тем временем двигавшийся на Кала-Корейш персидский отряд, попав в ловушку в узком ущелье, был разгромлен. Но Кала-Корейш удалось окружить войсками под командованием Абдалы-Гани-хана. Успокоенный этим шах с трехтысячной кавалерией направился в сторону Аварии, не добившись успеха в Акуша.

Согласно данным иранского историка А.Т. Сардадвара, иранские войска захватили Кала-Корейш, но В. Братищев сообщал, что они не смогли взять эту крепость, и вынуждены были ограничиться получением лишь части аманатов от требуемого количества.

Тогда же поредевшие части иранской армии повернули к Дербенту и стали скапливаться в иранском лагере. Приведя их в порядок новым пополнением, в конце 1742 г. шах предпринял несколько карательных экспедиций в Табасаран, Кайтаг, на даргинские и аварские общества, но снова понес большие потери и вынужден был отступить в Иран-Хараб⁴.

В конце концов, потерпев полный крах в военных операциях, учитывая крайне тяжелое положение войск – их полная деморализация, антииранское движение в Ширване, а также недовольства в самом Иране,

1 Цит. по: Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 174.

2 Муртазаев А.О. Указ. соч. С.110.

3 Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. С.194.

4 Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С.186.

и убедившись в том, что продолжение войны в Дагестане не принесет ничего другого, кроме новых трудностей и потерь, Надир-шах принял решение в январе 1743 г. вывести основную часть своего войска из Дагестана, оставив лишь персидский гарнизон в Дербенте. Однако горцы, не довольные размещением иранского гарнизона, продолжали волнения нанося, одно поражение за другим этому гарнизону в Дербенте.

1745 г. дагестанские повстанцы, в числе которых были и верхнедаргинцы, подступили к стенам Дербента. Правитель Дербента – ставленник Надир-шаха Ганихан, бросив город, отступил к Шабрану. Но здесь он был на голову разбит горцами во главе с уцмием Ахмед-ханом ¹.

Следует отметить, что Надир-шах не отказался от притязаний на Дагестан даже тогда, когда его империя оказалась на грани распада. Более того, по сообщению осведомителей из Дербента и Эндирея, в апреле 1746 г. шах вызвал в Исфаган Эльдара, и приказал с 30-тысячным войском идти в Дагестан, разорить всех дагестанских владетелей. Выразивший сомнения в возможности выполнить этот приказ, Эльдар был закован в цепи и брошен в темницу. «Я де зарекался в Дагестан ходить, – заявил шах перепуганному Эльдару, – а ныне де... сего мая неотменено буду в Дагестанию и везде дагестанских жителей в конец разорю и дома их сожгу».² С этой целью он решил обосноваться в Мугани и оттуда направлять в Дагестан отряды. Однако его планам не суждено было сбыться. Летом 1747 г. в результате заговора он был убит.

Так бесславно и позорно кончились попытки иранского шаха Надира покорить народы Дагестана. В этой борьбе за свободу и независимость участвовали все народы Дагестана, в том числе и даргинцы, среди которых жители Акуша-Дарго показали себя с лучшей стороны, как храбрые и бесстрашные воины.

§3. Участие Акуша-Дарго в политических событиях второй половины XVIII в.

Во второй половине XVIII в. роль и место Акуша-Дарго в политических событиях Дагестана заметно усиливается. В этот период федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго оказалась вовлеченной во все конфликты и распри феодальных владетелей не только в Дагестане, но и Закавказье.

1 Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе с Надир-шахом. С.37.

2 Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С.196.

Гибель Надир-шаха в 1747 г. была отмечена распадом его империи и образованием на ее окраинах ряда новых самостоятельных государственных образований – ханств. Около десятка таких ханств образовалось и на севере империи – Азербайджане, правители которых постоянно вовлекали горцев Дагестана в свои междоусобицы.

Характеризуя вторую половину XVIII в. можно согласиться с утверждением Р.М. Магомедова о том, что ослабление внешней угрозы с падением империи Надир-шаха привело к усилению соперничества дагестанских владетелей, в ходе которого каждый определял «союзников» и «противников». Обозначилось новое явление в политической истории Дагестана – создание коалиций¹. Действительно почти вся вторая половина XVIII и начала XIX в. отмечена непрерывной междоусобной борьбой дагестанских владетелей, в ходе которой и создавались различные коалиции.

Акуша-Дарго по традиции примыкало к «шамхальской» коалиции и принимало непосредственное участие в политических акциях шамхала.

Одной из таких междоусобиц явилась борьба за власть в шамхальстве Тарковском, начавшаяся после смерти шамхала Хасбулата. Поводом к междоусобной борьбе послужил порядок замещения шамхальского престола.

В исторической литературе по вопросу о преемниках шамхала Тарковского Хасбулата существуют разноречивые мнения. В статье «Шамхалы Тарковские» сказано, что Хасбулат в отместку за то, что буйнакский владетель Мехти развелся с его сестрой, решил сделать наследником своего племянника Тишсиз Баммата² – представителя младшей линии шамхальского рода. Иное сообщают Г.-Э. Алкадари и А.-К. Бакиханов: «В 1187 году (1773 г.) шамхал Хасбулат умер и ввиду отсутствия детей, оставил завещание, чтобы после него шамхальство было передано сыну его сестры Буйнакскому правителю Муртузали, сыну Мехти».³ Согласно архивным данным шамхал умер в 1759 г.⁴

В действительности Муртузали не сразу стал шамхалом. Летом 1759 г. шамхалом был избран его отец – буйнакский владетель Мехти.

1 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч.2. С.214.

2 ССКГ. Вып. I. С.61.

3 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.81; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.132.

4 Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-70 гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. I. С.135.

Решающее значение при выборе правителя в шамхальстве Тарковском имело мнение представителей федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго, поскольку по существующей традиции законным шамхалом считался лишь тот, кого признавало Акуша-Дарго¹.

Следует отметить, что избранию шамхалом Мехти предшествовал целый ряд событий. Шамхал Хасбулат незадолго до своей смерти склонил жителей шамхальства в пользу своего племянника Баммата.

Тишсиз-Баммат после смерти Хасбулата утвердился в Тарках. Это не понравилось вдове Хасбулата и отдала сторонникам Мехти 300 рублей, чтобы привлечь на эти деньги соседей в помощь Мехти и возвести в шамхалы его. Оба сына Мехти поехали с этими деньгами собирать ополчение: старший Муртузали – в Акуша, а младший Баммат – в Койсубулу. За несколько месяцев вокруг своих братьев действительно сложились ополчение – верхнедаргинцев и аварцев-койсубулинцев.² Ополчения двинулись на Тарки и вынудили бежать Тишсиз-Баммата. Вскоре ополченцы двинулись на Бамматулу, заняли главное селение – Нижнее Казанище и стали лагерем на поляне Пох-Тала. Сюда прибыл сам Мехти и множество влиятельных людей из соседних земель с целью прекратить междоусобицу в шамхальской семье. Собравшиеся избрали шамхалом Мехти, но Мехти объявил, что передает шамхальскую власть старшему сыну Муртузали в связи с преклонным своим возрастом. Здесь он объявил, что желает восстановить отношения с Тишсиз-Бамматом и пригласил его вернуться и править в Бамматуле, Тишсиз-Баммат принял условия Мехти.

Интересно то, что отметили А.-К. Бакиханов и Г.-Э. Алкадари: Тишсиз-Баммат сумел стать шамхалом и на месяц утвердился в Тарках потому, что его поддержали Магомед – Нуцал-хан Аварский, князя Эндирея и Эрпели и уцмий Амир-Гамза, а потерял он власть тогда, когда его соперников – Мехти и Муртузали – поддержали Койсубула и Акуша-Дарго,³ следом и Фатали-хан Кубинский, который, видимо, уже в то время оценил военные возможности верхнедаргинцев.

Тишсиз-Баммат смирился со своим положением, но не оставил претензий на шамхальскую власть. Это прекрасно понимал и вновь утвержденный шамхал Муртузали. Каждая из этих сторон стремилась найти себе союзников среди дагестанских владетелей и заручиться их помощью. Между тем, внимание многих из них, в том числе и нового шам-

1 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 132; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 81.

2 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 216.

3 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.134; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.84.

хала, было приковано к событиям, происходившим в соседнем Дербентском ханстве.

В развернувшихся далее событиях непосредственное участие приняли и верхнедаггинцы, выступая на стороне Фатали-хана Кубинского и шамхала Муртузали.

Раздираемое внутренними противоречиями, Дербентское ханство в середине XVIII в. находилось в тяжелом положении. Произвол и насилие, которые чинили хан и его окружение, вызвали резкое недовольство не только народных масс, но и части дербентских феодалов, отстраненных от управления ханством. Этой обстановкой умело воспользовались правящие круги Кубинского ханства, стремившиеся овладеть Дербентом и установившие с этой целью связи с дербентцами ¹. Это несомненно вызывало беспокойство соседних дагестанских владетелей хорошо понимавших важное значение Дербента и не желавших допускать усиления Кубинского ханства за счет его присоединения. Но между ними не было единства. Правитель Кайтагского уцмийства Амир-Гамза сам не прочь был овладеть Дербентом, однако соседние владетели не желали и его усиления. И в этих условиях Кубинскому Фатали-хану и его окружению удалось, воспользовавшись отсутствием единства среди дагестанских владетелей и «обещая богатые подарки, земли и доходы от взимания пошлин в Дербенте»,² привлечь на свою сторону шамхала Тарковского Муртузали, уцмий Кайтагского Амир-Гамзу, табасаранского кадия и добиться нейтралитета казикумухского Магомед-хана.

С помощью вооруженных сил своих союзников, а также при поддержке городского населения и группы недовольных феодалов самого Дербента Кубинскому ханству удалось присоединить Дербент в ноябре 1759г.³.

Союзники получили обещанное вознаграждение, но размер его был неодинаковым.⁴ Больше всех получил уцмий Кайтага Амир-Гамза, на сестре которого, в целях укрепления дальнейшего союза с ним, женился Фатали-хан. Награда, полученная шамхалом Муртузали, была менее значительной и, очевидно, это обстоятельство послужило поводом к разрыву между союзниками, ибо в начавшейся вскоре после этих событий

¹ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-хан Шура, 1906. С.28; Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1963. С.201; История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.375.

² Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х гг. XVIII в. Баку, 1958. С.39.

³ Там же. С.41.

⁴ Там же. С.42.

борьбе между шамхалом Тарковским Муртузали и Казанищенским Тишсиз Бамматом кубинский и дербенский Фатали-хан и уцмий Кайтага Амир-Гамза оказались на стороне последнего. После присоединения Дербента значение Кубинского ханства в политической жизни Дагестана резко возросло. Фатали-хан и его окружение «всегда смотрели на Дербент, как на самое важное владение, которое стало их обычной резиденцией»¹.

В начале 60-х гг. с новой силой развернулась борьба за власть в шамхальстве. В этой междоусобной борьбе за шамхальскую власть уцмий Амир-Гамза, вместе с Фатали-ханом, кумыкскими владельцами Темир Хамзином и Алиш Хамзином и аварским правителем Нуцал-ханом выступил на стороне Тишсиз-Баммата.

В коалицию шамхала Тарковского Муртузали были втянуты его брат, буйнакский владелец Баммат, верхнедаргинцы и казикумухский Магомед-хан, выступление которого на стороне шамхала мотивировалось тем, что усиливающееся Кубинское ханство напрямую угрожало его интересам в Южном Дагестане².

Таким образом, в междоусобную борьбу за власть в шамхальстве Тарковском оказались вовлечены все крупные владельцы Дагестана, в том числе и Акуша-Дарго.

Обе противоборствующие стороны готовились к продолжительной борьбе. К селению Казанище стягивали свои войска сторонники Тишсиз-Баммата, среди которых был и уцмий Амир-Гамза, чтобы, по словам костековского Алиша Хамзина, «в шамхалы определить брата нашего Мугамета», т.е. Баммата³.

Шамхал Муртузали тоже готовил войска, численность которых была увеличена за счет приглашенных горцев среди которых были и верхнедаргинцы⁴.

Тем временем борьба за власть в шамхальстве продолжала нарастать. В первые годы шамхалом оставался Муртузали. Но в начале 1763 г. Тишсиз-Бамат с помощью уцмий Амир-Гамзы, кубинского хана Фатали и других союзников сумел захватить власть в шамхальстве⁵.

1 Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы-этногенез и формирование народа. Баку, 1990. С. 224.

2 Муртазаев А.О. Указ. соч. С. 119.

3 ГУ «ЦГА РД». Ф.379. Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп.1. Д.3320. Л.39.

4 Там же. Л.93.

5 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 132.

В июле 1763 г. союзники шамхала Муртузали – казикумухский Магомед-хан и «Акушинской области старшина Усейн» во главе 20-тысячного войска совершили нападение на владения уцмий Кайтагского Амир-Гамзы. Только его внезапностью, очевидно, можно объяснить тот факт, что им удалось сжечь одно селение, а из другого угнать скот, ибо в это самое время «в Хайдаках для защищения оных» находился с войском кубинский Фатали-хан.¹

Междоусобная борьба дагестанских владетелей пошла на спад лишь к концу 1763 г. Несмотря на поддержку своих союзников, Тишсиз-Баммату не удалось сохранить власть в шамхальстве, которая перешла в руки Муртузали. В этой борьбе участие приняло и Акуша-Дарго активно выступая на стороне Муртузали – одного из претендентов на шамхальский престол. Отсюда видно, что Акуша-Дарго занимало свою независимую от других владетелей позицию, исходило из своих политических интересов в междоусобной борьбе в шамхальстве Тарковском.

В январе 1764 г. шамхал Муртузали сообщил кизлярскому коменданту Н.А. Потапову: «Мы с хайдакским и кубинским ханом и с прочими нашими злодеями помирились и учинили с ними договор по магометанскому обычаю»².

Во второй половине 60-х гг. XVIII в. происходили не менее бурные события. В эти годы в Дагестане сложилась новая коалиция, направленная против Кубинского Фатали-хана, которую возглавил уцмий Амир-Гамза, недавний союзник Фатали-хана.

Интересно отметить, что в этой феодальной распри ближайшими союзниками Фатали-хана стали шамхал Муртузали, его брат буйнакский владетель Баммат и Акуша-Дарго. Столь резкие переходы от союзничества к вражде и наоборот были типичны для феодальной эпохи. Акуша в этой феодальной распри на этот раз выступила на стороне Фатали-хана вместе с шамхалом Муртузали.

Усиление и расширение Кубинского ханства сильно беспокоило соседних с ним владетелей как дагестанских, так и азербайджанских, результатом которого и явилось создание ими коалиций, направленных против Кубинского ханства.

Продолжая, свою завоевательную политику Фатали-хан с Гусейном Шекинским сумели захватить Шемаху и поделить Ширван. В осаде Шемахи в мае-июне 1768 г., наряду с ополчениями кубинцев и дербентцев,

1 ГУ «ЦГА РД». Ф.379. Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп. 1. Д.3902. Л.35.

2 Там же. Д.3337. Л. 46.

на стороне Фатали-хана сражались и наемные отряды верхнедаргинцев¹. На прямое участие верхнедаргинцев в сражении за Шемаху указывает в своем рапорте ротмистр Адиль Черкесский: «В приезде разведано мною... он (Гусейн Шекинский), собрав войско, шел к Шемахе, а Фатали-хан, уведомясь о том, со своей стороны также из акушинцев и прочих тавлинцев войска собрал, а потом и Тарковского шамхала в помощь себе призвал. И как Усейн-хан подошел к Шемахе и одну фатали-ханову партию разбил, то в самое время подоспел на помощь Фатали-хану Шамхал с войском и прочие, которые, совокупно напав на Усейн-хана, одержали победу, и весь лагерь его взяли себе в добычу, и много войска побили и в плен захватили, а сам Усейн-хан с малыми (т.е. малочисленными) людьми едва бегством и спастись мог...»²

В том же году Акуша-Дарго оказалась втянутой в другую очередную политическую акцию Фатали-хана. В связи с этим эндиреевский владетель Темир Хамзин сообщал кизлярскому коменданту Н.А. Потапову о сборе феодалов в Акуша: «Вам, приятелю моему сим объявляю, находящийся при кубинском хане Эльдар-бек, приехал в Акушинскую деревню, куда приехал и тарковский шамхал Муртузали, тако живущие по сю сторону р. Куры все народы туда ж собрались и между собой учинили присягу, чтоб ехать в Грузию, а по возвратном оттуда приезде вышеописанного Эльдарбека утвердить в Казикумухскую деревню начальником»³.

Начавшаяся русско-турецкая война 1768-1774 гг. тоже наложила отпечаток на жизнь Восточного Кавказа. Почти ежегодно здесь стали появляться агенты султана Мустафы III с письмами и обещаниями, склонявшими здешних владетелей к совместному нападению на Кизляр. Успеха эти визитеры не имели, но русская сторона была обеспокоена и для проверки сюда под видом торговца был послан В. Князев. Следует отметить, что посланцы из Турции и раньше появлялись в Дагестане но на этот раз (в мае 1769г.), видимо, впервые среди владетелей, к которым были направлены письма султана Мустафы III, оказался наряду с уцмием Кайтага, также и кадий акушинский, что свидетельствует о возрастании веса Акуша-Дарго в политических процессах происходивших на Восточном Кавказе⁴.

1 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 224.

2 Там же. С.224.

3 ГУ «ЦГА РД». Ф.379. Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп.1. Д.678. Л.101.1

4 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С.226.

Летом 1770 г. Фатали-хану удалось собрать в Дербенте наиболее влиятельных дагестанских владетелей, среди которых был и акушинский кадий, где он предложил им снова низвергнуть Магомед-хана Казикумухского и поставить на его место Эльдар-бека. Осуществление такого плана могло еще больше усилить власть и влияние Фатали-хана. Поскольку «... через него и Фатали-хану более в Персии усилиться было можно, к чему соглашает еще хайдацкого владельца Амир-Амзу и тарковского шамхала», а «если сие с успехом окончится, то Фатали-хан намерен ехать с войском, для покорения персидского города Тавриза, ибо тамошние жители все охотно его ожидают»¹. Но такой план Фатали-хана больше напугал дагестанских владетелей, чем привлек.

В последующие годы противоречия Фатали-хана с соседними владениями усиливались, пока не переросли в военные действия. В 1773г. войска Шеки, Карабаха и Аварии выступили против Фатали-хана и захватили Шемаху. Фатали-хан отступил в Кубу. В это время «.. услыша сие, доброжелательные аварскому хану, хайдацкой уцмий, женгутайской владелец Али-солтан и Казанищевский Бамат собирают своих людей и хотят ехать к нему...»².

Между тем, изгнанный из Шемахи Фатали-хан вернулся с кубинскими и бакинскими ополчениями, а также с войском верхнедаргинцев, таркинцев и бойнакцев. Объединенные войска Гусейн-хана Шекинского и братьев аварского нуцала – Булача и Магомед-Мирзы были разбиты, причем «Булач и Магомед-Мирза пали на поле сражения...», а их «люди бежали обратно...»³.

После этого Фатали-хан двинулся на Карабах, а к Шемахе устремился с войском брат погибших аварских нуцалов Мухаммад-нуцал. Соединившись с Агаси-ханом (бывшим правителем Шемахи), он занял Шемаху. Тогда Фатали-хан с ополчением кубинцев, дербентцев, верхнедаргинцев и с союзными бакинскими войсками ударил по врагу. Войска Агаси-хана и аварского нуцала были разбиты и тогда они предложили переговоры. Фатали-хан обещал безопасность, остановил сражение и пригласил Нуцал-хана к себе.

Когда в его палатке шли переговоры, снаружи шел совет горских ополченцев. А.-К Бакиханов и Г.-Э. Алкадари писали, что акушинское

1 Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана... С. 64.

2 Там же. С. 69.

3 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 94.

ополчение там лидировало, «и из-за ненависти, которую они издавна питали к Нуцал-хану, потребовали его смерти»¹. Р.М. Магомедов писал, что эти слова Бакиханова остаются непонятными для историков: наверное, у акушинцев были какие-то особые причины добиваться смерти именно Нуцал-хана, но какие до сих пор неизвестно.² Как бы ни было, акушинцы вызвали из палатки Фатали-хана и настояли на своем. По-видимому, они много значили для Кубинско-Дербентского ханства и его правителя, если их требование было воспринято как непреложное: «Будучи принуждаем, Фатали-хан приказал прорезать сзади палатку и вытащить из нее Мелик-Мухаммед-хана, опасаясь, что он подвергнется участи Нуцал-хана, который был сразу же убит вместе со всеми его товарищами»³.

Интересно отметить, что против врагов-соседей Фатали-хан находил союзников у них в тылу – шамхала Тарковского и кадия Акушинского. Правда, шамхал иногда выступал против Фатали-хана, но даргинцы обнаружили удивительную верность ему. Все свои победы в Ширване (над нухинским правителем в 1767 г., над аварскими под Шемахой в 1774г. и пр.) он одержал с помощью даргинцев-акушинцев.

Гибель последнего из братьев нуцалов потрясла весь феодальный мир Дагестана. Здесь стал быстро складываться «антикубинский блок».⁴ В середине 1774 г. «...казанишевский владелец Тишсиз Бамат с Хайдацким уцмием женгутайского владельца Али-Солтана братом Ахматом, с набранными из горцев войском тысячах в 6 по дозволению табасаранского кадия прошли через Табасаранскую дер. в Персию далее Дербента, для разорения кубинского Фатали-хана...»⁵.

В результате сражения, которая произошла в местности Гавдушан войска Фатали-хана потерпели сокрушительное поражение. Потери с обеих сторон были значительными. Среди погибших были Тишсиз-Бамат, Эльдар-бек и майсум Шейхали-бек.⁶

Поражение Фатали-хана было настолько сильным, что он не смог отстоять даже свою столицу – Кубу. Кубу захватил Магомед-хан Казикумухский – союзник уцмий по антикубинской коалиции.⁷ Уцмий Амир-

1 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 132; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 95.

2 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 229.

3 Цит по: Магомедов Р.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 229.

4 Там же. С. 230.

5 ГУ «ЦГА РД». Ф.379. Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп.1. Д. 2929. Л.21.

6 Там же. Оп. 1. Д. 2690. Л. 51.

7 Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. 2. С.67.

Гамза, узнав, что Куба захвачена Магомед-ханом, двинулся на Баку, но не смог взять эту сильную крепость. Потерпев неудачу в Баку, уцмий Амир-Гамза сделал попытку захватить Дербент, но тоже неудачно. Тогда уцмий организовал его осаду, разместив свои войска в Мюшкюре и на Каферинской равнине к северу от Дербента.

Поражение в Гавдушанской битве чуть ли не обернулось для Фатали-хана политическим крахом. В одночасье он лишился значительной территории своего государства. В это тяжелое для себя время он неоднократно обращался к России с просьбой о помощи и принятии его в подданство.¹ Шамхал Муртузали, союзник Фатали-хана, пытался помочь ему. Шамхал вместе с тарковцами и бойнакцами, а с ними и койсубулинское и акушинское ополчения дважды пытались прорваться к Дербенту, но оба раза отряды Амир-Гамзы не дали им перейти Бугам (р. Уллучай). И тогда в январе 1775 г. шамхал также обратился к России «с прошением и вспомоществлении против хайдацкого уцмийа и его сообщников»².

Учитывая, что окончательный разгром Фатали-хана, сторонника России, нанесет ущерб интересам России в этом регионе, кавказское командование решительно потребовало от владетелей Дагестана, входивших в антикубинскую коалицию, прекратить военные действия против Фатали-хана. Вмешательство России раскололо блок дагестанских владетелей, ослабило противников Кубинского ханства, что явилось большой военно-политической помощью Фатали-хану³. Официальным предлогом для вмешательства в конфликт дагестанских владетелей с Кубинским ханством, Российское правительство объявило смерть действительного члена Российской академии наук С.Г. Гмелина, которого задержал уцмий Кайтага в 1774г. Захватив Гмелина, уцмий надеялся вернуть 200 семейств его подданных, бежавших в Эндиреевское владение еще во время нашествия Надир-шаха. Пока шли переговоры с российской стороной, «... Гмелин от тревог, волнений и дурного питания скончался в плену 27 июля того же года»⁴.

В связи с этими событиями, «Екатерина II дала указание командовавшему войсками на Кавказской линии генералу И.Ф. де Медуе наказывать уцмийа Амир-Гамзу так, чтобы внушить уважение и страх к российскому

1 Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана... С. 188.

2 ГУ «ЦГА РД». Ф.379. Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп.1. Д.2929. Л.29.

3 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 143.

4 Полиевктов М.А. Архивные данные о смерти на Кавказе Самуила Готлиба-Георга Гмелина (по документам Центрархива ССР Грузии) // Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1925. Т. IV.

оружию»¹. В начале марта 1775 г. де Медем выступил из Кизляра с 3-мя тысячами регулярных и 2-мя тысячами иррегулярных войск в Дагестан по направлению к Дербенту, который уже девять месяцев осаждался войсками уцмий. К наступающим русским войскам присоединился и шамхал Муртузали с отрядом несколько тысяч воинов, в числе которых были и акушинцы, т.е. и верхнедаргинцы².

Недалеко от Дербента войска уцмий и его союзника казикумухского Магомед-хана были разбиты. Русские отряды вторглись и в Табасаран и рассеяли войска кадия.

Таким образом, антикубинская коалиция дагестанских владетелей была разгромлена. Поэтому участникам коалиции пришлось идти на заключение мирного соглашения. Но уцмий Кайтага, табасаранский кадий и другие владетели выставили одно условие – чтобы Фатали-хан «не в Дербенте, а в Кубе принадлежащем месте был и аманатов дать в состоянии и быть верными во всем удовольствии сделают».³ Однако на этом противоречия феодальных владетелей не закончились. Акуша-Дарго оказалась втянутой в междоусобную борьбу в Табасаранском майсумстве. Так, после вывода основной части русских войск из Дагестана в майсумстве при помощи уцмий и кадия власть захватил Али-Кули-Саид, который убил майсума Навруз-бека и двух его сыновей, тесно связанных с Кубинским ханством. Фатали-хан, шамхал и верхнедаргинцы требовали изгнания узурпатора, стремясь передать майсумство в управление Мамед-Гусейн-беку, сыну бывшего майсума Шихали.⁴ В ответ уцмий и кадий предложили другого, заявив, что никогда не примут узурпатора, а если русские помогут ему силой, то сразу же после вывода войск он будет убит. В свою очередь Фатали-хан, узнав о кандидатуре в майсумы, предложенной уцмием и кадием Табасаранским, заявил, что «лучше он лишится ханства», так как ставленник уцмий может «хана от Дербента совсем отлучить», перерезав пути оттуда к Кубе⁵.

Россия, стремясь обеспечить спокойствие в этом регионе и гарантировать безопасность Фатали-хану, организовала дважды в марте и в апреле

1 Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв.: Дисс...д-ра ист. наук. Махачкала, 1999. С.127.

2 Потто В.И. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1889. С. 70.

3 Цит. по: Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана... С. 80.

4 Там же. С. 91.

5 Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIXв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.278. Л.258.

1776 г. у с. Дарбах встречи (съезды) дагестанских владетелей с участием Фатали-хана, шамхала Муртузали, Баммата Буйнакского, уцмий Амир-Гамзы, Рустам-кади Табасаранского и Мухаммед-хана Казикумухского, кадия Акушинского со старшинами, Мамед-Гусейна. Представителем русского командования был майор Фромгольт. Их задачей было примирение сторон. Противники Фатали-хана согласились оставить ему Кубу и Дербент с тем, чтобы местом пребывания его была Куба. Русскую сторону это не устраивало, они опасались, что недопущение хана в Дербент приведет в конце концов к его отпадению. Большинство уступило: было подписано уцмием Амир-Гамзой и Рустам-кади Табасаранским при посредничестве шамхала Тарковского и «акушинского кадия с прочими почтенными старшинами» обязательство «дербентского и кубинского ханства» оставить в его владениях, но «в ненадлежащие ему места отнюдь не вступать», а «пользоваться своею долею», не препятствовать его подданным в торговле, но «таковым же образом поступать и ему»¹.

Объединительная политика Фатали-хана и междоусобная борьба феодалов владетелей Восточного Кавказа привлекла внимание Ирана и Турции. Так, временный правитель (векил) Ирана Керим-хан Зенд с опаской смотрел, как азербайджанские земли объединяются под властью Фатали-хана и как он сближается с Россией. Керим-хан вместе с турками потребовал вывода русских войск из Дербента и Дагестана. Керим-хан попытался привлечь на свою сторону Фатали-хана, но потерпел неудачу. Тогда Керим-хан «через Гилянского Гидаят-хана прислал хайдацкому уцмию в подарок разного товару на немалую сумму и склонял его для вспомоществования себе идти на Грузию, лишить грузинского царя Ираклия престола, а на место его возстановить кн. Александра...»². Уцмию Амир-Гамзе предлагалось вместе с Гидаятом-ханом Гилянским ударить по союзнику Фатали-хана Тала-хану Джавадскому и освободить дорогу иранскому войску в Грузию, оттеснив Фатали-хана на север от Куры и навсегда закрыв ему дорогу на Аракс, к Ардебиллю и Южному Азербайджану³. Не осталось в стороне от этих событий и Акуша-Дарго. Оно в числе других владений, по мнению персидского векиля, должно было участвовать в намечавшейся политической акции дагестанских владетелей.

1 Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н.А. Магомедов и др. М., 1988. С.183. (Далее – РДО, 1988).

2 Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 178. Л. 557.

3 Там же. Л. 558.

В 1778 г. уцмий вновь получил подарки «... от персидского векиля Керим-хана на мореходном судне к горскому хайдацкому уцмию привезено презентов тысяч на двадцать или более и одна лошадь с золотой попоной и склонял его уцмия, чтоб он, приглася акушинских горских татар, поступил с ним на Грузию...», – сообщал астраханский губернатор кн. Г.А. Потемкину о происках эmissаров Ирана в Дагестане ¹. Таким образом, мы видим, что Акуша-Дарго в глазах иранского правителя представляло собой значительную силу, способную влиять на ход политических событий не только в Дагестане, но и за его пределами. Значит, о военных возможностях даргинцев хорошо были осведомлены в Иране, поскольку сам правитель рекомендует их уцмию.

Уцмий Амир-Гамза принял предложение Керим-хана и стал собирать войско, «... пригласил к себе табасаранцев, аварцев, акушинцев и прочих горцев», чтобы «с ними и своими подвластными людьми» быть готовыми к походу в Грузию нынешней осенью» ². Как видно из документа, среди «приглашенных» есть и акушинцы, т.е. верхнедаргинцы. А ведь недавно они в союзе с шамхалом и Фатали-ханом выступали против уцмий Амир-Гамзы. Можно предположить, что отношения уцмий с Акуша-Дарго в это время несколько улучшились.

Между тем организованный иранскими властями поход дагестанцев во главе с уцмием Амир-Гамзой не состоялся: разнесся слух о смерти Керим-хана. К тому же угроза шамхала ударить по Кайтагу в случае осуществления похода заставило Амир-Гамзу отказаться от сбора ополчения ³. Однако под его командованием оставалось около трех тысяч конницы «из своих людей и прочих дагестанцев», среди которых, возможно, были и наемные отряды даргинцев. С этим войском уцмий направился на юг. Г.-Э. Алкадари описывал этот поход следующим образом: «Каракайтахский уцмий Амир-Гамза собрав до трех тысяч конницы, прошел через Дербент, Кубинский уезд, Ширван, двинулся к городу Ардебиль. Перебив горожан, выступивших на защиту общества, он велел разграбить город, а потом с имуществом и обильной провизией повернули оттуда на Гянджу. Точно также разграбив город Гянджу и перебив там людей, оказавших сопротивление, он отправился в Нухинский уезд, а оттуда прибыл по Ахтынской дороге, прошел через Кюринский округ в Табасаран и вернулся в свое владение» ⁴.

¹ РДО, 1988. С. 191.

² Там же. С. 193.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 115.

⁴ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 97.

Отношения Фатали-хана с уцмием Амир-Гамзой – лидером антикубинской коалиции в Дагестане были не всегда плохими. Так, грузинский царь Ираклий II с тревогой писал ген.-поруч. П.С. Потемкину о том, что «шамхал, уцмий, ахошинской (акушинский. – Авт.) кадий, табасаранский кадий, Фетали-хан, ширванские ханы два брата, и нухинский хан, все согласились и весною намерены с войском своим выступить в поход, расположиться лагерем ниже Ганжи, или выше сего города, и оттуда делать нападения на Грузию¹. Действительно грузинскому царю было чему опасаться. По имеющимся данным под командою Фатали-хана набралось до 25 тыс. человек. Здесь мы видим, что акушинцы теперь вместе с уцмием и другими владетелями выступают под командою Фатали-хана. Акушинцы, которые совсем недавно выступили, против уцмий на этот раз оказались в одной команде.

Однако этот поход не состоялся, так как Фатали-хан получил указание российского командования на Кавказе прекратить подготовку военных действий и «чтоб распустил свои войска»². Россия не была заинтересована в усилении как Фатали-хана, так и грузинского царя Ираклия II, поскольку чрезмерное усиление какой-либо из сторон не отвечала планам правительства Екатерины II.

Между тем становилось заметно, что настало время уйти со сцены целому поколению здешних политических лидеров. В 1784 г. умер шамхал Муртузали, в 1786 г. – Тути-бике. Вскоре 25 марта 1787 г. скончался уцмий Амир-Гамза. В зените успехов, 22 марта 1789 г., умер на 53 году жизни Фатали-хан.

После смерти Фатали-хана верхнедаргинцы продолжали выступать по уже сложившейся традиции и на стороне сына Фатали-хана Шихали-хана, и тем самым оказались в гуще политических событий как в Дагестане, так и Закавказье.

Так, в разгоревшемся противостоянии Шихали-хана с Казикумухским правителем Сурхаем II в конце XVIII в., **верхнедаргинцы вместе с шамхалом Мехти** выступили против Сурхай-хана. В сражении, произошедшем в местности Салах (в Кюре), войско Сурхай-хана было разбито и бежало³.

В конце XVIII в. Акуша-Дарго оказалось втянутым в другой конфликт. Между Акуша-Дарго и Каба-Дарго, который входил в состав Кайтагского уцмийства, вспыхнула продолжительная война из-за спорных

1 РДО, 1988. С. 201.

2 Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 140.

3 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 97.

пастбищных гор, расположенных в районе селений Усиша-Дейбук-Муги, которые когда-то были захвачены Урахинским обществом ¹. Известно, что последний поход войск Акуша-Дарго на Урахи был в 1796 г., а длилась эта война семь лет. После, продолжительной осады Урахи, который не увенчался успехом, стороны вынуждены были перейти к переговорам ². В результате на маслиатском и шариатском суде представителей других обществ и владений Дагестана было решено отобрать эти пастбищные горы у Урахинского общества и передать Акуша-Дарго в счет дията за убитых и раненых, число которых намного превышало урахинцев ³. Среди посредников, участвовавших в урегулировании этого конфликта, не упоминается уцмий. Возможно, это объясняется неустойчивостью в уцмийском доме из-за продолжительных распрей между претендентами на уцмийский престол, который, в конечном счете, сильно ослабили уцмийский род в Кайтаге. Этим и можно объяснить выход Каба-Дарго из состава Кайтагского уцмийства. Р.М. Магомедов писал о восстании «этого магала» против уцмий в конце XVIII в. и присоединении его после семилетней войны к федерации Акуша-Дарго в начале XIX в. ⁴. Он же отмечал, что Акуша-Дарго в этой войне встало на сторону прежнего своего противника и вооруженной рукой помогло ему навсегда освободиться от власти уцмиев ⁵.

Таким образом, Акуша-Дарго во второй половине XVIII в. показало себя активным участником почти всех политических событий происходивших в Дагестане в этот период. Акуша-Дарго стало субъектом международной политики. Верхнедаргинцы в глазах турецких султанов и персидских шахов выглядели внушительной силой способной изменить политическую ситуацию в регионе. Акушинский кадий наряду с уцмием, шамхалом и другими видными дагестанскими владетелями ставится в один ряд наиболее значительных политических фигур способных влиять на политические процессы в регионе. Большую активность в политических событиях не только Дагестана, но и Закавказья показали верхнедаргинцы, выступая на стороне Фатали-хана Кубинского.

1 Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С.6-9; Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII-XVIII вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. С.249.

2 Магомедов Р.М. Даргинцы ... Ч. 2. С. 261.

3 Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII-XVIII вв... С. 249.

4 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч.2. С. 280.

5 Там же. С. 281.

§4. Акуша-Дарго во главе борьбы против колониальной политики России в Дагестане в начале XIX в.

К началу XIX в. политическая ситуация в Дагестане начала быстро меняться. За 1798-1800 гг. здесь вновь складываются две противостоящие коалиции: вокруг шамхала Тарковского Мехти объединяются Мехтула, Акуша-Дарго, Койсубулу, Шихали-хан Кубинский, Мирза-Мухаммед-хан Бакинский, к нему примыкают также Рази-бек Кайтагский и Махмуд-кади Табасаранский; вокруг Сурхая-хана II **Казикумухского** спланиваются Рустам-уцмий, Рустам-кади Табасаранский, Сохраб-майсум, Гасан-Али-хан Дербентский, к нему примыкают и Цахур-Елису. Умма-хан Аварский держится нейтрально. Обе стороны апеллировали к российским властям, взаимно обвиняя друг друга в не лояльности и приверженности к Персии.

Сурхай-хан II, воспользовавшись отсутствием Шихали-хана в Дербенте, с помощью уцмий Рустам-хана и кадия Табасарана вызвал из Кайтага Гасан-хана – младшего брата Шихали-хана, «по соглашению с первыми города Дербента чиновниками», помог ему стать ханом Дербента, при этом уцмий и кадий распустили слух, что «делают сие по воле и согласию Шейх-Али-хана», чтобы освободить Гасан-хана «из рук общего их неприятеля Казикумухского Сурхай-хана», и помирить поссорившихся братьев ¹. Узнав об этом, Шихали-хан пытался взять Дербент, но после безуспешной 12-ти дневной осады вынужден был вернуться в Кубу.

Примерно в это же время союзник Шихали-хана Мехти-шамхал «за русское жалование» нанял войско горцев, среди которых были акушинцы, руками которых «лишил без вины достоинства уцмий прежнего Рустам-хана..., а сделал на место его уцмием Разия» ². Таким образом, Акуша-Дарго оказалось втянутым в междоусобную борьбу в Кайтаге.

В 1801 г. после смерти грузинского царя Георгия Картли-Кахетинское царство было присоединено к России. Тем самым Дагестан оказался охваченным полукругом с запада российскими владениями, что конечно, не могло не отразиться на внутривнутриполитических событиях в Дагестане.

В 1804 г. началась русско-иранская война (1804-1813 гг.) и возможность иранского реванша снова разделила на два лагеря дагестанских владетелей. Россию поддержал шамхал Тарковский Мехти, Иран – Сурхай-хан II, к которому присоединился Шихали-хан.

1 АКАК. Тифлис, 1866. Т.I. С. 642-643; Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 105.

2 АКАК. Тифлис, 1869. Т.II. С. 643.

Не осталось в стороне от этих событий и Акуша-Дарго. Так, в 1806 г. от Аббас-мирзы было получено письмо акушинским кадием, в котором его призывали выступить против России. Также сообщалось о военном союзе Ирана и Турции против России ¹.

В русско-иранской войне Акуша-Дарго на стороне Шихали-хана выступало против России. Тем временем в июле 1806 г. русские войска без боя вступили в Дербент, жители которого сами выгнали Шихали-хана. Позже Дербентское ханство было передано в управление Мехти-шам-халу.²

3 октября 1806 г. русские войска присоединили к России Бакинское ханство, а затем и Кубинское ханство. Такие успехи русских войск вынудили Шихали-хана и Сурхай-хана **II выразить свою покорность** ³. Свою лояльность к России засвидетельствовали тогда же многие владельцы Дагестана, однако под влиянием Ирана и Турции некоторые из них выступали против присутствия русских войск в этом регионе.

Так, главнокомандующий войсками на Кавказе А.П. Тормасов в июне 1809 г. сообщал ген.-л. Репину о том, что крепость Хала в 20-ти верстах от Дербента стала «местом собрания Акушелинцев и других скопищ, набираемых Шихали-ханом из дагестанцев» ⁴.

Следует отметить, что 1809 г. оказался наиболее трудным в ходе русско-иранской и русско-турецкой войн на Кавказе. В январе 1809 г. Шихали-хан с помощью 5000 акушинцев завладел Кубинским ханством, на 20 дней осадив русский батальон в Кубе ⁵. Генерал-майору Гурьеву с русским войском и бакинским ополчением кое-как удалось вызволить Кубу и отогнать Шихали-хана.

Таким образом, Акуша-Дарго весьма активно поддерживало основного противника России в Дагестане и северном Азербайджане Шихали-хана. В связи с этим военное командование на Кавказе выражало озабоченность, поскольку федерация союзов сельских общин верхнедаргинцев Акуша-Дарго, могла выставить значительную силу и заметно изменить ход происходящих военно-политических мер России в этом регионе. Так, в рапорте ген.-л. Репина ген. Тормасову от 13 мая 1809 года сообщалось, что «...в первое минувшее беспокойствие в Кубе (январь 1809 г. – Авт.) Шихали имел более военного народа из Акушин-

1 АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 427.

2 История Дагестана. М., 1967. Т. II. С. 19.

3 История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Махачкала, 1997. С. 189.

4 АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 632.

5 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 121.

цев (верхнедаргинцев. – Авт.), коих ныне старается склонить на свою сторону, дабы ещё испытать свои силы противу Кубы»¹.

Опасения военного командования относительно верхнедаргинцев были вполне обоснованными. Кроме того, от шаха и турок шли письма и деньги. Фирман турецкого султана Махмуд-хана II получили многие дагестанские владетели, в числе которых был и акушинский кадий². Таким образом, Шихали-хан в 1810 г. с помощью горцев сумел завладеть на 4 месяца всей территорией Кубинского ханства. Но подошедший отряд полковника Лисаневича с конницей из Ширвана и Нухи разбил войска Шихали-хана у с. Чичи и преследовал его до Ерсси, где он был разбит вторично, после чего вместе с зятем Абдулло-беком попросил убежища в Акуша-Дарго³.

Акуша, приняв Шихали-хана и оказывая ему военную помощь, фактически превратилась в центр беспокойствия в Дагестане и плацдарм дальнейшей политики Шихали-хана направленной против России, так и ее союзников в Дагестане. В связи с таким положением дел, российские власти получали различные сведения о ситуации в Акуша-Дарго и вокруг нее. Так, Мехти-хан шамхал Тарковский в письме ген. Тормасову сообщал, что «... некоторые жители Дарго, т.е. Акуши в намерении дать помощь Ших-Али вошли в сношение с жителями четырех сторон Дагестана»⁴.

Весьма воинственные планы верхнедаргинцы строили и в отношении самого шамхала Тарковского. «... извещаю вас, – писал он полковнику Адриано, – что Акушинцы и Даргасцы намерены были сперва отогнать у меня баранов, а потом напасть на владение мое далее до Тарков, о чем я осведомясь, поехал в деревню мою Гюбден, и собрав в оную подвластных моих, принял перед ними присягу, чтобы противу неприятеля действовать упорно до последней капли крови...»⁵.

Одновременно с этим Акуша-Дарго выступило с инициативой примирения Шихали-хана с российскими властями на Кавказе с условием возвращения ему Кубинского ханства и тогда «... все Дагестанские общества обяжутся отвечать за его верность России»⁶. Скорее всего идея эта исходила от самого Шихали-хана, который пребывал

1 АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 674.

2 Фирман турецкого султана Махмуд-хана II дагестанским ханам от 1-го раби-уль-ахира 1225 (1810) года // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 771.

3 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 290.

4 АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 676.

5 Там же. С. 675.

6 Там же. С. 679.

в Акуша. Активность Акуша-Дарго, за которой стояла внушительная сила по масштабам Дагестана, ее враждебность к России и ее союзникам весьма беспокоила военную администрацию на Кавказе. В связи с этим генерал Тормасов в письме к шамхалу Тарковскому сообщал: «По всем известиям ко мне доходящим усматриваю я, что соседственные с вами общества Акушинского народа, будучи увлекаемы мятежным их духом, предпринимают вредные намерения против войск Его Императорского Величества и хотят разрушить спокойствие в том краю, почему считаю нужным в сем случае обратиться с дружеским моим вам советом и с требованием, дабы вы непременно удержали Акушинцев убеждениями или силою от соединения с ветреным Ших-Али» ¹.

На самом деле было чему опасаться. Русские власти получали известие о готовящемся нападении Акуша-Дарго в союзе с антироссийски настроенными дагестанскими владельцами на Кайтаг, который в тяжелых для себя условиях оставался союзником России. «... Акушелинцы, Цудархарты, Каракайтаки и Сурхай-хан, согласясь, приготовили свои войска и намерены идти и разорить владения его, Уцмия, а потом других Табасаранцев находящихся под покровительством России, наказав итти к Кубе или Дербенту», – говорится в источнике ².

Вскоре верхнедаргинцы оказались втянутыми Шихали-ханом в междоусобицу в Табасаране. Собрав а Акуша-Дарго отряд в три тысячи всадников Шихали-хан вступил в Табасаран для поддержки своего зятя Абдулла-бека. Соперник Абдулла-бека Мамед-бек сильно укрепился в селении Хучни, и даргинцы не решились на лобовую атаку укрепления, но Шихали-хан с дербентско-кубинским отрядом захватил эту позицию с тыла. Абдулла-бек утвердился там кадием, однако через два месяца Мамед-кади снова вынудил его бежать к Шихали-хану ³.

В это же время Сурхай-хан II готовил решительный удар на Кубу, и он тоже надеялся привлечь на свою сторону верхнедаргинцев обещая им за это большие деньги ⁴. Одновременно с эти он обвинял их же во всех бедах и волнениях в Дагестане перед военным руководством России на Кавказе. Таким образом, он вел двойную игру, показывая России свою лояльность он строил в отношении ее коварные планы. Так, дербентский комендант полковник Адриано сообщал, что «... Акушинцы, Хасан-хан,

1 Там же.

2 Там же. С. 633.

3 Там же. С. 606.

4 Там же. С. 618.

сын умершего Али-султана Джангутаевского, и Сурхай-хан учинили присягу вместе собрать войска и идти на кубинскую провинцию»¹.

В связи с этим генерал Тормасов в письме к шекинскому хану предостерегал его о возможном нападении Шихали-хана и его союзников на Кубу. «На сих днях, – сообщал он, – получил я сведения в рассуждении Сурхай-хана, что он имеет беспристрастное свидание с акушинскими кадиями и беками бунтовщика Ших-Али и что, согласясь с акушинским народом, намерен впасть в пределы Кубинской провинции; доказательством же ему служит и то, что все беки, бежавшие из кубинской провинции с бунтовщиком Ших-Али проживающие в Сурхай-ханском владении в Кюри, ныне собрались к Ших-Али в Акуша»². В то же время Шихали-хану удалось склонить на свою сторону Акушинского кадия Абу-Бекра и собрать «при его содействии и с помощью денег, присланных в то время Персией народ из Акушинского, Цудахарского, Сюргинского и Табасаранского участков и далее селений Мехтулинских, причем также было выслано ему в помощь значительное войско, Казикумухским и Кюринским Сурхай-ханом II с сыном своим Нухбеком», общим числом до 8000 воинов³.

Между тем русским стало известно о наращивании сил Сурхая II и Шихали. Навстречу их предполагаемому удару двинулся из Кубы русский полк. Дойдя до Самура, еще не встретив противника, полк остановился и начал просить подкрепления у гарнизона Дербента. Так они простояли несколько месяцев, безучастно наблюдая, как Сурхай и Шихали захватили Табасаран. В Тифлисе в это время происходила смена командования и было не до того, все же оба командующих направили резкие послания командиру полка. Тот, наконец решился перейти Самур. У Аджинахура в ноябре 1811 г. он был разбит и отступил с большими потерями: остатки полка были обложены в селении Зейхур, Куба также была осаждена. Бакиханов и Алкадари говорят также о столкновении у селения Джибир с последующим отступлением в Зейхур⁴. Кроме этих двух укреплений Кубинское ханство оказалось в руках Шихали-хана. В это время на выручку подошел генерал Хатунцев с двумя батальонами пехоты и конным полком. У селения Рустов он столкнулся с главными силами Шихали и разбил его. Бой длился 4 часа, Шихали-хан оставил на

1 Там же. С. 633.

2 Там же. С. 630.

3 Там же. С. 623.

4 Бакиханов А.-К. Указ соч. С. 132; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 97.

поле боя до тысячи убитых и 30 знамен, уцелевшие отступили. В этом сражении погиб и акушинский кадий Абу-Бекр ¹.

Хатунцев, стремясь закрепить достигнутые успехи, с войском вступил в Кюру. Сурхай укрепил Шихикент, но 10 и 11 декабря этот аул и соседний Татарханкент были захвачены довольно быстро. Сурхай отступил в хорошо укрепленный Курах, но и он был взят без особого труда. Дальше русские войска не двинулись: стало известно о распространении чумы в Кумухе. В связи с этим нарушились планы Хатунцева наказать «акушинцев, дуздахарцев и джемутайцев»².

Между тем Кюринское ханство было отделено от владений Сурхая II – ханом там был торжественно утвержден 4 января 1812 г. Арслан-бек, сын первого Кюринского хана Шахмардана и заклятый враг своего дяди Сурхая II. **Весь 1812 г. прошел в мелких стычках дяди и племянника.** Одновременно Сурхай II просил помощи у Ирана против общего их врага – России и вместе с этим пытался привлечь даргинцев на свою сторону и с их помощью вернуть Кюринское ханство, однако на этот раз Акуша-Дарго отказалось поддержать Сурхай-хана.

Тем временем Хатунцев, опасаясь попыток Сурхая вернуть Кюру, в июле 1812 г. войска расположил в 40 верстах от Казикумуха и в 60 верстах от Акуша³, чтобы привести к присяге Сурхая II и акушинцев.

Сурхай II и «соседи его акушинцы» медлили с присягой более 10 дней, откладывая ее по всяким маловажным поводам. Однако после решительного требования Хатунцева 17 июля 1812 г. Сурхай-хан II прислал своего сына Муртузали (извиняясь, что по болезни и старости не смог прибыть лично), и он принес клятву за отца на Коране, утвердив письменный текст присяги печатью хана⁴. После этого «приехавшие от Акушинского и всего Даргинского народа кадии и почетнейшие старшины, от имени всего народа, равномерно учинили присягу на верность Его Императорскому Величеству, и почетнейшие из них утвердили оную своими печатями. Взамен они попросили: 1. Освободить пленных – это было исполнено;

2. Гарантировать, что пошлины с товаров, привозимых горцами в Де-рбент, будут теперь не более прежних ханских;

1 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.122; Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С.292.

2 АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 631.

3 Донесение ген. Ртищева кн. Горчакову от 22 ноября 1812 года // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 617.

4 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 294-295.

3. Сурхай II и старшины попросили Хатунцева дать слово, что от войск не будет никаких опасностей – Хатунцев дал слово, но с условием, что и с их стороны не будет ни вероломства, ни мятежей. И, наконец, «относительно Ших-Али-хана: он находится в Акуша. Во все время по изгнании его из ханства, за измену Г.И., находил убежище и единственную помощь и где и теперь живет. И кадий и старшины именем всего народа просили ..., чтоб его от них не выгонять, которого, по обычаю их, имеют они у себя за кунака, быв прежде одолжены отцом его, и дают за него свое ручательство, что он жить будет у них спокойно, и ничего неприязненного не предпримет, за что, в противном случае, приемлют они ответственность на себя», – Хатунцев согласился ¹.

После присяги в знак расположения генерал Хатунцев раздал старшинам и кадиям, которых было более 25 человек 125 золотых червонцев, да еще 25 раздал гонцам. На этом стороны расстались, делегаты покинули ставку Хатунцева. Присяга Акуша-Дарго была желанным политическим успехом и для российской администрации.

Русско-иранская война начавшаяся в 1804 г. закончилась подписанием мирного договора в местечке Гюлистан 12 октября 1813г. По его условиям к России отходили Кубинская, Ширванская, Карабахская, Гяджинское ханства и весь Дагестан.²

Гюлистанский договор не отменял ранее заключенных двусторонних соглашений между отдельными владениями или общинными союзами Дагестана и Российской Империи. Однако прежде дагестанские земли и владения были для Империи субъектами внешней политики, отныне статус их резко поменялся: они стали территориальными единицами централизованного государства, объектами его внутреннего управления.

Почти одновременно с подписанием Гюлистанского договора определились контуры новых двух коалиций в Дагестане: Кайтаг, шамхальство, Кюре – с одной стороны; Авария, Мехтула, Казикумух, Ширван – с другой. К ней все более склонялся акушинский союз. Вполне возможно, что этому способствовал Шихали-хан, получивший убежище в Акуша, который периодически получал крупные суммы денег из Ирана, что давало ему возможность находить себе сторонников в Акуша-Дарго ³. Таким образом, как и в XVIII в., в Дагестане снова образовалась глубокая «политическая трещина»: по одну сторону оказались засулакские княжества, Эрпелинское владение, шамхальство, уцмийство, Майсумское

1 АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 617.

2 История Дагестана с древнейших времен до наших дней. С. 194.

3 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 303.

владение, Кюринское и Кубинское ханства, по другую сторону – Аварское, Казикумухское и Мехтулинское ханства, Акуша-Дарго, бекские владения северного Табасарана.

Тем временем обстановка в Дагестане начала быстро меняться. Основание ряда укреплений по левому берегу реки Сунжи и крепости Грозной в 1818 г. обеспокоила не только чеченцев. Авария, Акуша, Мехтула, Казикумух, Табасаран составили союз и готовились действовать против русских ¹.

В 1818 г. дагестанские владетели Аварии, Кайтага, Мехтулы, Казикумуха к которым «пристала Табасарань», решили напасть на шамхальство Тарковское – основного союзника России в Дагестане. Шихали-хан «при помощи персидского золота привлек на сторону союза акушинского кадия и поднял воинственный, сильный и в высшей степени свободолюбивый народ акушинский»². Ермолов – новый главнокомандующий войсками России на Кавказе понял, что «решающее значение в этом движении будут иметь акушинцы». Поэтому он приказал генералу Пестелю выступить из Кубы через Дербент на р. Дарвах и наблюдать за Акушой и Каракайтагом. Но Пестель, не ограничившись своей наблюдательной ролью, занял Башлы, «чтобы наказать за принятие участия в возмущениях».³ Любопытны наставления Ермолова Пестелю: «Заставьте акушинский народ помышлять о собственной защите, и они оставят мысль о нападении на уцмия и шамхала...»⁴.

Акушинцы, узнав о занятии русскими Башлы, двинулись к нему. К ним тут же присоединились Султан-Ахмед-хан Аварский, его брат Хасан-хан Мехтулинский, Шихали с зятем Абдуллой Ерсинским. Общее количество войск достигло 20 тысяч человек ⁵. После боя, продолжавшегося несколько дней, отряд Пестеля потерпел жестокое поражение и отступил в Дербент ⁶. Весть о башлыньском поражении вызвал настоящий всплеск борьбы. Слухи о поражении русских войск распространились по Дагестану и Восточному Закавказью, дойдя до Ирана ⁷. Узнав о

1 Козубский Е.И. Указ. соч. С. 157; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. II. С. 211.

2 Потто В. Указ. соч. С. 210.

3 Ермолов А.С. Рапорты Александру I // РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71.

4 АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 653.

5 Потто В. Указ. соч. С. 213.

6 История царствования Императора Александра I и России в его время. СПб., 1971. Т. VI. С. 283.

7 Потто В. Указ. соч. С. 235.

случившемся, Ермолов немедленно вступил в приморский Дагестан. В пути Ермолов дает команду Пестелю выступить из Дербента и соединиться с ним. Узнав о выступлении Пестеля, коалиция дагестанских владетелей попыталась преградить ему путь, укрепив Хан-Мамед-калу. В рапорте Ермолову Пестель сообщал, что акушинцы и аварцы, которым помогали каракайтагцы, укрепляются в Хан-Мамед-кале, а уцмий даже пообещал содействовать им в этом деле «осторожно», чтоб это никак не повредило его сыну ¹. Но Пестель на этот раз выбил повстанцев из Хан-Мамед-калы, сжег ее, а также села Дели-Чабан, Берекей, и Джими-кенд, в котором также укрепились повстанцы, затем разорил и остатки селения Башлы ².

Сам Ермолов двинулся на Мехтулу и 12 ноября 1818 г. занял Параул. 14 ноября отряд Ермолова с боем захватил Нижний и Верхний Дженгутай. Ермолова поторопило приближение четырехтысячного акушинского войска. Шесть верст оставалось им до Дженгутая, когда генерал поспешил начать сражение. Навстречу акушинцам двинулись две роты под командованием капитана Коцерава. Маневр привел к успеху, Гасан-хан отступил, оба села были разгромлены и сожжены. Султа-Ахмед-хан и его брат Гасан-хан не имели успеха. Акушинцы, а затем остальные горцы разошлись по домам ³. По сообщению официальных историографов Ермолов был этому страшно рад: у него уже не хватало сил для продолжения боевых действий. «Смирение акушинцев» он считал очередной задачей иначе неизбежны волнения в среднем Дагестане и изоляция Дербента от линии. В своем письме царю, он просил выделить ему хотя бы три полка пехоты и две роты артиллерии, а еще лучше довести численность русских войск на Кавказе хотя бы до трех дивизий. ⁴

Между тем Ермолов упразднил Мехтулинское ханство, наказав таким образом Гасан-хана за антирусское выступление.

Вернувшись 1 декабря на линию, Ермолов через две недели пишет письмо-обзор начальнику Главного штаба князю Волконскому, заканчивая его просьбой о подкреплении: «... с сими войсками... в два года Дагестан будет совершенно в руках наших ибо одного акушинского народа надобно смирить гордость: прочих всех бедность и нужда покорят нашим законом» ⁵.

1 АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 1. С. 50.

2 Там же.

3 Там же. С. 310.

4 АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч.1. С. 311.

5 Там же. С. 324.

Акуша-Дарго в то время было, наиболее сильной и влиятельной политической единицей в Дагестане и не без основания сам Ермолов писал, что «акушинцы служили твердою опорою всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас вооружали»¹. Интересны наблюдения полковника Муравьева-Карского, который в то время руководил двумя батальонами в Тарки. Так, он писал, что акушинцы богаты, многочисленны и сильны в Дагестане. «Общество сие, отличающееся от прочих образований своим мудрым правлением и силою, всегда имело большое влияние на все другие общества и владения Дагестана, так что оно даже имело у себя в залоге сыновей владельческих. Многочисленные войска акушинские считались непобедимыми до вторжения к ним Алексея Петровича»² (Ермолов. – Авт.). Поэтому Ермолов писал, что «народ дагестанский акушинцы является виновником всех беспокойств, и так далеко простирается его дерзость, что ... я должен непременно идти для наказания сего народа»³.

Тем временем волнения в горах продолжались. Зима 1818-1819 гг. прошла в подготовке обеих сторон к войне. По сведениям русского командования Султан-Ахмед, Сурхай II и Шихали-хан (получивший от шаха 4 тысячи туманов) решили оторвать шамхала от России. Если тот не согласится, то восстановить против него акушинцев. Узнав об этом, шамхал предложил Акуша и другим обществам встретиться в Губдене и решить все вопросы. Но когда шамхал узнал, что в Губден прибыло до тысячи человек от каждого общества Акуша-Дарго, он тот час же «заболел». Под этим предлогом он просил собравшихся в Губдене прислать своих выборных представителей в Тарки, совещание тянулось 12 дней, но без серьезных результатов. Горцы просили не пропускать через его территорию русские войска и отдать в Акуша шамхальского сына Сулейман-пашу. При этих условиях все Акуша-Дарго готово служить шамхалу и не нападать на русских. В ответ шамхал указал им, что у него нет власти приказывать русским войскам запретить передвигаться по Дагестану. Однако он может ходатайствовать и заступиться за них перед русскими властями. В итоге шамхал согласился послать сына в Акуша, но при условии, что шамхальство не будет обязано воевать на стороне башлынцев, Султан-Ахмеда, Гасан-хана и кайтагцев, особенно против русских

1 Ермолов А.П. Записки. 1816-1827. М., 1869. Ч. 2. С.89.

2 Цит. по: Алиев Б.Г. Поход А.П. Ермолова в Акуша-Дарго в 1819 г.: причины, ход, последствия // Вестник Института ИАЭ. Махачкала, 2005. № 2. С. 84.

3 Ермолов А.П. Записки... С. 75.

войск.¹ Дагестанские владетели, за исключением союзников России, готовили новую акцию, распределив, кому и куда идти. Они решили воспрепятствовать строительству крепости. «Сильные акушинцы со своей стороны угрожали тем, которые хотели оставаться верными русским»².

До Ермолова доходили слухи, что намечены одновременные удары Гасан-хана на Кадиярт, Султан-Ахмед-хана – на Эндирей, Акуша-Дарго – на союзников русских (т.е. шамхала и уцмий), а Шихали-хан и Абдулла-бек идут на Кюру и на Кубинское ханство. В это время был убит табасаранский кадий – сторонник России, и связь Кизляра с Дербентом фактически прервалась³.

Шамхал Тарковский и Аслан-хан Кюринский готовились к обороне, русские поспешно воздвигали крепость Внезапную. Ермолов строил наступательные планы и требовал подкрепления. Он в рапорте царю писал: «... Народ дагестанский акушинцы, о которых доносил я прежде, виною всех беспокойств, и так далеко простирается их дерзость, что если Вашего императорского величества не будет высокого соизволения на дополнение трех полков и двух рот легкой артиллерии, я должен непременно идти для наказания сего народа... иначе Кубинская богатейшая наша провинция может быть угрожаемая нападением и за ее непоколебимость ответственность не можно. Теперь уже нет у них сообщения верного (т.е. надежного) Кавказской линии с Дербентом, пресеклась торговля...»⁴.

Тем временем Ермолов, поставив во главе экспедиционного отряда генерала Мадатова, начал борьбу с мятежниками. Мадатов усмирив Табасаран и расположился около Дербента. Отсюда он двинул войска на Кайтаг, правитель которого вел двойную политику. Состоялась встреча Мадатова и уцмий, после чего был отпущен сын уцмий. Вернувшись в Кайтаг, уцмий заявил в письме к Мадатову, что он являлся к нему ради освобождения сына и не хочет «иметь над собою старшего». Между тем Мадатов получил сведения о том, что в Башлы сосредоточилось около трех тысяч горцев «подкрепляемые уцмием Адиль-Гиреем», а также отряд Абдулла-бека Ерсинского. 9 октября Мадатов атаковал Башлы, вынудил защитников оставить его. Уцмий Адиль-хан отвел свое войско в район селения Маджалис и, получив подкрепление от акушинцев, укрепился в местности Самси, где сосредоточилось 4 тыс. войско. В

1 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 313.

2 Потто В. Указ. соч. С. 228.

3 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 314.

4 Всеподданейший рапорт ген. Ермолова, от 14 декабря 1818 г. // АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 1. С. 310.

результате сражения войска уцмий Адиль-хана и его союзников были разгромлены. Сам уцмий бежал в Акуша, где ему дали убежище ¹. После поражения уцмий Адиль-хана жители Каракайтга, Каба-Дарго и Теркеме присягнули на верность России ².

Уцмийство указом Ермолова было упразднено, а управление временно поручено племяннику уцмий Амир-Гамзе, но без титула уцмий.

Все случившееся обеспокоило и лидеров антироссийской коалиции, и акушинцев: под русский контроль попала вся полоса приморской равнины от Самура до Сулака. Теперь очередь была за Акуша-Дарго, находившемся в среднем Дагестане. Это был, по словам В. Потто, «знаменитый в горах любовью к независимости и гордый воинственный духом» народ³. Этот народ и предстояло теперь покорить Ермолову. К этому времени федерация Акуша-Дарго стояла одна против России. Россия покорила все Каспийское побережье, из своих земель были изгнаны уцмий Кайтага, Гасан-хан Мехтулинский и Шихали-хан и лишенный генеральского чина аварский хан⁴.

В такой обстановке у дагестанских владетелей возникает идея объединения всех в один союз, чтобы противостоять проникновению Ермолова в горы. Во главе движения стали «гордые акушинцы» и «акушинская земля должна была сделаться ареною кровавого столкновения».⁵ Акушинский кадий принял на себя главное руководство, ему помогали аварский хан, уцмий, Сурхай-хан II и Шихали-хан располагавший значительными суммами, которые получал из Персии.⁶

Целью дагестанских владетелей было, объединившись в союз, отстоять общую независимость, принудив войти в союз «отпавших», восстановить весь политический строй Дагестана в том виде, как он сложился в течение веков и существовал до появления русских. Сначала предполагалось напасть на шамхала, чтобы заставить его отойти от русских, и одновременно атаковать Чирахский пост, чтобы отсечь дорогу в Кубу и разорить владения преданного России Аслан-хана Кюринского. При удаче этих планов возникала возможность предъявить русским условия мира и заставить их возвратить Дербент, Кубу, Кайтага и Дженгутай.⁷

1 Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700-1892. Т. I. С. 352.

2 АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. I. С. 62.

3 Потто В. Указ. соч. С. 250.

4 Алиев Б.Г. Поход А.П. Ермолова в Акуша-Дарго в 1819. С. 84.

5 Потто В. Указ. соч. С. 250.

6 Там же. С. 251.

7 Алиев Б.Г. Поход А.П. Ермолова в Акуша-Дарго в 1819 г. С. 85.

Тем временем начал активно действовать враг шамхала Мехти Гасан-хан Мехтулинский: ему удалось занять Тарки и осадить шамхала в его укрепленной усадьбе, которого спасла только случайность: в дни осады Гасан-хан внезапно умер (есть версия об отравлении). Как только об этом стало известно, Ермолов с войсками двинулся к Таркам и 14 ноября он был уже там (9 батальонов пехоты, 200 казаков и 400 всадников, 16 орудий).

Внезапные сильные снегопады задержали Ермолова в Тарках на две недели. Это время он употребил для переброски отряда Мадатова в Губден, а акушинцам направил ультиматум. Ермолов требовал от них повторно присягнуть императору, прислать аманатов из лучших тухумов, изгнать из своих пределов всех ищущих убежища. Акушинцы ответили отказом.

Отряд акушинцев, т.е. верхнедаргинцев (по данным Ермолова их было более 10 тыс. человек) двинулись к границам Тарковского шамхальства. Акушинцы, которых, по данным В. Потто, было 25 тыс., могли преградить единственную дорогу идущую в этом месте. В такой обстановке Ермолов «мастерскими переговорами, то льстя, то угрожая акушинцам, задерживал их движение, усыпляя их внимание» и тем самым дал возможность отряду Мадатова занять выгодную позицию. В результате дорога в Акуша была открыта¹. Тем не менее, у верхнедаргинцев было какое-то необоснованное чувство безопасности. Об этом писал и сам Ермолов: «взятые в проводники жители, не веря успеху предприятия нашего, показывали как бы в насмешку те места, где были разбиты войска Надир-шаха, дороги, по коим спасались они рассеянные. Таково было мнение о могуществе акушинского народа, и немало удивляло, всех наше появление в сей стране».² Ермолов, отвлекая акушинских старейшин пустыми словами, занял почти без сопротивления Губден, Какашуру, Дженгутай и Урму. 16 декабря он без труда ввел свои главные силы в Урму.

19 декабря с рассветом начался бой под Левашами. Увидев, что их начинают обходить с правого фланга, акушинцы бросились защищать другие высоты на пути к Левашам. Мадатов открыл сильный ружейный и артиллерийский огонь. Воспользовавшись этим, Ермолов ринулся вперед. Пораженные перекрестным пушечным огнем с фронта и с

¹ Потто В. Указ. соч. С. 255.

² АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 1. С.69; Потто В. Указ. соч. С. 253.

тыла, акушинцы вынуждены были бежать. Овладев утесами, русские войска стали бить по отступающим даргицам. Их догнали триста казаков Моздокского полка, в результате чего многие были порублены ¹.

Бой был стремительным – продолжался всего два часа. Все произошло так быстро, что верхнедаргинцы не успели развернуть против русских и четвертой части своих сил. После боя Мадатов занял Леваши. Здесь стало известно, что верхнедаргинцам помогали койсубулинцы, казикумухцы со старшим сыном Сурхай-хана II и **многие другие** «вольные общества Дагестана и что силы неприятеля доходили до 20 тысяч»². В бою участие принимали и сам акушинский кадий Магомед, уцмий Адиль-хан, Умалат-бек, племянник и зять шамхала тарковского и Шихали-хан ³.

Весь следующий день после боя русские войска двигались в сторону Акуша, не встречая сопротивления. Войска шли вперед и «все, что встречалось по пути непокорного, предавали огню и разрушению». «Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому еще доселе не покоряющегося народа», – объяснял потом Ермолов ⁴. 21 декабря 1819 г. русские войска вошли в оставленное жителями с. Акуша. Ермолов приказал убегающих не преследовать, имущества не касаться, домов не трогать – разрушить до основания дома Шихали-хана и его сподвижников. Видя такое великодушие, акушинцы постепенно возвратились в село. Почетнейшие 150 акушинцев явились к Ермолову, чтобы объявить ему от лица народа покорность.

По требованию Ермолова Магомед-кади Акушинский как союзник Шихали-хана был снят с должности кадия. Вместо него был назначен Зухум-кади ⁵.

Прежним требованием ультиматума были добавлены еще некоторые – все вместе они составляли своего рода договор, на условиях которого Акуша-Дарго входило в Российскую империю. Они были изложены Ермоловым в его официальном письме Зухум-кади. Кадий так и все общества обязаны были:

- сохранять прежний образ управления и прежние обычаи без всякой перемены;

1 Алиев Б.Г. Поход А.П. Ермолова в Акуша-Дарго в 1819 г. С. 86.

2 Потто В. Указ. соч. С. 259.

3 Там же.

4 Ермолов А.П. Записки... С. 98.

5 Письмо генерала Ермолова к Зухум кадию, от 23 декабря 1819 г. // АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 79.

- обращаться непосредственно к главнокомандующему, ибо иной власти над ними нет;
- не иметь связи с изменниками и противниками России, не давать им убежища;
- выявить «вредных людей» в самом обществе Акуша-Дарго;
- поддерживать союз с народами, подданными российского императора;
- разрешается собирать войско для обороны своих границ, запрещается выводить его за эти границы без разрешения главнокомандующего;
- не вмешиваться в распри соседей и не оказывать им помощи без приказа главнокомандующего, соблюдать строго;
- все повеления главнокомандующего доводить до сведения обществ Акуша-Дарго;
- аманатов представить без промедления – они будут содержаться в Дербенте (были представлены 25 аманатов из влиятельных семей);
- в знак подданства ежегодно в сентябре Акуша-Дарго должно представлять коменданту Дербента 2000 баранов ¹.

Договор был утвержден обеими сторонами и вступил в действие. В заключение переговоров старейшины вручили Ермолу дорожную шашку. «Главнейшие из старейшин от всех селений даргинского общества были приведены к присяге русскому императору. Церемония происходила в великолепной городской мечети Акуша»².

Таким образом, федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго признала себя частью Российской империи, а верховной властью – Российского императора. Отсюда следует ее обязательство: аманаты, символический налог, имперский контроль над внешней политикой, военными акциями союза и утверждение ее высшего должностного лица – акушинского кадия. В обмен империя выводит войска из пределов Акуша-Дарго, признает ее полное самоуправление, вплоть до сохранения традиционной политической структуры и правовой системы и даже собственных военных сил. 29 декабря все русские войска были выведены за пределы Акуша-Дарго.

В рапорте царю в январе 1820 г. Ермолу докладывал: «Область, подвергшаяся под скипетр Вашего императорского величества,

¹ Там же.

² Потто В. Указ. соч. С. 262.

состоит из 60000 жителей, народа никому непокорствовавшего, воинственного и управлявшего всем Дагестаном. Разрушено скопище злоумышлявших против нас, пристанище врагов и изменяющих нам».¹

В общем Акуша-Дарго в XVIII – начале XIX в. **проявило себя очень** активно на политической арене Дагестана. Акуша-Дарго фактически принимало самое активное участие во всех политических событиях Дагестана. Оно стало субъектом международной политики на Кавказе. Монархи, соперничавших на Кавказе держав – России, Турции и Ирана отводили ему большую роль в проведении своей политической линии в Дагестане. Большую роль, в особенности, отводило русское военное командование на Кавказе Акуша-Дарго в политических событиях в Дагестане в конце XVIII – начале XIX в. **От его позиции фактически** зависело дальнейшее укрепление России в регионе в целом, поскольку в это время Акуша-Дарго было наиболее сильной и влиятельной политической единицей в Дагестане, что признавали как русские военные власти, так и сами дагестанские владельцы.

¹ Цит. по: Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 328.

ГЛАВА II. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АКУША-ДАРГО.

§1. Акуша-Дарго в борьбе с ирано-турецкой агрессией в XVII – начале XVIII в.

С падением татаро-монгольского ига угроза иноземного порабощения не прекратилась. Начиная с XV в. для народов Дагестана, как и для Кавказа в целом, появляется новая иноземная опасность. Во второй половине XV в. на политическую арену Кавказа выступает Османская империя. А в начале XVI в. образовалось большое Сефевидское государство в Иране. Это были военно-феодальные государства, которые с самого начала возникновения стали на путь агрессивных захватнических войн. На этом неблагородном пути сталкивались интересы обоих хищников. Поэтому, начиная с XVI в. и вплоть до присоединения Кавказа к России, они либо вели из-за него между собой ожесточенные войны, либо готовились к ним.

Турки являлись суннитами, а сефевиды шиитами. Поэтому и войны между Сефевидским Ираном и Османской Турцией проходили под флагом религиозной борьбы между шиитами и суннитами. Однако действительная причина их была другая. Ирано-турецкие войны велись за овладение Ираком, Курдистаном, но главным образом странами Кавказа «богатými сырьем и ископаемыми, а также за установление контроля над важнейшими торговыми путями между Европой и Азией, проходившими по территории Азербайджана и Закавказья».¹

Немаловажное место в планах агрессоров отводилось и Дагестану. Дагестан для обеих сторон имел большое стратегическое и экономическое значение. Овладев Северным Кавказом и Дагестаном, Турция могла обеспечить натиск на Иран с севера, а шахи стремились укреплению своих позиций в Дагестане закрыть крымско-турецким войскам путь в Закавказье через Дербентские ворота.² Поэтому предметом постоянных притязаний и ареной войн между Ираном и Турцией являлись не только Армения, Грузия и Азербайджан, но и Северный Кавказ и Дагестан.

¹ Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952. С. 60.

² Кушева Е.Н. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1555-1572 гг. // Исторические записки. Т. 34. 1950. С. 237-241; Маршаев Р.Г. Казикумухское шамхальство в русско-турецко и русско-персидских отношениях во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 139.

Еще начиная с середины XV в. **сефевидские войска** несколько раз вторгались в Ширван и Южный Дагестан. Планы завоевателей не имели тогда успеха. Но в начале XVI в. **часть Дагестана попадает под влияние Ирана**, которое продолжалось вплоть до второй половины XVI в.

Хотя до мирного договора 1555 г. между Турцией и Ираном и происходили непрерывные военные действия, Дагестану и Северному Кавказу не уделялось столь большое внимание, какое уделялось странам Закавказья. После же мирного договора 1555 г. султан Селим II стал готовить поход непосредственно в северную часть прикаспийских областей, что являлось следствием успеха России на Северном Кавказе и в Дагестане, вызвавшим большое недовольство со стороны турецкого правительства. Турция не добилась успеха. Но через несколько лет (в 1571 г.), воспользовавшись тяжелым внутренним положением России, Турция добилась свободного прохода через Северный Кавказ.

Благоприятствовала Турции и обстановка в Иране. Начавшаяся в последние годы царствования шаха Тахмаспа I **тяжелое положение** Ирана, сопровождавшееся увеличением налогов, эпидемиями чумы и голода, восстаниями против власти Сефевидов еще больше усугублялись после его смерти в результате междоусобиц среди различных группировок кызылбашской знати.

Турция воспользовалась таким тяжелым положением Ирана и в 1578 г. начала против него войну, которая длилась более десяти лет. 100-тысячная турецкая армия во главе с Мустафой Ляля-пашой начала наступление на Кавказ.¹

Одними военными действиями, жестокостями Турции трудно было претворить свои захватнические планы. Поэтому турецкие султаны посылали в разные части Кавказа, в том числе и Дагестан своих эмиссаров, путем использования религиозных разногласий между суннитами и шиитами пытались спровоцировать мятежи против Сефевидов, натравливали одни народы Кавказа на другие, как, например, дагестанцев на Грузию под флагом борьбы с «гяурами» и т.д.

За короткое время Мустафа-паша завоевал почти всю Грузию и Северный Азербайджан. Были взяты им также крупные города как Тбилиси, Шемаха, Баку, Дербент и др.

Четко определилась во время этого похода позиция отдельных дагестанских феодальных владетелей. А.-К. Бакиханов писал, что, продолжая наступление на север, «Ляля-паша, подкрепляемый разными

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 83.

правителями и обществами Дагестана, своими единоверцами, беспреткновенно прибыл в Ширван».¹

Правители Дагестана ещё не понимали действительной цели турок, которые под флагом борьбы в защиту суннитов против шиитов скрывали свои захватнические планы. Этим и объясняются определенные успехи турецких эмиссаров в Дагестане, о чем говорит то, что ещё в середине 80-х годов «дагестанские старшины дали... обещание» «оказать помощь населению Ширвана», где турки, используя недовольство местного населения притеснениями и гнётом со стороны Сефевидов, готовили выступление против шахского Ирана.² Однако в походе Ляля-паши в 1578 г. вместе с турками приняли участие лишь «до трех тысяч вооруженных лезгин»³ (дагестанцев. – Авт.).

В документах нет конкретных сведений о позиции верхнедаргинских сельских обществ. Однако, известно, что Акуша-Дарго почти всегда, даже тогда, когда оно, отделившись от шамхальства, существовало как самостоятельная политическая единица, вплоть до XIX в., в борьбе с иноземными захватчиками выступало, как правило, на стороне шамхалов, придерживалось той ориентации, какой и шамхалы. Поэтому в исследуемый период, когда верхнедаргинцы ещё находились в составе Казикумухского шамхальства, мы смело можем утверждать, что Акуша-Дарго активно участвовало во всех политических и военных мероприятиях шамхала. Шамхал же ещё ранее был связан с турецким султаном и поэтому, несомненно, приводимые выше сведения непосредственно имеют отношение и к нему, следовательно, и к Акуша-Дарго.

Завоевав Ширван, турки ещё более усилили агитацию по усилению своего влияния на дагестанские народы. В результате «старейшины и правители Дагестана подчинились» Ляля-Паше, «причем некоторые, лично отправившись туда (в Ширван, где находился Ляля-Паша. – Авт.), а другие, отправив своих послов с письмами, связались с тем пашой узами единения».⁴

Несмотря на тяжелое внутреннее положение шахский Иран не мог равнодушно созерцать на успехи Турции. Поэтому шах послал на Кавказ огромную армию под командованием «великого» визиря Ирана Салмана-Мирзы. В ответ на это турецкий султан Мурад III приказал

¹ Там же.

² Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994. С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же.

крымскому хану Магомед-Гирею выступить через Дагестан против персидских войск. Магомед-Гирей послал в помощь Ляле-Паше своего брата Адиль-Гирея с 20-тысячным войском. Летом 1578 г. между персидскими и крымско-татарскими войсками, на стороне которых находились «лезгинские и карабахские полчища»,¹ у реки Агсу недалеко от Шемахи произошло кровопролитное сражение. Сефевиды разгромили и объединенные силы противника. Турецкий полководец Осман-паша бежал в Дербент, а Адиль-Гирей попал в плен к Сефевидам, который затем был убит ими.

В следующем году объединенные силы Осман-паши и крымского хана Магомед-Гирея снова овладели Азербайджаном. Часть крымского войска осталась в Дагестане, а часть ушла в Крым.² Воспользовавшись этим, Сефевиды во главе с Мирза Салманом двинулись против Осман-паши. Турки потерпели поражение. Однако, получив подкрепление, турки, на стороне которых находились и «присоединившиеся к ним дагестанские старшины со своими отрядами»,³ в сражении, происшедшем в 1583 г., разгромили шахские войска.

В результате военных действий 1578-1587 гг. турецкому султану удалось захватить не только Дербент, оказавшийся объектом непосредственных военных столкновений, но и «распространить свое влияние в предгорном и горном Дагестане»,⁴ которое сопровождалось опустошительными грабительскими походами и тяжелым гнетом, вызывавшее упорное сопротивление и недовольство местного населения. Это обстоятельство, а также экономические планы захватчиков не могли не повлиять на позицию дагестанских владетелей и в частности на шамхала по отношению к Турции. Поняв, что политика Турции может привести к потере независимости, шамхал, который в начале поддерживал её, в конце 70-х гг. стал отходить от турок и крымского хана. Шамхал даже отказался участвовать в битве против Сефевидов, за что Кумух был подвергнут разорению, что, надо полагать, вызвало недовольство не только лакцев, но и других народов Дагестана. Такие действия турок вызвали со стороны лакцев, даргинцев и кумыков, входящих в состав шамхальства, недоброжелательное отношение к себе.⁵

1 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 84.

2 Там же. С. 85.

3 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 40.

4 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 91.

5 Маршаев Р.Г. Указ. соч. С. 145.

В 1590 г. шах Аббас вынужден был заключить унижительный для Сефевидов, но зато выгодный для Турции мирный договор, по которому вся Армения, Грузия, Азербайджан, а также Дагестан подпали под власть султана.

Но мир 1590 г. между Ираном и Турцией длился недолго. Сефевиды не могли мириться с потерей влияния на Кавказе и поэтому Иран начал готовиться к возврату уступленных им по миру 1590 г. Турции земель. Но для этого сначала надо было укрепить пошатнувшуюся мощь Сефевидского государства.

Путем проведения ряда реформ (финансовой, военной и др.) и расправой с противниками своего правления шах Аббас I добился крупных успехов в деле укрепления Сефевидского государства.

Благоприятствовала шаху Аббасу I и создававшаяся в Турции обстановка. Ряд народных восстаний конца XVI – начала XVII в. в Малой Азии и, особенно в ее восточных районах, восстания янычар в турецкой столице служили для шаха Аббаса I счастливым предзнаменованием.¹

В результате недовольства народных масс, явившимся ответом на жестокое разорение, ослабла позиция Турции в Дагестане и в Азербайджане.

В таких невыгодных для Турции условиях Иран в 1602 г., нарушив мирный договор 1590 г., начал против турок военные действия, которые с перерывами продолжались до 1639 г. В течение нескольких лет войска Аббаса I заняли Азербайджан, Армению, Восточную Грузию, Курдистан, Луристан, а также Багдад, Мосул и Диарбекир.² Главные успехи персов относятся к 1606 г., когда была восстановлена власть в Карабахе, Гяндже, Тифлисе, Баку и, наконец, благодаря помощи кайтагского уцмья, – Дербенте.

С приближением персидских войск к пределам Дагестана отдельные феодальные владетели Дагестана (Кумыкии, Лезгии, Кайтага), чтобы избежать нашествия огромной персидской армии, вынуждены были изъявить покорность шаху Аббасу I.³ К нему даже отправились сын Хаджи Мухаммеда Дербенди и уцмий Кайтагский, которых, по словам Искендера Мюнши, Аббас I за помощь, оказанную ими в разгроме турецких войск в Дербенте, «одарил подарками, халатами и пожаловал им сойюргал с их имений (амлак).⁴

1 Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. М., 1946. Т. II. С. 3.

2 Иванов М.С. Указ. соч. С. 66.

3 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 92.

4 Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. С. 278-270; Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 92.

Вынуждены были покориться Аббасу I также другие владетели Дагестана – шамхал Казикумухский, майсум Табасаранский, Алибек Цахурский и кадий Акушинский, «кто лично явившись к нему, а кто послав людей из близких, и тем снискали шахскую милость».¹

Однако это не означало, что народы Дагестана навсегда признали над собой власть шахского Ирана. Напротив, вынужденная покорность была лишь маневром необходимым в создавшихся условиях. Силы были слишком неравные. Поэтому в такой обстановке лучше было не допустить нашествия персидских войск, что вызвало бы только разорение страны и массовое уничтожение населения, и тем самым сохранить независимость. Так именно и поступили дагестанские владетели.

Но все же даже в таких условиях, не все владетели Дагестана признали себя вассалами шаха. Владетели северной части Дагестана во главе с Султан-Махмудом сохранили независимость от шаха.

Особенно сильное противодействие завоевателям оказывали народные массы Дагестана, для которых как Турция, так и Персия являлись в одинаковой мере врагами. Однако Сефевиды, как сторонники шиизма, встречали здесь, конечно, не без усердной агитации турецких агентов, более сильное сопротивление, проявлявшееся под религиозным лозунгом непримиримости суннизма с шиизмом.

Утихшие после наступательных действий шахской армии военные действия 1606-1607 гг. с новой силой разгорелись в 1609-1610 гг. Турецкий султан собрал 200 тысячное войско и двинул его к границам Азербайджана. В 1610 г. султанская армия вторглась в пределы Азербайджана, но после окружения недалеко от Тебриза, с трудом вырвавшись, поспешно отступила к крепости Ван.

Провалились также и новые попытки Турции захватить Азербайджан и продвинуться на север, предпринятые в 1611-1612 гг. Но не давая возможность туркам завладеть Азербайджаном и Дагестаном, персидские завоеватели и сами не могли и не были в состоянии поработить горцев Дагестана. Этим и объясняется то обстоятельство, что шах Аббас I вынужден был направить еще в 1609 г. своего посланника Карачай-бека в Шабран, чтобы он соединившись с местными владетелями «наблюдал за горцами, входил с ними в сношения, поддерживал спокойных и преданных и наказывал тех, которых найдет виновными, водворил бы таким образом общее спокойствие».²

1 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 48; Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 92.

2 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 97.

Однако подобные меры шаха находили отклик только у феодальных владетелей Дагестана, к удержанию которых на своей стороне и были направлены они. Что же касается народов Дагестана, то они, несмотря на указание шаха «наказывать» неповинных, что еще больше озлобляло их, не желая быть подданными Персии, поднимались на борьбу с завоевателями. Насилия, чинимые завоевателями, разнообразные налоги и повинности ложились тяжелым бременем на народные массы. Они подвергались также и жестокому религиозному гонению.

С другой стороны, персидские завоеватели покушались и на свободу нагорных обществ, пытаясь всякими мерами надеть и на них свое ярмо.

Все это и послужило причиной ряда выступлений горцев, в том числе и даргинцев против персидских завоевателей.

В результате персидский шах вынужден был посылать в горы карательные отряды, которые жестоко расправлялись с местными жителями, физически уничтожали трудоспособное население и тем самым разоряли хозяйство страны.

К этому времени относится и наступление отдельных карательных отрядов шаха Аббаса I **на территорию Горного Дагестана и, в частности на территорию федерации Акуша-Дарго**, население которого, как и другие горцы Дагестана, не изъявили повиновения Персии.

Даргинцы с оружием в руках встретили персидских завоевателей. Сохранились не только народные предания, но и письменные сведения и эпиграфические надписи, о чем говорилось и выше, свидетельствующие о большом кровопролитном сражении, происшедшем между войсками Акуша-Дарго и отрядами персидского шаха в сел. Усиша.

Во время летней экспедиции 1963 г. на одном из древних кладбищ селения Шукты Акушинского района с помощью местного арабиста М. Гасамахова нам удалось обнаружить несколько надгробных памятников, относящихся к XVI – нач. XVII в.

На одном из этих надгробных памятников имеется надпись на арабском языке, где говорится, что здесь похоронен Юсуп сын Магомед, который погиб в 1020 г. хиджри (1611-1612 гг.) в селении Усиша в борьбе с войсками кызылбашей. Далее здесь пишется, что с ним вместе в один день было убито кызылбашами 4400 человек.¹

На другом памятнике поставленном рядом с первым имеется надпись, что здесь похоронен Магомед сын Юсуфа. Надо полагать, что эти два памятника поставлены отцу и сыну, погибшим вместе участвуя в сражении верхнедаргинцев против персидских завоевателей.

¹ Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

Старожилы рассказывают, что подобные памятники, погибшим в сражении с персидскими завоевателями в селении Усиша находились раньше и в других селениях Акушинского района. Так, в селении Акуша на старом кладбище, где теперь построен Дом культуры, было 36 надгробных памятников, поставленных участникам сражения верхнедаргинцев против кызылбашей.¹

О походе на территории верхнедаргинцев войск шаха Абабса I говорят и письменные сведения, имеющиеся на полях арабских рукописей. На полях одной такой рукописи, хранящейся у местного арабиста из сел. Усиша Галбецова Магомеда имеется запись, где говорится: «Пришли войска рафизитов в местечко Усиша в области Дарго в 1022 (1613 или 1614 гг.).»²

Достоверность этого сведения не вызывает сомнения, потому что автор точно, безошибочно перечисляет здесь и другие исторические события, как, например, приход в 1110 г. хиджры (1689 г.) в Башлы во время правления уцмья Али-Султана войск кубинского правителя Гусейн-Хана, поход русских войск в 1134 г. хиджры (1722 г.) в Дагестан и т.д.

В книге «Халлал Иджаз», переписанная в Акуша имеется надпись следующего характера: «Переписал эту книгу Хаджи-Махмуд сын Мухаммада по прозвищу кад ал-аср (кадий эпохи) в 1021 г.х. во время войны шиитов и Юсуф-хана против Дарго, Сирга и Атраза и в итоге победило Дарго над Юсуф-ханом и злодеями, и из его войска было убито 2000 вооруженных воинов» (1021 г.х. – от 4 марта 1612 г. до 20 февраля 1613 г. н.э.). Следует отметить, что кызылбаш – собирательное название сторонников Сефевидской шахской династии (проще – иранцы); шииты – здесь в смысле иранцы; харджиты – одно из оппозиционных течений VII в., здесь в смысле «еретики», т.е. иранцы.

Юсуф-хан был тогда иранским беглербеком (наместником) в Шемахе. Р.М. Магомедов писал, что бывшие даргинские подданные Гирея Тарковского, тяготившиеся шамхальским режимом и властью талканов, воспользовались междоусобицей в шамхальстве и вышли из повиновения. Гирей решил вернуть прежние порядки, но, не считая свои силы достаточными, обратился за военной помощью к шаху. Вряд ли шахское войско двинулось бы в горы зимой – значит, первый совместный поход шамхальской дружины и «кызылбашей» был в 1611 г.³ Эпитафия в Шукты показывает,

1 Там же.

2 Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

3 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. 2. С. 8-9.

что первое иранское нашествие для даргинцев обернулось катастрофой – погибло 4400 человек. Следующая запись относится к 1612 г. Как видно, ситуация изменилась. Против войск беглербека Юсуф-хана выступает целиком Дарго в союзе с Сирга. Объединившись даргинцы одерживают внушительную победу: потеря 2000 воинов по тем временам просто сокрушительное поражение (также следует отметить, что среди 4400 даргинцев, погибших в 1611 г., было, видимо, немало обычных мирных жителей).

Имеются сведения о приходе персидских войск и в другие селения даргинцев. Такие сведения мы находим в народных преданиях даргинцев. В песнях урахинцев имеются конкретные упоминания о сражениях происходившим в XVII в. с войсками персидского шаха Аббаса.¹ Кроме того среди урахинцев распространены ругательства в адрес шах Аббаса, превратившиеся ныне в нарицательные.

Всё это говорит, во-первых, о том, что персидские войска дошли не только до южного и равнинного, но и горного Дагестана. Во-вторых, они с убедительностью свидетельствуют об активном участии Акуша-Дарго в борьбе народов Дагестана против персидских завоевателей.

Заключенный в 1612 г. между Ираном и Турцией мирный договор зафиксировал военный перевес Ирана, который сохранил все свои завоевания.

Но этот мир длился недолго. Турки попытались отвоевать потерянное и в 1616-1617 гг. военные действия возобновились, разгоревшиеся с особой силой в 30-х гг. Продолжались они до 1639 г. и закончились поражением Турции. В 1639 г. Турция была вынуждена заключить мирный договор, по которому подтверждались условия договора 1612 г. По условиям Константинопольского мирного договора Азербайджан, Восточная Грузия, значительная часть Армении и Дагестана подпали под иго иранских феодалов.

Именно после этого, начиная с 40-х гг. XVII в. в Дагестане усилилось влияние Персии, которое распространилось на все владения, кроме Эндирея. Особенно же в сильную зависимость от персидских шахов попало уцмийство Кайтагское, где шах Аббас II свергнув Рустем-хана передал престол Амир-хан-Султану, племяннику Рустем-хана. Однако народы Дагестана не признавали власти персидских шахов. Современник этих событий турецкий путешественник середины XVII в. Эвлия Челеби прямо указывал: что горцы неоднократно громили войска кызылбашей и «в

¹ Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 5. Полевой материал, собранный нами в 1963-1964 гг.

данный момент ведут войну с ними (персами), ибо они ненавидят и кызылбашей».¹

В конце XVII – начале XVIII в. положение меняется не в пользу Ирана. Если при шахе Аббасе II (1642-1666 гг.) Сефевидский Иран внешне ещё переживал расцвет, то уже при шахе Сулеймане (1666-1694 гг.) появились явные признаки ослабления Сефевидского государства, экономического и политического его упадка. С упадком Ирана к концу XVII в. ослабла власть шахов в Дагестане.²

Однако набеги войск персидского шаха в Дагестан продолжались и в этот период. Сохранились сведения о том, что кызылбашские войска в 1100 г. хиджри (1688) пришли в Хурук (Урахи) и другие даргинские селения.³ Возможно, что народное предание, описанное А. Далгатом в своей книге «В огне революции» о борьбе Урахинского общества с иноземной карательной экспедицией как раз и относится к этому времени.⁴

В 80-е годы XVII в. шах Сулейман выдвинул одного из отпрысков Маджалисской ветви рода уцмиев Гусейн-Хана, который до совершеннолетия находился при шахском дворе, правителем Кубы. Видимо, не без ведома шаха, Гусейн-Хан в 1689 г. совершил поход в Кайтаг и овладел резиденцией уцмий Башлы. Но, как ставленник персидского шаха, он не нашел поддержки не только в самом уцмийстве, но и со стороны других народов Дагестана. Уцмий Али-Султан «собрал из разных горских народов 30.000 войска» с их помощью «в скором времени вытеснил» Гусейн-Хана в Кубу.⁵ Надо полагать, что среди этих «разных горских народов» имеются ввиду и верхнедаргинцы, ибо как показывают дальнейшие события, именно с конца XVII – нач. XVIII в. начинается активная помощь уцмийам, участие войск акушинского кадия в походах вместе с войсками уцмиев Кайтагских.

В обстановке усиливавшегося экономического и национального гнета и возрастающего сопротивления покоренных народов центральная власть в Иране крайне ослабла. На упадок Сефевидского государства оказывали влияние коррупция и разложение шахского двора, междоусобная борьба феодальных группировок, рост влияния евнухов и духовенства, двор-

1 Эвлия Челеби, VII. С. 786-787. Цитирует А. Тамай.

2 РГАДА. Кавардинские дела. 1645. Л. 180. Очерки Истории Дагестана. Т. I. С. 99.

3 Шихсаидов А.Р. Отчет о поездке в даргинские районы в 1961 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 370. Л. 31.

4 Далгат А. Указ. соч. С. 9-11.

5 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 101.

цовые интриги и т.д. Одной из важных причин являлось изменение торговых путей в результате освоения морского пути из Европы в Индию вокруг Африки. В результате установления морского пути из Европы в Индию и другие страны Востока было подорвано значение сухопутного пути через Иран. Сокращение доходов от транзитной караванной торговли приводило к постепенному падению большинства городов, расположенных на торговых магистралях, к ухудшению экономического положения страны. На экономический упадок Ирана оказало большое влияние и высокое развитие в европейских странах мануфактурного производства, в частности, текстильной промышленности, следствием чего явился упадок потребности в иранском шелке.

Но были и более серьезные причины, способствовавшие упадку Сефевидского государства. Как отмечал М.С. Иванов, «одним из наиболее важных факторов, обусловивших разложение и упадок Сефевидского государства, была чрезмерная, чем дальше, тем больше возrastавшая, феодальная эксплуатация крестьянства и трудового населения городов, которая не только не сопровождалась ростом производительных сил, но и приводила к подрыву сельского хозяйства и ремесла».¹ Упадок хозяйства вызвал уменьшение доходов государственной казны и феодальной знати. Однако потребности как государства, так и знати не уменьшались. Поэтому надо было откуда-то изыскать их. И правительство шаха прибегало к непомерному увеличению налогов. Налоговое бремя особенно возросло при шахе Хусейне (1694-1722 гг.). Налоги при нем были увеличены в 2-3 раза.² Особенно в тяжелом положении оказалось население неиранского происхождения, гнет которого со стороны иранских феодалов сочетался с религиозным преследованием.

По произволу властей оно облагалось новыми налогами. Так, в Азербайджане в 1698-1701 гг. «подушная подать была увеличена втрое. Были введены новые подати: Ихражат-и-Шахзаде – сбор на содержание шахских сыновей, «шеш динар» – сбор в шесть динаров, вскоре утроенный и др. Не были пощажены не только крестьяне, но и ремесленники и купцы. Потом объявили новую перепись земель сельских общин, их пашен, виноградников, садов... Провели перепись и среди кочевых азербайджанских племен... Все их стада, крупный рогатый скот, бараны и овцы были описаны и обложены налогом, удвоенным по сравнению прежним временем».³

1 Иванов М.С. Указ. соч. С. 78-79.

2 Там же.

3 Азербайджан в XVI-XVII вв.: Сб. статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. С. 297.

Усиление феодального гнета вызывало со стороны поработенных народов упорное сопротивление. В Курдистане, Хорасане, Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане и в других странах происходили восстания народных масс.

Главная причина выступления народов Дагестана против Сефевидского Ирана в начале XVIII в. исходила из самого факта владычества Ирана. «Причина, приведшая в движение народные массы, – писал Р.М. Магомедов, – крылась во владычестве Ирана в Дагестане и его реакционной роли в отношении горских народов на протяжении многих десятилетий».¹

Попав в результате победы Персии в длительных ирано-турецких войнах под влияние Сефевидов, Дагестан испытал и на себе всю тяжесть их гнета. В Дербент посылались шахские правители, которые «великую власть имели над всеми к Дербенту подлежащими уездами».² Городу Дербенту были подчинены уезды «Мушкур, Низабат, Шабран, Рустав, Бермяк, и доходы из оных собирал султан дербентский».³ А в близости Дербента лежащие два уезда, Табасаран и Куба, повинны были одному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправить».⁴ Недовольствуясь такой властью, ставленники шаха делали попытки подчинить и другие территории, как, например, союзы сельских общин Самурской долины. По этому поводу И.-Г. Гербер писал «прежде сего султаны дербентские их яко подданными к Персии почестъ хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтоб их силою под владение привести».⁵ Но такая политика встречала сильное противодействие со стороны дагестанцев, которые «высланных дербентцев кровотекущими головами назад отсылали».⁶

Опорой завоевателей являлся гарнизон иранских войск, находившийся в Дербенте. Однако они не могли в своей политике обходиться своими собственными силами и поэтому старались привлечь на свою сторону владетелей Дагестана. Как правило, шахи Ирана утверждали феодалов в

1 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 316.

2 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архив. материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 85. (Далее – ИГЭД).

3 Там же. С. 86.

4 Там же.

5 Там же. С. 77.

6 Там же. С. 77-78.

их правах, выдавали фирманы на земельные угодья, выплачивали ханам и бекам денежное жалование. За все это владельцы Дагестана обязаны были являться со своими отрядами на службу к шаху, или же содержать для него войска. Так, по свидетельству И.-Г. Гербера шамхал Тарковский «каждый год от шаха получал 4000 тумен, он повинен был за которые деньги несколько войска содержать».¹ Так как шамхалы являлись среди владельцев Дагестана наиболее сильными, то шахи о них больше проявляли и заботу, чтобы удержать их на своей стороне. По этой причине «при дворе шаховом, — писал И.-Г. Гербер, — шамхалы были всегда в великом почтении».²

Уцмий Кайтагский получал от шаха каждый год по 2000 рублей и обязан был «со своими подданными воинскую службу по требованию отправлять».³

Однако, привлекая на свою сторону ханов и беков, являвшихся крупными феодалами, оказывая им экономическую и политическую поддержку, персы настраивали против себя основную массу населения, ибо их политика в Дагестане, как и в других завоеванных странах, угрожала национальной независимости и способствовала усилению социального гнета.

От иранских завоевателей страдало не только население Южного Дагестана и прикаспийской равнины, но и население Горного Дагестана. Поэтому неудивительно, что к восстанию против Сефевидского Ирана, начавшемуся в Южном Дагестане, примкнуло и население Горного Дагестана, в том числе и Акуша-Дарго.

Разрастающийся гнет и произвол по отношению подвластных Ирану земель сочетался с религиозным гнетом. В результате поражения Турции место проповедников суннизма заняли сефевидские шииты. При поддержке персидских шахов они насильно распространяли среди дагестанцев-суннитов шиизм, открывали шиитские мечети и медресе. Такая политика завоевателей вызывала возмущение не только со стороны местного духовенства и широких масс населения, она не нравилась и их единоверцам — населению тех районов, которых еще не коснулось религиозное преследование со стороны сефевидских шиитов.

Интересы горцев затрагивали также крепости и укрепления с воинскими гарнизонами, построенные персами в приморском и юго-западном

1 Там же. С. 71.

2 Там же.

3 Там же. С. 83.

Дагестане. Они «препятствовали свободному передвижению населения и перегону скота из Дагестана на зимние пастбища Азербайджана, мешали развитию торгово-экономических связей Дагестана с Закавказьем». Кроме того, «крепости и укрепления, являвшиеся опорными пунктами Сефевидов на Восточном Кавказе, вызывали особую тревогу горцев Дагестана еще и потому, что могли быть в любое время использованы персами для новых вторжений».¹

Эти факторы и послужили причиной того, что наряду с населением, которого непосредственно коснулась тяжесть иноземного гнета, в выступлении против персов приняло участие и население Горного Дагестана.

Первыми против Ирана выступили аварцы Джаро-Белаканских «вольных» обществ, которых поддерживали азербайджанцы.

Союз сельских общин верхнедаргинцев Акуша-Дарго, выделившись в середине XVII в. из шамхальства, начал играть самостоятельную роль во внешней политике, в связи с чем и стало фигурировать в источниках начиная с XVIII в., хотя сведения по Акуша-Дарго в начале XVIII в. весьма скудны. Первые упоминания о верхнедаргинцах мы встречаем в связи с событиями начала XVIII в., направленными против Сефевидского Ирана².

Участие Акуша-Дарго в антииранском восстании народов Дагестана и Азербайджана 1707 – 1721 гг. в исторической литературе и источниках отмечается весьма отрывочно. Тем не менее, мы склонны утверждать, что Акуша-Дарго также принимало активное участие в этом восстании, поскольку верхнедаргинцы часто выступали вместе с уцмьями и особенно шамхалами в различные военные походы за определенную плату, т.е. как наемная сила, наемники. Будучи независимым от окружающих феодальных владений, федерация союзов сельских общин верхнедаргинцев Акуша-Дарго, стала приобретать большое значение в политической жизни Дагестана. Такое положение Акуша-Дарго могло дать основание многим авторам, хотя и поздней эпохи, утверждать, что в прошлом оно являлось одним из сильнейших владений,³ имевшее важное влияние на дела Дагестана,⁴ а акушинцы (верхнедаргинцы. – Авт.) «первенствующ-

¹ Там же.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 102; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 53; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 3.

³ АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. Л. 377; Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. 1. С. 391.

⁴ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 158; Ковалевский П.И. Кавказ. СПб, 1914. Т. I. С. 199.

щий в Дагестане народ» которые «привыкли с давних пор вмешиваться в посторонние распри и играть в событиях первенствующую роль»¹. Феодалы владели и сами нуждались и искали связи с Акуша-Дарго.

Ближайшие соседи и владельцы всегда в случае нужды прибегали к их помощи, или посредничеству. Известно, что шамхалы, уцмий, а позже аварские, дербентские и кубинские ханы постоянно обращались к помощи Акуша-Дарго.

Именно эти две причины – экономическая и политическая являлись главными в поддержании определенных взаимоотношений Акуша-Дарго с феодальными владениями Дагестана. В наиболее тесных контактах верхнедаргинцы находились с шамхалами.

Таким образом, можно предположить, что верхнедаргинцы как наемная сила, привлекаемая уцмием Кайтага Ахмед-ханом, а позже и шамхалом Адиль-Гиреем на всех стадиях антииранского восстания принимали в нем активное участие и, таким образом, внесли и свою лепту в ликвидацию иранского владычества в Дагестане в первой четверти XVIII в.

Антииранское восстание народов Восточного Кавказа, в котором участвовали и верхнедаргинцы в первой четверти XVIII в., имело глубокие социально – экономические и политические корни. Предводителем антииранских восстаний, охвативших в 1707 – 1721 гг. Джаро-Белоканы, Цахур, Табасаран, Кайтаг и Северный Азербайджан, выступили Хаджи-Дауд Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский, Ахмед-хан Кайтагский и Али Султан Цахурский, поставив себе цель, по мнению Г. Алкадари, «организовать убийство и уничтожить в Нухинском, Ширванском и Кубинском уездах поставленных шахом Хусейном ханов и служащих»². Но кроме этих мотивов, как заметил А. Неверовский, они воспользовались возможностью отложиться от Ирана, особенно тем, что «предприимчивым людям было открыто свободное поприще приобретения новой власти, новых владений»³.

Одно из первых крупных антииранских восстаний произошло в 1707 г. в Джаро – Белоканских вольных обществах. Их поддержали соседи – цухуры. Восстание было жестоко подавлено, при этом селение Джар

1 Утверждение русского владычества на Кавказе. С. 391.

2 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.64.

3 Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 1-10.

было полностью сожжено ¹. В 1709 г. произошло вооруженное столкновение между войсками ширванского беглярбека и повстанческими отрядами. Повстанцы потерпели поражение. Их предводители, оставив на поле битвы много убитых и раненых, удалились на юг ².

В 1710 г. начались волнения в Кайтаге. Кайтагцы выступили против феодального угнетения и колониальной политики Сефевидов. Во главе Кайтагского уцмийства в это время находился энергичный и последовательный уцмий Ахмед-хан, который активно привлекал и верхнедагинцев в это противостояние. Он не заставил себя долго уговаривать, проявив готовность принять активное участие в борьбе за изгнание кызылбашей с Кавказа. Став во главе восставших, он придал восстанию исключительно антииранский характер.

А.-К. Бакиханов писал, что уцмий Ахмед-хан «посредством тайных прокламаций старался возмутить жителей Ширвана и вооружить их против Персии».

«О, жители Мускура! О, жители Ширвана! – говорилось в одной из таких прокламаций. Я хочу освободить вашу страну от рафизитов (т.е. шиитов. – Авт.). если вы хотите избавиться от них, пошлите ко мне своих людей для переговоров. Те согласились, послали одного из самых разумных людей по имени Хаджи-Дауд. Хаджи-Дауд прибыл к Ахмед-хану-усуми, и они начали переговоры» ³. Во время пребывания в Дагестане Хаджи-Дауду удалось склонить на свою сторону и Сурхай-хана Казикумухского ⁴. Вернувшись на родину, Хаджи-Дауд провозгласил, что он призван Аллахом, избавить правоверных суннитов от тирании искажителей и врагов ислама – шиитов. ⁵ Этот призыв нужен был ему для того, чтобы поднять и сплотить широкие народные массы.

Военно-политический план Хаджи-Дауда заключался в том, чтобы при помощи религиозно-националистической проповеди увеличить свои силы за счет суннитов Азербайджана и Дагестана, захватить здесь

1 Хроника войны Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С. 9.

2 Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1998. С. 45.

3 О борьбе Дагестанских горцев против иранских завоевателей. Анонимная хроника // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 195.

4 Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой аккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С. 23.

5 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря 1728 г. // ИГЭД. С. 95.

власть. Посланному от астраханскому губернатору курьеру Хаджи-Дауд заявил, что «он конечно, отберет города у персиян (а именно Дербент и Шемаху) и что имеем де намерение согласится с шамхалом и с усмеем, и чтоб от Куры реки до города Дербени очистить и кызылбаш бы де выгнать всех вон»¹.

Хаджи-Дауд хотел поднять против персидского господства двух наиболее сильных горских владельцев – шамхала Тарковского и уцмий Кайтагского и с их помощью очистить от персов побережье от города Дербента до реки Куры. А между тем прежние стихийные и разрозненные вооруженные выступления с каждым днем приобретали все большую стройность и организованность, в хорошо управляемое освободительное движение. Восставшие совершали непрерывные и молниеносные нападения на шахские гарнизоны и укрепления, на отдельные сефевидские отряды и уничтожали представителей персидско- кызылбашской власти на местах ².

В 1711 г. восстание против иранских властей снова разгорелось в Джаро-Белоканских обществах, а также среди лакцев и южнодагестанцев. Во главе восставших стоял Хаджи-Дауд, его поддержал уцмий Кайтага, который отправил к нему отряд под представительством Муртузали, сына уцмий Амир-Гамзы ³.

В 1711 г. повстанцы во главе с Хаджи-Даудом и Муртузали, «завладели Шабранским магалом, разгромили его, истребляя попадавших в их руки кызылбашцев, а также разрушили сам город и разграбили имущество населения».⁴ Ворвавшись в Шабран, они разрушили до основания этот красивый город «с семидесятью соборами и семидесятью кварталами», – говорится в «Истории Азербайджана»⁵. После этой победы уцмий Ахмед-хан передал кайтагское войско в распоряжение Али-Джорука, который, соединившись с отрядом Хаджи-Дауда и Сурхай-хана Казикумхского, взял крепость Худат – резиденцию кубинского хана. Здесь же был убит и кубинский хан Султан Ахмед-хан ⁶.

1 Цит. по : Лысов В.П. Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг. М., 1951. С. 105.

2 Тамай А.К. К истории изгнания иранских захватчиков из Дагестана и Северного Азербайджана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

3 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 45.

4 Алкадар Г.-Э. Указ. соч. С. 71.

5 История Азербайджана. Баку, 1958. Т. I. С. 292.

6 Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 31. (Далее – РДО, 1988).

Убедившись в перспективности начатого дела, уцмий Ахмед-хан, «набрав из кайтагцев и акушинцев большое войско, которых привлек на свою сторону посредством подарков», осенью 1711 г. уже сам прибыл в Мюшкюрский магал и, как писал Г.-Э. Алкадари, «совместно с Хаджи-Даудом занялся управлением»¹. Одновременно из Казикумуха со своим войском прибыл сюда и Сурхай-хан Казикумухский, пришли также джаро-белоканские и цахурские отряды под предводительством Али-Султана. Теперь повстанцы представляли внушительную силу. В объединенном войске горцев насчитывалось до 30 тысяч человек².

Объединившись в один мощный отряд, Хаджи-Дауд, Ахмед-хан Кайтагский вместе с верхнедаргинскими отрядами и Сурхай-хан Казикумухский приступили к активным действиям в Северном Азербайджане. Отряд в 8 тысяч человек, сообщал А.П. Волынский, «не только деревни, но и городок Акташ разорили. И притом, видя им от персиян препятая никакого нет, пришли они к Шемахе, около которой в пяти и четырех милях разорили множество деревень. И так мы 5 дней в таком страхе, что ежедневно пришествию их в Шемаху ожидали»³.

Осенью 1711 г. Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан осадили один из главных центров Северного Азербайджана – Шемаху. Встретив сильное сопротивление, они вынуждены были снять осаду. Не сумев завладеть городом, Ахмед-хан Кайтагский с акушинцами и Сурхай-хан Казикумухский, возвратились в свои владения. «Одновременно с этим уцмий Ахмед-хан оставил в Кубинском ханстве при Хаджи-Дауде часть своего войска под начальством своего родственника Хасбулата, и таким образом, окончательно подчинил себе Кубинское ханство»⁴. Весной следующего года уцмий Ахмед-хан снова приступил к сбору войска для похода на Шемаху и известил об этом Сурхай-хана Казикумухского, предлагая ему выступить с войском в Кубинский Мюшкюр. Узнав об этом, шах приказал шамхалу Адиль-Гирею, который все еще оставался союзником иранского шаха, предотвратить намечаемое выступление горцев. Адиль-Гирей, выполняя приказ шаха, пригрозил уцмию нападением на

1 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 71; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 114.

2 Левиатов И.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 69.

3 Журнал посланника А.П. Волынского 1715-1718гг. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. № 8. Вып. VI. С. 15.

4 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 72.

его владения в случае, если тот снова пойдет на Шемаху. По этой причине уцмий вынужден был остаться в Кайтаге, но отправил часть своего войска к пребывающему в Кубинском ханстве Хасбулату и приказал ему идти на Шемаху вместе с Сурхай-ханом и Хаджи-Даудом.¹

Весной 1712 г. объединенные отряды повстанцев вновь подошли к Шемахе и стали готовиться к длительной осаде крепости. В ходе завязавшегося недалеко от города ожесточенного сражения сефевидские войска под предводительством беглярбека Гасан-хана потерпели полное поражение. Город был взят и разграблен².

Вопрос о походе горцев в Шемаху рассматривался по-разному. Одни авторы считают, что Шемаха захватывалась восставшими в 1712 и 1721 гг.³ Другие утверждают, что Шемаха была захвачена повстанцами лишь в 1721 г.⁴

Интересно мнение П. Г. Буткова: «Сурхай и Дауд-бек, взбунтовавшись против шаха, вместе производили грабежи и в 1712 г. причинили великие опустошения городу Шемахи. Сурхай и Гаджи Давуд со всеми своими и частью войска Ахмед-хана, пошли на Шемаху и с помощью тамошних суннитов, после 15-ти дневной осады, в 1121 (1712) взяли ее и совершенно ограбили шиитов»⁵. В Шемахе Хаджи-Дауд, Сурхай и Хасбулат оставались недолго из-за отсутствия у них единого плана действий, а также из-за противоречий в лагере горцев, существовавших с самого начала их борьбы.

Спустя некоторое время повстанцы возобновили свои действия. Они напали на Акташ, Шабран, Низабат, вновь угрожали Шемахе, но потерпели неудачу. Неудача под Шемахой в 1718 г. и сама необходимость проводить совещание с разбором ситуации показывает определенный спад антииранского движения в этот момент. Здесь усматриваются многие причины: тут и проиранская позиция шамхала, и отход шиитской массы ширванцев от восставших вследствие их стихийных перегибов («против шиитов вообще»), и действия восставших, сопровождаемых грабежом и

1 Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 126.

2 Тамай А.И. Указ. раб. Л. 8.

3 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 96; Бакиханов А-К. Указ. соч.; Левиатов В.Н. Указ. соч.; Гаджиев В.Г. Указ. соч.; Тамай А.К. Указ. раб.

4 Алиев Ф.М. Указ. соч. ; Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 74.

5 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 96.

разорением не связанного с иранской администрацией населения, и какие - то разногласия между лидерами ¹. В результате 1718-1719 гг. отмечены реваншем шахских властей – Дербент остается под их контролем, а когда в 1719 г. Хаджи-Дауд все же занимает его, то тут же попадает в осаду, однако ему удалось выбраться ².

Но начавшееся, казалось бы, в то время восстановление верховной власти Ирана прервалось неожиданно и резко, один из бывших вассалов шаха, правитель Кандагара Мир Махмуд, начал военные действия против иранского шаха. Мир Махмуд захватил Хоросан, а затем повел наступление на столицу Ирана Исфахан ³. В связи с этим шах Хусейн обратился к шамхалу Тарковскому и уцмию Кайтагскому и «прислал значительные суммы денег и подарки, с приказанием собрать как можно более войско и отправиться с ним против Мир-Махмуда»⁴. Сначала, вроде бы, шахский план стал осуществляться: войска собрали и под начальством хана Казикумухского Сурхая отправили к шаху на помощь⁵.

Хаджи-Дауд, узнав об этом, стал рассылать во все концы Дагестана письма с призывом к восстанию против Сефевидов, и собрав около 100 воинов – дагестанцев разных национальностей, он бросился вдогонку за объединенным войском Сурхай-хана Казикумухского, которые, двигались на помощь Ирану, уже вступило в Ширван. Перехватив его, Хаджи-Дауд обратился к Сурхаю с горячей речью, которую И.-Г. Гербер передает так: «ныне нам (пришло) время себя над людьми поставить и обогатиться – ежели мы сей случай из рук упустим, то мы достойны, чтоб весь свет нас дураками признал, ибо сила в наших руках: шах от Мир-Махмуд утеснен, и никто нам мешать не может!» По разному отнеслись к этой речи, слушавшие ее дагестанские владетели. Шамхал Адиль-Гирей, судя по его действиям, согласился лишь с тем, что шаха уже не спасешь, а ситуацию следует использовать. Он повернул свое войско к Дербенту и взял город под свой контроль, но при этом заявил, что выполнять договоренность с Ираном «сберегая этот город для шахова величества», и тем самым застраховал себя от возможности недовольства со стороны

1 Магомедов Р.М. Даргинцы Ч. 2. С. 46.

2 Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 47.

3 Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII веке. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774 гг. М., 1991. С. 52.

4 Неверовский А. Указ.соч. С. 9.; Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 97.

5 Комаров В. Персидская война, 1722-1725 гг. Материалы для царствования Петра Великого // Оттиск из «Русского вестника». 1867. Кн.4. С. 564.

Ирана и России.¹ Незадолго до этих событий в 1719 г. состоялось совещание с участием «Сурхая и многих других», проведенное по инициативе Ахмед-хана на равнине Кафири в северу от Дербента, где среди прочего обсуждались и обстоятельства осады Шемахи. И очень скоро восставшие приступили к реализации намеченных планов, главным из которых был захват Шемахи. Шедшие на помощь шаху Хусейну войска дагестанцев стали нападать на города Ширвана.

Первым из городов, к которому подступили отряды повстанцев, был Шабран – один из главных центров Ширвана. В июне 1720 г. город был взят.²

Тем временем, собрав многочисленные войска, Хаджи-Дауд в союзе с Сурхай-ханом и кайтагскими отрядами с акушинцами нанесли удар по Шемахе. Р.М. Магомедов говорит об акушинцах (верхнедаргинцах) как о некой оформленной силе и союзниках уцмий в этих событиях³. «10 августа 1170 (1721г.) все эти племена лезгин вместе со своими главарями – Сурхаем, Шамхалом, Исмином (уцмием. – Авт.), Хаджи-Даудом и Али- Султаном, – писал Левиатов, – всем своим могуществом подошли к городу Шемахе и вели в течение восьми дней ожесточенное сражение, взять его не смогли»⁴. Шемаха была взята «во время поста богородицы в среду 1170 г. армянского»⁵. Эту же дату определяет С.М. Соловьев. Согласно архивным материалам 9 сентября 1721 г., прибывшие из Баку купеческие приказчики Василий Скорняков и Фома Скоков сообщили в Астраханскую губернскую канцелярию, что в июле они были в Шемахе по торговым делам, а в августе «оной город Шемаха от лезгинского владельца Сурхая и от кабалинцев взят»⁶. С.М. Соловьев писал: «21 июня 1721г. Давуд-бек и Сурхай явились у Шемахи, 7 августа взяли город и стали жечь и грабить знатные дома. Русские купцы оставались покойны, обнадеженные завоевателями, что их грабить не будут, но вечером 4000 вооруженных лезгин и кумыков напали на русские лавки в гостином дворе, приказчиков погнали саблями, некоторых побили, а товары все разграбили ценою 500000 рублей»⁷.

Весть о взятии Шемахи облетела все Сефевидское государство. Однако шах в создавшийся обстановке все более усиливающихся

1 Магомедов Р.М. Даргинцы ... Ч. 2. С. 57.

2 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 95.

3 Магомедов Р.М. Даргинцы ... Ч.2. С. 60.

4 Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 71.

5 Там же.

6 АВПР.Ф.77. 1728. Д. 8. Л. 6. Об. Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 48.

7 Соловьев С.М. История России. М., 1963. Кн. 9. Т. 18. С. 373.

антисепевидских народных выступлений, хозяйственного упадка и роста феодального сепаратизма не смог предпринять против действий повстанцев каких-либо мер.

Разбив войска гянджинского и эриванского ханов, которые шли на помощь шемахинскому хану, повстанцы «устремились на Ардевилъ и другие города и оные опустошили, и приобретенным богатством умножили число сообщников своих из тамошних разбойнических народов».¹ Повстанцы осадили также Баку и Дербент. Боясь участи шемахинского хана многие ставленники персидского шаха бежали из своих резиденций. Бежал также и дербентский султан, который «удалился в Испаган, оставя градоначальствовать в Дербенте наиба или коменданта».²

Резиденцией Хаджи-Дауд избрал Шемахи и «оный город, как и всю провинцию с Зурхаем разделили».³

Хаджи-Дауд понимал, что его действия не могут остаться безнаказанными. Но своих собственных сил, чтобы дать отпор организованной армии у него не было. Поэтому он стал искать опору у таких сильных государств как Россия и Турция. Хаджи-Дауд обратился к этим государствам с просьбой принять под свое покровительство и подданство и прислать войска и вооружение.⁴ Тем самым он хотел с помощью со стороны укрепить свои успехи и положение. Указывая на такие цели Хаджи-Дауда, Волынский в письме к Петру I писал, что он «такo хочет, чтоб ваших был труд, а его польза».

Хотя руководители повстанцев обращались за помощью и к России и к Турции, они придерживались протурецкой ориентации, которая «была обусловлена классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов».⁵ В то же время и для самой Турции, которая являлась главным соперником Ирана за овладение Кавказом, обращение руководителей повстанцев в условиях ослабления Сефевидского Ирана являлось хорошим предложением для изгнания последнего с Закавказья. Кроме того, своим вмешательством Турция желала ослабить растущее влияние

1 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 9.

2 Там же.

3 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 95.

4 АВІР. Дела Андрейской деревни, 1721 г. Д. 1. Л. 4,5; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Махачкала, 1958. С. 240-241; РГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 54. Л. 667. В.Г. Гаджиев. Указ. соч. С. 129.

5 Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. М., 1951. С. 106.

России на Кавказ. Россия, в свою очередь, хотела описанные выше события использовать в своих интересах. Поэтому русское правительство дало указание своему послу в Турции Неплюеву воспрепятствовать принятию повстанцев в турецкое подданство. Турция, не желая обострять отношения с Россией и Ираном, согласилась удовлетворить желание России. Однако, когда Петр I начал персидский поход, Турция, обеспокоенная тем, что Россия овладеет Закавказьем, начала готовиться к войне и «принимает в свое» подданство Дауд-хана». ¹ Для этого Дауд-бек сам ездил в Константинополь, где он «был «конфирмован ханом ширванским, и ему Шемаха была означена для пребывания»». ² Кроме того, как указывается в источнике, «придали ему в Шамахе несколько турецкого войска для охранения». ³ Целью всех этих мер, предпринятой Турцией, – как доносил Неплюев, – являлось прежде всего «овладеть персидскою Грузией, а потом вытеснить русские войска из Дагестана». ⁴

Для достижения своих целей Турция решила использовать и Хаджи-Дауда. Приняв под свое покровительство, турецкое правительство приказало ему, «чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих тамошних краев». ⁵ Начали наступление на Кавказ и войска самой Турции. Весной 1723 г. объявив войну Ирану, Турция вторглась в Грузию. Узнав об этом, шах Тахмасп послал в Петербург посла Исмаил-бека с поручением заключить договор. 23 сентября 1723 г. в Петербурге был подписан договор, по которому Россия обещала помочь Ирану усмирить афганцев. В свою очередь, Тахмасп признал за Россией прикаспийские области Кавказа с городами Баку и Дербент. Эта уступка Ирана еще больше обострила отношения Турции и России.

Турция вслед за Грузией захватила Северо-Западную часть Ирана. В такой обстановке между Россией и Турцией могла разразиться война. Но вскоре при посредничестве французского посла в Константинополе между Россией и Турцией начались переговоры. В результате в июне 1724 г. был подписан договор, по которому Турция признала за Россией уступленные ей по Петербургскому договору Ираном прикаспийские области

1 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 6. Ч. 1. Л. 408. Гаджиев. В.Г. Указ. соч. С. 131.

2 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 95.

3 Там же.

4 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 6. Ч. 1. Л. 408. Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 32.

5 Там же. Д. 4. Л. 11.

Закавказья и Дагестана. Турция же получила остальную часть Дагестана и Азербайджана, а также всю Грузию и Армению. Кроме того, Россия признала Хаджи-Дауда ханом Ширвана.

Так Хаджи-Дауд с помощью Турции достиг высокого положения. Теперь не только сама Турция, но и Россия признала его ханом Ширвана. С возвышением Хаджи-Дауда не мог мириться Сурхай-хан Казикумухский. Еще в 1722 г., когда Хаджи-Дауд был признан Турцией ханом Ширвана, по словам И.-Гербера, «Зурхай на Хаджи-Дауда великое сердце возымел, ево ханом не признал, но и не почел и туркам поддаться не хотел и объявил им, что понеже оные Даудбека, которой родом мужик простой, великим человеком сделали, а его как родного князя и владельца оставили и так обидели, он Порту поддаться не мог, пока он реванжу над Хаджи Даудом не получит».¹

Не признав подданство Турции, Сурхай-хан вернулся в Казикумух и стал отсюда устраивать нападения на турок и Хаджи-Дауда, чтобы отомстить за унижение. «Он через ево (Хаджи-Дауда. – Авт.) обманство так унижен, – писал по этому поводу И. Гербер, – и для того себя принужденным видел показаться, что он человек и на сем свету еще жив».² Поэтому он не признал и Константинопольский договор 1724 г., по которому и Россия признавала плоды авантюризма Хаджи-Дауда.

Не признал он и притязаний России и Персии на прикаспийские области Дагестана, и не позволил туркам «свой уезд разделить». Склонил он на свою сторону и другие народы Дагестана. Как писал И.-Г. Гербер, он «через свое богатство и частые подарки дагестанцам, куралинцам и прочих воровских народов к себе привлекал» и поэтому был «силен в почтении»,³ пользовался авторитетом среди них и имел большой политический вес в Дагестане. Пользовался Сурхай поддержкой и со стороны джарцев, с помощью которых Турции «учинил он... не малую обиду... с чего также резон имелся».⁴ Зимой 1725 г. с 6000 войском Сурхай ходил «в Мушкур для разорения деревни Дедели», но взять деревню он не смог, потому, что находившийся здесь брат Хаджи-Дауда «оную стеною укрепил».⁵ В 1727 г. по побуждению Сурхая джарцы напали на строящую турками крепость в местности Туп-Краган, расположенной между гора-

1 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 103. См. также Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов в Закавказье. СПб., 1848. С. 19.

2 Там же.

3 Там же. С. 102-103.

4 Там же. С. 111.

5 Там же. С. 103.

ми и Грузией. Джарцы «за горами тайно собиралися, незапно на турков напали, 500 человек порубили, а других разогнали, и начатую крепость, которая в окончание не приведена была, до подошвы разорили».¹

В результате таких действий Сурхая и нежелания сближения его с Россией, ибо еще в 1723 г. Российский двор делал опыт преклонить на свою сторону Сурхая,² обратив «на него внимание, как на владельца сильного в горах, поддерживаемого многими Лезгинами»,³ турки «себя принуждены видели ево, Зурхая, к себе великими ласками привлекать и привестъ».⁴ К тому же не оправдывал надежд Турции ее ставленник в Ширване и враг Сурхая Хаджи-Дауд. Чтобы удовлетворить турок, он вводил новые повинности, что вызывало недовольство народных масс Ширвана. Не будучи «в состоянии более удовлетворить жадности власти, его поддерживавший, Дауд-бек впал в немилость».⁵ В такой обстановке «Сурхай обеим (Турции и России. – Авт.) ласкал и смотрел, от которой стороны ему было прибыли больше. А как турки в 1727 году ему прислали пашинской чин и к тому на знак два года или бунчук и жалованье 3000 рублей на год и к тому же отдали уезд Кабалу, то он турецкую сторону принял и им учинил».⁶ А в 1728 г. Турция арестовала Хаджи-Дауда «под предлогом некоторых преступлений против Порты»⁷ и отправила его на остров Кипр, где он и умер. Ханом Шемахи был утвержден Сурхай-хан Казикумухский, и так он «реванжу полную над Хаджи-Даудом получил».⁸

Так закончилось начатое народными массами Дагестана и Азербайджана антииранское движение начала XVIII в.

Проследив весь ход движения, мы можем придти к следующим выводам. Причинами вызвавшие выступление народных масс Дагестана и Азербайджана, как было отмечено и выше, являлся национальный и социальный гнет. В виду определенных исторических условий в нем приняли участие не только угнетенные, широкие слои народных масс, но и феодально-клерикальные верхи. Однако цели их были разные. Если народные массы ставили целью избавление от чужеземного ига, то феодалы и духовенство думали лишь об укреплении своего положения,

1 Там же. С. 111; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 88.

2 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 53.

3 Неверовский А.А. Указ. соч. С. 20.

4 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 103, 111; Неверовский А.А. Указ. соч. С. 20.

5 Неверовский А.А. Указ. соч. С. 20.

6 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 103.

7 Неверовский А.А. Указ. соч. С. 20.

8 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 103.

расширения сферы своего политического влияния и приумножении богатства. Став во главе восстания, феодально-клерикальные верхи придали ей религиозную оболочку – борьбы суннитов против шиитов-персов. И в результате, хотя Сефевиды были изгнаны, массы не получили социального освобождения, так как места ставленников Ирана заняли руководившие движением феодалы и духовенство. Ни Хаджи-Дауд, ни Сурхай-Хан не думали об удовлетворении интересов народных масс. Добившись своих целей, каждый из них стал проводником политики Турции, направленной против народных масс, и не менее жестоко подвергали гнету их, чем иноземные завоеватели. Кроме податей, которые с каждым новым сбором увеличивались, в подвластные территории совершались грабежи и разбои. Так, движение, начатое как национально-освободительное, превратилось в антинародное, реакционное и плоды его достались феодало-клерикалам захватившим руководство восстанием в свои руки.

Таким образом, подводя итог мы должны отметить как основное, прежде всего то, что жители Акуша-Дарго принимали активное участие в борьбе народов Дагестана против персидских и турецких завоевателей. При этом надо иметь в виду, что Акуша-Дарго в условиях соперничества Ирана и Турции за овладение Кавказом в основном придерживалось той позиции, какую занимали такие сильные владетели Дагестана как шамхалы Тарковские и уцмий Кайтагские, с которыми даргинцы в силу определенных политических и экономических условий больше всего были связаны. Однако независимо от того, кто из обоих агрессоров добивался преобладания в Дагестане, жители Акуша-Дарго, как и другие народы Горного Дагестана, не признавали над собой власти ни Сефевидов, ни турок, хотя, конечно, как известно, турки, будучи единоверцами – приверженцами мусульманской религии суннитского толка, имели большое влияние на народы Дагестана, чем шииты-персы. Поэтому завоеватели для покорения Акуша-Дарго прибегали к военным карательным экспедициям, кончавшимися кровопролитными сражениями с местными жителями, о чем свидетельствуют приведенные выше сведения эпиграфических надписей и народных преданий о сражениях объединенных сил «вольных» обществ Акушинской федерации в сел. Усиша с персидскими завоевателями и о походе кызылбашей в сел. Урахи и другие селения Урахинского «вольного» общества.

Не удивительно поэтому и то, что Акушинская федерация приняла активное участие в движении народных масс Южного Дагестана и Северного Азербайджана по изгнанию Сефевидов в начале XVIII в.

Многие дореволюционные авторы часто отмечают, что целью участия «вольных» обществ Дагестана, в частности федерации Акуша-Дарго, в борьбе народов Дагестана с иноземными завоевателями являлась надежда на получение хорошей добычи. Конечно, в истории есть ряд примеров, когда Акуша-Дарго действительно принимало участие на стороне того или иного феодального владельца за определенную плату. Однако, если мы возьмем конкретный случай участия их в походе Хаджи-Дауда, уцмий Кайтагского Ахмед-хана и Сурхай-хана Казикумухского в 1711-12 гг. в Северный Азербайджан, вряд ли можно согласиться с утверждением, что акушинцев привлекли только подарки уцмий Ахмед-хана и надежда «получить хорошую добычу». Главным являлось не это, а то, что как и другие народы Дагестана, даргинцы с ненавистью относились к персидским завоевателям и их ставленникам, являвшимся проводниками политики сефевидской Персии на местах. Ненависть к иноземным захватчикам не раз объединяла акушинцев с другими народами Дагестана не только в трудные периоды истории, когда иноземцы угрожали непосредственно их свободе, но и тогда, когда события разворачивались вдали от их территории. Описанные события начала XVIII в. происходили в Южном Дагестане и Северном Азербайджане, т.е. вдали от Акуша-Дарго. И тем не менее, ввиду того, что целью движения являлось изгнание Сефевидов, в них непосредственное участие приняли и верхнедаргинцы. Отсюда следует вывод, что в общедагестанских делах, в особенности в вопросах, касающихся свободы и независимости от иноземных завоевателей, они принимали участие без всяких условий. Верхнедаргинцы считали делом чести горца-дагестанца защищать страну от любых посягательств на её суверенитет.

Притязания Ирана к Дагестану продолжались и в последующие периоды. Иран возобновил свою агрессивную политику в отношении Кавказа, в том числе и Дагестана, с приходом к власти в стране нового правителя – шаха Надира.

§2. Взаимоотношения Акуша-Дарго с Россией в XVII – первой трети XVIII в. и вхождение его в состав России.

У народов Кавказа, в том числе и Дагестана, взаимоотношения с русским государством сложились еще с исторически давних времен. Естественно поэтому в определённые связи с русским народом вступали и верхнедаргинцы.

Однако, вплоть до 40-х гг. XVII в., входя в состав Казикумухского шамхальства как одна из его частей, следовательно, не являясь самостоятельным политическим объединением, как другие феодальные владения Дагестана, Акуша-Дарго не могло вступать в особые, самостоятельные взаимоотношения с русским государством. Поэтому до выделения Акуша-Дарго из шамхальства было бы не верно искать какие-то «чистые» взаимоотношения с Россией, тем более, что об этом не имеется абсолютно никаких данных, что опять-таки объясняется вхождением верхнедаргинцев в состав такого сильного феодального владения как шамхальство, владельцы которого вступали во взаимоотношения с Россией от имени всех народов, подвластных им. Именно по этой причине верхнедаргинцы выступают под общедагестанским названием – либо как «кумыки», либо как «лезгины» или просто горцы – «тавлинцы». Поэтому, когда мы говорим о взаимоотношениях Казикумухского шамхальства с русским государством до первой половины XVII века, должны иметь в виду не только лаков и кумыков во главе с Кумухом и Тарки, но и верхнедаргинцев с центром в Акуша.

Развитие русско-дагестанских отношений в XVII в. происходило в сложной международной обстановке, что являлось результатом соперничества Турции и Ирана за влияние на Кавказе. Еще в прошлые века, когда Турция и Персия только начинали свои захватнические планы, Россия поняла возможную опасность от претворений их планов на Кавказе. Поэтому после разгрома Золотой Орды и присоединения Казанского и Астраханского ханств кавказский вопрос стал для России одним из важных вопросов во внешней политике. Но Кавказ привлекал не только как важный рубеж для защиты и укрепления восточных и южных границ русского государства. Вместе с тем «немаловажное значение имела также необходимость расширения торговых связей с Закавказьем и с Передней Азией, вызванная социально-экономическим развитием России».¹

Поэтому и Дагестан, занимая территорию, лежащую между Закавказьем и Северным Кавказом, имел важное значение в торгово-экономических и политических интересах России на Востоке. По территории Дагестана проходили пути из России в закавказские страны и в Персию. Все эти причины диктовали необходимость установления политических

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы) / Составитель Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 6-7. (Далее – РДО, 1958).

и экономических отношений с владельцами Дагестана. Поэтому еще со второй половины XVI в. **русское правительство начало входить в дружественные взаимоотношения с владельцами Дагестана и в особенности с шамхалом Казикумухским**, владения которого простирались от горных районов, занятых лакцами и даргинцами, до приморской равнины, населённой кумыками.

Шамхал являлся самым сильным и влиятельным владельцем Дагестана. Вследствие этого русское правительство понимало, что для успешного претворения кавказской политики и овладения торговыми путями в Закавказье прежде всего необходимо было утвердиться в шамхальстве. Но на Дагестан претендовали Турция и Персия. В такой обстановке владельцы Дагестана, в частности шамхал, склонялись то на сторону Турции или Персии, то на сторону России. И взаимоотношения с Россией поэтому в разные периоды складывались по-разному – они бывали либо дружественными как следствие русской ориентации шамхала, либо враждебными, доходившими до вооруженных столкновений войск России с войсками шамхала и других горцев Дагестана, связанных с ним. Такое поведение шамхалов вынуждало русское правительство применять различные меры (дипломатический нажим, угрозы, стремление к политической изоляции и т.д.), чтобы подорвать политическую и экономическую мощь шамхальства.

В определённой степени эти взаимоотношения между Россией и шамхальством касались и верхнедаргинских обществ. Особенно конкретно проявлялись они в период военных столкновений, когда вместе с другими районами шамхальства и Акуша-Дарго выставляло на помощь шамхалу определённое число воинов. Такие сведения даёт нам участник похода Хворостинина в Дагестан в 1593 г. Аллаг. Перечисляя воинские силы шамхала, собираемые им со всех подвластных земель, Аллаг говорит и о «шевкалов уздене Бурунчи» – владельце «кабака Аркуша», который выставлял в помощь шамхалу «30 человек конных».¹ Поэтому надо полагать, что против русского отряда во главе с Хворостинным в числе войск шамхала участвовали и верхнедаргинцы. Кроме того, известно, что акушинский кадий как бы являлся главным духовным лицом, который возглавлял церемонию коронации нового шамхала. Видимо, немаловажную роль он играл и в других мероприятиях. Поэтому сведения о

¹ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом (1578-1613 гг.). М., 1889. Вып. I. С. 293.

том, что во главе войск шамхала находились «муллы с поднятыми над головами свитками и с завыванием огненных стихов из корана»¹ имеют непосредственное отношение и к акушинскому кадию.

Неудачи первой попытки укрепиться в шамхальстве в конце XVI в. не изменили политику русского правительства по отношению к шамхальству и в XVII в.

В конце XVI – начале XVII в., усиленно готовясь к войне с Турцией за возвращение уступленных по мирному договору 1590 г. кавказских земель, шах Аббас I возобновил военные переговоры с Россией о совместном выступлении против Турции. Русское правительство через посольство А.Засекина сообщило шаху, что Россия начнёт помогать Персии, если она уступит прикаспийские земли с городами Дербент и Баку.²

Получив согласие на уступку этих земель, Россия начала усиленно готовиться к новому наступлению на шамхальство. Кроме того, не прекращал просьбу о помощи и грузинский царь Александр, который постоянно жаловался русскому правительству на шамхала. В письме к царю Борису Годунову Александр просил, «чтоб рат свою прислал великую на моего недруга, а на государства изменника и непослушника, на Шевкальского и на всю Кумыцкую землю».³

В такой обстановке шамхал Казикумухский, чтобы предотвратить опасность со стороны России, послал в 1603 г. в Москву вместе с послами Султан-Махмуда своих послов с сообщением, что он «шерть учинил и сына своего Ахлова в заклад в Терской город пришлёт и хочет быти под государевою рукою во всеми послушен, а по ся место служил он Турскому и от Турского ныне отстав, хочет государю служить и примити и до своего живота».⁴

Однако, надо полагать, что посольство не добилося желаемых результатов, ибо русское правительство дало указание воеводе Бутурлину «Шевкалову землю воевати и города ставити».⁵

В августе 1604 г. три полка русских войск под командованием воевод Бутурлина и Плещеева начали поход на шамхальство. Построив по пути две крепости на Сулаке и Акташе, отряд двинулся на Тарки. По пути

1 Потто В. Кавказ до Петра. СПб., 1896. С. 4.

2 Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. I. С. 287-337, 353.

3 Белокуров. С.А. Указ. соч. С. 321.

4 Там же. С. 366.

5 Там же. С. 414.

отдельные части русских войск «производили поиски к Эндери, Исти-Су и по другим направлениям, забирая у жителей хлеб, скот и конские нормы». ¹ Эти грабежи вызвали недовольство местных жителей и поэтому «более воинственное население уходило к шамхалу под Тарки, с враждою и злобой за причиненное ему разорение». ²

После кровопролитного штурма Тарки были взяты, в результате чего «городские улицы и площади были устланы» трупами защитников». ³ Захватив Тарки, Бутурлин стал укреплять стены и, отпустив часть стрельцов и ногойцев в Астрахань на зимовку, стал ожидать наступления весны, чтобы, получив подкрепление, начать выступление непосредственно в горы для завоевания резиденции шамхала – Казикумуха.

Между тем, сын шамхала Султан-Мут, по поручению отца возглавивший действия против русских, «успел поднять весь Дагестан». ⁴ Весной 1605 г. соединенные силы шамхала, крым-шамхала, кумыцких мурз, аварцев и даргинцев осадили Койсу. Не имея возможность сопротивляться, князь В.Т. Долгорукий зажег укрепление и отступил к Тереку. Дагестанцы же перешли к Таркам. Всего здесь «собралось из кумыцких владений, аварских и других лезгинских обществ более двадцати тысяч» ⁵ человек. Вместе с ними были и «Турского салтана паша из Шамахи и с ними Турские люди и еныченя». ⁶

После долгого сопротивления, Бутурлин «с Турским пашею учинил мир, чтоб его выпустили на Терек здорово, не побити и не пограбिति». ⁷ Однако условие не было выполнено. Войско шамхала внезапно напало на русские войска, остановившиеся на привале за рекой Озень. В битве, которая длилась несколько часов, было убито 7.000 русских стрельцов, в том числе Бутурлин с сыном и другие воеводы. ⁸

Так закончилась и вторая попытка русского правительства укрепиться в Дагестане. Это поражение на целые 118 лет, т.е. до Каспийского похода Петра свела на нет «все следы российского пребывания в землях

1 Потто В. Указ. соч. С. 5.

2 Там же. С. 5-6.

3 Попко И. Терские казаки, 1880. С. 39-40; Потто В. Указ. соч. С. 6; Его же. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899. С. 11.

4 Потто В. Кавказ до Петра. С. 7.

5 Там же.

6 Белокуров С.А. Указ. соч. С. СХ.

7 Там же.

8 Там же; Попко И. Указ. соч. С. 44.

собственно Дагестана»¹ и при сношениях с горскими народами Терские воеводы стали заботиться только об одном, как бы «князей развести и меж ими учинити рознь».²

Однако, продолжая быть объектом захватнической политики Турции и Ирана, из которых последний всё более и более, начиная с шаха Аббаса I, усиливал свое влияние на Дагестан, владельцы Дагестана вынуждены были обращаться к России. Поэтому, хотя неудача под Тарками и обострила отношения и привела к разрыву политических связей между Дагестаном и Россией, уже в самом начале 20-х гг. XVII столетия шамхал начал налаживать взаимоотношения с Россией.

В 1610 г. шамхал Герей «шертовал» перед Терским воеводою на верность русскому царю. В 1614 г. «шерть» была повторена, и тогда же в связи с подготовкой шаха Аббаса I к походу на Дагестан и Северный Кавказ, шамхал послал в Москву своего посла с просьбой защитить его от Сефевидов. В грамоте русского правительства к шаху Аббасу I, посланной в связи с ожидаемым походом его на Кабарду и Дагестан, писалось о том, чтобы шах «на Кабардинскую и на Кумыцкую землю не наступал», как на земли русских подданных».³

За 28 лет – с 1614 по 1642 гг. в Москве побывало 13 посольств от тарковских князей.⁴

Беря под покровительство шамхала, естественно, русское правительство предохраняло от возможных походов иноземных завоевателей и на территорию верхнедаргинцев, как на часть территории шамхальства.

Поэтому такая политика шамхала не могла быть не поддержанной со стороны верхнедаргинцев, ибо, как показывают приведенные в предыдущей главе сведения, они страдали от карательных отрядов персидских завоевателей не меньше, чем те районы Дагестана, куда непосредственно дошли войска шаха Аббаса I.

Отсюда следует, что ориентация на Россию верхнедаргинских обществ, подобно другим народам Дагестана, усиливалась в те периоды, когда особенно сильно угрожала опасность со стороны ирано-турецких агрессоров.

Целью такой политики дагестанских владетелей и, в частности, шамхала, как известно, являлось занять более независимое положение.

1 Потто В. Указ. соч. С. 12.

2 Белокуров С.А. Указ. соч. С. CXI.

3 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1958. Т. I. С. 135.

4 Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVII веках. М., 1954. С. 21.

Однако, не будучи в силах оказывать сопротивление Ирану, шамхалы вынуждены были признать себя и «холопами» шаха и в результате они оказывались в двойном подчинении.

Первые десятилетия XVII в. иранское правительство не было против «опечного холопства». Но уже после заключения в 1639 г. мирного договора с Турцией оно старалось не допускать дагестанские посольства в Москву и начало препятствовать усилению русского влияния в Дагестане, предпринимая для этой цели все меры, вплоть до открытого вмешательства во внутренние дела Дагестана.¹

Так, когда после смерти в 1641 г. шамхала Айдемира стал вопрос о престоле, шах Аббас II-й поддержал Сурхая Тарковского, выдав ему грамоту на шамхальство, и оказал военную помощь против его «недругов».

Но русское правительство поддержало другого претендента на престол шамхала Султан-Махмуда, которому в 1642 г. послало грамоту с предложением помощи и покровительства в случае военного столкновения с тарковскими князьями.

На чьей стороне в этой междоусобной борьбе, в которой столкнулись и интересы борющихся за преобладание в Дагестане России и Ирана, находились верхнедаргинцы, сведения не говорят. Однако известно, что, хотя Акуша-Дарго и выделилось в 40-х годах из шамхальства, во многих внешнеполитических вопросах оно продолжало и после этого ориентироваться на шамхалов. Вместе с тем известно также, что став самостоятельным политическим владением, Акуша-Дарго начало сближение и с уцмийством Кайтагским, особенно укрепившееся в конце XVII – начале XVIII в. Поэтому и во внешнеполитических вопросах верхнедаргинские общества во главе с Акушой с конца XVII – начала XVIII в. начали выступать совместно и с уцмийством Кайтагским.

Взаимоотношения же с Россией шамхала и уцмья в 50-60 гг. были ослаблены. Даже в 1651 г. вместе с персидскими войсками они участвовали в походе на русскую крепость Сунжу, которая была разрушена до основания. Участвовали в этом походе не только Сурхай-шамхал, Ахмед-хан уцмий, Казаналп-мурза и кумыки, но и «иные горские владельцы».²

Но уже в последней четверти XVII века, в связи с упадком влияния Персии в Дагестане, взаимоотношения владетелей Дагестана с Россией опять становятся дружественными.

¹ РДО, 1958. С. 12.

² Там же. С. 183.

Одновременно с установлением и укреплением политических связей Дагестана с русским государством, которые «способствовали шедшему постепенно процессу втягивания народов Дагестана в состав русского многонационального государства»,¹ расширились и торгово-экономические связи, включавшие народы Дагестана «в русло экономического развития России».²

Хотя Акуша-Дарго непосредственно само не установило в исследуемый период связей с русским государством, тем не менее торгово-экономические связи шамхальства и Кайтагского уцмийства благотворно сказывались на развитии территории верхнедаргинцев. Будучи связанными с дагестанцами рынками – Дербентом, Тарки, Казикумухом и т.д., верхнедаргинцы имели возможность непосредственно общаться с приезжавшими сюда купцами из России. О существовании же этих связей верхнедаргинских обществ с другими районами и торговыми центрами Дагестана не может быть сомнения. Торговый путь, который шел из «Терки на Тарки, на Буйнаки, на Усмью, на Дербент, на Баку, на Свиной базар, на Талыш, на Косму, на Кескер, на Реяшь, на Логажан»³ и т.д. был известен населению Акуша-Дарго издавна под названием «Хан-гъуни», т.е. дорога хана, что, по-видимому, связано с тем, что она проходила по территории шамхала.

Построенные на Северном Кавказе крепости и остроги являлись центрами не только политических, но и экономических связей России с народами Дагестана. Среди них особое значение приобрели Терки, через которую в Кабарду и Астрахань шли дагестанские торговые люди. В то же время Терки являлся и крупным местным торговым центром с гостинными дворами для купцов, где торговали не только местные торговцы, но и русские люди и обосновавшиеся в городе «жилецкие тезики».⁴ Два дня в неделю здесь происходили базары, был и «конский базар».⁵

В базарные дни в Терки приезжали торговые люди из Дагестана не только с привозными (восточными) товарами, но и товарами местного производства. Продавая их, дагестанцы покупали те товары, которые не производились в Дагестане и поэтому имели большой спрос у горцев.

1 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 26.

2 Там же.

3 Посольство Пазухиных Б.А. и С.П. в Бухаре. 1669 г. // Русская историческая библиотека. Т. XV. С. 21.

4 Маршаев Р.Г. Указ. соч. С. 9.

5 РГАДА. Кайтагские дела. 1635. Л. 115.

Особенно сильно развивались торгово-экономические связи Дагестана с Россией в последней четверти XVII столетия. Дагестанские купцы, особенно много которых было из Дербента, шамхальства Тарковского и уцмийства Кайтагского, с которыми в политических и экономических связях находились верхнедагинцы, продавая в России шелк разных цветов, шелк-сырец, сафьяны,¹ епанчу, орехи, бараньи овчины, курага² и т.д., привозили в Дагестан многочисленные товары, которые сбывались затем на местных рынках. Среди них были не только предметы роскоши, но и предметы домашнего обихода, как котлы и тазы из красной и зеленой меди, посуда разнообразная, ножи, ножницы, иглы, булавки, зеркала, наперстки, ведра для воды, белила, гусиный пух и т.д.³ Из России привозились не только железные изделия, но и само железо,⁴ а также свинец, порох и готовые огнестрельные оружия – пищали.⁵ В этот период стали ввозиться из России и такие товары как сахар⁶ и «бумага писчая».⁷ Привозились также и ряд продуктов питания и пряности, как масло коровье, перец, гвоздика⁸ и т.д.

Все эти товары не производились в горах и поэтому горцы, в том числе и жители Акуша-Дарго, имели возможность приобретать их только благодаря хорошим русско-дагестанским отношениям, растущим торгово-экономическим связям между русским государством и владениями Дагестана. Товары русской промышленности горцы приобретали не только путём покупки их непосредственно на рынках Дагестана, но и благодаря тому, что в горы постоянно приходили из Дербента, Тарки, Кубачи и других мест мелкие разносные торговцы, которые, скупая у крупных купцов необходимые для горцев товары, привозили их в наиболее крупные населённые пункты, в том числе Акуша, Цудахар, Муги, Усиша и т.д.⁹

Так принятие подданства России феодалными владельцами Дагестана в XVII в. благотворно отражались и на Акуша-Дарго. Благодаря укреплению связей с Россией не только уменьшалась опасность нашествия

1 РДО, 1958. С. 81, 92.

2 Там же. С. 201-219.

3 Там же. С. 201-219.

4 Там же. С. 212.

5 Там же. С. 208, 212.

6 Там же. С. 203, 213, 215, 216.

7 Там же. С. 209, 212, 215, 216, 217.

8 Там же. С. 215, 217.

9 Полевой материал, собранный нами в 1962-1963 гг.

со стороны Ирана и Турции. Принятие шамхалом, во владение которого входили и верхнедаргинцы, а также другими владельцами Дагестана подданства России оказывало определённое влияние на дальнейшее развитие производительных сил на территории верхнедаргинцев, что являлось следствием экономических связей Дагестана с Россией, благодаря чему жители Акуша-Дарго знакомились и употребляли в быту предметы русской промышленности. Тем самым, как и другие народы Дагестана, верхнедаргинцы втягивались в орбиту товарно-денежных отношений и торговлю русского многонационального государства.

Всё это не могло не оказать влияния на развитие русской ориентации и верхнедаргинцев, хотя, как мы увидим в дальнейшем, в результате определённого воздействия уцмий Кайтагского, под влияние которого попадает Акуша-Дарго с конца XVII в., а также религиозной агитации турецких и иранских захватчиков, они постоянно оказывались в лагере противников России.

В результате осложнившегося международного положения на Западе в конце XVII – начале XVIII в. вследствие чего Россия в 1700 г. вступила в Северную войну, русское правительство не могло в этот период уделить Дагестану и кавказскому вопросу в целом достаточного влияния как в прошлые годы. Но это не значит, что восточный вопрос стал меньше интересовать русское правительство. Напротив, на всём протяжении Северной войны правительство Петра I продолжало проводить политику, направленную на укрепление стратегической позиции России на Кавказе.

Для нас этот период примечателен тем, что, начиная с этих лет, стали более конкретными сведения о взаимоотношениях верхнедаргинских союзов сельских общин во главе с Акушой с Россией, об отношениях их к политике России в Дагестане. И это понятно. Выделившись в середине XVII в. из шамхальства, верхнедаргинцы начали играть самостоятельную роль во внешнеполитических вопросах, по какой причине и стали они фигурировать в источниках, начиная с XVIII в. Такие первые упоминания об Акуша-Дарго мы встречаем в связи с событиями начала XVIII в., направленными против сефевидского Ирана¹.

Активизация же политики России на Кавказе и, в частности, в Дагестане в первой четверти XVIII в. объясняется наряду с другими факторами и указанными выше событиями, в которых участвовали и верхнедаргинцы. Поэтому союзу верхнедаргинских сельских общин пришлось непосред-

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 102; Алкадари Г.Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 55; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 3.

редственно столкнуться и установить определённые взаимоотношения с Россией именно в этот период. Это и есть тот отличительный фактор, который характеризует взаимоотношения Акуша-Дарго с Российским государством в XVIII в. и отличает их от предыдущего периода истории. Определённость этих политических и экономических связей верхне-даргинцев с Россией в начале XVIII в. связана с именем Петра I, период правления которого явился важным этапом в развитии русско-дагестанских отношений.

Со времени царствования Петра I начинается второй период завоевательной политики русского царизма на Кавказе и, в частности, в Дагестане, когда принимаются более интенсивные мероприятия к присоединению их к России. Причиной такой активизации России являлось прежде всего то, что она вступила в период быстрого роста производительных сил, всей экономики страны. Поэтому Россия, нуждаясь в новых источниках сырья и рынках сбыта товаров в интересах русских помещиков и купцов, обращает столь большое внимание кавказским странам. Кроме того, к этому побуждала необходимость укрепления южных границ русского государства, обезопасить их от Ирана и Турции. Поэтому в планы России прежде всего входило овладение важными в стратегическом и экономическом отношении прикаспийскими областями Кавказа.

Сложившаяся на Кавказе обстановка в начале XVIII в. требовала незамедлительных мер, ибо Турция, пользуясь критическим положением в Иране, усилила свою агрессию на Кавказе. Как и Россия, она хотела взять под своё «покровительство» Ширван и Дагестан и поэтому подозрительно следила за политикой России на Кавказе. Поэтому, учитывая угрозу со стороны Турции, Петр I, хотя и был занят Северной войной, разрабатывает ряд мер, направленных на предотвращение агрессии Турции на Кавказе.

Еще в начале Северной войны Петр I даёт указание астраханскому губернатору Мусину-Пушкину установить «дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами».¹

Путём переброски войск из Астрахани, русское правительство укрепило крепость Терки и, тем самым, усилило свои позиции на Северном Кавказе и в Дагестане. В 1711 г. Петр I направил в Терки А. Бековича-Черкасского, чтобы установить дружественные отношения с народами

1 «Кавказ». № 147 за 1869 г.

Кавказа и изучил возможность захвата Прикаспия. В представленном после этой разведки проекте присоединения Кавказа к России А. Бекович-Черкасский обращал внимание Петра I на **агрессивные планы турецкого султана в Дагестане**. Он указывал на наличие среди горцев Дагестана разногласий в отношении политики Турции. «Великое между их народов ныне несогласие»¹ – указывал А. Бекович Черкасский. Говоря о планах турок, он писал, что они «паче всего желают, дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и поддаными учинить».² Далее обращая внимание Петра I на **опасность планов Турции**, он писал, что «ежели оное турецкое намерение исполнится и оной народ будет при Порте утвержден, то когда война случится, могут немалую силу показать, понеже оной народ лучше в войне, кроме регулярного войска».³

Надо полагать, что когда указывается на то, что «оной народ лучше в войне», т.е. отличаются храбростью, воинственностью, имеются ввиду и верхнедаггинские общества, тем более, что по источникам XVIII и XIX вв. известно, что **воинские силы шамхалов в основном состояли из ополчений верхнедаггинских сельских обществ**. Об этом говорит и такое указание А. Бековича-Черкасского, что «народ тот вольной есть и никому иному не присутствует».⁴ А. Бекович-Черкасский советовал Петру I «**не упускать времени, понеже они (дагестанцы. – Авт.) в конфузии во едино намерение не пришли**», ибо, если «придут во едино согласие и отдадутся тому, кто требует, тогда не можно будет ничего с ними делать впредь».⁵ Верхнедаггинские общества во главе с Акушинским союзом сельских общин придерживались протурецкой ориентации.⁶ Поэтому и в данном случае в документе речь непосредственно идет и о верхнедаггинцах, склонных в противовес шамхалу и другим феодальным владетелям Дагестана к протурецкой ориентации, конечно, не без влияния самой Турции, которая рассылала письма и засылала своих агентов, настраивающих местное население против «гяуров» – русских.

В 1715 г. Петр I **отправил в Иран послом к шаху хорошего дипломата** – Артемия Петровича Волынского, который, согласно данной ему инс-

1 Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. V. С. 108.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. С. 109.

5 Там же.

6 Полевой материал 1962-1963 гг.

трукции, собрал много сведений о военном, политическом и экономическом состоянии Ирана и Кавказа и составил военно-топографическое описание пути своего следования (от Астрахани до Исфагана).

Удачно выполнив возложенную на него задачу, посольство А.П.Волынского через два года возвратилось в Москву, после чего А.П. Волынский был назначен губернатором в Астрахань с предписанием «делать приготовления» к войне и завязать возможно близкие сношения с местными феодальными владетелями.

Успешно выполнил А.П. Волынский и это предписание Петра I. В 1718-1721 гг. в российское подданство были приняты многие дагестанские феодальные владетели (шамхал Тарковский и эндирейские владетели и др.).¹

Вступление кумыкских владетелей в подданство России укрепило и расширило русское влияние на народы Дагестана. Петр I одновременно собирал и сведения о Каспийском море.

В 1716 и 1718 гг. по поручению Петра I поручик Кожин и князь Урусов описали восточный берег Каспийского моря.² А в 1719-1720 гг. Соймонов и Верден описали и нанесли на карту западный и южный берега Каспийского моря от Терека до Астрабада.³

Петр I установил также связи с Закавказьем – грузинскими царями, армянскими меликами и азербайджанскими ханами.

Благоприятствовала Петру I и сложившаяся на Кавказе военно-политическая обстановка. Начавшееся еще в 1711-1712 гг. восстание в Дагестане и Ширване, направленное против иранского владычества, в 1721 г. достигло особого напряжения. Это антииранское движение хотела использовать и Турция в своих интересах. Это обстоятельство требовало ускорения похода. И поэтому, подписав 30 августа 1721 г. Ништадский мир и тем самым завершив Северную войну, Петр I стал усиленно готовиться к Каспийскому походу – приступил к усилению каспийской флотилии и сосредоточению сухопутных войск в Прикаспии, на границах кавказских владений Персии.

1 АВПР. Кумыкские дела, 1719 г. д.б/ж. Л. 23-24; ПСЗ. Т. VI. № 3617. С. 220-221. РДО, 1958. С. 226-227, 236-237.

2 Комаров В. Персидская война 1722-1725 гг. (Материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. 1867. Кн. IV. С. 564.

3 Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 53-54.

Каспийский поход Петра I, известный так же как Персидский, Кавказский и Закавказский, стал крупнейшим военно-политическим мероприятием в восточной политике России первой четверти XVIII в.¹ Этот поход имел серьезные последствия для многих дагестанских владений в том числе и для Акуша-Дарго, повлиял на ход политических событий, на политический статус государственных образований. Акуша-Дарго, как и ряд других владений Дагестана, оказался включенным в российское политическое пространство. Федерация созов сельских общин Акуша-Дарго оказалась вовлеченной почти во все события, происходившие в Дагестане во время пребывания здесь русских войск под предводительством Петра I, на стороне двух наиболее сильных и активных владетелей как уцмий Кайтага и шамхал Тарковский.

Подготовка к походу шла основательно в соответствии с грандиозными целями, которые предусматривались кавказской политикой Петра I: обеспечение выхода к южным морям, безопасность границ от нашествий османских и крымских феодалов, поворот восточной торговли с Европой со Средиземноморского (османского) направления на Каспийско – Волжскую магистраль, овладение стратегической инициативой на Востоке и т.д.

Петр I исходил из того, что Иран и подвласные Сефевидам территории Закавказья и Западного Прикаспия в большом количестве поставляли на внешний рынок шелк-сырец, хлопок, шерсть, хлопчатобумажные и шелковые ткани, драгоценные металлы и камни, пряности, фрукты, и вина.²

В.С. Бобылев пишет, что: «Петру было хорошо известно, что шелк, который производился близ берегов Каспийского моря в районах Шемахи, Гиляна и Дербента, направлялся в Западную Европу в основном через Турцию».³

В случае успешного завершения похода Петра I рассчитывал добиться перелива значительных доходов, получаемых от восточной торговли с Западом западноевропейскими и турецкими компаниями в российскую казну. «Успешное решение данной задачи явилось бы важным шагом на пути практической реализации планов Петра по превращению России в

1 Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961 С. 21; Сотавов Н.А. Северный Кавказ... С.55-69; Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1995. № 2; Касумов Р.М. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

2 Лысцов В.П. Указ. соч. С. 35-96.

3 Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 153.

главную транзитную артерию европейско-азиатской торговли по линии Балтийское море – Волга – Каспийское море».¹

Прикаспийские области интересовали Петра I не только с экономической, но и с военно-стратегической точки зрения, граничащие с Россией на юге и юго-востоке, Турция и Иран вели между собой многовековую борьбу за установление своего господства на Кавказе и Ближнем Востоке.

Учитывая все это, после окончания Северной войны, Петр I стал усиленно готовиться к походу на юг. Астраханский губернатор А.П. Волинский, бывший послом в Иране в 1715-1719 гг. и хорошо осведомленный в персидских делах, в донесении Петру I **высказывался за открытие военных действий** в 1722г., поскольку его многочисленные осведомители утверждали, что османы намерены захватить Дербент, а если это случится, то Каспийское море надолго останется для России закрытым ².

Весной 1722 г. войска и корабли, предназначенные к походу, были сосредоточены в Астрахани, а 15 июня 1722 г. Петр I **сам прибыл в Астрахань**. Так начался сухопутный и морской поход Петра I, **заявивший полтора года (1722-1723)**. 18 июня 1722 г. флот Петра I **под командованием генерал-адмирала графа Апрашкина** вышел из Астрахани в Каспийское море. Перед выступлением был обнародован манифест на «татарском, турецком и персидском» языках и отправлен в Тарки, Шемаху и Баку жителям прикаспийских областей. В манифесте указывалось, что подданные шаха, – Дауд-бек и Сурхай-хан – восстали, взяли Шемаху, и совершили грабительские нападения на русских купцов, причинив России большие материальные убытки и ущемив ее достоинство, как великой державы ³.

Одновременно с этим на аудиенции турецкому посланнику в Петербурге было также объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и «не для войны с шахом», а только для «отмщения» той обиды захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам», и для «получения достойной сатисфикации».⁴ Однако факты показывают, что к их поискам и преследованию не было приложено ни малейших усилий, с их отрядами

¹ Там же. С. 164.

² История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 344.

³ Гасанов М.Р. История Дагестана с древности до конца XVIII в. Махачкала, 1997. С. 133.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1998. Т. I. С. 413; Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882. Т. VI. С. 564.

у русских войск не было ни одного столкновения. Шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий.

Весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах османской империи. В Константинополе, доносил Неплюев, «...следует великое приготовление к войне. Посылают беспрепятственно и амунисию, и артиллерию в Азов и Арзрум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось, и чтобы маршировать с тем войском в Дагестанскую землю»¹. Реакция наиболее крупных владетелей Дагестана на появление русских войск была различной. Дауд-бек и Сурхай, опасаясь карательных действий русских властей, стали более активно добиваться покровительства Порты. Та же часть владетелей, которая находилась под покровительством России или участвовала во враждебных действиях, изъявила готовность оказать содействие Петру I².

Когда же Porta объявила о принятии Хаджи-Дауда в подданство, 27 июля 1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Тем временем, шедшая из Астрахани сухим путем, конница также вступила в Северный Дагестан, правда, заодно наказав эндиреевского владетеля не изъявившего покорности и, по слухам, даже намеривавшего действовать враждебно». Резиденция эндиреевского владетеля была превращена в «пепел»³.

6 августа недалеко Аксая Петра I встречали с подарками: шамхал Тарковский передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150—на пищу войскам, три персидских коня и седло, украшенное золотом. Шамхал Адиль-Гирей объявил, что до сих пор служил государству верно, а теперь будет «особенно верно служить», и предложил Петру I в помощь свои войска⁴. Кроме того, по приказу шамхала вдоль пути войск на его земле были вырыты колодцы, чтобы русское войско не имело недостатка в воде, 12 августа подтянулись все части. Царь и шамхал взаимно устроили друг для друга торжественные приемы. В эти дни к Петру были делегаты из Дербента, изложившие царю обстановку в городе и с радостью согласившиеся на его покровительство⁵.

1 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 423.

2 Сотавов Н.А. Северный Кавказ ... С. 59.

3 Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1889. С. 25.

4 РДО, 1988. С. 24.

5 Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 75.

16 августа армия Петра I выступила из Тарки в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным объектом компании 1722г. «При движении из Тарков в Дербент, – писал В. Комаров, – войска наши понесли некоторый урон от неприязненных действий уцмия Каракайтагского и Султан-Махмуда Утемышского, которые, хотя оказывали всякое доброхотство коему, но в сия время поступили неприятельски»¹. «Когда монарх августа 18-го прошед область Бойнак, прибыл на то место, где земля Утемыш соединяется с Хайтаками, то Султан-Махмуд по приказанию уцмия, собрав из тех районов и округов до шести тысяч войска, приготовился сразиться с русскими»².

Дойдя до Утамышских владений, император послал одного офицера с тремя казаками с письмом к утамышскому султану, «чтобы он либо сам пришел, либо прислал депутатов в лагерь, для принятия повелений протекции от государя».³ Но султан, вместо ответа приказал «бесчеловечным образом изрубить отправленную к нему с письмами казацкого есаула с тремя казаками, войско же его состоявшее из 10000 человек своих и из 6000 усмеевых, хотело нечаянно напасть на русские войска, но было разбито и преследовано до самого Утемыша, который превращен в пепел. То же самое учинено и с шестью другими его владения местами. Число убитых и раненых простиралось до 1000 человек. Скота взято 7000 быков и до 4000 баранов, не считая другого их имущества. Несколько подданных сего султана, взятых в плен казнены смертью за учиненные ими с есаулом казацким бесчеловечие»⁴. Однозначных данных о количестве войск участвовавших в нападении на русское войско нет. Так, А.-К. Бакиханов также говорит о 16 тыс. «как своего, так и кайтагского»⁵. О 16 тыс. войске, которое возглавлял султан, Махмуд общал и Ф.И. Соймонов⁶. Согласно же данным П.Г. Буткова, «явилось на отемышских горах неприятелей до 10 тысяч человек под начальством Мегти-Бега, Якиш-Бега и Айтемур-Бега, подданных отемышских и усмейских, из которых почти половина была пехота»⁷. Среди них были отмечены и акушинские отряды. Из допросов пленных стало известно,

1 Комаров В. Указ. соч. С. 567.

2 Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 47; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462. Л. 57.

3 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 12.

4 О персидском походе при государе Петре Великом бывшем // Русский архив. 1899. № 12. С. 484.

5 Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 105.

6 Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 90.

7 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 25.

что среди нападавших на российские войска были не только подданные султана и уцмий, но и других владений, таких как : Акуша, Гапшима, Кубачи, Губден, из Казикумуха. Один из плененных сообщал, что в нападении участвовали даже табасаранцы ¹.

Отсюда видно, что верхнедаргинцы то же оказались вовлеченными в политические игры уцмий Ахмед-хана в тот период.

Пройдя через владения уцмий Кайтага, 23 августа русские войска, предводительствуемые Петром I, **без боя вступили в Дербент. «Наиб сего города, – писал Петр I в сенат, и ключ поднес от ворот. Правда, что эти люди не лицемерно, любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»** ².

Обстановка благоприятствовала продвижению войск Петра I на юг. Однако случилось непредвиденное: возникшие затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, косившая солдат эпидемия и падеж лошадей вынудили Петра отказаться от продолжения похода.³

Для обсуждения создавшегося положения был созван военный совет – «генеральный консилиум, что делать, на котором все согласно подписали письменное мнение, чтобы иттить назад, понеже провианту только на месяц имеет» ⁴. Но кроме этих причин, как отмечает О.П. Маркова, была и другая причина прекращения похода: «Петр I ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией. Прибывший в русский лагерь на р. Милюкент султанский представитель прямо заявил, что дальнейшее продвижение русской армии на Кавказе будет рассматриваться Портой как причина для объявления войны России»⁵.

Оставив гарнизон в Дербенте и в ретрашментах на Рубасе, Дарбаге, Бойнаке и Тарках, 7 сентября Петр I **выступил в Астрахань. По указанию императора на Сулаке была заложена новая крепость, Святой Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех местных владетелей и передачей жилищ и земель султана Махмуда Утамышского** ⁶.

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д.560. Л. 211,231,232; Ф. 1. Оп.1. Д. 436. Л. 21-22.

2 РДО, 1988.С.40; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1.Оп. 1. Д. 551. Л. 12.

3 РДО, 1988. С. 45.

4 Сотавов Н.А. Северный Кавказ... С. 60.

5 Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 27.

6 РДО,1958. С. 267-268.

Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. с основными силами Петр I отплыл в Астрахань. В результате проведенной им кампании Россия установила контроль над дагестанским и ширванским побережьем Каспия.

После ухода основных русских сил, оставшиеся войска, военные укрепления постоянно подвергались нападениям дагестанских владетелей, в основном организованные уцмием Ахмед-ханом с привлечением многочисленных горцев, в том числе и верхнедаргинцев.

Тем временем в июне 1723 г. началось турецкое наступление в Закавказье. Дагестанские владетели решили воспользоваться моментом и овладеть Ширваном. Вот что писал дербентский наиб Имам-Кули-бек Петру I в этой связи: «... сын шамхала, да сын усмейский в урочище Худат для некоторых разговоров остановились и ширванскую провинцию между собой разделили так, что бы Шемахе и Баке за шамхалом, да Мюскюр, Шабран быть за Давудом, да Кубе и Калхан быть за усмеем, а городу Дербене за маасумом...»¹.

Одновременно с этим русские власти получили сведения о том, что дагестанские владельцы планируют нападение на крепость Святой Крест: «... Тарковский Алдигирей шамхал, – сказано в источнике, – соединился з Дауд-беком, усмеем и Сурхаем хотят идти войною на новопостроенные крепости, в чем де между себя и души дали, и так между собой говорили, что войско российское сюда не подобро пришло лутче де нам собрався всю учинить на них войну... а шамхала де Алдигирея сын, да сын усмея посланы в Шемаху для того, чтобы турецкое войско привести сюда... такмо де шамхал Тарковский тем их утверждает, пока хлеб с поля уберут то де с генералом Кропотовым станем пересылаться письмами, а как хлеба с поля уберут и провианту наготовим, то на себя будет ждать генерала Кропотова или собрався сами на него пойдем...»².

Уже в 1725 г. шамхал заявил коменданту Дербента Юнгеру, что он «вздумал... быть с горскими вместе и быть русским неприятелем».³

Были привлечены вместе с другими народами к выступлению против России и верхнедаргинцы. И.-Г. Гербер, писал, что шамхал «сбирал из дагистанцов и из таулинцев много войска».⁴

1 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 256; Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 154.

2 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 328; Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 459.

3 АВПР. Ф. Кумыские дела. 1725 г. Д. I. Л. 774.

4 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 72.

Конкретны сведения у П.Г. Буткова. «Шамхал, – писал он, – собрал войска из собственного своего владения, из бойнакского, от него зави-сящего; от Акушинцов и других Лезгов (?), власть шамхала над собою признающих, от кочующих во владении его Нагайцов и от подданных российских, по возмущении его России изменивших, и от эндерийских кумык». ¹ В начале 1725 г. этими силами, достигшими 30 тыс. человек, Адиль-Гирей осадил крепость Святого Креста. Хотя взять крепость да-гестанцам не удалось, шамхал не прекратил антирусские действия. Как писал И.-Г. Гербер, «он против российского народу везде неприятельски поступал, и те, которые ему в руки попали, тиранско мучил». ² По сооб-щению полковника Юнгера, пойманных русских торговых людей шам-хал «держит в железзах, а товар и деньги все обрал и сжег их на огне и пытается трех человек». ³

Все это не могло быть оставлено без наказания, тем более что шамхал «уже явно обнаружил себя неприятелем, и что после приступа его к кре-пости Святого Креста горцы непрестанно границам угрожали». ⁴

Против горцев был послан генерал-майор Кропотов, который «дал им много сражений и разорил Усмийскую, Тарковскую, Ирпеллинскую и многия другия деревни; сражался под Эндери, ибо эндерейцы давали шамхалу свои войски, и разсеял кочевых Нагайцов, которые шамхалу и Эндерийцам принадлежали и изменивших России». ⁵

В связи с этими событиями, верхнедаргинцам пришлось непосред-ственно столкнуться с русскими войсками.

Уцмий Ахмед-хан обещал поддержать выступление шамхала Адиль-Гирея, но когда это случилось, он вновь не выполнил своего обещания и не присоединился к Адиль-Гирею, как раньше он поступил с султаном Махмудом Утамышским. Шамхал Адиль-Гирей был пленен русскими властями и выслан в Россию.

Таким образом, Акуша-Дарго выступив на стороне шамхала оказа-лась на стороне противников России, что в дальнейшем имело для нее серьезные последствия.

После неудачной осады крепости верхнедаргинцы, как и остальные дагестанцы, вернулись обратно и разошлись по своим владениям и со-юзам. Чтобы наказать Адиль-Гирея и других участников этого похода,

1 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 80; ГУ «ЦГА РД». Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

2 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 72.

3 АВПр. Ф. Кумыцкие дела. 1725. Д. № 1. Л. 774-775.

4 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 81.

5 Там же.

из крепости Святого Креста были отправлены русские войска во главе с генералом Кропотовым. В связи с этим И.-Г. Гербер писал: «Когда в 1725 году российские войска из крепости Святого креста к усмейскому уезду приближались, чтоб его, усмея, добром или силою под Российскую империю привести, то усмей через подарки акушинцов к себе звал, чтоб ему помогли русским противиться, чего ради оные к нему пришли, а когда он, усмей добром (добровольно. – Авт.) Российской империи поддался, присягу и аманатов дал, то он акушинцов подданными своими объявил и что они ему русским противиться, хотели», за что их необходимо «силою в послушание привести потребно», т.е. подчинить силою¹. В то же время уцмий, по словам И.-Г. Гербера, напугал акушинцев (верхнедаргинцев. – Авт.), говоря, что «русские намерены с войском в Акушу итти и их разорить», так как они к нему, уцмию «на помощь пришли», а он, мол, не может их оборонить ввиду того-что «русским поддался» (т.е. принял российское подданство. – Авт.)². Далее И.-Г. Гербер писал, что, боясь этого, акушинцы «просили усмея, чтоб он их как подданных своих защитил», обещав за это «ему во всем послушны быть» и дали в доказательство этого аманатов. Так обманом, как писал И.-Г. Гербер, уцмий «акушинцов под свою власть привел»³.

В итоге статус Акуша И.-Г. Гербер определяет так: «Под Российской империей, под ведением уцмиева с 1725 года, а прежде сего вольные люди.... Каждая деревня имеет своего старшину, которые ныне усмею послушны, только он, усмей с ними вежливо поступать принужден, ибо оные себя подданными числить не дают...⁴. Но можно ли во всем согласиться с И.-Г. Гербером? Он прав в том, что акушинцы действительно вместе с уцмием в 1725 г. приняли подданство России. Но можно ли из этого факта делать далеко идущие выводы и представлять акушинцев и весь союз Акуша-Дарго зависимым от уцмий? Думается, для этого нет оснований. Известно, что Акуша-Дарго, говоря словами А.В. Комарова, «всегда имело в Дагестане важное значение по своей многочисленности»⁵. А как писал А.П. Ермолов, «Акушинский народ

1 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101-102.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. С. 101.

5 Цит. по: Алиев Б.Г. Сведения И.-Г. Гербера об Акуша – Дарго // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2003. Вып.6,7. С. 6.

являлся сильнейшим в Дагестане и воинственным»¹. Поэтому, подчинить и покорить его было не так легко. Обычно уцмий, как и другие феодальные правители, привлекал союз на свою сторону за плату. Однако существовала определенная экономическая зависимость акушинцев от уцмийства и шамхальства, что объяснялось их нуждой в зимних пастбищах для овец, которыми располагали уцмий и шамхал. Но за то феодальные правители нуждались в военной помощи акушинцев и всего союза Акуша-Дарго. И как писал В.Г. Гаджиев, «все эти факты своеобразных союзнических отношений послужили для авторов XVIII и XIX вв. основанием говорить, что Акуша-Дарго зависело от уцмий или шамхала»².

В связи с таким утверждением, интерес представляет указание И.-Г. Гербера в параграфе «Доходы», где он пишет, что акушинцы «податей никаких ни государю, ни усмею не платят, только по требованию к войне собираются против плату (за плату. – Авт.) или надеянием добычи».³ Уместно здесь же привести и другое утверждение нашего автора, что уцмий с ними «вежливо поступать принужден, ибо оные себя подданными числить не дают»⁴. Поэтому взаимоотношения между Акуша-Дарго, с одной стороны, уцмийством и шамхальством, с другой, можно характеризовать как своеобразные взаимообязывающие отношения, когда обе стороны в силу необходимости, нужде друг в друге, выполняли для другой стороны определенные услуги. Можно предположить, что уцмий Ахмед-хан таким способом привлек верхнедаргинцев на свою сторону для набега на Табасаран зимой 1732 г. Так, В.Я. Левашов писал уцмию, что: «...вашего ведомства каракайтаки и акушинцы на табасаранцев чинили неоднократные нападения, где учинилось не мало и смертных убийств и, отогнали у табасаранцев не малое число рогатого скота и баранов ...»⁵.

Через год после этих событий Акуша-Дарго на стороне уцмий Ахмед-хана выступает против русских войск, помогая уцмию перешедшему на сторону крымских войск следовавшим через Дагестан на помощь турецким войскам в сражениях с иранскими войсками под предводительством Надир-шаха⁶.

1 Ермолов А.П. Записки и приложения. (1816-1817). М., 1868. Ч. 2. С. 7.

2 Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 140.

3 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

4 Там же.

5 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 239.

6 Там же. Д. 178. Л. 258.

Официальное принятие Акуша-Дарго в подданство России состоялось в 1726 г., когда в результате обращения акушинского кадия к русскому правительству «России присягали».¹

Это вхождение верхнедаргинцев в подданство России было зафиксировано и в договоре между Россией и Турцией, заключенном 12 декабря 1727 г., согласно которому все области, расположенные от Баку «до старой деревни Юрт» (Чир-Юрт) шириной «на 18 часов езды», т.е. 100 верст от Дербента» – «места к морю по сей линии лежащая доставались во владение российское»,² куда как раз входили и «горные общества Акуша, Каракайтаг и Табасаран».³ Из других горных частей только лишь «горы примыкающие к Шамахе» попадали в покровительство Порты оттоманской». ⁴ Так, в результате Каспийского похода и дальнейшей политики Петра I и **российского правительства по укреплению и расширению** своего влияния на Дагестан, верхнедаргинцы, как и другие народы Дагестана, попали в подданство русского государства.

С принятием в подданство Акуша-Дарго, как и других владельцев Дагестана, русская администрация одаривала акушинского кадия подарками и деньгами. 23 апреля 1730 г. «в знак милости» акушинскому кадию Аслубакеру было выдано из царской казны 400 рублей. 30 апреля того же года двум старшинам – Магомету и Хагибушу, присланным акушинским кадием к дербентскому коменданту, было выдано 40 рублей.⁵

По сложившейся традиции дагестанские владельцы в связи с приходом к власти и другими событиями возобновляли присягу на верность России. Так поступали и акушинские кадии. Пришедший к власти после смерти Аслубакера акушинский кадий Аджи-Айгун (Айгун-Гаджи) 11 января 1735 г. дал присягу генералу Левашеву о вступлении в российское подданство с 30 деревнями, входившими в Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Мугинский и Усишинский союзы сельских общин.⁶

После заключения Гянджинского договора в 1735 г., по которому Россия в силу создавшихся условий уступала Дагестан Ирану, на

1 Известия о втором путешествии Доктора и Коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 года // Новые ежемесячные сочинения». Ч. LXII, месяц август 1791 г. СПб., 1791. С. 74.

2 Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 90.

3 Неверовский А.А. Указ. соч. С. 21.

4 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 90.

5 ГУ «ЦГА РД». Ф. 18. Дербентский комендант. Оп. 1. Д. 133. 1732. Л. 76.

6 Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 128.

Акуша-Дарго сильное влияние стала оказывать Турция. Под непосредственной агитацией турецких эmissаров, постоянных писем султана к акушинскому кадию даргинцы часто оказывались в лагере противников России.

В XVIII в., как указывалось выше, поддерживая тесные связи с уцмием Кайтага и шамхалом тарковским, даргинцы активно участвовали в междоусобицах феодальных владетелей, выставляя в помощь им свои войска, доходившие порою до 10 тыс. человек. Они участвуют то на стороне Фатали-хана, придерживавшегося пророссийской ориентации, то выступают на стороне аварского хана, то поддерживают противника России кубинского и дербентского владетеля Шихали-хана.

Однако угроза, нависшая над Дагестаном с приходом к власти в Иране Ага-Мухаммед-хана Каджар, который после взятия Тбилиси потребовал от народов Дагестана покорности, привела Акуша-Дарго в лагерь союзников России. Когда генерал Савельев, прибывший в Дагестан с отрядом русских войск, обратился к владетелям Дагестан с просьбой собрать ополчение и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов, к другим владетелям присоединился и акушинский кадий.¹ В указании Савельеву предлагалось выдать акушинскому кадию, как и кадию Табасарана, на содержание войска 500 рублей.

После ухода русских войск с вступлением на престол Павла I анти-русская деятельность Шихали-хана усилилась. Активизировалась и турецкая агитация. В начале XIX в. над народами Кавказа вновь нависла угроза со стороны Ирана. В этих условиях многие дагестанские владетели обратились с прошением о принятии их в подданство России. Постепенно вступали в подданство и союзы сельских общин. Лишь отдельные из них, в том числе Акуша-Дарго, находясь под влиянием грузинского царевича Александра и Шихали-хана, поддерживало антирусскую политику. Но и даргинцы стали понимать истинные цели политики противников России и стали отходить от них и если и после этого выступали в их мероприятиях, то это делалось только под нажимом, шантажом и даже угрозой. Так, Али-Султан дженгутайский, свидетельствует очевидец, «силою выгоняет к Ших-Али акушинцев с угрозами, что, кто не выйдет, у того отнимут вола и разорят дом»². Такими же методами хотел поднять

1 ГУ «ЦГА РД». Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. С. 19.

2 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 64. Л. 284-285. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 195.

горцев против России и Шихали-хан.¹ Но его действия оказывались безуспешными, все больше горцев отходило от него и вступало в подданство России и русские войска все больше продвигались в горы. Противником России фактически остался один Сурхай-хан казикумухский. Но он не находил поддержки у горцев. В начале 1812 г. акушинцы и цудахарцы, как и аварцы, отказали «в пособии» Сурхай-хану,² который, собрав старшин из Акуша-Дарго, просил дать ему войска для возвращения Кураха и Кюринского ханства.³

Когда акушинцы и другие народы, которые все же пошли на помощь Сурхай-хану, узнали о приходе русских войск в Башлы, они «немедленно возвратились в свои селения».⁴

Против Сурхай-хана был послан отряд под командованием ген. Хатунцова, который занял Курах. Видя безвыходность положения, Сурхай-хан известил через своего «важного чиновника» генерала Хатунцова, что изъявляет покорность. После этого в июле к генералу Хатунцову прибыли от «Акушинского и всего Даргинского народа кадии и почетнейшие старшины» «с покорностью и с изъявлением их желания дать присягу в верности Всероссийскому г.и., также и в спокойствии их на будущее время».⁵ Эти высокие депутаты Акуша-Дарго, как писал генерал Ртищев князю Горчакову, «от имени всего народа равномерно учинили присягу в верности е.и.в. и почетнейшие из них утвердили оную своими печатями».⁶ После этого по их просьбе были освобождены военнопленные, а также удовлетворена просьба «брать пошлину с продуктов и их изделий, привозимых в Дербент и Кубу, по прежним ханским обыкновениям, а не по нынешнему таможенному положению».⁷

Как заключает из этих фактов В.Г. Гаджиев, так с принятием в подданство Казикумухского ханства и Акуша-Дарго «завершился длившийся многие годы процесс вхождения Дагестана в состав России».⁸

Вхождение Акуша-Дарго в состав России, несмотря на колонизаторские цели царского правительства, имело объективно-прогрессивное значение. Как и другие народы Дагестана, даргинцы в результате

1 АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 606.

2 АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 615.

3 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 518. Гаджиев В.Г. Роль России... С. 202.

4 АКАК. Т. V. С. 617.

5 Там же. С. 618; ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 518-528. Гаджиев В.Г. Указ соч. С. 203.

6 АКАК. Т. V. С. 618.

7 Там же. С. 619.

8 Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 203.

присоединения к России были избавлены от постоянных нашествий Ирана и Турции, которые разоряли хозяйство и уничтожали работоспособное население, оказывавшее сопротивление их агрессивным планам. А в результате прекращения междоусобиц феодальных владений даргинцы получили возможность не отвлекать основную часть работоспособного населения, которая составляла ополчение акушинского кадия, выступавшего на стороне того или иного феодального владельца. А это, в свою очередь, благотворно влияло на хозяйственное развитие союза.

Вхождение Акуша-Дарго в состав России имело не только политическое значение, но и открывало перед ним возможность экономического и культурного развития. Являясь страной, в которой происходил быстрый рост производительных сил, торговли и фабрично-заводской промышленности, Россия втягивала Дагестан, в особенности приморские земли, в товарно-денежные отношения и, тем самым, способствовала росту его хозяйства и культуры. Развитие же равнинного Дагестана, с владениями которого находились в постоянных экономических и политических связях даргинцы, оказывало влияние и на Акуша-Дарго. Уже с самого начала вхождения приморского Дагестана в состав России сюда стали привозить русские промышленные изделия, железо, свинец, медь, порох и продовольствие, в которых нуждались народы Дагестана. Возрос интерес России и к использованию дагестанской шерсти. Еще путешественник Д. Бель, находившийся при Петре I в походе, записал в дневнике, что на дагестанских овцах шерсть «столь хороша, что я такие ни где инде не видел».¹ Другой участник похода Петра I И.-Г. Гербер прямо указывал, что даргинцы имели много овец, «на которых шерсть несколько лутче, нежели на других в тамошних странах».² Поэтому русское правительство, которое заботилось «о создании отечественной шерстяной мануфактуры и об освобождении России от необходимости ввозить европейские шерстяные изделия»,³ не могло не обратить внимание на местную сырьевую базу, тем более, что вышеупомянутые сведения И.-Г. Гербер собирал по заданию русского правительства.

1 Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: Испаган, в Персию, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. М. Попов. СПб., 1776. Ч. 3. С. 180.

2 Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С.110-111.

3 Ихилов М.М. Значение Персидского похода Петра I (1722-1723 гг.) для Дагестана // Материалы науч. сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954. С. 14. (На правах рукописи).

Не могли не оказать благотворного влияния на экономическое развитие Акуша-Дарго получившие большой размах со времени похода Петра I в Прикаспий торговые связи с приморскими землями Дагестана. В результате оживленной торговли с Дагестаном в Дербенте, Тарках, Эндирее, Аксае возникли торговые лавки русских купцов. Известно, что указанные населенные пункты, в особенности Дербент и Тарки, являлись торговыми центрами Дагестана, куда приезжали не только жители равнинного, но и Горного Дагестана. Поэтому с открытием здесь лавок русских купцов горцы, в том числе даргинцы, получили возможность не только приобретать товары русской промышленности, но и непосредственно общаться с представителями русского народа. С другой стороны, население Акуша-Дарго получило возможность увеличить продажу шерсти, кожи, войлока и другого сырья и продуктов животноводства, являвшихся предметами продажи на местных рынках Дагестана.

С вхождением в состав России стали более активными торговые связи даргинцев с рядом русских городов, в частности с Астраханью, где акушинцы и в особенности цудахарцы приобретали верблюжью шерсть, из которой делали прекрасные женские шали, платки и ткань.

Все это, естественно, не могло не вызывать доброжелательного отношения жителей Акуша-Дарго к России, тем более, что вступление в российское подданство ни к чему не обязывало их, кроме как добровольному участию в военных походах вместе с войсками России. Отмечая такое радушие и благосклонность к России народов Кавказа, управляющий прикаспийскими областями князь В.В. Долгорукий еще 13 января 1727 г. писал русскому правительству, что «весь здешний край желает В.И.В. протекции с великою охотою», потому что видят «от нас справедливость, что излишнего мы с ним ничего нетребуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь нимало от нас обиды не было».¹

Принятие подданства России даргинцами оказало благотворное влияние и на развитие культуры. Благодаря походу Петра I было положено начало изучению Акуша-Дарго. Не будь этого похода, мы не имели бы тех, хотя и малочисленных, данных об Акуша-Дарго первой трети XVIII в., которые содержатся в «Известиях» И.-Г. Гербера.

Начавшийся при Петре I интерес к даргинским обществам продолжили ученые Российской Академии наук. Побывавшие в Дагестане ученые

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 16-20. С. 955.

И.А. Гюльденштедт, С.Броневский, Ю. Клапрот, Д. Дорн, П. Бутков и многие другие внесли большой вклад в дело изучения истории даргинцев.

Сама жизнь, сложившаяся после похода Петра I, **свидетельствовала и** показала горцам, что подданство России, несмотря на то, что здесь была иная вера, что и служило главной опорой в антирусской агитации Турции среди народов Дагестана, являлось прогрессивным явлением. Вхождение в состав России было несравненно лучше, чем зависимость от Турции или Ирана, хотя и единоверных, но отсталых и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношениях. Зависимость от этих мусульманских стран, являвшихся военно-феодальными деспотическими государствами «с очагами не только феодально-крепостнической эксплуатации, но и национально-религиозного гнета», означала для дагестанских народов нищету и невежество.

Таким образом, Акуша-Дарго в первой трети XVIII в. **оказалось в** гуще политических событий, принимая во всех них активное участие, выступая как единая оформленная военно-политическая сила.

ГЛАВА III. АКУША-ДАРГО И НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ в 20-50-х гг. XIX в.1

§1. Акуша-Дарго и начальный этап народно-освободительной борьбы народов Дагестана и Чечни.

По вопросу об участии различных дагестанских народов в антиколониальной и антифеодальной борьбе Дагестана, Чечни и других областей Северо-Кавказского региона в 20-50-х годах XIX в. **существует в основном единое мнение:** она поддерживалась практически всеми народами Дагестана. Между тем степень участия в этой борьбе того или иного народа Дагестана, в особенности в различные ее периоды, была не одинакова. Поэтому без правильного освещения данного вопроса невозможно представить действительные масштабы народно-освободительной борьбы горцев, ее этническую базу на различных этапах.

В данной главе мы ставим целью на основе имеющихся источников проследить отношение Акуша-Дарго и степень ее участия в начальный период движения горцев, когда во главе его стоял Гази-Магомед, показать, какую позицию занимало то или иное даргинское общество, их руководители и местное мусульманское духовенство, каковы были настроения и позиции народных масс в целом и т.д.

Но прежде чем приступить к изложению этого основного вопроса, считаем необходимым кратко остановиться на предыдущем периоде истории, показать, какую позицию занимали даргинцы в период активных действий царского правительства по присоединению Дагестана к России, активных военных действий царских войск, как произошло присоединение их к России, как вели себя даргинские общества и каково было их положение после присоединения к России и к периоду начала движения мюридизма в Дагестане. Без анализа всех этих вопросов невозможно понять как позиции и действия даргинцев в отдельные периоды антиколониальной и антифеодальной борьбы горцев 20-50-х годов XIX в., так и отношение их к ней в целом.

В 1812 г. после того как изъявил покорность России Сурхай-хан Казикумухский, о подданстве Российской Империи от имени даргинских

¹ При написании данной главы мы широко пользовались работами Б.Г. Алиева, М.-С. К. Умаханова и А.Г. Мансуровой посвященных участию даргинцев в народно-освободительном движении горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в.

обществ обратился и акушинский кадий. Юридическое оформление присоединения Дагестана к России произошло 24 октября 1813 г. в результате подписания между Россией и Ираном Гюлистанского мирного договора. Однако международное признание данного акта не привело к спокойствию в Дагестане, хотя оно значительно усилило влияние России на Кавказе. Гюлистанский договор был заключен правителями России и Ирана без всякого участия представителей Дагестана. Более того, активизация политики царской России по укреплению своих позиций в Дагестане после заключения этого договора вызвало недовольство горцев, в конечном итоге приведшее к ожесточенным военным действиям, длившимся с переменными успехами более четверти века.

Естественно, в борьбу горцев против колонизаторской политики царизма в Дагестане, наряду с другими народами, были вовлечены и даргинцы. Однако нельзя считать, что собственно все даргинцы с самого начала возникновения антироссийского движения и до пленения Шамиля в 1859 г. одинаково активно были вовлечены в борьбу горцев. Но пока не представляется возможным осветить все аспекты этого серьезного в научном и политическом отношении вопроса. Поэтому нами делается упор в основном на освещение участия в антиколониальном и антифеодальном движении 20-50-х годов XIX в. **верхнедаргинцев – жителей Акуша-Дарго**, непосредственно примыкавших или расположенных географически наиболее близко к очагу движения горцев и игравших важную роль в общественно-политической жизни Дагестана в целом.

Согласно многочисленным фактическим данным, даргинцы в целом ориентировались в своих действиях на Акуша-Дарго, в котором главную роль как политический деятель, духовный и светский руководитель играл акушинский кадий, являвшийся высшим должностным лицом федерации союзов сельских общин верхнедаргинцев. В конце XVIII – начале XIX в. во главе Акуша-Дарго стояли кадии **Абакар-Гаджи** (погиб в 1811 г. под деревней Рустов, участвуя в сражении против русских войск на стороне противника России Шихали-хана Кубинского), Зугум-кадий и сын Абакар-Гаджи Магомед кадий. Это были умные и авторитетные руководители Акуша-Дарго, имевшие большой вес и авторитет не только собственно среди даргинцев, но и среди других народов и владений Дагестана. В силу многих обстоятельств при них в указанный период велась антироссийская политика.

Акуша-Дарго выступало как один из центров антирусской политики, примыкало к антироссийской феодальной коалиции в Дагестане, поддерживало и оказывало всяческую помощь противникам России (Шихали-

хану Кубинскому, грузинскому царевичу Александру, Сурхай-хану Казикумухскому и т.д.). И такая политика продолжалась вплоть до 1819 г. Но до этого года никаких непосредственных столкновений с русской армией у верхнедаргинцев не было. В 1819 г. жители Акуша-Дарго присоединились к Султан-Ахмед-хану аварскому, изгнанному А.П. Ермоловым, приняли участие в сражении против русских войск в Башлах. Именно поэтому А.П. Ермолов предпринял в декабре 1819 г. поход в Акуша-Дарго, завершившийся взятием сел. Акуша. Офицер русской армии Н.А. Волконский писал, что Акуша, насчитывавшая до 15 тыс. семейств и служившая, по словам А.П. Ермолова, «твердою опорою всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас (русских. – Авт.) вооружавшая», была в декабре 1819 г. жестоко наказана. Были разорены сел. Левашы, Уллу-Айя, насчитывавшее до 800 дворов и названное Н.А. Волконским «прекраснейшим городком», и другие даргинские села.

Для гарантирования покорности даргинцев «из знатных фамилий» было взято 24 аманата (заложника) в Дербент, явившихся «надлежащим залогом ... спокойствия» и на Акуша-Дарго наложена контрибуция в 2 тыс. баранов в год. Был снят с управления Акуша-Дарго акушинский кадий Магомед и главным кадием федерации верхнедаргинских союзов А.П. Ермолов назначил Зугум-кадия – «весьма почтенный и всеми уважаемый».¹ В 1820 г. были приведены к присяге на верность Российской Империи кубачинцы и сюргинцы, на которых также были наложены подати. После этого «даргинцы почти 24 года не принимали участия в смутах Дагестана».² Объяснялось это тем, что, будучи покорены Россией, даргинцы, как говорится в источнике, «оставались совершенно свободными», им было оставлено прежнее управление, они «не несли никакой казенной повинности» и «положение их общества было предметом заботы прочих дагестанских народов».³

Понимая значение Акуша-Дарго, как и значение Койсубулу и Мехтулы, по указу ген. А.П. Ермолова в 1825 г. ген. Краббе, «желая убедиться в состоянии и направлении умов жителей» их, наряду с мехтулинскими и койсубулинскими представителями были вызваны для переговоров бывший и тогдашний акушинские кадии Магомед и Зугум, которые «явились со многими старшинами, принести полное уверение в

1 Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский Сборник (КС). Тифлис, 1886. Т. X. С. 11.

2 Краткий географический и статистический взгляд на общество Дарго // РГ-ВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 93.

3 Там же. Л. 94.

преданности «российскому правительству» и представили доказательства, что, «узнав о чеченском восстании, не только два раза собирали народ и убеждали его не увлекаться примером изменников, но даже писали койсубулинцам, чтобы они не верили бредням лжепророка, появившегося среди чеченцев, и не вмешивались бы в их дела».¹

А.П. Ермолов выражал удовлетворение тем, что Акуша-Дарго и Мехтула «оставались спокойны»,² поскольку, как отмечается в источнике, он знал, что «отдельные разрозненные общества ... всегда несли на себе влияние главнейшего и важнейшего среди них общества даргинского, т.е. Акуши ... Понимал как нельзя лучше, что пока эта Акуша не будет окончательно под нашим (русским. – Авт.) влиянием, дела наши (российские. – Авт.) в Дагестане можно считать только на пути к цели, несмотря на все усилия заинтересованного в них Аслан-хана кюринского и на усердия шамхала, кадия Сеид-Эфенди и ... Ахмедхана мехтулинского», что «маленькие общества смотрели на Акушу во все глаза и стоило бы ей только покачнуться, как они разом стали бы на ее сторону».³

Чтобы же окончательно привлечь акушинцев и других верхнедаргинцев на сторону российского правительства, А.П. Ермолов предписал письмом от 20 мая 1826 г. ген. Краббе действовать в отношении их «мерами кроткими» и «неотлагательно» списать с них накопившиеся недоимки».⁴

Ген. Краббе вызвал в Тарки «акушинских кадиев, старшин и разных почетных лиц, в числе более двухсот человек» и объяснил им о сложении с них всей податной недоимки за прежние годы.⁵ Эта была награда за преданность.⁶ Как писал Н.А. Волконский, «союз был заключен и, к удивлению, такой прочный, что при всех последующих политических переворотах он сохранил надолго спокойствие целого Дагестана – «если не считать ничтожных сотрясений, произведенных мятежниками в Табасарани».⁷ «Союз» гарантировал верность акушинцев своему слову еще надолго, даже когда имам Гази-Магомед возглавил движение и пытался склонить их на свою сторону. Даже когда началась русско-персидская

1 Волконский Н.А. Указ. соч. С. 175.

2 Там же. С. 176.

3 Там же // КС. Тифлис, 1887. Т. XI. С. 4.

4 Там же. С. 5.

5 Там же; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959 (Далее – ДГСВК). С. 235.

6 Там же. С. 571.

7 Волконский Н.А. Указ. соч. С. 6.

война и распространились призывы горцев к восстанию и «глухой ропот стал быстро распространяться по Дагестану, в особенности среди лезгин, где жил Сурхай, и часть в Табасарани, упорно молчала одна лишь Акуша. Акушинцы не только не трогались с места, но даже не обратили внимания на лстивые воззвания к ним шаха о восстании и содействии персиянам».¹ В письме к А.П. Ермолову от 15 июня 1826 г. Зугум-кадий выражая свою благодарность и верность императору, писал, что «... мы не будем непокорны к вам, не донесем лжи, не произойти может от нас малейшая измена».²

Значение и роль Акуша-Дарго в сложившейся политической обстановке в конце 20-х годов XIX в. **были настолько велики, что, по словам** ген. фон Краббе, в одном только случае он признавал «мятеж не вполне для нас (русских. – Авт.) опасным – именно, если не шевельнется Акуша».³

Большое значение позиции Акуша-Дарго придавал и ген. Паскевич, сменивший А.П. Ермолова на посту наместника и главнокомандующего на Кавказе. Он также «ставил спокойствие в Дагестане в совершеннейшую зависимость от положения дел в Акуше». Он говорил: «Нельзя ожидать явного возмущения в Каракайтаге, ибо жители онаго без помощи акушинцев никогда еще к таковому не приступали», и с удовольствием отмечал, что «акушинцы уже с 20-го года ведут себя примерно хорошо» и что «все возникавшие доселе во владениях шамхала значительные возмущения ... подстрекаемы были силою акушинцев, ныне акушинцы совершенно спокойны».⁴

Когда в 1830 г. с Гази-Магомедом вступили в тайные сношения подвластные России владения: Шамхальское, Мехтулинское, Гимринское, Кайтагское и Табасаранское – они готовы были «при первом его появлении со своими последователями к ним присоединиться»,⁵ акушинский кадий, получив письмо от Гази-Магомеда с призывом приготовиться «к сражению перед возобновлением веры» и сражаться с врагами «...как против отступников...», отклонил желание его прибыть в Акушу и ответил, что он делает все, что указано в шариате, и просил отложить всякое попечение».⁶ В том же году акушинцы писали гр. Паскевичу, что

1 Там же. С. 12.

2 Там же. С. 6.

3 Там же. С. 78.

4 Там же. С. 58-59.

5 ДГСВК. С. 65.

6 Волконский Н.А. Указ. соч. // КС. С. 155.

«и впредь повиновение наше Государю Императору не изменим и не последуем словам Гази-Магомеда...» и что «они не желают более ничего, как только наслаждаться тишиною и безопасностью под ... покровительством царя.¹ Более того, акушинский кадий принял послушно указание майора Карганова в мае 1830 г. о прекращении всяких сношений с взбунтовавшимися койсубулинцами».²

Однако уже в это время, когда русское военное командование приняло решение двинуть войска «в горы одновременно с разных сторон», акушинцы, по словам Н.А. Волконского, «зашевелились немного». Собравшись в Акуша, даргинцы обсуждали, «какое положение им следует предпринять?» Хотя они и не приняли никакого решения, русское военное командование отмечало, что «выраженная в данном случае искра недоверия к нашему правительству была для нас неприятною и даже отчасти подозрительною». Это подозрение усилилось, когда стало известно, что среди пятерых человек, посланных Гази-Магомедом из Гимры для убийства преданного русским эрпелинского князя Уллубия, был и акушинский Магомед-кади.³ К тому же следует отметить, что еще ранее цудахарцы не во всем были согласны с акушинскими кадиями. Они приняли Гази-Магомеда, пытавшегося через них воздействовать и на акушинцев. Подозрения русского военного командования усилились еще и тем, что Аслан-хан кюринский называл среди сторонников Гази-Магомеда не только Цудахар, но и Акушу, хотя, как отмечал Н.А. Волконский, «цудахарцы, составлявшие собою единственное из пяти акушинских обществ, которые пошатнулись в преданности нам, принесло свое раскаяние»⁴ и акушинский Магомед-кадий 16 февраля 1830 г. писал полковнику Мищенко (командиру Апшеронского полка), который и обращался за сведениями к Аслан-хану, что «Акушинское и даргинское общества с Козием (Гази-Магомедом. – Авт.) не единились и не будут согласны слушать дурачества, как я, их кадий, не допущу, чтобы послушали его слова. Главнокомандующим сделан я кадием, а потому должен наблюдать, чтобы не допустить их в худые дела и для того буду всегда осторожен».⁵

Действительно, даже когда под влиянием агитации Гази-Магомеда в Дагестане положение русских осложнилось, акушинский кадий оста-

1 Там же // КС. Тифлис, 1888. Т. XII. С. 12.

2 Там же. С. 44.

3 Там же. С. 100.

4 Там же. С. 9.

5 Там же // КС. Тифлис, 1887. Т. XI. С. 165-166.

вался верным клятве русскому царю. Среди общего хаотического состояния у дагестанцев и крайнего их нерасположения к русским, как отмечено в источнике, «реально выдвигалась лишь одна личность, издавна верная своей задаче, на которую мы исключительно могли положиться. Это был Магомед-кадий акушинский, который чистосердечно и единолично ратовал за нас повсюду. Воззрения этого почтенного человека всегда освещали нам дела ... и самые события настоящим светом, и он очень много мог бы оказать существенной пользы, если бы мы умели его направить и употребить в дело надлежащим способом, ... действия Магомед-кадия имели для нас весьма важное значение».¹

Осенью 1831 г. акушинский кадий писал ген.-м. Каханову, что «Кази-мулла человек фальшивый, распутный, сатана и бестии подобный; он учинил среди мира мятеж, совратил народ с пути истины и напрасно проливает кровь мусульман, из которых большая часть не послушала моего совета, уподобилась сему известному глупцу и потерла ему свои шеи, хотя мы были их наставниками».² Согласно имеющимся сведениям, акушинский кадий несколько раз собирал всех кадиев и почетных лиц Акуша-Дарго и советовал им отправиться в Губден, «где собрав общества Кумух, Мехтула, Хейдак и пр., разными стараниями отвлекать их от хитрости» Гази-Магомеда, «в чем все собранные» кадий и почетные старшины «совершенно согласились».³ Более того, в двадцатых числах сентября 1831 г. он действительно вместе с кадиями и почетными лицами Акуша-Дарго был в Губдене и Буйнаке, собрал их жителей и, наставляя их, в заключение сказал: «Оставьте мятежника Кази-муллу; не позволяйте ему прийти в ваши деревни и не покоряйтесь ему никогда, не слушайте его советов, потому что они причиняют вам великую беду».⁴

Отметим, что в этом же плане действовали шамхал Сулейман-хан, писавший в 1831 г. Гази-Магомеду, что из-за него русские войска разоряют мусульман и чтобы он возвращался на свою родину,⁵ а также араканский кадий и старшины чиркеевские и гимринские, которым за оказанные услуги были «пожалованы пенсии».⁶

Несмотря на все указанное выше, в 1831 г. под влиянием других горцев и удач Гази-Магомеда весной 1831 г., когда он во главе с 8 тыс.

1 Там же // КС. Тифлис, 1889. Т. XIII. С. 84-85.

2 Там же. С. 85.

3 Там же.

4 Там же.

5 ДГСВК. С. 103.

6 Там же. С. 88, 105.

отрядом вооруженных горцев расположился в урочище Чумискент (вблизи Темир-Хан-Шуры, где, убедившись в превосходстве его сил, не став атаковать, без боя отступил отряд русских войск во главе с ген.-м. Бековичем-Черкасским) и занял сел. Большие Казанищи, Параул, Тарки, а 25 мая осадил крепость Бурную, даргинцы вступили в сношение с Гази-Магомедом. Более того, «500 цудахарцев с небольшим числом людей из самой Акуши участвовали в осаде» Гази-Магомедом крепости Внезапной.¹ За это командующий Кавказской линией ген. А.А. Вельяминов предлагал принять по отношению к даргинцам крутые меры – запретить акушинцам и цудахарцам пасти овец на землях шамхала, Мехтулы и Аслан-хана и запретить им выезд и торговлю во всех местах, где находились русские войска. Но корпусный командир их «взял под защиту», отметив, что «число мятежников в ней (в Акуша. – Авт.) так невелико, что все общество ни в коем случае нельзя подозревать в измене и применять к нему столь строгие меры. Кроме того, барон Розен, не желал ссориться с единственной общиной, которая не склонялась перед духовною властью имама, постоянно отстаивая свои адаты и не желая знать постоянно навязываемого ей шарията».²

В апреле 1832 г. Гази-Магомед из Гимров намеревался пойти в Цудахар и Акушу и оттуда проникнуть в Мюрего и далее в Кайтаг. Каракайтагские беки собирались ехать ему навстречу. В это время, несмотря на уверения акушинского кадия в верности России и неприятии Гази-Магомеда, последний заявлял: «Акушинцы более всех мне преданны, а в прочих деревнях Дагестана мало кто меня не желает; большая же часть меня любит».³ Тогда Магомед-кадий Акушинский находился на зимних пастбищах. Узнав о намерениях Гази-Магомеда вместе с Магомедом Ярагским и Гусейн-Аликадием башлинским «посеять смуты в даргинских владениях и, пройдя их, вторгнуться в Каракайтаг, он быстро спустился с гор и ночью 29 апреля прибыл в Акушу». На другой день утром Магомед-кадий отправил гонцов в Цудахар, Мекеги, Усиша, Муги и другие даргинские села, входившие в Акуша-Дарго. На собрании кадиев, старшин и почетных людей Магомед-кадий произнес пылкую речь, «призывал к оружию против бунтовщиков и грозил отказаться от своей власти, если они не

¹ Фон-Климов Ф. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. Тифлис, 1895. Т. XVI. С. 413.

² Там же. С. 414.

³ Там же. С. 475.

последуют его советам».¹ Даргинцы его послушались и «дали слово ... драться с Кази-муллою, если он придет в сии деревни».² Тарковский шамхал Сулейман-мирза обратился к даргинцам с призывом придерживаться присяги России.³ На собрании было решено с не вышедшего на битву с Гази-Магомедом взыскивать 22 руб. серебром в пользу даргинских шурути (есаулов), а с перешедших к Гази-Магомеду по 44 руб.⁴

Гази-Магомед решил сначала проникнуть в Салта. Но его не пустили туда. Он пошел тогда в Куппу, а его сподвижник Гамзат-бек с другой стороны приблизился к Цудахару, кадий которого, хотя уверял Магомед-кадия Акушинского в своей ему преданности, в неподдержании «связей со своим бывшим учителем», все же готов был пригласить Гази-Магомеда в Цудахар. Однако цудахарцы не поддержали его. Куппинский кадий принял сторону Гази-Магомеда и пригласил его в село, где образовалась партия, поддерживающая его. Сила была на стороне Магомед-кадия, и как только акушинцы приблизились к Куппе, Гази-Магомед удалился в Гергебиль. Как отмечается в источнике, «полный успех по-видимому увенчал решительный образ действий акушинского кадия».⁵

О последствиях, которые грозили русским в случае удачи Гази-Магомеда в Акуша-Дарго, можно в некоторой степени судить по донесению шамхала Тарковского командующему 1-й бригады 21-й пехотной дивизии ген. Каханову. В нем говорилось: «Если акушинцы соединятся и сделают покушение на крепость Бурную, то для русского войска невыгодно будет оставаться в Шуре, ибо за изменою акушинцев все жители сей страны и даже др. глупцы соединятся с ними. Тогда прекратится и сообщение между Тарками и Шурою».⁶ Это же признавало и русское военное командование, отмечавшее, что «измена даргинцев действительно могла повернуть наши (русские. — Авт.) дела на другую сторону. Это открыло бы свободный путь Гази-Магомеду в прибрежный Дагестан и ставило его у ворот Кумуха. При своих географических условиях сильная своим стародавним союзом Акуша могла считаться завидным и желательным сторонником не только для Гази-муллы, но даже для нас»,⁷

¹ Там же. С. 475-476.

² Там же. С. 476.

³ Там же. С. 477.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 478.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

– писал ген. Клюки фон Клогенау. – Если бы Дарго приняло сторону Кази-муллы, – то Дербент был бы в руках последнего ¹.

Царские военачальники все делали, чтобы удержать на своей стороне Акуша-Дарго. Барон Розен благодарил акушинские общества за верность и обещал им особое покровительство, а в сообщении военному министру России Чернышеву просил ходатайствовать перед царем о награждении Магомед-кадия.² Но на вторичный запрос царя о награждении акушинского кадия Магомеда барон Розен почему-то, ссылаясь на недавно полученную пенсию, нашел более удобным наградить кадия лишь после новых заслуг. Это было как бы и ответом Розена на дальнейшие действия акушинского кадия – выгнав из Куппы Гази-Магомеда, оставалось еще «справиться с его довольно многочисленными приверженцами в цудахарских деревнях».³ Изгнав восставших, Магомед-кадий пытался взыскать штрафы с куппинцев за переход на сторону Кази-Магомеда. Но они отказались, так как нашли поддержку у части цудахарцев, среди которых также не было единства в этом вопросе, в Цудахаре также «царила внутренняя смута».⁴ По словам Магомед-кадия, никто не повиновался почетным людям и старшинам, раздор дошел до того, что цудахарцы чуть не убивали друг друга».⁵ Куппинцы отказ платить штраф мотивировали своим неучастием на даргинском сходе, принявшим решение о штрафах.⁶

В конечном итоге Магомед-кадий урегулировал этот конфликт, «отказавшись от неуместного штрафа, но цудахарцы продолжали отбиваться от его рук».⁷ Пока акушинский кадий улаживал дела с Куппой и Цудахаром Гази-Магомед отошел к Гимры.

Несомненно, Гази-Магомед достиг больших успехов, сумел захватить Кизляр (1831 г.), поднять Чечню, часть кумыков, совершил походы под Владикавказ и Назрань. Царское военное командование было ошеломлено его успехами, увидело в нем «сильного, упорного и храброго противника».⁸ Поэтому после весенних удач Гази-Магомеда оно решило покончить с ним. Командующий отдельным кавказским корпусом ген. от инф. барон Розен решил прибегнуть к решительным действиям про-

1 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 9.

2 Фон-Климов Ф. Указ. соч. // КС. Тифлис, 1895. Т. XVI. С. 479.

3 Там же.

4 Там же. С. 480.

5 Там же.

6 Там же. С. 479-480.

7 Там же. С. 480.

8 История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т. II. С. 89.

тив Гази-Магомеда и ближайшего к нему сподвижника Гамзат-бека. Он послал войска в Гимры, где укрепился Гази-Магомед: с запада ген.-л. Вельяминов с 5,5 батальонами пехоты, 11 орудиями и отрядом конных грузин; с востока на Гимры должен был наступать батальон апшеронского полка с тремя орудиями казаков; ген. Клюки фон Кругенау шел с тыла; для блокады Гимры от шедших на помощь имаму горцев была отправлена татарская конница; сам же Розен оставался в резерве в Темир-Хан-Шуре.¹ Во время штурма Гази-Магомед был убит, когда прыгнул с башни, чтобы прорваться.² Это было 17 октября 1832 г.

Таковы исторические факты. Они говорят, что даргинцы в целом не были вовлечены в начальный период движения мюридизма. Хотя среди даргинских обществ и не было единодушия, но в целом они не поддерживали Гази-Магомеда, который как бы ни пытался привлечь на свою сторону даргинские общества во главе с акушинским кадием, ему это так и не удалось. Как бы мы ни хотели иного, нравится это кому-то или нет, неучастие даргинцев в начальном периоде движения мюридизма, когда во главе него стоял Гази-Магомед – историческая реальность. Это, как наглядно показано выше, подтверждается многочисленными фактами. А факты – упрямая вещь и от них никуда не уйти.

Возможно, что политика руководства Акуша-Дарго, наряду с политикой и ряда других правителей дагестанских владений, на что обращено внимание отдельных дагестанских ученых, послужила одной из причин неудачи, поражения и гибели в конечном итоге первого имама Гази-Магомеда.

Не удалось привлечь на свою сторону даргинцев Гамзат-беку. Более того, они оказали поддержку гергебильцам в их борьбе с имамом. Он попытался подчинить своей власти гергебильцев, отбив у них скот, начал требовать выкупа за него и за оружие мужчин разоруженных его отрядом (600 чел.) в гергебильской мечети. Гергебильцы обратились за помощью к Ахмет-хану Мехтулинскому, Абу-Муслиму Казанищенскому. Они привели соответственно по 600 и 400 человек, им на помощь прибыли еще Магомед-кадий Акушинский с 100 чел. и кадий Цудахарский с 200 чел. Гамзат-бек вынужден был уступить этой силе и после перестрелки отступил, кое-как урегулировав при посредничестве акушинского кадия свои отношения с гергебильцами³.

1 Каспари А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 429.

2 Там же. С. 431.

3 ДГСВК. С. 130-131.

По наущению Аслан-хана Казикумухского, писавшего Гамзат-беку после истребления аварских ханов: «Теперь тебе, прежде всего, нужно покорить цудахарское общество, и в случае нужды я буду тебе только помогать», Гамзат-бек во главе 4 тыс. отряда напал на сел. Цудахарского союза Салта и Худахиб и захватил их. Из Салта он написал цудахарскому кадию и старшинам, чтобы они пропустили его через свои земли для похода в Дербент. Аслан-кадий собирался идти к нему в Салта. Но родственники и старшины не пустили его. В местности Караиц, недалеко от Цудахара, произошел бой цудахарцев и пришедших к ним на помощь акушинцев с Гамзат-беком. Последний был разбит.¹

Осенью 1834 г. Гамзат-бек с 15 тыс. отрядом занял сел. Куппа и потребовал от акушинского и цудахарского кадиев присоединиться к нему. Его предложение было отвергнуто. Произошло сражение, в котором цудахарцы и акушинцы вновь одержали победу.² Как видно из приведенных данных, даргинцы, в частности акушинцы и цудахарцы в дошамилевский период не принимали активного участия в антицарских выступлениях, не проявили особой склонности к утверждению у них шариата, к чему их призывали имамы Гази-Магомед и Гамзат-бек. Можно полагать, что в вопросах духовной образованности акушинские кадии, которые для даргинцев были главными авторитетами, не уступали упомянутым имамам. Не исключено, что шариат у них утвердился и до этого, поскольку Акуша, акушинская мечеть, являлись местом подготовки кадров мусульманского духовенства. Поэтому вопрос утверждения шариата для акушинцев и цудахарцев не был особо важным в этот период. Экономические интересы им диктовали необходимость соблюдения хороших отношений с плоскостью (с шамхалами, дербентскими владетелями и т.д.), поскольку овцы акушинцев и цудахарцев паслись на плоскости и их торгово-экономические контакты с этой частью Дагестана были сильнее, чем с Аварией, хотя и здесь сильны были торгово-экономические, брачно-родственные связи и т.д. Другие даргинцы по существу не были вовлечены в эти события.

§2. Акуша-Дарго в народно-освободительной борьбе народов Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в.

С именем Шамиля связан новый подъем антиколониальной борьбы горцев Дагестана. В первые годы его правления Акуша-Дарго занимало нейтральную позицию. В связи с этим А. Юров писал: «... даргинские

¹ Неверовский А. Истребление аварских ханов в 1834 году. СПб., 1848. С. 27-28.

² ДГСВК. С. 136, 725-726.

общества не принимали участия в деле Шамиля и наши солдаты чувствовали себя там как дома»¹. Особенно любили солдаты останавливаться на привал в хаджалмахинских садах, расположенных версты за две до сел. Хаджал-Махи по сторонам ущелья, от подошвы до самой вершины раскинуты были террасами прекрасные сады. За селом начинался довольно крутой спуск, так же версты на четыре до самого Койсу, покрытый садами². Спокойствие в даргинских обществах было необходимо в первую очередь для правительственных войск, ради чего последние шли на большие уступки. В официальных отчетах российского командования отмечалось: «В Дагестане было немного племен действительно нам преданных, бок о бок с провинциями, управляемые нашими чиновниками, находились общества, считавшие себя по отношению к нам как равная власть к равной, и хотя мы больше по привычке и называем их покорными – мечтавшие только о союзе с нами, но ни в коем случае не допускавшие мысли о подчинении. К этой категории принадлежали Кара-Кайтаг, Табасаран, Акуша, Андалал, Цудахар. При всяком удобном случае эти общества изменяли нам»³. В конце 30-х годов неприязнь царским властям стали выражать многие считавшие себя нейтральными политические образования, в том числе и Цудахарский союз сельских общин, входивший в федерацию Акуша-Дарго. Цудахарцы и куппинцы «обнаружили также неприязненность» к царским властям.⁴ А во время осады Ахульго царскими войсками на помощь Шамилю из даргинских обществ был направлен конный отряд в 400 человек.⁵

После поражения Шамиля под Ахульго в Дагестане наступило временное затишье. В 1840 г. возникла новая волна освободительного движения, рожденная всеобщим восстанием в Чечне и Дагестане. Это время блистательных побед Шамиля: царское правительство каждый день теряло укрепления и возникла угроза всеобщего мятежа горцев Дагестана.

В 1840 г. из повиновения царским властям вышли сюргинцы и перестали платить подати.⁶ Царские генералы писали: «Так называемые покорные нам ни Цудахар, ни Акуша не выслали ни одного милиционера

1 Юров А. Три года на Кавказе. 1837-1839 гг. // КС. Тифлис, 1884. Т. VIII. С. 47.

2 Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995. С. 130.

3 Цит по: Мансурова А.Г. Указ. соч. С. 130.

4 Юров А. Указ. соч. С. 185.

5 Там же.

6 ДГСВК. С. 235.

для удержания быстрых успехов горцев»¹. Колебались и Магомед-кадий Акушинский, и Аслан-кадий Цудахарский. В 1841 г. они не приняли никаких мер по удержанию ряда сел от выступлений на стороне Шамиля. Когда андалальский пристав поспешил в Чох и просил помощи у казикумукского правителя, у акушинского и цудахарского кадиев, они вместо существенного содействия послали ему обещания и советы. Аслан-кадий цудахарский заявил, что ничего не может сделать без акушинского кадия, «так как он мне на место отца, я моложе его и должен поэтому во всем ему повиноваться»² и что не может входить в дела постороннего общества. Магомед-кадий Акушинский, который обещал явиться по третьему выстрелу, написал приставу, что с милицией своей отправился в путь, но слыша по дороге об их отступлении, вернулся обратно. По словам начальника дербентского военного округа, в действиях кадиев Акуша и Цудахара видно было тайное желание успехов мюридам, везде видна была уклончивость действовать против мюридов, они, «наблюдая свои выгоды, показывали нам преданность только там, где могли уклониться от вреда мюридам. Нет никакого сомнения в сношениях их с мюридами; если бы на наше счастье Джеват-хан со своими парнями не был отозван в Чечню, то все деревни Цудахара, Акуши и даже Казикумуха постепенно приняли бы сторону возмутителей, так как они стояли на вполне готовой для этого почве. Тогда без сомнения, Табасаран и горные магалы Каракайтага немедленно подняли бы оружие и 150 тыс. вновь восставшего населения поставили бы в безвыходное положение наши приморские пункты»³. В феврале 1842 г. царские войска под общим командованием генерала Фезе выступили четырьмя колоннами, захватили Гергебиль и восстановили связь с Мехтулинского ханства с Аварией. Опасаясь репрессий царских войск, в начале 1842 г. старшины Хаджал-Махи и Куппа выразили покорность царскому представителю в Гергебиле.⁴ Также вынуждены были поступить акушинцы и цудахарцы, отары овец которых паслись в районе Дербента и были задержаны царской администрацией.

Успехи Шамиля в Дагестане оказали сильное влияние и на даргинцев. Так, по имеющимся данным, с 27 августа по 23 декабря 1843 г. русская армия потеряла убитыми, тяжело ранеными и пленными 78 офи-

1 Цит по: Мансурова А.Г. Указ. соч. С. 131.

2 ДГСВК. С. 325.

3 Фон-Климов Ф. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // КС. Т. XII. С. 283.

4 Там же. С. 331.

церов (из них 10 пленными), 2353 солдат и унтер-офицеров (из них 312 пленными), 27 орудий (из них 8 т.н. «крепостных» – горцы называли их «жазаир»), 13816 артиллерийских зарядов (из них не менее 6000 досталось горцам), 2160 ружей, 350 000 патронов, 50 пудов (т.е. 820 кг) пороху, 368 лошадей и 180 армейских палаток. Горцы разоружили до основания 12 больших и малых русских укреплений (из них 8 были взяты в бою, а 4 оставлены гарнизонами). Уже в сентябре прервалось сообщение Темир-Хан-Шуры с Дербентом. Нагорный Дагестан был полностью освобожден от русских войск, а крупнейшая их группировка 3000 солдат была заблокирована Хаджи-Муратом у с. Зирани с 17 ноября по 18 декабря и лишь по счастливому стечению обстоятельств смогла вырваться в Казанище... Отряды Гурко, Фрейтага, Аргутинского метались по просторам от Ингушетии до Табасарани, напоминая «пожарные команды» в сплошной огненной стихии¹.

Кадии Акуша и Цудахара написали письма к Шамилю, что если он в силах овладеть русскими укреплениями, то акушинцы и цудахарцы готовы охотно признать его власть над собой. В своем рапорте царю ген. Чернышев сообщал: «Некоторые общества, не принимая явно неприязненных против нас действий, отклоняются между тем под разными предлогами от исполнения требований наших и вероятно находятся в тайных сношениях с Шамилем, особенно акушинцы и цудахарцы. Последние племена, управляемые хитрыми и осторожными кадиями, выжидают в наблюдательном положении, чем разрешится участь мюридизма. Когда в минувшем году Шамиль вторгся в ханство Казикумухское, эти горцы не присоединились к его отряду, после их разбития дали им свободный проход через свои земли»².

Рассматривая федерацию Акуша-Дарго с точки зрения военного специалиста ген. Клюки фон Клюгенау отмечал: «Если в 1843 г. Шамиль через своих помощников успел бы склонить Дарго на свою сторону, то мы бы в Дагестане потеряли все, что до сих пор приобрели. Но даргинцы остались формально на стороне русских не от сознания слабости своих сил, а от убеждения в собственной их выгоде, не вмешиваться в чужое дело и от уверенности, что Шамиль с оружием в руках не посмеет склонять их на свою сторону, а русские не решатся иметь новых врагов в

1 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. 2. С. 403.

2 ДГСВК. С. 388.

народе, не раз оказавшем услуги правительству – хотя и не думая о том, а действуя из своих общественных (т.е. джамаатовских) выгод. С нашей стороны было бы ошибкой считать Дарго покорным нам обществом, а еще больше – силой оружия заставлять его подчиниться нашим уставам...»¹. Нейтралитет Акуша-Дарго, возникший на основе взаимных политических и экономических расчетов, был своего рода вынужденным компромиссом. Противоположные стороны старались использовать этот компромисс в своих интересах. Ген. Клюки фон Клюгенау писал, что «совершенный переход этого общества на одну из сторон может быть чувствителен в ходе дел в Дагестане. Если даргинцы пристали бы к Шамилю, тогда бы наши дела в Дагестане пришли в самое критическое положение. С отложением Дарго восстанут Сюрго, Башлы, Мюре, Кайтаг и, вероятно, вся Северная Табасаран, и сообщение Дербента с Шурою будет более опасно, чем до покорения Чиркея, Шуры с Кизляром». «Покорение Дарго будет стоить много денег и много крови. Ибо с восстанием Дарго, мы не можем ручаться за безопасность Аварии и Мехтулинского ханства, не можем ручаться за весь Северный, Средний и Нагорный Дагестан... В 1826 г. при нашествии Персии, когда восстал весь Дагестан, одно Дарго не приняло участия во всеобщем восстании. Но если бы во время Гази-Магомеда оно приняло его сторону, то Дербент был бы в его руках, и генералу Коханову не удалось бы освободить крепость. Если бы при имаме Гамзате даргинцы не разбили бы его, а покорились бы ему, Нагорный Дагестан составил бы центральную провинцию обширных владений Гамзата, а Авария не была бы в наших руках. Если бы Шамиль через своих помощников Кибит-Магомы и Джават-хана успел бы склонить Дарго на свою сторону, то мы бы в Дагестане потеряли все, что до сих пор приобрели кровавым путем».²

Русское командование знало о тайных отношениях Акуша-Дарго с Шамилем. Но расценив свое положение в Дагестане на данный момент, как самое критическое в случае перехода столь влиятельной федерации на сторону противника, воздержалось от военных акций против них. При генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса даргинцев рассматривали как народ, живущий в насоящее время с одной политической целью – не враждовать открыто с русскими; во всем содействовать дагестанским ученым-тарикатистам и при первом удобном случае

¹ Цит по: Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2. С. 382.

² РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 8.

выступить с оружием против русских. Кроме того, в этих обществах находили убежище и приют многие враги правительства ¹.

В освободительном движении народов Дагестана федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго играла важную роль. Во-первых федерация являлась своего рода буферной территорией, надежно защищавшей Имамат, так как русские боялись вводить войска в общества Акуша-Дарго, опасаясь восстания многочисленного и сильного народа; во-вторых Акуша-Дарго играло важную роль в экономической жизни Имамата. Когда военные заняли плоскость и запретили горцам торговлю, жители Акуша-Дарго как подданные России, которые имели право свободной торговли по территории России, стали посредниками, покупая товары и передавая их воюющим горцам ². В Имамат хлеб привозили из Акуша, оружие – из Кубачи, железо, медь, свинец и другие товары из Дербента и Кубы. Неоднократные меры военного командования запретить эту торговлю не увенчались успехом. В Цудахаре был рынок всего Дагестана, куда по пятницам стекались все горские народы и производили торг. Кроме того, на цудахарском базаре обменивались мнениями, опасениями, передавались новости, тайны, надежды с каждой стороны и все это в массе, вероятно, не в пользу русских ³. Царские власти не закрыли даже повозную дорогу от Дербента к Аварии, проходящую через территорию Акуша-Дарго из-за нежелания вооружить против себя даргинцев. Следовательно, в условиях осуществляемой противником экономической блокады, Имамат через Акуша-Дарго получал все, что было необходимо. По этой причине Шамилю не было необходимости требовать слепой покорности от Акуша-Дарго. Это было бы большой его ошибкой. Отношения с Акуша-Дарго в таком качестве было выгодно и приносило Шамилю большую пользу. По признанию ген. Клюгенау польза от нейтралитета Акуша-Дарго для Шамиля «более важнее, нежели его жители открыто надели бы белые чалмы», потому что эти народы кормили и вооружали большую часть обществ непокорного Дагестана и всеми мерами стесняли действия царских властей в переустройстве Дагестана⁴.

В 1843 г., – говорится в источнике, – Акуша-Дарго «изменило, несмотря на то, что даргинцы, будучи покорены русским, оставались совершенно свободными, при своих... формах управления и... не несли

1 Там же. Л. 85.

2 Там же.

3 Там же. Л. 86.

4 Там же. Л. 87.

никакой казенной повинности».¹ И действительно, в конце того же 1843 г. акушинский кадий не оказал помощи русскому гарнизону в Гергебиле, а Аслан-кадий Цудахарский с небольшим отрядом присоединился к Шамилю.² Мало того, Магомед-кадий и Аслан-кадий в начале 1844 г. потребовали от ген. Гурко и ген. Клюки фон Клюгенау вывода царских войск из Дагестана, угрожая в противном случае продолжить войну и перейти к Шамилю. «Цель нашего желания, – отечали они в письме, – состоит в том, чтобы вы оставили Дагестан и возвратились в Россию, иначе беспрестанно и упорно будем продолжать с вами войну до тех пор, пока будем живы»³.

Однако о выступлении Акуша-Дарго среди его жителей не было единодушия. Даже когда в феврале 1844 г. Шамиль прислал письмо акушинцам с возмущением, что они пасут свои стада на земле, подвластной русскому правительству и под угрозой наказания потребовал перегнать их в горы, бывший кадий Зухум на сборе акушинцев выступил против поддержки Шамиля, хотя Магомед-кадий призывал к поддержке мюридов, угрожая в противном случае переселиться из Дарго к Шамилю. Победила партия Магомед-кадия.⁴

В начале января 1844 г. по приказу Шамиля Аслан-кадий Цудахарский с отрядом разорил Каякент. Акушинский кадий намеревался напасть на Терекемейский участок. Оба отряда – цудахарцев и акушинцев были расположены в сел. Ая-махи, Кичи-Гамри, Мюрего, Бурдеки и Мамма-аул с намерением атаковать отряд царских войск, расположенный в Каякенте, а башлинцам было приказано, в случае отступления войск к Дербенту, занять лес, через который проходит дорога в Джемикент, для нападения⁵. Между тем цудахарцы получили приказ Шамиля каждому быть готовым к 3 февраля для выступления в поход, иметь в запасе по 2 пары сапог, архалук и теплую одежду. Целью похода было занятие Казикумуха, Кюринского ханства, а также наступление на Дербент и Темир-Хан-Шуру.

В начале марта 1844 г. Шамиль потребовал от Магомед-кадия выступления против русских, а 15 марта последовало письмо-воззвание

1 Там же. Л. 94.

2 Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 27.

3 Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. С. 11.

4 ДГСВК. С. 449-450.

5 Там же. С. 429.

ген. Лидерса к акушинцам и цудахарцам с требованием подчинения царскому правительству. Им напоминалось о том, что они сохранили при русских «свою независимость и свое собственное народное правление, находились в цветущем положении, ... не платили податей, не исправляли никаких повинностей, не имели решительно никаких поводов к возмущению». И что если они добровольно не покорятся, то не оставит камня на камне от их аулов.¹

Чтобы сломить сопротивление даргинцев, были задержаны более 14 тыс. голов скота акушинцев, во владениях шамхала.² Однако эти меры не достигли успеха. Акушинцы пригласили Шамиля к себе, чтобы совместно идти на Казикумух. В конце июня акушинцы, цудахарцы и сюргинцы приняли участие в боевых действиях мюридов против царских войск в районе Какашура, Доргели и Гелли. Отряд в 10 тыс. человек во главе с Кибит-Магомой, Магомед-кадием и Аслан-кадием потерпел поражение.³

Шамиль отступил в Цудахар и остановился у Аслан-кадия. Подошедшие войска ген. Лидерса вынудили Шамиля бежать. Он приказал цудахарцам переселиться в горы, но последние выгнали Аслан-кадия вместе с его сторонниками и мюридами и не подчинились Шамилю. На всей территории даргинцев расположились царские войска.

С целью обороны Акуша-Дарго сюда были посланы значительные воинские силы.

Не произошло всеобщего антицарского выступления и в Кайтаге, хотя и там было немало сторонников мюридизма. Отрицательную роль в этом плане сыграл и поход в Кайтаг и Табасаран Хаджи-Мурада в 1851 г., который «погнался только за богатой добычей»,⁴ чем вызвал недовольство местных жителей. Неудачно кончилась попытка и наиба Бук-Магомеда укрепиться в Кайтаге в 1852 г.

В 1853 г. Шамиль вновь попытался подчинить Кайтаг и Табасаран. Кайтагцы поддерживали связь с Шамилем через акушинцев, родственников кикунинского наиба Абакар-Гаджи. Однако, узнав об этом кавказская администрация своевременно прервала эти связи. Сторонники мюридов

¹ Там же. С. 455-456.

² Там же. С. 456-457.

³ Там же. С. 547.

⁴ Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Три имама // СМОМПК. Тифлис, 1926. Вып. 45. С. 185-186.

были разбиты в Уркарахе и Башлы.¹ После этого значительно усилились позиции правительства среди даргинцев, и они вынуждены были принимать участие в мероприятиях царских войск против мюридов.

Вместе с тем в даргинских обществах имелись и сторонники Шамиля, которые постоянно оказывали им помощь и поддержку. И не без основания кавказское командование подчеркивало, что через Дарго «непокорный Дагестан» получал «все необходимое для жизни».² Имело место и переселение отдельных даргинских семей на территорию имамата.³ Многие из верхнедаргинцев принимали участие в военных мероприятиях Шамиля. Некоторые из них стали наибами у Шамиля, командирами отрядов. Наиболее последовательным из них был сын Магомед-кадия Акушинского Абакар-Хаджи. На военно-политической арене Абакар-Хаджи появляется в 1843 г., когда уже полностью перешел на сторону Шамиля и его отец Магомед-кадий. Во время штурма Гергебильского укрепления акушинский кадий Магомед, находившийся в Левашах с 3-тысячным отрядом, послал своего сына Абакар-Хаджи с отрядом из акушинцев на помощь штурмующим войскам Шамиля. После падения Гергебильского укрепления к имаму явились цудахарский кадий Аслан и акушинский кадий Магомед⁴. Как писал Мухаммед-Тахир, в ноябре 1843 г., «чтобы окончательно посорить русских с акушинцами, имам послал сына Мухаммед-кадия, Абакар-Хаджи с его сородичами для захвата русского скота»⁵. И хотя большинство из отряда, опасаясь встречи с русскими и сомневаясь в том, что Абакар-Хаджи предпринял эту акцию с согласия отца, вернулось обратно, 18 смельчаков во главе с Абакар-Хаджи захватили 300 гололов рогатого скота. После этого акушинцы во главе с Абакар-Хаджи вместе с таркинцами и другими жителями окрестных сел напали на судно русских «Макар», груженное разными дорогими товарами, захватили и поделили всю добычу между собой. После взятия Шамилем Темир-Хан-Шуры отсюда была послана «крупная часть акушинских мюридов для взятия укрепления Тарки»⁶. Даргинцы потерпели поражение от подоспевших на помощь осажденным русским войскам.

1 ДГСВК. С. 641-643.

2 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Д. 93.

3 Абдурахман. Воспоминания / Пер. с араб. Омарова Х.А. С. 477.

4 Мухаммед Тахир. Три имама. Махачкала, 1990. С. 72.

5 Там же.

6 Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Указ. соч. С. 14-15.

Как видно, все военные мероприятия конца 1843 г., в которых участвовали жители Акуша-Дарго, связаны с Абакар-Хаджи. И в дальнейшем он оставался одним из стойких сторонников Шамиля. В январе 1844 г. Абакар-Хаджи вместе с Магомед-кадием находился в даргинских селах союзов Каба-Дарго и Хамур-Дарго с целью атаковать отряд царских войск, расположенный в Каякенте. В апреле 1844 г. Абакар-Хаджи возглавил даргинское войско, посланное на помощь Омар-беку Башлинскому. В связи с этим Мухаммед-Тахир аль-Карахи писал: «Омарал-Хайдаки попросил у имама дать войска для покорения той округи, откуда он родом. Имам послал мухаджира кривого Мухаммеда-Эфенди ал-Хуми с отрядом и приказал ему присоединить к этим войскам из вилаята наиба Арслана ац-Цадакари и вилаетов кадия Мухахаммеда – наиба Акуши. Они остановились в Цадакаре у кадия Арслана. Забрали у него ополчение, двинулись дальше и остановились у кадия Мухаммеда в Акуши. Акушинцы послали свое войско во главе с Хаджи-Абакаром. Затем подчинили жителей Кишабе, Маджалиса, Хайдак, Табасаран, Даракама, Баршалы, Уртамыш и вернулись обратно»¹.

В апреле 1844 г. Аслан-кадий во главе сильного отряда выступил по правому берегу Казикумухского койсу, занял села Шуни, Хунала, Убра, Вильтехлю. В это время брат Аслан-кадия собрал отряд из сюргинцев более 2-х тыс. человек с целью прервать сообщение с Самуром, возмутить жителей в окрестностях Чираха и тем распространить волнения².

В мае 1844 г. русское командование намеривалось пойти на Акуша. Поэтому и Шамиль решил усилить свои войска в Кадаре и Акуша. Даргинцы расположились на реке Урма-озень. Их вскоре возросло до 5 тыс. человек. Сын акушинского кадия Абакар-Хаджи прибыл с отдельным отрядом в Кадар, и количество войск здесь дошло до 10 тыс. человек³. Даргинские отряды, возглавляемые Магомед-кадием и Аслан-кадием, заняли кадарские хутора⁴.

Активное участие принимал Абакар-Хаджи в сражении даргинцев вместе с войсками Шамиля против русских войск 6 июня 1844 г., произошедшем в районе Кака-Шура, Доргели и Гели. Горцы потерпели поражение, потеряв 245 человек убитыми, не менее 500 человек было

¹ Там же. С. 73.

² АКАК. Т. IX. С. 825.

³ История Апшеронского полка. 1700 – 1892 / Сост. Л. Богуславский. СПб., 1892. Т. II. С. 106.

⁴ Там же. С. 107.

ранено. Шамиль ушел в Цудахар, а оттуда в Аварию, на всей территории даргинцев расположились царские войска. В связи с прибытием многочисленных царских войск в Акуша-Дарго, жители на общем сходе решили покориться царскому правительству. Однако Аслан-кадий и Магомед-кадий не согласились с таким решением. Аслан-кадий советовал не приводить в исполнение это решение до выяснения итогов сражения между Шамилем и правительственными войсками.

В начале июля 1844 г. главные силы Шамиля занимали позиции на высоком хребте по дороге в Цудахар. Когда противник занял ближайшие высоты и готовился к наступлению, Шамиль снялся с этих позиций и отошел к Цудахару. Этим Шамиль решил завлечь противника в более труднодоступные места, где он не смог бы полностью развернуться. Однако ген. Лидерс воспользовался этим отходом и немедленно направил по двум дорогам основные силы, преодолевая на каждом шагу местные преграды. Шамиль отступая остановился на левом берегу Казикумухского Койсу и потребовал, чтобы жители Цудахара переселились в горы. Только 16 семей родственников Аслан-кадия последовало приказу Шамиля. Другие жители с появлением головных частей правительственных войск у Цудахара открыли перестрелку с мюридами. В окрестностях Цудахара, на подъеме, ведущем к Салты, произошел жестокий бой. Шамиль в этот день потерял 5 орудий, одно орудие без лафета было найдено в цудахарской мечети. К вечеру Шамиль отступил к сел. Кудали¹.

Подводя итоги военных действий за 1844 г. ген. Бебутов отметил причины поражения правительственных войск: слабость правительственных войск в Нагорном Дагестане и полководческие способности Шамиля. Самым большим ударом для царской армии был переход Акуша-Дарго на сторону Шамиля, который нанес большой вред отступающим русским войскам, помещал их объединению и тем самым лишил возможности осуществления предпринятых командованием колониальных войск планов.

Следует отметить, что русские власти на Кавказе в начале 1840-х гг. осуществили новые преобразования в административном устройстве Восточного Кавказа. В 1840 г. было утверждено учреждение Каспийской области, в которую наряду с прочими землями вошли восточная полоса Дагестана до Гимринского хребта, а также Дербентская и Кубинская провинции, названные уездами (они соседствовали с Закавказским

¹ АКАК. Т. IX. С. 854.

краем). Высшее управление этими уездами было передано дербентскому военно-окружному начальнику. Кроме Дербентского и Кубинского уездов, в Дербентский военный округ были включены шамхальство Тарковское, ханства Аварское, Кюре-Кази-Кумухское и Мехтулинское, Самурский округ и «земли лезгин» (куда входили все джамааты южнее Аварского Койсу). Заметим, кстати, что до 30-х гг. XIX в. Сирха входила в Кубинский уезд, а Акуша-Дарго и Кайтаг-Дарго – в Дербентский уезд, теперь же Сирха вошла по собственному решению в Акуша-Дарго. В 1841 г. в связи с царским повелением от Дербентского военного округа временно были отделены шамхальство Тарковское, ханства Аварское и Мехтулинское, общества между Андийским и Аварским Койсу и из них было создано особое управление под начальством командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане. В 1844 г. царским же повелением Кубинский и Дербентский уезды, Самурский округ и Южный Дагестан (т.е. пространство южнее Аварского Койсу) объединили в управление генерал-лейтенанта князя Аргутинского-Долгорукого.

Акуша-Дарго сохранило свою традиционную структуру и кадийское управление. Более того: начиная с 1840 г. русская администрация признала Каба-Дарго шестым обществом Акуша-Даргинской федерации (хотя каба-даргинцы присоединились еще в начале XIX в.). Если раньше русские власти довольствовались признанием своего верховенства во «внешних делах» Акуша-Дарго, то с лета 1844 г. в Акуша назначался пристав, управляющий Даргинским округом, контролировавший всю внутреннюю жизнь Акуша-Дарго. О его задачах и обязанностях можно судить по «Предписанию» от 4 ноября 1844 г. Эта детальная инструкция была составлена Аргутинским. Он знакомит его со структурой Акуша-Дарго; резиденцией пристава назначает Акуша, где создается целый аппарат, неподконтрольный ни кадию, ни народному собранию: Оленичу назначается помощник, переводчик-мирза, два русских военных писаря и 14 нукеров (4 из Акуша и по 2 – из остальных обществ, все «из лучших семейств»). На содержание всего аппарата выделяется 4090 руб. в год, а кроме того, «на угощение и подарки» 1500 руб. серебром.

Как и раньше, все дела жителей Дарго по-прежнему разбираются и решаются главным кадием и магальными кадиями на основании «народных обычаев», но теперь управляющий может утвердить или отменить их решения, а также принимать дела к пересмотру. Аргутинский советует Оленичу всеми мерами не допускать народных собраний, решая важные

дела Дарго лично с кадиями, и лучше всего, если порознь с каждым¹.

В начале 1845 г. Шамиль решил опять захватить Акуша-Дарго. Когда он стал угрожать Чоху, кн. Орбелиани послал на помощь чохцам начальника Даргинского округа майора Оленича с акушинцами, цудахарцами и казикумухцами. Увидев многочисленность войск Шамиля, акушинцы разошлись по домам, а после неудачного боя вернулись в свои общества и цудахарцы для охраны своих границ от мюридов. Оленич опять пришел в Акуша, чтобы собрать ополчение. Он стал насильно набирать из жителей Акуша-Дарго новую милицию. Оленич был убит в доме Магомед-кадия сторонниками Шамиля во главе с сыновьями кадия Абакар-Хаджи и Иса. По сообщению же исполняющего должность дербентского военно-окружного начальника полковника Бучкиева генералу Нейдгарту, «причиной убийства Оленича было грубое обращение его с жителями и нетерпимое между туземцами внимание к женщинам»². После этих событий, боясь наказания, акушинцы открыто не поддерживали мюридов. 4 марта в Леваши пришли старшины даргинских обществ, кроме Акуша, с изъявлением покорности³. Когда же царские войска во главе с князем Кудашевым приблизились к Акуша, навстречу вышли старшины его с изъявлением покорности⁴. Магомед-кадий бежал, но вскоре сдался. Кадием был назначен сторонник России Зухум. Но Абакар-Хаджи остался верен Шамилю. Сторонники Шамиля во главе с Аслан-кадием Цудахарским ушли в Салта. Туда же прибыл со своими сторонниками и Абакар-Хаджи. В Акуша осталось много его сторонников. Как писал А. Ржевуский, хотя акушинцы и участвовали вместе с русскими войсками в борьбе против мюридов, они «не были расположены к русским»⁵. Помогал Абакар-Хаджи его брат Иса. После того как напавшие на Цудахар и Хаджал-Махи 30 ноября 1845 г. мюриды, численностью 12-14 тыс. человек, были опрокинуты, Иса тайно проник в Акуша и призвал к выступлению против русских, но, узнав, что его хотят захватить, бежал.

Абакар-Хаджи, как и Аслан-кадий Цудахарский, был решительно настроен продолжить борьбу. В августе 1845 г. первый из них прибыл в Салта, чтобы уговорить местное население присоединиться к борьбе

1 Магомедов Р.М. Даргинцы... Ч. 2.С. 431- 432.

2 Ржевусский А. 1845-й год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 271.

3 Там же. С. 254-256.

4 Там же. С. 273.

5 Там же. С. 474.

против России. Абакар-Хаджи с той же целью прибыл в Кудали. Ген. Аргутинский потребовал от цудахарцев решительных мер для изгнания Аслан-кадия и Абакар-Хаджи. Но он не решился пойти против них, решив, что более благоразумным будет ограничиться защитой линии по Казикумухскому Койсу, чем рисковать с целью удержать Салта и Кудали, жители которых всегда относились к русским враждебно, а теперь, после агитации Аслан-кадия и Абакар-Хаджи, тем более.

В начале сентября стали распространяться слухи, о том что Шамиль намерен открыть военные действия по 3 направлениям: даргинское, казикумухское и самурское. Военное командование готовилось встретить Шамиля. В середине сентября Аслан-кадий с отрядом выступил к Цудахару, но усиленная цудахарская милиция преградила ему путь. Видя, что без боя его не пропустят в село и не желая кровопролития, он вернулся в Салта.

Шамиль дал в полное распоряжение Аслан-кадия войска со всех наивств лежавших по обеим сторонам Аварского Койсу. Аслан-кадий двинул часть отряда в Гергебиль и Кикунь, сам же с другой частью отправился в Салта. В это время дагестанский отряд под командованием Орбелиани подошел к Леваши, чтобы оттуда иметь возможность в случае надобности, поддержать Цудахар, Хаджал-Махи или Кутиша ¹.

Аслан-кадий с отрядом расположился на цудахарских хуторах. Военное командование сильно беспокоило такое близкое расположение Аслан-кадия с отрядом недалеко от Цудахара. Орбелиани писал Аргутинскому: «Аслан-кадий по одному только личному своему влиянию занял Салты, Куппа, Цудахарские хутора и нужно опасаться, что по той же причине легко мог успеть проникнуть в Цудахар, и тогда вся Акуша без сопротивления перешла бы на сторону Шамиля». По этим соображениям он предлагал действовать с целью изгнания Аслан-кадия с занятых позиций ².

30 ноября 1845 г. значительный отряд мюридов, собранный из близлежащих сел Салта и Гергебиль, напал на Цудахар и Хаджал-Махи. Но к вечеру он вынужден был отойти в Кудали. Тогда же Даниел-бек с несколькими наибами при одном орудии расположился в трех верстах от Хаджал-Махи и оттуда написал письмо жителям, в котором он призывал

¹ Ржевусский А. Указ. соч. С. 472.

² РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 16.

их присоединиться к мюридам и совместно выступить против русских войск ¹. В связи этим в Хаджал-Махи был направлен отряд ген. Кудашева в составе 4-х батальонов пехоты, 2-х батальонов егерей, 3-х оружий с дагестанскими всадниками, и частью акушинской и цудахарской милиции. Спустившись в Хаджал-Махи ген. Кудашев занял позицию напротив места расположения горцев. После артиллерийского обстрела позиций горцев ген. Кудашев начал наступление. Даниел-бек, видя превосходящие силы противника, не принял бой и отступил ².

И в 1846 г. Акуша-Дарго в планах Шамиля продолжало занимать одно из центральных мест. Осенью Шамиль возобновил наступление на Акуша-Дарго. Цудахарский кадий, поставленный русскими властями, встречался с военным командованием, писал письма с просьбой ускорить выступление царских войск ³. В октябре отряды Шамиля появились за Кара-Койсу. Аргутинский, совершавший обход по Даргинскому округу, срочно вернулся в Кумух, и по дороге разослал приказание всем немедленно двигаться туда же.

9 октября пикеты Шамиля расположились на Турчидаге, а сам Шамиль с основными силами направился к Цудахару. Надеясь на укрепленные позиции села, ген. Аргутинский требовал от цудахарцев оказать сопротивление и продержатся до прибытия войск. Мюриды переправившись через Казикумухское Койсу между селениями Цудахар и Хаджал-Махи, подошли к Цудахару со всех сторон и после небольшой перестрелки вошли в село. Шамиль овладел Цудахаром с помощью своих приверженцев из этого села. Они и привели мюридов через Койсу к Санамахи, которая без сопротивления приняла мюридов. Мюриды атаковали укрепление цудахарского моста с правого берега реки, где позиция не представляла больших препятствий для атакующих. Несмотря на это, прапорщик Муртазаали Цудахарский с отрядом в 30-40 человек заперся в мостовой башне и оказывал сопротивление в течение дня. Когда башня была взята, многие жители, принявшие участие в сопротивлении, бежали из села. Мюриды разграбили оставленное ими имущество, а дома предали огню ⁴. Ген. Аргутинский не смог вовремя оказать помощь. 10 и 11 октября Шамиль был в Цудахаре, а 12 октября он занял Акуша и

1 Мансурова А.Г. Указ. соч. С. 146.

2 ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 910. Л. 220.

3 ДГСВК. С. 579.

4 ДГСВК. С. 530.

предложил вместо 90-летнего Зухума назначить кадием Абакар-Хаджи. Заняв должность кадия, Абакар-Хаджи стал призывать жителей Акуша поддержать Шамиля. Однако он не имел особого успеха, ему удалось собрать всего около 250 сторонников, которые даже не приняли участия в сражении, произошедшем 16 октября в сел. Кака-Махи, где Шамиль был разгромлен русскими войсками, после чего он через Хаджал-Махи ушел в Гочатль ¹. Однако ген. Аргутинский отмечал, что среди даргинцев были фанатики, которые тайно проповедывали ненависть к неверным, многие из них отчаянно сражались на стороне Шамиля ².

11 октября ген. Бебутов сообщал главнокомандующему, что «Акуша отложились и жители ее пристали к Шамилю; они с давних пор находились в тайных сношениях с ними и измена их давно подготовлена. Вот почему они не только не требовали никакой помощи от русских, но даже старались скрывать от всех наступление Шамиля к границам Даргинского округа ³. Кроме того, стада баранов даргинцев не были перегнаны на плоскость; на работах в Кизляре было мало людей. Собрав эти и другие сведения, полковник Веревкин пришел к выводу, что существовал заговор и даргинцы ждали Шамиля ⁴.

Во время октябрьского похода Шамиль планировал пройти через Цудахар и Хаджал-Махи и ликвидировать эти укрепления, запирающие главный проход в Даргинский округ и далее в Южный Дагестан. По этой причине Шамиль уговаривал жителей Цудахара и Хаджал-Махи переселиться в другие места. Многие жители последовали уговорам имама: одни из-за страха, другие же в поисках спокойного места жительства. Командование колониальных войск использовало эти многолюдные населенные пункты как передовые укрепления, запирающие главный проход и им было совершенно не выгодно ликвидация этих пунктов. По этой причине Аргутинский после отхода Шамиля выделил средства для восстановления этих сел и для их укрепления, а также заселил туда жителей.

После вторжения Шамиля в Даргинский округ командование русских войск срочно начало стягивать основные силы к границам Даргинского округа, чтобы не допустить распространения движения в Мехтулинское

1 КС. Т. XIV. С. 513.

2 Там же. С. 515.

3 Там же.

4 Там же. С. 532.

ханство и владения шамхала Тарковского, многие жители которых тайно сочувствовали восстанию и ждали только случая примкнуть к движению. После отступления Шамиля по приказу командующего войсками все должностные лица Даргинского округа с управляющим округом Зухум-кадием во главе, были оставлены на своих местах. Аргутинскому было предписано потребовать выдачи тех лиц, которые способствовали приходу Шамиля, облагать только виновных контрибуцией, состоящей в безвозмездном снабжении войск дровами, перевозке провианта, исправлении дорог ¹.

В конце 1846 г. Шамиль снова решил занять Даргинский округ. В декабре 1846 г. мюриды неожиданно вновь заняли Цудахар и Хаджал-Махи. В Темир-Хан-Шуре поднялась тревога, военное командование начало стягивать войска в горы. Когда выяснилось, что они полностью сосредоточены в Даргинском округе, отряды мюридов ушли за Аварское Койсу². «Настойчивость, с которой возобновились попытки Шамиля овладеть Даргинским округом, объясняется очень просто: отсюда он мог взволновать Мехтулу, Шамхальство, Кайтаг и Табасаран; крамола могла распространиться и далеко на юг, проникнуть в Кюринское ханство, Кубинский уезд и даже на Самур... Вот почему Шамиль дорожил вечно ускользавшим от него Даргинским округом», – писал А. Ржевусский ³.

Абакар-Хаджи по-прежнему помогал усилению влияния Шамиля среди даргинцев. Прапорщик царской армии Зухум-кадий решил своими силами расправиться с Абакар-Хаджи, все еще надеявшимся вернуться в Акуша. В сражении, произошедшем 17 января 1847 г., Зухум-кадий потерпел поражение. Абакар-Хаджи решил идти на Акуша и 25 января вступил в перестрелку с усишинским кадием прапорщиком Иса ⁴. Однако Абакар-Хаджи не имел особых успехов, и, вернувшись в Салта, стал здесь набом.

К этому времени относится и возвращение Магомед-кадия Акушинского, который обратился с письмом к Шамилю: В нем Магомед-кадий обвинял Шамиля, что он «сбил с пути мусульман-суннитов», что позволяет «убивать мусульман, проливать мусульманскую кровь, грабить их имущество». Далее он писал Шамилю: «Все, что ты творишь, противоречит правильной линии пророка мусульман... беспорядки в Дагеста-

¹ Мансурова А.Г. Указ. соч. С. 153.

² КС. Т. XIV. С. 540.

³ Там же. С. 551-552.

⁴ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847 год // КС. Т. VI. С. 497.

не, война и вражда являются результатом твоих распоряжений»... «Дагестан не в силах воевать с русскими и изгнать их из Дагестана», если даже «все народы Дагестана душой и языком объединятся».

Мы не знаем, сам ли добровольно, в силу своей убежденности, реального понимания и оценки сложившейся в Дагестане обстановки, написал это письмо Магомед-кадий или к этому принудили его какие-то силы, обстоятельства. Но письмо его – показатель существования в рядах высшего мусульманского духовенства Дагестана раскола, что, конечно, не способствовало единению горцев в их борьбе с царизмом.

Но как бы ни повел себя Магомед-кадий, его сын Абакар-Хаджи не свернул с пути борьбы на стороне Шамиля и после этого. Он был в гуще событий, происходивших в конце 40 – 50-х годов XIX в. в Центральном Дагестане. А событий здесь было много, и они были связаны с неослабевающим интересом противоборствующих сторон к Акуша-Дарго. Более того, активность Абакар-Хаджи проявилась и в других местах, в частности в Кайтаге.

После неудачных походов в Кайтаг и Табасаран наибов Шамиля (1851г.) и Бук-Магомеда (1852 г.) Шамиль в 1853 г. намеревался подчинить себе эти округа, где его сторонники действовали «в пользу мюридизма»¹.

Абакар-Хаджи по-прежнему продолжал агитировать даргинцев против русских. Он сыграл огромную роль в волнениях и беспорядках, происходивших со второй половины 1853 г. в Даргинском округе. В этом ему помогали многочисленные родственники, проживавшие в Акуша. Среди них, да и у всего народа, Абакар-Хаджи пользовался большим авторитетом и имел на них большое влияние.

Имеются сведения и том, что Абакар-Хаджи был наибом Шамиля в сел. Кикунь и играл активную роль в борьбе с царскими войсками под Гергебилем в августе 1854 г., принимал меры для заманивания конного отряда царских войск в засаду².

Как видно из приведенных данных, в освободительном движении народов Дагестана федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго в дошамилевский период не принимала активного участия в антицарских выступлениях, не проявила особой склонности к утверждению у них шариата, к чему их призывали имамы Гази-Магомед и Гамзат-бек.

¹ ДГСВК. С. 648.

² Там же. С. 638.

Однако в период имама Шамиля Акуша-Дарго играло важную роль. Во-первых, федерация являлась своего рода буферной территорией, надежно защищавшей Имамат, так как русские боялись вводить войска в общества Акуша-Дарго, опасаясь восстания многочисленного и сильного народа; во-вторых, Акуша-Дарго играло важную роль в экономической жизни Имамата. Когда военные заняли плоскость и запретили горцам торговлю, жители Акуша-Дарго как подданные России, которые имели право свободной торговли по территории России, стали посредниками, покупая товары и передавая их воюющим горцам. Фактически Акуша-Дарго обеспечивало всеми необходимыми товарами и вооружением Имамат, приобретая их как в самой федерации, так и посредством ее жителей в других владениях Дагестана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались, на основании доступных нам материалов, дать картину средневековой истории верхнедаргинских объединений так называемых «вольных» обществ входивших в федерацию Акуша-Дарго. Изучение и анализ этих материалов позволяют, как нам кажется, сделать некоторые выводы.

Многовековая история верхнедаргинцев – это часть истории народов многонационального Дагестана. Она была тесно связана с историей других народов Страны гор. Долгое время они входили в одни и те же политические образования, существовавшие на территории Дагестана.

Первым известным этническим государственным образованием, куда входили верхнедаргинцы, являлся Шандан. В середине XI в. под ударом внешних врагов Шандан распался, после чего верхнедаргинские общества попадают под влияние, и даже зависимость от различных политических образований Дагестана. Это обстоятельство явилось одной из главных причин образования военно-политического союза верхнедаргинцев, куда входили Акушинский, Усишинский, Мугинский, Мекегинский, Цудахарский союзы сельских общин.

Образование федерации союзов относится на многие века раньше исследуемого периода. Объединение союзов сельских общин в военно-политический союз в условиях постоянной внешней опасности являлось большим шагом на пути этнического объединения верхнедаргинцев и образования единой государственной организации.

Хотя вплоть до середины XVII в. Акуша-Дарго и находилось в составе шамхальства, верхнедаргинцы во всех вопросах внутренней жизни являлись абсолютно самостоятельными. Но выход из шамхальства не освободил их от поземельной зависимости. Поэтому и в дальнейшем верхнедаргинцы находились в наиболее тесных связях с шамхалами, которые являлись собственниками основных зимних пастбищ Дагестана. Однако именно с этого периода, когда они стали политически самостоятельными, начинается возвышение и рост влияния в политической жизни Дагестана федерации Акуша-Дарго, как одного из сильных политических образований, с которым не могли не считаться феодальные владетели Дагестана и к помощи которого постоянно обращались они.

В исследуемый период федерация союзов занимала довольно большую территорию Среднего Дагестана.

Население союза жило «во многих деревнях» и по своему количеству превышало население даже ряда феодальных владений Дагестана. Этнически оно было неоднородно.

Главным занятием населения Акуша-Дарго было земледелие и скотоводство. В виду гористости территории пригодных к хлебопашеству земель было в недостаточном количестве. Не хватало также и пастбищ. Поэтому верхнедаргинцы арендовали зимние пастбища у шамхала Тарковского и уцмий Кайтагского, а летние в Казикумухском ханстве и в Сюрга.

В рамках натурального хозяйства развивались домашние промыслы, которые играли в хозяйственной жизни горца немаловажную роль. Особо сильно была развита в федерации обработка шерсти и выделка «лезгинского» сукна.

Основой производственных отношений в Акуша-Дарго являлась частная собственность на землю. Частная собственность являлась основной формой землевладения. Кроме того, существовали мечетская собственность – вакуф, тухумная собственность и собственность сельских общин.

Развитие классовых отношений у верхнедаргинцев происходило по линии выделения привилегированной общинно-административной знати, которая сосредотачивала большие участки земли, скот и различное богатство.

«Главным феодалом» Акуша-Дарго, имевшим в собственности большие земли и огромные стада скота, являлся акушинский кадий, власть которого была наследственной в кадиевской фамилии. Ниже на иерархической лестнице стояли кадии союзных обществ, а еще ниже – кадии сельских обществ и старшины, которые в ряде обществ (Мекегинское, Мугинское и Цудахарское) являлись представителями тухумов, имевших «исключительное право на замещение должностей».

Наряду с феодализирующей частью населения во главе с наследственными кадиями и старшинами в верхнедаргинских обществах выделялись еще три основных слоя населения, различавшиеся по своему экономическому и политическому положению. Это 1. **Уздени – собственники** земельных участков и скота, являвшиеся основной частью населения союза; 2. **Уздени**, лишившиеся средств производства и попавшие в определенную зависимость от феодализирующей знати и 3. **Рабы-лагъи**, находившиеся в бесправном положении, в полной личной зависимости от хозяина.

Формой эксплуатации все еще юридически свободных общинников являлась родовая взаимопомощь – «билхъа», повинности в пользу мечети и их служителей – обязанность обрабатывать вакуфные земли, мечетская десятина или закят, всевозможные штрафы за нарушение установленных норм адата, которые шли главным образом в пользу административно-должностных лиц.

Развитие феодальных отношений в Акуша-Дарго происходило в условиях влияния и непосредственной связи с окружающими феодальными владениями Дагестана. Жители союза попали в поземельную зависимость от шамхала и уцмий, которым не только платили натуральную ренту, но и поставляли в необходимых случаях им вооруженных людей.

В жизни верхнедаргинских обществ все еще большую роль играли пережитки патриархально-родового строя. Джамаат, представляющий из себя сельскую общину, характеризовался господством обычаев, сохранившимися местными переделами пахотной и сенокосной земель и совместным (общинным) пользованием пастбищами и лесом.

Тухум, хотя и терял свое прежнее экономическое (поземельное) значение, но все еще представлял собой пережиточно сохранившуюся форму патриархально-домашней общины с определенным идеологическим, общественным и хозяйственным единством.

Вместе с тем приводимый в работе конкретный материал показывает, что родовые формы и отношения сохранились только в виде пережитков, содержание которых не соответствовало новым, зародившимся еще задолго до исследуемого периода общественным отношениям. Под внешней оболочкой форм народовластия, характерных периоду военной демократии, в исследуемый период в Акуша-Дарго действуют развивающиеся феодальные отношения со своими специфическими особенностями, выразившимися не только в сочетании форм старого, патриархально-родового уклада, устойчивость которых объясняется низким уровнем производительности труда, натуральностью хозяйства, природными особенностями, своеобразием исторического развития, но и в наличии особенностей, характерных для теократической формы политического управления. В этом и заключается отличие формы общественного устройства федерации союзов верхнедаргинских сельских общин от феодальных владений и других так называемых «вольных» обществ Дагестана.

Наличие пережитков патриархально-родовых отношений, являлось показателем недостаточной зрелости феодальных отношений в Акуша-Дарго. В своем развитии Акуша-Дарго еще не дошло до такого уровня, на каком стояли более развитые феодальные владения Дагестана. Феодализирующаяся знать во главе с акушинским кадием не успела еще превратиться в настоящих, в полном смысле слова феодалов-эксплуататоров, обладающих правом внеэкономического принуждения по отношению к остальной массе сельской общины.

Решающую роль в светской и религиозной жизни как на местах, так и в союзе в целом играло духовенство. Во главе политической власти стоял акушинский кадий, который являлся верховным правителем, судьей и военачальником. Он же являлся руководителем правоверных в общественном богослужении, форма наследования власти акушинского кадия также аналогична той, которая была характерна для восточной теократии, например, для халифата, как особой системы церковно-государственного управления. Как и в халифате, в Акуша-Дарго не было прямой преемственности наследников. Было не обязательно, чтобы преемственность следовала по прямой линии, т.е. от отца к сыну.

Характерной особенностью общественно-политического устройства Акуша-Дарго являлась и относительно слабая зависимость сельских общин от центральной власти. «Вольные» общины, образовавшие федерацию Акуша-Дарго, были подчинены федеративной политической власти только в вопросах войны и мира, защиты ее территориальной целостности, т.е. в тех вопросах, которые касались федерации в целом. Во всех же остальных целях они сохраняли административно-политическую самостоятельность. Местные административно-должностные лица (кадии, старшины и т.д.) сосредоточили в своих руках полномочия по местному, как-бы автономному управлению, которое распространялось и на гражданское законодательство. Каждое «вольное» общество имело свои адаты, по которым и управлялось оно.

Аналогичную самостоятельность от центра мы видим и в «Божьей общине» Магомеда, где «отдельные племена и роды сохраняли полное внутреннее самоуправление и оставались под властью своих выборных старшин. Власть пророка простиралась только на дела, касающиеся всей общины и на споры между различными племенами».¹

¹ Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. СПб., 1903. С. 3.

Главной причиной, чем было обусловлено появление у верхнедаггинцев такой формы политического устройства, являлось активное иноземное вмешательство.

В исследуемый период Акуша-Дарго вела активную внешнюю политику. Верхнедаггинцы не только участвовали в борьбе народов Дагестана против иноземных завоевателей, но и в междоусобице феодальных владетелей. Участие в походах являлось одним из факторов увеличения богатства феодализирующейся знати. Все сказанное дает нам основание сделать вывод о том, что господствующими в федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII–XIX вв. общественно-экономическими отношениями являлись раннефеодальные со значительными пережитками патриархально-родового строя.

В общем Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в. проявило себя очень активным игроком на политической арене Дагестана. Акуша-Дарго фактически принимало самое активное участие во всех политических событиях Дагестана. Оно стало субъектом международной политики на Кавказе. Монархи, соперничавших на Кавказе держав – России, Турции и Ирана, отводили ему большую роль в проведении своей политической линии в Дагестане. Большую роль, в особенности, отводило русское военное командование на Кавказе Акуша-Дарго в политических событиях в Дагестане в конце XVIII – первой половине XIX в. От его позиции фактически зависело дальнейшее укрепление России в регионе в целом, поскольку в это время Акуша-Дарго было наиболее сильной и влиятельной политической единицей в Дагестане, что признавали как русские военные власти, так и сами дагестанские владетели.

В освободительном движении народов Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго в дошамилевский период не принимала активного участия в антицарских выступлениях, не проявила особой склонности к утверждению у них шариата, к чему их призывали имамы Гази-Магомед и Гамзат-бек.

Однако в период имама Шамиля Акуша-Дарго играло важную роль. Во-первых, федерация являлась своего рода буферной территорией, надежно защищавшей Имамат, так как русские боялись вводить войска в общества Акуша-Дарго, опасаясь восстания многочисленного и сильного народа; во-вторых, Акуша-Дарго играло важную роль в экономической жизни Имамата. Когда военные заняли плоскость и запретили

горцам торговлю, жители Акуша-Дарго как подданные России, которые имели право свободной торговли по территории России, стали посредниками, покупая товары и передавая их воюющим горцам. Фактически Акуша-Дарго обеспечивало всеми необходимыми товарами и вооружением Имамат, приобретая их как в самой федерации, так и посредством ее жителей в других владениях Дагестана.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Источники

А) Архивные материалы

Архив внешней политики России (АВПР)

1.1 Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1.

1721 г. – Д. 8; 1725 г. – Д. 9; 1727 г. – Д. 3; 1728 г. – Д. 8; 1732 г. – 5; 1734 г. – Д. 7; 1735 г. – Д. 11; 1741 г. – Д. 4; 1742 г. – Д. 10.

1.2 Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1.

1722 г. – Д. 6; 1728 г. – 1728 г. – Д. 4; 1729 г. – Д. 5; 1734 г. – Д. 4; 1735 г. – Д. 6; 1741 г. – Д. 4; 1741 г. – Д. 12.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1.3 Ф. Кумыкские дела. 1719 г. Ч. 121. Д. 1.

1.4 Ф. 77. Персидские дела. 1673-1675 гг.

1.5 Ф. Кабинет Петра. Отд. II. Кн. 54.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1.6 Ф. ВУА. Д. 2062, 2804, 6164, 6234, 6244, 6246, 6306, 6344, 6403, 6478, 6494, 6512, 6514, 6528/ч. II/, 18474, 18479, 18502, 20113, 20485, 21192.

1.7 Ф. 52. Оп. 194. Д. 286 /ч. I/, 366 /ч. I/, **связка 114, 366 /ч. 4/416 /ч. 4/416 /ч. I/, 563.**

1.8 Ф. 205. Оп. 1. Д. 139.

1.9 Ф. 414. Д. 300, 301.

1.10 Ф. 416. Д. 277.

1.11 Ф. 482. Д. 101, 127, 132.

1.12 Ф. 1264. Оп. 1. Д. 545.

1.13 Ф. Сношения России с Персией. 1723 г. Д. 2, 6 /ч. I/, 8.

1.14 Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Д. 4, 6 /ч. I/.

Государственное учреждение «ЦГА РД» (ГУ «ЦГА РД»)

1.15 Ф. 1. Оп. 1. Д. 138.

1.16 Ф. 2. Оп. 1. Д. 14.

1.17 Ф. 18. Дербентский комендант. Оп. 1. Д. 133.

1.18 Ф. 21. Дагестанский областной статистический комитет, гор. Темир-Хан-Шура. 1864-1918 гг. Оп. 3. Д. 38; Оп. 5. Д. 38.

1.19 Ф. 90. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1877-1898 гг. Оп. 1. Д. 7.

1.20 Ф. 126. Канцелярия начальника Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. Оп. 2. Д. 7а.

1.21 Ф. 150. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения южного Дагестана, гор. Дербент Дагестанской области. 1869-1882 гг. Оп. 1. Д. 18.

1.22 Ф.379. Канцелярия коменданта г. Кизляра. Оп. 1. Д. 17, 65, 678, 2929, 2690, 3320, 3337, 3902,

Б) Материалы рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН

1.23 Адааты и обычаи даргинцев. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.

1.24 Али Акушинский. /Даргинское народное сказание/. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26.

1.25 Аннотированный список произведений арабских и персидских писателей, отражающих историю Кавказа из книги «История Грузии с древнейших времен до XIX века» / Перевод с французского языка З. Кидаловой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46.

1.26 Алиев Б.Г. Крупное феодальное и мечетское землевладение в Дагестане. Ф. 3. Оп. 1. Д. 264.

1.27 Выдержки из «Истории Темир-бека, под именем великого Тимурлана, императора монголов и татар» Шереф-ад-дина Али из Йезди / Перевод с французского языка З. Кидаловой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48.

1.28 Выдержки, касающиеся истории Дагестана из книги – «Путешествие в Астрахань и на Кавказ». Первоначальная история народов, обитающих в этих странах. «Новое описание Понта Эвксинского графом Иваном Потоцким». Работы, опубликованные и снабженные заметками и таблицами М. Клапротом. Париж, 1829. Т. I–II / Пер. с франц. З. Кидаловой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 57.

1.29 Выдержки, касающиеся истории Дагестана, из книги «История Надир-шаха», известного под именем Тахмас Кули хана, – императора Персии. Лондон, 1770 / Пер. с франц. З. Кидаловой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56.

1.30 Выдержки, касающиеся народов Северного Кавказа из книги М. Клапрота «Историческая, географическая и политическая карта Кавказа

и провинций находящихся между Россией и Персией». Париж: Лейпциг 1827 / Пер. с франц. З. Кидаловой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76.

1.31 Выписки из материалов Архива внешней политики России, сделанные научным сотрудником А.И. Тамаем по истории Дагестана XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 389.

1.32 Далгат Б. Героические песни, сказки и пословицы. (Даргинский язык). Ф. 9. Оп. 1. Д. 117.

1.33 Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28.

1.34 Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31.

1.35 Даргинские сказки, собранные А.И. Алиевым. Ф. 9. Оп. 1. Д. 118.

1.36 Даргинские пословицы, поговорки, загадки, собранные Б. Магомедовым. Ф. 9. Оп. 1. Д. 237.

1.37 Даргинский фольклор, собранный С. Абдуллаевым. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115.

1.38 Документы по русско-дагестанским отношениям (1614–1724). Ф. 1. Оп. 1. Д. 434.

1.39 Документы по русско-дагестанским отношениям XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436.

1.40 Документы по истории Дагестана XIX в. Выявлены проф. В.Г. Гаджиевым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551.

1.41 Документы по истории Дагестана, собранные учителям Ахтынской средней школы №2 Б.А. Алиевым. Араб. яз., турец. яз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 392.

1.42 Завещание Мухаммеда б. Тараб. Завещание Андоника / Перевод с арабского языка М.-С. Саидова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218.

1.43 Ермолов А.П. Рапорты Александру I. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71.

1.44 Каяев Али. Биография дагестанских ученых. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.

1.45 Каяев Али. Материалы по истории лаков. Ф. I. Оп. I. Д. 444.

1.46 К истории возникновения русских поселений в Дагестане. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53.

1.47 Копии документов из ГАФКЭ. Ф. Коллегии иностранных дел; Ф. Сношения России с Персией 1716–1724; Ф. Дела Андреевской деревни. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.

1.48 Копии документов из ГАФКЭ, относящиеся к истории России, Персии, Кавказа и в особенности Дагестана первой половины XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59.

1.49 Копии документов из РГАДА. Ф. Коллегии иностранных дел; Ф. Сношения России с Персией; Ф. Кумыкские дела. Ф. 1. Оп. Д. 378.

1.50 Копии документов из РГВИА по истории Дагестана XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61.

1.51 Копии с материалов РГАДА. Ф. Коллегии иностранных дел, дела «Сношения России с Персией» и «Кумыкские дела», собранные М.В. Саидовой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.

1.52 Котович В.Г. Научный отчет о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1955 г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17.

1.53 Котович В.Г. Научный отчет о работе первого горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80.

1.54 Котович В.Г. Научный отчет о работе приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1960 г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104.

1.55 Котович В.Г. Палеолитические и неолитические местонахождения бассейна реки Акушинки. 1959 г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85.

1.56 Магомедов Н.А. Освободительная борьба народов Южного Дагестана в первой трети XVIII в. Махачкала, 1988. Ф. 3. Оп. 1. Д. 505.

1.57 Магомедов Н.А. Политические взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2001. Ф. 3. Оп. 1. Д. 721.

1.58 Маршаев Р.Г. Очерки истории лаков. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73.

1.59 Материалы из: Ф. 1. Оп. 1. Д. 56, Д. 178, 462, 551.

1.60 Материалы из ЦГИА Республики Грузии по истории Дагестана XIX в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 383.

1.61 Материалы по истории Дагестана XVII, XVIII, XIX вв. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44.

1.62 Микрофильмы архивных документов, извлеченных из АВПР МИД В.Г. Гаджиевым.

1.63 Омаров А.С. Общественный быт Нагорного Дагестана по материалам обычного права (до присоединения Дагестана к России). Ф. 3. Оп. 3. Д. 84.

1.64 Омаров А.С. Правовые памятники Дагестана (XVI-XVIII вв.). Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.

1.65 Османов М.О. Хозяйство даргинцев в XIX-XX вв. Ф. 3. Оп. 3. Д. 115.

1.66 Османов М.О. Поселения даргинцев в XIX-XX вв. Ф. 3. Оп. 3. Д. 108.

1.67 Отрывки из путешествия Эвлии Челеби. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.

1.68 Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1962 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

1.69 Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1963 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375 (1-2).

1.70 Путинцева Н.Д. Гапшминский могильник памятник раннего средневековья нагорного Дагестана. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34.

1.71 Рукопись с перевода рассказа Кади-Магомед-Оглы, жителя селения Усиша, Даргинского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397.

1.72 Рукопись русского перевода с немецкого книги Брюса из воспоминаний участника похода Петра I. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58.

1.73 Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: Сб. документов / Под ред. проф. В.Г.Гаджиева. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.

1.74 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.

1.75 Сборник адатов Даргинского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 188.

1.76 Стенограмма научной сессии, посвященной вопросам истории народов Дагестана. Ф. 4. Оп. 1. Д. 62.

1.77 Тамай А.И. К истории борьбы народов Дагестана и Ширвана за независимость против Ирана в первой половине XVIII в. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.

1.78 Умаханов М.-С.К. Политические связи народов Дагестана в XVII–XVIII вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 314.

1.79 Умаханов М.-С.К. Феодалные владения Дагестана в XVIII – XIX в. Ф. 3. Оп. 1. Д. 731.

1.80 Шихсаидов А.Р. Отчет о командировке в даргинские районы в 1961, 1962 гг. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500.

1.81 Юшков С.В. Рукопись по истории Дагестана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.

В) Опубликованные документы и материалы

1.82 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

1.83 Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис: Изд. Кавк. Упр., 1873. Вып. VII. С. 1–128.

1.84 Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р. Четыре памятные записи о борьбе против Надира Афшара // Восточные источники по истории Дагестана. ДФ АН СССР. Махачкала, 1980. – 130 с.

1.85 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. главн. упр. наместн. Кавказа, 1866–1904. Т. I–XII.

1.86 Ал-Истахрий. Из «Книги путей царств» / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. 29.

1.87 Ал-Мукаддасий. Из книги «Лучшее из делений для познания климатов» // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38.

1.88 Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана. (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

1.89 Армянская география VII в. по р. X. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877.

1.90 Барбаро. Путешествие в Тану. БИПР. СПб., 1836. Т. I.

1.91 Белазури. Книга завоеваний стран / Перевод с арабского проф. П.К. Жузе. Баку, 1927.

1.92 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. БИПР. (1578-1613). М., 1889. Т. I.

1.93 Бель Дж. Путешествие через Россию в разные азиатские земли. Перевод с французского. СПб., 1776. Ч. 3.

1.94 Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890, 1893, 1898. Т. I-III.

1.95 Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 14 декабря 1818 г. // АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 1.

1.96 Ган К.Ф. Краткие известия древних писателей о Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1882. Вып. II.

1.97 Гевонд Вардапет. История халифов. СПб., 1862.

1.98 Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб. Июль-октябрь 1760.

1.99 Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. – 301 с.

1.100 Даргинский округ Дагестанской области: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа / Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис: Тип. И. Мартиросианца, 1887. – 81 с.

1.101 Даргинские народные песни (дарг. яз.) / Под редакцией Р. Нурова.

1.102 Даргинские пословицы, поговорки и загадки. (На даргинском языке) / Составитель М.Х. Гамидов. Махачкала, 1965.

1.103 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959.

1.104 Донесение ген. Ртищева кн. Горчакову от 22 ноября 1812 года // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.

1.105 Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т.Д. Юзefович. СПб.: Тип. Бакста, 1869. – 234 с.

1.106 Древнейший письменный памятник на даргинском языке // Дагестанская правда. 8 июля 1959.

1.107 Егише Вардапет. История. Тифлис, 1853.

1.108 Ибн-Аль-Асир. О первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны // Уч. зап. Императорской Академии наук по I и III отд. СПб., 1854. Т. II.

1.109 Ибн-Хаукаль. Из «Книги путей и царств» // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38.

1.110 Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22.

1.111 История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архив. материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – 371 с.

1.112 Кавказский календарь на 1858. Тифлис, 1857– 534 с.; на 1859. Тифлис, 1858. – 552 с.

1.113 Каганкатваци Моисей. История Агван / Пер. с арм. яз. К. Патканова. СПб., 1861.

1.114 Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

1.115 Карпини Джиовани дель Плано. История монголов, «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957.

1.116 Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. М., 1947. № 1, 2, 3, 4; 1948. № 1, 2, 3, 4; 1949. № 1, 2, 3, 4.

1.117 Леонтович Ф.И. Адааты кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1882-1883. Вып. I-II.

1.118 Лерх И. Выписки из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 года по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. XLIII-XLV. СПб., 1790.

1.119 Лерх И. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. LXII.

1.120 Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

1.121 Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38.

1.122 Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1940. Ч. 3. – 472 с.

1.123 Материалы по обозрению Горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1911. – 287 с.

1.124 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963.

1.125 Моисей Хоренский. Армянская история с кратким географическим описанием древней Армении. СПб., 1809.

1.126 Мухаммед-Рафи. Дагестанские летописи. Извлечение из истории Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V.

1.127 Низам-ад-дин Шами. Из «Книги побед» // В.Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Ч. 2.

1.128 Олеорий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

1.129 Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архив. материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1965. – 268 с.

1.130 Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1977. Кн. 4. Вып. IV. 1977. – 127 с.

1.131 Пигулевская П.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.

1.132 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ): Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1815. СПб., 1830. Т. V. – 780 с.

1.133 Письмо генерала Ермолова к Зухум кадию, от 23 декабря 1819 г. // АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2.

1.134 Постановления Кайтахского Уцмийа Рустем-хана // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I.

1.135 Рубрук Гильом. Путешествия в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

1.136 Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док./ Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н.А.Магомедов и др. М.: Наука, 1988. – 357 с.

1.137 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Док. и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 336 с.

1.138 Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. I.

1.139 Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I.

1.140 Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935.

1.141 Тарихи Дербент-наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

1.142 Тбилисская коллекция персидских фирманов: Грузинское государственное научно-производственное объединение «Мематиане». Центральный государственный исторический архив Грузии. Кутаиси, 1995. Т. I. – 1127 с.

1.143 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II.

1.144 Шереф-ад-дин Йезди. Из «Книги побед» // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II.

1.145 Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. – 298 с.

1.146 Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.: Архив. материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1969. – 369 с.

1.147 Фирман турецкого султана Махмуд-хана II дагестанским ханам от 1-го раби-уль-ахира 1225 (1810) года // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV.

1.148 Якуби. История / Пер. с арабского проф. П.К. Жузе. Баку, 1927.

1.149 Якут. Алфавитный реестр стран / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. 29.

II. Книги

2.1 Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку: Изд-во АН АзССР, 1965. – 611 с.

2.2 Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60–80 гг. XVIII в. Баку: Изд-во АН АзССР, 1958. – 211 с.

2.3 Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку: Изд-во Акад. Наук АзССР, 1964. – 99 с.

2.4 Алаев Л.Б. Формы общинного землевладения в Южной Индии в XIV-XVIII вв. Индия и Афганистан. Очерки истории и экономики. М., 1958.

2.5 Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала, 2002.

2.6 Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв.: Очерк социально-политической истории. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1972. – 221 с.

2.7 Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. – 128с.

2.8 Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII-первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1999. – 339 с.

2.9 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1970. – 235 с.

2.10 Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1999. Кн. 1. – 366 с.

2.11 Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку: Элм, 1979. – 121 с.

2.12 Алкадари Г.-Э. Асари – Дагестан. Махачкала: Культурно-исторический фонд «Тарих», 1994. – 222 с.

2.13 Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус, 2007. – 52 с.

2.14 Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // «Изв. русского географического общества». 1884. Т. XX. Вып. 4.

2.15 Артомонов М.И. История хазар. Л., 1962.

2.16 Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку: Изд-во общ-ва обслед. и изуч. Азербайджана. Баку, 1926. – 196 с.

2.17 Бакиханов А.-К. Гюлистан-и-Ирам. Баку: Элм, 1991. – 305 с.

2.18 Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924.

2.19 Бартольд В.В. Мусульманский мир. Петербург, 1922.

2.20 Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. СПб., 1903.

2.21 Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с франц. М. Потова. СПб.: Тип. при Имп. АН, 1776.

2.22 Березин И.Н. Кавказ (природа и люди). Петроград, 1919.

- 2.23 Березин И.Н. Путешествия по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань: Университетская тип., 1850. Ч. 1. – 120 с.; Ч. 2. – 134 с.; Ч. 3. – 128 с.
- 2.24 Березин И.Н. Путешествие по Северной Персии. Казань: Университетская тип., 1852. – 410 с.
- 2.25 Берже А.П. Посольство А.П. Ермолова в Персию. Исторический очерк. – Оттиск «Русская старина». 1877 г. №6. – С. 256–417.
- 2.26 Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Изд-во ун-та, 1990. – 167 с., ил.
- 2.27 Богуславский Л. История Апшеронского полка, 1700–1892. СПб., 1892. Т. I. – 518 с.; Т. II. – 552 с.
- 2.28 Бокарев Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949.
- 2.29 Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882. Т. I. – 364 с.; Т. II. – 689 с.
- 2.30 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 1.–362 с.; Ч. 2. – 471 с.
- 2.31 Бурнашев С.Д. Описание горских народов. Курск, 1794.
- 2.32 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Тип. имп. АН, 1869. Ч. 1. – 548 с.; Ч. 2. – 602 с.; Ч. 3. – 602 с.
- 2.33 Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1717 гг. М.: Наука, 1978. – 289 с.
- 2.34 Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. – 434 с.
- 2.35 Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы.
- 2.36 Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.
- 2.37 Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала: Мининформпечать, 1996. – 260 с.
- 2.38 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. – 391 с.
- 2.39 Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. – 272 с.
- 2.40 Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.
- 2.41 Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1967. – 301 с.
- 2.42 Ганджинский И. Жизнь Фет-Али-хана Кубинского. – Оттиск из сб. газеты «Кавказа». 1848 г. – С. 213–235.
- 2.43 Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – начало XIX вв. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1978. – 99 с.

2.44 Гасанов М.Р. История Дагестана с древности до конца XVIII в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. – 216 с.

2.45 Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. – 254 с.

2.46 Герман К. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

2.47 Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе естества. СПб., 1785. Ч. 3. – 336 с.

2.48 Гнучаева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.-Л., 1940.

2.49 Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1839. Т. VI. – 268 с.

2.50 Голубцова Е.С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I-III вв. (независимая сельская община). М., 1962.

2.51 Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1946.

2.52 Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб.: Тип. Импер. Ан, 1809. – 385 с.

2.53 Далгат Б. Цудахарские песни.

2.54 Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX-XX вв. (Проблемы социально-экономического развития). Махачкала: Юпитер, 2000.

2.55 Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.: Университетская тип. 1846. – 193 с., ил.

2.56 Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Т. I. Кн. 1. – 640 с.

2.57 Евецкий О.С. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.

2.58 Ермолов А.П. Записки с приложением. М.: Университетская тип. (Котова К'), 1865. – Ч. 1. – 385 с.; 1868. – Ч. 2. – 442 с.

2.59 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о восточной Европе. Горган и Поволжье в XI-X вв. М., 1962.

2.60 Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. Баку: Изд-во общества обслед. и изуч. Азербайджана, 1929. – 32 с.

2.61 Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880) СПб., 1881. Т. I. – 506 с.; Т. II. – 470 с.; Т. III. – 538 с.

2.62 Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель: в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Тип. К. Винтера, 1834–1835. Ч. 3. – 268 с.

2.63 Зубов П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских. СПб., 1836. Т. II. Ч. 3. – 269 с.

2.64 Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Политиздат, 1952. – 467 с.

2.65 Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVII – первой половине XIX в.: Проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 224 с.

2.66 История Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1958. Т. I. – 423 с.

2.67 История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. – 431 с., ил. и карт; 1968. Т. II. – 368 с.

2.68 История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. М.Ш. Шигабудинов. Махачкала: Юпитер, 1997. – 399 с.

2.69 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. – 544 с.

2.70 История о персидском шахе Тахмас Кули-хане / Пер. с франц. Новое издание. СПб., 1790. – 260 с.

2.71 История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. VI. – 523 с. – 140 с. прилож. с картами.

2.72 Ихиллов М.М. Значение Персидского похода Петра I (1722–1723 гг.) для Дагестана. Махачкала, 1954. – 19 с.

2.73 Кавказский сборник. Тифлис, 1888. Т. XII.

2.74 Кавказский сборник. Тифлис, 1890. Т. XIV.

2.75 Каспари А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904.

2.76 Кипиани М.З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1889.

2.77 Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

2.78 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова и К°, 1890. Т. I. – 290 с.; Т. II. – 304 с.

2.79 Ковалевский П.И. Кавказ. СПб., 1914. Т. I.

2.80 Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1902. Вып. 1. – 443 с.

2.81 Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1904. Вып. 2. – 160–257–80–20 с.

2.82 Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: «Русская тим.» В.М. Сорокина, 1906. – 468 с.

- 2.83 Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1985. – 413 с.
- 2.84 Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
- 2.85 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 205 с.
- 2.86 Кушнер П. (Кнышев). Очерки развития общественных форм. М., 1927. Изд. 7-е.
- 2.87 Кушнер П. (Кнышев). Первобытное и родовое общество. М., 1925.
- 2.88 Лавров Л.И. Материалы по арабской эпиграфике Северного Кавказа // СМАЭ. М.-Л., 1961. Т. XX.
- 2.89 Левитов И.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку: Изд-во АН АзССР, 1948. – 227 с.
- 2.90 Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. XVIII. – С. 57-137.
- 2.91 Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критика Маркса» // Полн. собр. соч. Т. V. – С. 95-268.
- 2.92 Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. XXXIII. – С. 1-120.
- 2.93 Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. XXVII. – С. 299-426.
- 2.94 Ленин В.И. О государстве: Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. XXXIX. – С. 64-84.
- 2.95 Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. III.
- 2.96 Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. – 247 с.
- 2.97 Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 1997. – 296 с.
- 2.98 Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в.: Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1998. – 247 с.
- 2.99 Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960.
- 2.100 Магомедов Р.М. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. М.-Л., 1940.

- 2.101 Магомедов Р.М. Далекое прошлое Дагестана. Махачкала, 1961.
- 2.102 Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Юпитер, 2000. Ч. 2. – 504 с.
- 2.103 Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. Вып. I. – 292 с.
- 2.104 Магомедов Р.М. Легенды и факты: Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. – 144 с.
- 2.105 Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 240 с.
- 2.106 Магомедов Р.М. Общественно-экономически и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 408 с.
- 2.107 Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. Вып. II. – 153 с.
- 2.108 Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994. – 271с.
- 2.109 Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995. – 191 с.
- 2.110 Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.
- 2.111 Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.: Наука, 1966. – 323 с.
- 2.112 Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XXIII.
- 2.113 Маркс К. Капитал. Т. III. Ч. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XXV. Ч. 1.
- 2.114 Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XII. – С. 1-163.
- 2.115 Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XIX. – С. 250-251.
- 2.116 Маркс К. Письмо к Энгельсу от 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. – С. 212-216.
- 2.117 Маркс К. Письмо к Энгельсу от 14 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XXVIII. – С. 225-230.
- 2.118 Маркс К. Формы предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. – С. 461-487.

2.119 Маркс К. Экономические рукописи 1857-1879 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. – С. 1-508.

2.120 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.VII. – С. 7-544.

2.121 Маршаев Р.Г. Сношения Кайтага и Казикумуха с русским государством в первой половине XVII в. **(На правах рукописи)**. Махачкала, 1954.

2.122 Миклашевская Н.Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. М., 1953. Вып. 19.

2.123 Морган Г.А. Древнее общество. Л., 1935.

2.124 Мунчаев Р.М. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КС ИИМК. М., 1958. Вып. 71.

2.125 Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 2007. – 176 с.

2.126 Мухаммед Тахир. Три имама. Махачкала, 1990.

2.127 Михнеева Р.А. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. **(1739–1756)**. М.: Наука, 1985. – 183 с.

2.128 Надеждин П.П. Кавказский край, природа и люди. Тула, 1895.

2.129 Назаревич А.Ф. Отобранные по крупницам. Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала, 1958.

2.130 Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб.: Тип. воен. учеб. завед., 1847. – 64 с.

2.131 Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен. учеб. завед., 1848. – 42 с.

2.132 Неверовский А. Истребление аварских ханов в 1834 году. СПб., 1848.

2.133 Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.С. Легнобытова. СПб.: Тип. внеш. торг., 1836. Ч. 1. – 409 с.

2.134 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворова, 1906. – 578 с., ил.

2.135 Онуллахи С.М. Город Тебриз XIII–XVIII вв. **Баку. 1982.**

2.136 Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1990. – 225 с.

2.137 Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Да-

гестана (с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1996. – 316 с.

2.138 Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии / Пер. с франц. яз. Я. Лангена. СПб., 1805.

2.139 Очерки истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. Т. I. – 392 с.

2.140 Очерки истории СССР (III-IX вв.). М., 1958.

2.141 Очерки истории СССР (XIV-XV вв.). М., 1953.

2.142 Очерки истории СССР конец XV – начало XVII вв. М., 1955.

2.143 Очерки истории СССР XVII в. М., 1955.

2.144 Патканов К.П. История монголов по армянским источникам. СПб., 1874.

2.145 Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения Ирана XIII-XIV вв. Изд-во АН СССР. М.-Л., 1960.

2.146 Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.

2.147 Погодин М. Алексей Петрович Ермолов (материалы для его биографии). М.: Университетская тип., 1864. – 452 с.

2.148 Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: Изд-во АН Груз. ССР, 1935. – 223 с.

2.149 Полиевктов М.А. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1938. Вып. IV. – 123 с.

2.150 Полное собрание законов Российской империи.

2.151 Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

2.152 Потто В. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии: К столетию занятия Тифлиса русскими войсками 20-го ноября 1799. Тифлис, 1899. – 323 с. + 14 с.

2.153 Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб. 1888. Т. II. – 174 с.

2.154 Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954.

2.155 Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1964. – 279 с.

2.156 Рейснер И.М. Разложение феодализма и образование государства у афганцев. Изд-во АН СССР. М., 1954.

2.157 Рейснер М.А. Идеология Востока. Очерки восточной теократии. М.-Л., 1927.

2.158 Ровинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического общества. СПб., 1809.

2.159 Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. – 244 с.

2.160 Смирнов Н.А. Россия и Турция в XIV–XVII вв. М., 1946. Т. I–2.

2.161 Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого. СПб.: Тип. импер. АН, 1763. – 380 с.

2.162 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. Т. XVIII. – 700 с.

2.163 Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2000. – 224 с.

2.164 Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века. От Константинопольского договора, до Кючук – Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. М.: Наука, 1991. – 224 с.

2.165 Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. Махачкала, 1989.

2.166 Стрейс Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ, 1935. – 415 с.

2.167 Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку: Элм, 1990. – 304 с.

2.168 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1973. – 251 с.

2.169 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.

2.170 Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. В. Потто. Тифлис, 1904. Т. III.

2.171 Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 398 с.

2.172 Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1959. – 116 с.

2.173 Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 262 с.

2.174 Хашаев Х.-М.О. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1975. – 97 с.

2.175 Хроника войн Джара в XVIII. Баку, 1931.

- 2.176 Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях. СПб., 1891.
- 2.177 Чикобава А.С. Введение в языкознание. М., 1953. Ч. 1.
- 2.178 Шапсович М.С. Весь Кавказ. Баку, 1914.
- 2.179 Шиллинг Е.М. Кубачи. Пятигорск: Орджоникидзеовское краевое изд-во, 1937. – 130 с., ил.
- 2.180 Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1946.
- 2.181 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XX. – С. 1-338.
- 2.182 Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XX. – С. 339-606.
- 2.183 Энгельс Ф. Из подготовительных работ к Анти-Дюрингу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XX. – С. 629-654.
- 2.184 Энгельс Ф. К истории древних германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XIX. – С. 442-494.
- 2.185 Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. – С. 327-345.
- 2.186 Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XXI. – С. 406-416.
- 2.187 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XXI. – С. 23-178.
- 2.188 Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. XIX. – С. 495-546.
- 2.189 Эсадзе С. Исторические записки об управлении Кавказом. Тифлис, 1907.
- 2.190 Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов. Баку: Изд-во АН Аз ССР, 1961. – 208 с.
- 2.191 Юдин П. Россия и Персия в конце 1742 г. Оттиск из журн. «Русский архив». 1899. С. 369–390.
- 2.192 Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбукцы: История и культура. Махачкала: Юпитер, 1997. – 592 с.
- 2.193 Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке. Л., 1932.

III. Статьи

- 3.1 Абельдяев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев // Кавказ. 1857. № 50.

3.2 Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // Журнал Министерства государственного имущества. СПб., 1957. № 8.

3.3 Айтберов Т.М. О кайтагских уделах XVII–XVIII вв. // IV конференция молодых ученых: Тезисы докладов. Махачкала, 1982. – С. 61-62.

3.4 Айтберов Т.М. Эпиграфические памятники из Центрального Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг. Махачкала, 1980.

3.5 Алиев Б.Г. Арабские походы и судьба доисламской столицы Хайдака – Жалаги // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 1999. № 3. – С. 92-95.

3.6 Алиев Б.Г. Вхождение Акуша-Дарго в состав России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990.

3.7 Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе с Надир-шахом // Эхо Кавказа. Махачкала, 1995. №5. – С. 36-37.

3.8 Алиев Б.Г. Историческая география Акуша-Дарго (XVIII – XIX вв.) // Труды Географического общества Дагестана. Махачкала, 1995. Вып. XXIII.

3.9 Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности XVII – XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX.

3.10 Алиев Б.Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начала XIX в. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1981.

3.11 Алиев Б.Г. Поход А.П. Ермолова в Акуша-Дарго в 1819 г.: причины, ход, последствия // Вестник Института ИАЭ. 2005. №2.

3.12 Алиев Б.Г. Сведения И.-Г. Гербера об Акуша-Дарго // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2003. Вып.6,7.

3.13 Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. К вопросу об участии даргинцев в начальный период борьбы народов Дагестана и Чечни // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997 (Материалы международной научной конференции 13-14 октября 1993г.).

3.14 Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. Участие даргинцев в народно-освободительном движении горцев в 20-50-х годах XIX века // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала, 1994.

3.15. Алиев Б.Г., Шихсаидов А.Р. Калакорейш – древняя столица Кайтага // Гялмагъдеш, 1973. №3. – С. 90-100.

3.16 Али Заде А.А. Монгольские завоевания в Азербайджане и сопредельных странах в XIII-XIV вв. // **Вопросы истории.** 1942. № 8.

3.17 Атаев Д.М. Дагестан и Кавказская Албания // Тезисы доклада на научной сессии Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.

3.18 Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 213-229.

3.19 Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // **Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией и с народами Кавказа в XVI – начале XX в.** Грозный, 1981.

3.20 Бакиханов А.-К. Происхождение племен, населяющих нынешние кавказские провинции // Кавказ. 1848. № I.

3.21 Бартольд В.В. Дагестан // Собр. соч. М.: Наука, 1965. Т. III. – С. 408-418.

3.22 Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Собр. соч. М.: Наука, 1963. Т. II. Ч. 1.

3.23 Беляев Е. Ислам и арабский халифат в VII-IX вв. // **Исторический журнал.** 1938. № 7.

3.24 Берг Л.С. Первые русские карты Каспийского моря в связи с вопросом о колебаниях уровня моря // Очерки по истории русских географических открытий. Изд-во АН СССР. М.-Л., 1946. Изд. 2.

3.25 Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. – С. 249-312.

3.26 Берже А. Краткий очерк путешествия по Дагестану // Кавказ. 1862. № 1-3.

3.27 Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. – С. 249-288.

3.28 Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. – С. 275-339.

3.29 Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С.200-209.

3.30 Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 209-212.

3.31 Брюханов П.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // **Сборник трудов Пятигорского Госпединститута.** Ставрополь, 1947. Вып. I.

3.32 Вавилов Н.В. Мировой опыт землевладельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2.

3.33 Венедиктов М. Взгляд на кавказских горцев // Сын Отечества. 1837.

3.34 Владимир Вилльер де-Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII.

3.35 Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе, с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский календарь. Тифлис, 1887. Т. XI.

3.36 Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. VI.

3.37 Вопросы истории доклассового общества // Сборник статей к 50-летию выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.-Л., 1936.

3.38 Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

3.39 Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1963. Т. XI. – С. 66-95.

3.40 Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1988. – С. 66-83.

3.41 Гаджиева С.Ш. Некоторые виды домашних промыслов у даргинцев XIX–XX в. (ткани, кожа, войлок) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1966. Т. XXVI.

3.42 Гаджиева С.Ш., Трофимова А.Г., Шихсаидов А.Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

3.43 Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.

3.44 Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских взаимоотношений // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1995. № 2. – С. 68-72.

3.45 Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов 19-23 октября 1937 г. М.-Л., 1941.

3.46 Генко А.И. О названиях плуга в северо-кавказских языках. Доклад АН СССР в 1930 г.

3.47 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 60-120.

3.48 Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 1-3.

3.49 Даниялов Г.Д. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1956. Т. I.

3.50 Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.

3.51 Дирр А.М. Экскурсия по Дагестану. В Табасаранский округ и Леваши. 1903.

3.52 Дорн Б.А. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // Труды Восточного отдела (Имп.) Русского археологического общества. СПб., 1864. Т. VIII. – С. 247-317.

3.53 Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 157-172.

3.54 Дубровин Н.Ф. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г. // Военный сборник. СПб., 1874. № 2-6.

3.55 Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 121-125.

3.56 Журнал посланника А.П.Волынского 1715–1718 гг. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. № 8. Вып. VI.

3.57 Зевакин Е.С. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII-XVIII вв. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1946. Вып. I.

3.58 З.Л. Административные отделы Кавказского края // Заспики КО-ИРГО. Тифлис, 1877 – 1878. Т. V.

3.59 Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. 1940. № 2.

3.60 Исаев А.А. Из истории освободительной борьбы в средневековом Кайтаге // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. – С. 41-49.

3.61 Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте) // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. I.

3.62 История Каракайтага /Введ., перевод, коммент. Т.М. Айтберова и А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. – С. 150-161.

- 3.63 Канивец В.И. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1956. Т. I.
- 3.64 Канивец В.И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III.
- 3.65 Каюев А. Разгром Надир-шаха в Дагестане // Наш Дагестан. Махачкала, 1992. № 2.
- 3.66 Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 306-312
- 3.67 Ковалевский М.М. Дагестанская «Народная правда» // Этнографическое обозрение. М., 1890. №1. – С. 1-24.
- 3.68 Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. 1888. Т. XXIX. Кн. 3.
- 3.69 Козлова А.Н. «Наме-йи аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. – С. 71-82.
- 3.70 Козлова А.Н. Страницы освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. XVIII.
- 3.71 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. (Материалы для статистики Дагестанской области) // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I.
- 3.72 Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе // Известия Кавказского отделения русского географического общества. Тифлис, 1869.
- 3.73 Комаров А.В. Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I.
- 3.74 Комаров А.В. Народонаселение дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8.
- 3.75 Комаров В.В. Персидская война 1722–1725 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. М.: Тип. Катков и К°, 1867. – С. 553-616.
- 3.76 Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. Ч. 1.
- 3.77 Косвен М.О. Очерки по этнографии Кавказа // Советская этнография. 1946. № 2.
- 3.78 Косвен М.О. Патронимия и проблема структуры рода // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.
- 3.79 Косвен М.О. Проблема общественного строя горских народов в ранней русской этнографии // Труды Института этнографии АН СССР. М.-Л., 1951. Т. XIV.

- 3.80 Косвен М.О. Родовой строй // Советская этнография. 1946. № 2.
- 3.81 Косвен М.О. Семейная община // Известия АН СССР. М., 1946. Т. III. № 4.
- 3.82 Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе, 1837 года // Современник СПб., 1850. № 10.
- 3.83 Котов Ф. Хождение на восток Ф.А. Котова в первой четверти XVII в. // Известия отделения русского языка и словесности АН. 1907. Т. II. Кн. 1.
- 3.84 Котович В.Г. Археологические работы в горном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II.
- 3.85 Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX.
- 3.86 Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II.
- 3.87 Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т. VIII.
- 3.88 Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 234-236.
- 3.89 Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. М., 1951. Вып. XXIII.
- 3.90 Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения в XVI-XVII вв. (Сборник материалов русских архивов) // Исторический журнал. 1943. № I.
- 3.91 Лавров Л.И. Материалы по арабской эпиграфике Северного Кавказа // СМАЭ. М.-Л., 1961. Т. XX.
- 3.92 Лавров Л.И. Развитие земледелия на Северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб.
- 3.93 Лавров Л.И. Тарки до XVIII в. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. IV.
- 3.94 Ландшафты Дагестана. Географический очерк с картой // Земледелие. М., 1924. Т. XXVI. Вып. I-II.
- 3.95 Лерх И. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, с 1725 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. LXII.

3.96 Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. – С. 10-56.

3.97 Магомедов Р.М. К вопросу о семейной общине в Дагестане // Труды 2-й научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1949.

3.98 Магомедов Р.М. Проблема происхождения Дагестанских народов в дореволюционной историографии // Уч. зап. Даггосуниверситета им. В.И. Ленина. Махачкала, 1960. Т. VI.

3.99 Мансурова А.Г. Позиция верхнедаргинцев в ходе народно-освободительного движения горцев в 20-50 гг. XIX в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005.

3.100 Марковин В.И., Твердохлебов А.М. Акушинский могильник // КС ИИМК. М., 1955. Вып. 60.

3.101 Маршаев Р.Г. Казикумухское шамхальство в русско-турецких отношениях во второй половине XVI – начале XVII в. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР (серия историческая). Махачкала, 1963. Т. XI.

3.102 Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – начале XIX вв. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III.

3.103 Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели // Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615-1640). Тбилиси, 1937.

3.104 Мирзамагомедов Г.М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. – С. 83-94.

3.105 Мунчаев Р.М. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КС ИИМК. М., 1958. Вып. 71.

3.106 Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Три имама // СМОМПК. Тифлис, 1926. Вып. 45.

3.107 Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. М., 1982. № 5.

3.108 Н.В. Научное известие. (Грамматические и филологические исследования Хюркилинского языка П.К. Услара) // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

3.109 Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Горное пахотное орудие террасированных полей Дагестана // Советская этнография. М., 1952. № 4.

3.110 О борьбе дагестанских горцев против иранских завоевателей. Анонимная хроника / Пер. с арабского и коммент. А.Р. Шихсаидова // 392

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993 – С. 190-202.

3.111 Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 5. № 1. – С. 107-172.

3.112 О персидском походе при государе Петре Великом бывшем // Русский архив. М., 1899. № 12. – С. 481-191.

3.113 Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. История. Махачкала, 1959. Т. VII. – С.133-181.

3.114 Османов М.-З.О. Расселение и численность даргинцев в XVIII–XIX вв. // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. I. – С.144-193.

3.115 Патканов К.П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства Народного просвещения, март, 1883.

3.116 Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана // Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. Вып. III.

3.117 Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (В Южном Дагестане) // Кавказ, 1867. №7, 8, 12, 13, 15, 17.

3.118 Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Изд-во АН СССР. Л., 1934. Кн. 1.

3.119 Пигулевская Н.В. К вопросу об азиатском способе производства // ВДИ. 1965. № 3.

3.120 Пигулевская Н.В. Сирийские источники VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. № I.

3.121 Письмо от Хаджи Айиуба кадия Акуша-Дарго к кадиям, старшинам и всем жителям Аварии 1735-36 г. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

3.122 Полиевктов М.А. Архивные данные о смерти на Кавказе Самуила Готлиба – Георга Гмелина. (По документам Центрархива ССР Грузии) // Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис. 1925. Т. IV.

3.123 Полиевктов М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тифлис, 1937. Вып. IV.

3.124 Саидов М.-С.Д. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. II.

3.125 Сатыбалов А.А. Социально-политические термины тюркоязычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. V.

3.126 Свицерский В. К антропологии даргинцев // Весь Кавказ. Тифлис, 1903. Вып. I.

3.127 Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // МИА. М.-Л., 1959.

3.128 Сокольский В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1881. Ч. ССХVIII.

3.129 Солтан В. Очерк военных действий в Дагестане в 1854 году // КС. Т.ХI.

3.130 Стебницкий И. Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения // ЗКОИРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5.

3.131 Рейнегтс Я. Историко-топографическое описание Кавказа 1796 г. // Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII –XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. – С. 249-289.

3.132 Ржевусский А. 1845 год на Кавказе. Тифлис, 1882. Т. VI.

3.133 Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 247-251.

3.134 Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана 1796 г. // ИГЭД. – С. 183-184.

3.135 Сумбатзаде А.С. Истоки истории Азербайджана // Известия АН АзССР. Сер. истории, философии, права Баку, 1978. № 3.

3.136 Тамай А.И. Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III. – С. 78-85.

3.137 Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской компании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. V. – С. 108-132.

3.138 Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. 1935. № 5.

3.139 Талыбеков С.К. О патриархально-феодальных отношениях кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № I.

3.140 «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи. / Введ., перевод, коммент. А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. – С. 85-108.

3.141 Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 125-137.

3.142 Томара М. Ислам и земельная собственность // Атеист. 1930. № 58.

3.143 Удальцова З.В. Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых // Вопросы истории. 1965. № 2.

3.144 Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60–70 гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. М., 1970. Вып. I. – С. 134-147.

3.145 Фадеев А.В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII-XIX вв. в новых работах советских историков // Вопросы истории. 1958. № 5.

3.146 Федоров Я.А. К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана // Советская этнография. 1961. № I.

3.147 Фон-Климов Ф. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // КС. Тифлис, 1895. Т. XVI.

3.148 Хашаев Х.-М.О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1956. Т. I.

3.149 Читая Г.Ф. Земледельческая система и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.

3.150 Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1927. Т. V.

3.151 Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239-1240 гг.) // Уч. зап. Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. IV.

3.152 Шихсаидова Р.С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-кавказских взаимоотношений в XVIII – начале XIX вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. – С. 100-101.

3.153 Шмелев А.С. О борьбе уцмийства с экспансией сефевидского Ирана в середине 40-х гг. XVII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. – С. 51-54.

3.154 Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886.

3.155 Юров А. 44 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1883. Т. VIII.

3.156 Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского Госпединститута. (исторический). Свердловск, 1938. Вып. I.

3.157 Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. М., 1937. Т. I.

3.158 Юшков С.В. К вопросу о феодальном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7.

3.159 Яновский А.Д. О древней Кавказской Албании. Журнал Министерства Народного просвещения. 1846. Т. II.

3.160 Ямпольский. Древняя Албания III-I вв. до н.э. Баку, 1962.

IV. Литература на иностранных языках

4.1 Ellis G. Menoir of a map of the countries comprehended between the Black sea and the Caspian; with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London, 1788.

4.2 Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1888.

4.3 Klaproth J. Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Caspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814.

4.4 Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung des ostreichen Kaukasus Zwischen dem Flussen Terek, Aragwi, Kurund dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814.

4.5 Klaproth J. Tableau historigue, geographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris, 1827.

4.6 Neue Allgemeine Geographische und Statistische Ephemeriden, Bol. 15. Weimar, 1825.

4.7 Wahl G. Altes und neues Vorderund Mittel-Asien, oder pragratisch-geographische, fusische und statistische schilderung und Geschichte der Persischen Reichs. Leipzig, 1795.

V. Диссертации и авторефераты

5.1 Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII–XVIII в. Опыт монографического исследования социально-политической истории: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. – 304 с.

5.2 Бутаев А.А. Освободительное движение народов Восточного Кавказа под руководством Хаджи-Дауда Мюшкюрского в первой трети XVIII в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. – 278 с.

5.3 Брюханов П.А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период завоевания Россией и походы А.П. Ермолова в горы: Дисс... канд. ист. наук. М., 1947.

5.4 Касумов Р.М. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. – 27 с.

5.5 Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв.: Проблемы политического положения и экономического развития: Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1999. – 397 с.

5.6 Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX вв.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2005. – 222 с.

5.7 Темирханова А.Г. Политические и духовные руководители дагестанцев в борьбе с нашествием Надир-шаха: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. – 186 с.

5.8 Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947.

5.9 Умаханов М.-С. К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – начале XIX вв. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994. – 441 с.

5.10 Фаталиева Х.Р. Аварское нукальство в XVIII веке (Социально-экономическое, политическое и культурное развитие): Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. – 183 с.

5.11 Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане (VII-XV вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1959.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР** – Архив внешней политики России.
Министерство иностранных дел.
- АДОЗО** – Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис.
- АКАК** – Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис.
- АН** – Академия наук.
- ВДИ** – Вестник древней истории. М.
- ВУА** – Военно-ученый архив.
- Вып.** – Выпуск.
- ГУ** – Государственное учреждение.
- Д.** – Дело.
- ДНЦ** – Дагестанский научный центр.
- ДФ** – Дагестанский филиал АН СССР.
- ИВЛ** – Издательство восточной литературы.
- ИИЯЛ** – Институт истории, языка и литературы.
- ИИАЭ** – Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.
- КК** – Кавказский календарь. Тифлис.
- КОРГО** – Кавказское отделение русского географического общества. Тифлис.
- КС** – Кавказский сборник. Тифлис.
- КС ИИМК** – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- КСИЭ** – Краткие сообщения Института этнографии. М.
- Л.** – Ленинград.
- л.** – Лист.
- М.** – Москва.
- МАД** – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
- МИА** – Материалы Института археологии. М.
- М.-Л.** – Москва-Ленинград.
- Оп.** – Опись.
- РАН** – Российская академия наук.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГО** – Русское географическое общество.
- РДО, 1958** – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. Махачкала.

РДО, 1988 – Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. М.

РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб.

СМАЭ – Сборник музея антропологии и этнографии. М.

СПб. – Санкт-Петербург.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

СЭ – Советская этнография. М.

Уч. зап. – Ученые записки.

Ф. – Фонд.

ЦГИА РГ – Центральный государственный исторический архив Республики Грузии.

Б.Г.Алиев, А.О. Муртазаев

**ФЕДЕРАЦИЯ ДАРГИНСКИХ СОЮЗОВ
СЕЛЬСКИХ ОБЩИН АКУША-ДАРГО
В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.:
Вопросы социально-экономической
и политической истории**

**ООО «Издательский дом “Эпоха”»
367003 Республика Дагестан
г. Махачкала, ул. Ушакова, 3”в”
Тел./факс +7(8722) 67-55-56
www.epokha.ru
E-mail: idepoha@mail.ru**

**Оптовая торговля книгами Издательского дома «Эпоха»:
со склада в Махачкале: тел: (8722) 93-24-12,
E-mail: idepoha@mail.ru**

**Полный ассортимент продукции Издательского дома «Эпоха»
оптом и в розницу:
книги, журналы: «Бизнес-Успех»,
«Детский годекан–Малыш», «Научный мир»,
по адресу: г. Махачкала, ул. Ушакова, 3 «в».**

**Вся продукция доступна в Интернет-магазине
Издательского дома «Эпоха» на сайте www.epokha.ru
По вопросам размещения рекламы в книгах и журналах
Издательского дома «Эпоха» обращаться в отдел продаж
по тел: (8722) 93-24-12.**

Подписано в печать 28.12.2008.
Гарнитура “Times New Roman”.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$, Усл.п.л.25,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 144.